

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

**XXVI съезд КПСС и борьба СССР за мир и
безопасность в Азии**

**Международное значение опыта развития МНР
по пути к социализму, минуя капитализм**

**Об эволюции идеологической доктрины
Пекина в 1980 г.**

**Значение пролетарского интернационализма
в образовании и деятельности КПК**

Достижения науки Народной Монголии

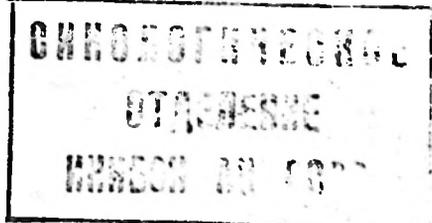
2

1981

Институт Дальнего Востока АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 XXVI съезд КПСС и борьба СССР за мир и безопасность в Азии
- «КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА**
- 17 Международное значение опыта развития МНР по пути к социализму, минуя капитализм
- 15-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
АКАДЕМИИ НАУК СССР**
- 29 Исследование проблем социально-экономического развития КНР в ИДВ
- 40 Изучение внутривосточных проблем современного Китая в ИДВ
- ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**
- Трудности и проблемы «урегулирования» народного хозяйства КНР
*В. И. Акимов,
В. И. Поганов*
- 56
- 67 Валютные амбиции Японии
Ю. С. Столяров
- 78 Политика «единого фронта» в Тибете
В. А. Богословский
- 90 Австралия в гегемонистских планах Пекина
А. Г. Ларин
- ИДЕОЛОГИЯ**
- Об эволюции идеологической доктрины Пекина в 1980 г.
*В. Ф. Феоктистов,
Г. Н. Яценко*
- 101
- ИСТОРИЯ**
- Значение пролетарского интернационализма в образовании и деятельности КПК
М. И. Сладковский
- 112
- КОММЕНТАРИИ**
- 124 Исламская карта Пекина
М. Я. Сушанло

НАУКА И КУЛЬТУРА

- 128 Достижения науки Народной Монголии
Б. Ширендыб
- 131 Театр на службе «четырех модернизаций»
Н. Фессен-Хеньес (ГДР)
- 140 Песенно-повествовательная литература в КНР (1949—1979)
Н. А. Спешнев

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 148 Агентство Синьхуа — инструмент подрывной деятельности за рубежом
Г. С. Лонцаков

ПУБЛИКАЦИИ

- 153 Из китайской классической прозы
В. М. Алексеев

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 168 Фундаментальное исследование советско-китайских отношений
В. С. Мясников
- 172 Опыт исследования стратегической дипломатии
М. С. Капица
- 176 Объективное свидетельство японского историка
К. Е. Черевко
- 178 Книга по стилистике китайского языка
М. В. Софронов
- 180 Американско-китайские противоречия на Дальнем Востоке
Е. П. Бажанов
- 182 Ежегодники по КНР — издание интересное и необходимое
В. А. Владимиров
- 185 Шовинизм в национальной политике Пекина
Б. К. Отраднов
- 188 Стратегия победы
Ю. М. Рякин
- 190 Полезный сборник документов
П. И. Ольгин

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 194 На XXVII европейском конгрессе китаеведения
В. Ф. Сорокин

ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО

- 197 К 60-летию В. А. Кривцова
- 199 К 75-летию А. М. Дубинского

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1981

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АС-
ТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВ-
ЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. СА-
ГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИ-
ТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВ-
СКИЙ, И. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

XXVI съезд КПСС и борьба СССР за мир и безопасность в Азии

XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, приковавший к себе всеобщее внимание народов земного шара, явился событием всемирно-исторического значения.

Съезд убедительно подтвердил, что Коммунистическая партия Советского Союза уверенно продолжает дело Великого Октября, последовательно воплощает в жизнь бессмертные идеи Ленина, достойно выполняет роль политического вождя рабочего класса, всего советского народа. В нерушимом единстве с партией, под ее руководством наш народ своим трудом умножает экономическое и оборонное могущество Родины, совершенствует систему общественных отношений, обеспечивает дальнейший рост духовной культуры.

Руководство народным хозяйством является сердцевиной всей деятельности партии и государства. При этом исходным пунктом партийного, политического подхода к экономике служило и служит неизменное программное требование: «Все во имя человека, для блага человека». Дальнейший рост благосостояния советских людей будет обеспечен на основе устойчивого поступательного развития народного хозяйства, ускорения научно-технического прогресса и перевода экономики на интенсивный путь развития, более рационального использования производственного потенциала страны, всемерной экономии всех видов ресурсов и улучшения качества работы. В этом суть экономической стратегии партии на современном этапе, отчетливо выраженная в главной задаче одиннадцатой пятилетки.

В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС рельефно отражены величественные достижения нашей страны во всех областях коммунистического строительства, теоретически обоснованы и практически намечены пути дальнейшего всестороннего прогресса общества развитого социализма. Итоги нашего развития полностью подтверждают правильность избранного нашей страной курса коммунистического созидания и борьбы за обеспечение мира на земле. Уверенная поступь Страны Советов, всего социалистического содружества, рост могущества и международного авторитета мирового социализма — это надежная гарантия упрочения мира и обеспечения безопасности народов, мощный ускоритель их борьбы за лучшее будущее человечества.

Съезд КПСС имеет этапное значение для современной международной жизни. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева дан фундаментальный анализ хода и перспективы мирового развития в наше сложное и бурное время, детально освещены итоги и сформулированы задачи внешнеполитической деятельности партии Ленина. Отчетный период, указывается в докладе, характеризуется прежде всего интенсивной борьбой двух противоположных на-

правлений в мировой политике. С одной стороны, — курс Советского Союза, всех братских стран на обуздание гонки вооружений, укрепление мира и разрядки, на защиту суверенных прав и свободы народов. С другой стороны, — курс империализма и реакции на подрыв разрядки, взвинчивание гонки вооружений, политика угроз и вмешательства в чужие дела, подавления освободительной борьбы.

Важнейшим направлением внешнеполитической деятельности КПСС была и остается постоянная и неослабная забота об углублении дружбы и всемерном расширении всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма. Вместе с ними Страна Советов строит новый социалистический мир, небывалый еще в истории тип отношений между государствами, по-настоящему справедливых, равноправных, братских. Сегодня, говорит товарищ Л. И. Брежнев, совершенно очевидно: наша Родина и ее союзники являются более, чем когда-либо, главной опорой мира на земле.

Социалистические государства добились выдающихся достижений в сфере экономики. Члены Совета Экономической Взаимопомощи остаются наиболее динамично развивающейся группой стран мира. В минувшее десятилетие темпы их экономического развития были вдвое выше, чем у развитых капиталистических стран. Набирает темпы социалистическая экономическая интеграция, успешно воплощающая в жизнь долгосрочные целевые программы сотрудничества. Важнейшую роль в совместной борьбе за мир и безопасность играет растущее взаимодействие братских стран в международных делах. Верно служит делу защиты мира и обеспечению благоприятных внешних условий для строительства социализма и коммунизма военно-политический союз стран социализма — Организация Варшавского Договора.

Объединение усилий и ресурсов, укрепление принципов социалистического интернационализма позволяет народам братских социалистических стран успешно решать стоящие перед ними политические и экономические задачи.

За последние годы в освободительной борьбе народами одержаны новые победы в разных районах нашей планеты. Фактически завершилась ликвидация колониальных империй. Многие из освободившихся стран встали на путь социалистической ориентации, осуществляют глубокие социально-экономические преобразования, проводят независимую антиимпериалистическую политику.

Советский Союз всегда был и остается надежным союзником стран и народов, отстаивающих свою политическую независимость и экономическую самостоятельность, ведущих борьбу против империализма, колониализма и неоколониализма. Многие зарубежные представители на съезде подчеркивали огромное значение этой помощи и поддержки, ее ощутимое влияние на судьбы национально-освободительной борьбы. Так, председатель Национальной народной партии Бангладеш Музаффар Ахмед сказал: «...В том, что за последнее шестидесятилетие почти 100 бывших колоний или полуколоний добились политической независимости, есть несомненно большой вклад Советского Союза». И ныне Советский Союз развивает равноправные отношения в политической, экономической, научно-технической, культурной и других областях со многими освободившимися государствами Азии, Африки и Латинской Америки. В Отчетном докладе ЦК КПСС на XXVI съезде Л. И. Брежнев твердо заявил: «Ни у кого не должно быть сомнений, товарищи: КПСС и впредь будет последовательно проводить курс на развитие сотрудничества СССР с освободившимися странами, на упрочение союза социализма и национально-освободительного движения».

В докладе на съезде товарищ Л. И. Брежнев дал глубоко научный анализ современного капитализма, дальнейшего обострения его общего кризиса. Сужение сферы империалистического господства, обострение межимпериалистических противоречий, серьезные внутренние и внешние трудности ведущих капиталистических держав сказываются на их внешней политике, приводят к резкому возрастанию агрессивности империализма, и прежде всего американского, к авантюристическим попыткам с его стороны переломить ход мирового развития в свою пользу, изменить к своей выгоде сложившуюся в мире расстановку военно-политических сил, остановить неизбежный исторический процесс национального освобождения и социального прогресса народов.

Все более раскручивая маховое колесо гонки вооружений, всячески стремясь нарушить примерное военно-стратегическое равновесие и добиться военного превосходства над другой стороной, Соединенные Штаты довели свой военный бюджет до небывалой цифры — 150 млрд. долл., ускоренно создают новые виды оружия массового уничтожения. Для одурманивания легковверных в США пускают в ход опасные идеи о том, будто бы возможна и «допустима» какая-то «ограниченная» ядерная война. Как подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев, эти разговоры не что иное, как прямой обман народов.

В условиях, когда империалистические и гегемонистские силы пытаются перейти в контрнаступление на мир и разрядку, навязать народам новый опасный виток гонки вооружений, что уже привело к усилению напряженности на международной арене, Советский Союз и братские социалистические страны настойчиво продолжают борьбу за устранение военной угрозы, за сохранение и углубление разрядки, развивая отношения с большинством государств мира.

Генеральный секретарь Компартии США товарищ Гэс Холл, выражая чувства американских коммунистов и широкой прогрессивной общественности, говорил на XXVI съезде КПСС: «Вы приносите человечеству неоценимый дар — избавление от войны и ядерной катастрофы. Без вашей бескомпромиссной, неуклонной и героической преданности делу мира наша планета могла бы превратиться сейчас в безжизненную грудку ядерного пепла».

Осветив современные международные отношения прожектором ленинской революционной теории, верховный форум советских коммунистов дал новый мощный импульс борьбе за мир и безопасность народов во всех частях нашей планеты. Откровенно воинственным призывам и безответственным заявлениям, которые в последнее время особенно участились из-за океана, съезд КПСС противопоставил по-настоящему мудрый и взвешенный подход к нынешней международной ситуации и ее нелегким проблемам.

Курс КПСС в международной области последователен на всех направлениях. Это относится и к капиталистическим странам. В отношениях с ними мы руководствуемся ленинскими принципами мирного сосуществования. Мы готовы поддерживать с ними взаимовыгодные отношения в экономике, науке и культуре. В то же время мы непримиримы к империалистической агрессии и готовы дать отпор любым попыткам помешать утверждению мира на земле. Известен принципиальный и конструктивный подход СССР к отношениям с США. Наша страна и сейчас готова к активному диалогу с США, переговорам по всему комплексу проблем, к встрече на самом высоком уровне.

Хотелось бы надеяться, что в Вашингтоне сумеют в конечном счете взглянуть реально на вещи. Сложившееся военно-стратегическое равновесие между СССР и США, между Варшавским Договором и НАТО объективно служит сохранению мира на нашей планете. «Мы, — сказал товарищ Л. И. Брежнев, — не добивались и не добиваемся военного превосходства над другой стороной. Это не наша политика. Но мы

и не позволим создать такое превосходство над нами. Подобные попытки, а также разговоры с нами с позиции силы абсолютно бесперспективны!» Мечтать о победе в гонке вооружений, рассчитывать на победу в ядерной войне — опасное безумие. Задача состоит в том, чтобы ликвидировать подлинный источник нависшей над всеми странами военной угрозы, а именно — гонку вооружений, сохраняющуюся напряженность. И тут Советский Союз готов действовать рука об руку с Соединенными Штатами, европейскими и всеми другими государствами.

На Европейском континенте вопреки противодействию врагов разрядки в целом неплохо развивается сотрудничество между государствами, принадлежащими к различным общественным системам. Шире и насыщеннее стали политические контакты. Растут экономические, научно-технические, культурные связи.

Расширяются взаимопользные связи СССР с латиноамериканскими и многими африканскими странами, большинством государств Азии.

В развитии провозглашенной XXIV и XXV съездами КПСС советской Программы мира XXVI съезд выдвинул целый комплекс новых конструктивных инициатив и предложений, нацеленных на продолжение разрядки, обуздание гонки вооружений и предотвращение мирового ядерного пожара, грозящего человечеству невосполнимыми потерями.

Среди этих инициатив, включающих в себя меры как политического, так и военного характера и относящихся к разным регионам мира, представлен широкий круг мер, осуществление которых способствовало бы отведению от народов опасности новой мировой войны, упрочению мира и всеобщей безопасности. Это и углубление и расширение зоны применения мер доверия между государствами в военной области, и незамедлительное возобновление и продолжение переговоров с США по вопросам ограничения стратегических ядерных вооружений, и установление моратория на размещение в Европе новых ядерных ракет стран НАТО и СССР, и другие меры по укреплению безопасности в ряде важных регионов мира.

Новые предложения и инициативы, выдвинутые XXVI съездом КПСС по наиболее актуальным внешнеполитическим проблемам наших дней, еще раз показали всему миру, что у Коммунистической партии Советского Союза есть не только политическая воля к борьбе за мир, но и точная, четкая и развернутая программа этой борьбы, полностью отвечающая интересам народов в нынешний весьма ответственный период. Именно поэтому мощный призыв к обеспечению мира, прозвучавший с трибуны XXVI съезда КПСС, не только нашел единодушную поддержку у братских коммунистических партий и мировой прогрессивной общественности, но и дошел до самых широких народных масс в различных странах мира, до миллионов и миллионов простых людей.

Творчески обогатив Программу мира, съезд еще выше поднял авторитет нашей страны как великого поборника мира и сотрудничества между народами, внес крупный вклад в дело сплочения и активизации всех миролюбивых сил планеты. Как заявил на съезде Генеральный секретарь Коммунистической партии Кубы товарищ Фидель Кастро, «в обстановке, когда вновь возникает опасность войны, Советский Союз и его славная Коммунистическая партия снова выступают как надежда мира».

Советские миролюбивые инициативы стали знаменем борьбы за мир и свободу для стран социалистического содружества, для коммунистических и рабочих партий в странах капитала, для национально-освободительного движения и молодых государств, борющихся за укрепление независимости, против империализма, колониализма и неоколониализма.

С этими инициативами вынуждены считаться и те круги на Западе, которые стремятся вернуть мир к временам «холодной войны» и которым все труднее становится игнорировать миролюбивые чаяния и требования широких народных масс в своих странах.

Предложения Советского Союза, внешнеполитические инициативы XXVI съезда КПСС стали сейчас главной темой мировой политики, печать всех направлений подавляющего большинства стран мира говорит об этих инициативах как о «Программе мира 80-х годов», пишет о «новом советском мирном наступлении».

Все это еще раз свидетельствует об огромном воздействии миролюбивых идей XXVI съезда нашей партии на нынешнюю международную обстановку. Глубокий отклик в сердцах народов находят высказанные на съезде мысли о значении борьбы за мир в современной обстановке. Ведь, как сказал товарищ Л. И. Брежнев, «отстоять мир — нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей партии, для нашего народа, да и для всех народов планеты».

Работа XXVI съезда КПСС, данный на съезде анализ мировой обстановки и путей ее дальнейшего развития, исторические решения съезда, его миролюбивые внешнеполитические инициативы вызвали глубокий интерес и нашли широкий отклик и в таком районе мира, как Азия и Дальний Восток. И это совершенно понятно. Известно, какую роль сыграл Великий Октябрь в подъеме национально-освободительного движения народов колоний и полуколоний, в том числе и в деле национального и социального пробуждения Азии.

Ныне эта наиболее населенная часть света, где в последние годы укрепились позиции социализма, одержало крупные успехи национально-освободительное движение, добились успехов в борьбе за экономическую самостоятельность многие молодые национальные государства, стала важной ареной мировой политики, борьбы сил мира, национальной независимости и прогресса с силами империализма, реакции и агрессии. Возрос удельный вес Азии в международной политике, ситуация в Азии все более заметно влияет на политический климат планеты, навсегда ушли в прошлое те времена, когда Азия была колониальным заповедником империализма. С другой стороны, в нынешней обстановке империалисты никак не желают примириться с поражениями, которые они понесли в Азии, они ищут новые пути для восстановления своих военно-политических и экономических позиций на этом континенте, для оказания давления на независимые государства Азии, создают здесь свои военные базы. Немалые опасности для азиатских стран, как показывает опыт, таит в себе партнерство между империализмом и пекинским гегемонизмом.

Естественно, что на съезде нашей партии было уделено большое внимание вопросам положения в Азии и отношениям Советского Союза с азиатскими странами. Закономерно и то, что целый ряд внешнеполитических инициатив, выдвинутых XXVI съездом, непосредственно касался обстановки в Азии и ее регионах — на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке.

На съезде присутствовало 32 делегации из стран Азии и Океании. Из них 5 делегаций представляли коммунистические партии социалистических государств.

В минувшем десятилетии неизменно росли и укреплялись основанные на принципах пролетарского интернационализма всесторонние связи и сотрудничество Советского Союза с братскими социалистическими государствами Азии.

Продолжала крепнуть и развиваться братская дружба Советского Союза и Монгольской Народной Республики. К 60-летию Монгольской народной революции, которое исполняется в год XXVI съезда КПСС и XVIII съезда МНРП, монгольский народ пришел с впечатляющими достижениями во всех областях жизни. Монгольский народ, миновавший капиталистическую стадию развития, успешно строит социализм. В стране возникают крупнейшие современные промышленные предприятия, среди которых горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», названный в докладе товарища Л. И. Брежнева в ряду наиболее важных результатов совместного труда наших народов. Ярким примером и символом животворной силы советско-монгольской дружбы, замечательным подарком к славному юбилею братской Монголии является полет международного экипажа на космическом корабле «Союз-39» и на орбитальном комплексе «Салют-6» — «Союз» с участием граждан СССР и МНР.

Выступая на XXVI съезде КПСС, Первый секретарь ЦК МНРП товарищ Юмжагийн Цеденбал отметил, что «исторический XXVI съезд КПСС вносит выдающийся вклад в теорию и практику мирового социализма», и подчеркнул, что «монгольские коммунисты целиком разделяют внешнеполитическую программу, выдвинутую Л. И. Брежневым».

В период между XXV и XXVI съездами КПСС неуклонно развивались отношения Советского Союза со строящими новую жизнь братскими странами Индокитая. Укреплялись всесторонние советско-вьетнамские связи, что нашло свое отражение в важном международном акте — Договоре о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, подписанном в 1978 г. Дружба и солидарность СССР и СРВ служила поддержкой вьетнамскому народу при решении задач восстановления страны после многолетней героической борьбы с агрессией американского империализма. Интернационалистская поддержка со стороны Советского Союза и других социалистических стран явилась важным фактором, способствовавшим отражению вьетнамским народом варварской агрессии Пекина в 1979 г.

На состоявшейся в дни XXVI съезда КПСС встрече с товарищем Л. И. Брежневым Генеральный секретарь ЦК КПВ товарищ Ле Зуан заявил о решительной поддержке Социалистической Республикой Вьетнам внешнеполитической программы КПСС, нацеленной на упрочение мира и мирного сотрудничества, утверждение прав всех народов на свободное независимое развитие.

Дальнейшее развитие получили отношения дружбы между Советским Союзом и Лаосской Народно-Демократической Республикой, успешно идущей по пути социалистических преобразований, проводящей политику тесного сотрудничества со странами социалистического содружества, выступающей вместе с братскими государствами Индокитая за укрепление мира и стабильности в Юго-Восточной Азии.

Народно-революционная партия Лаоса, весь лаосский народ целиком и полностью одобряют и поддерживают неустанную деятельность и различные инициативы Советского Союза и лично выдающегося деятеля современности товарища Л. И. Брежнева, направленные на претворение в жизнь ленинского внешнеполитического курса, заявил на XXVI съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК НРПЛ, премьер-министр ЛНДР товарищ Кейсон Фомвихан.

При интернациональной помощи братских социалистических стран твердо идет по пути национального возрождения кампучийский народ, избавившийся от тирании пекинских марионеток. Налаживается экономика Народной Республики Кампучии, дотла разоренная полпотовскими извергами. Недавно в стране прошли в условиях широкой поддержки со стороны населения выборы в органы народной власти.

Борьба народов Азиатского континента за национальное и социальное освобождение, за политическую и экономическую самостоятельность приобрела огромный размах. Важнейшим фактором прогрессивного развития, мира и безопасности в Азиатском регионе стали страны социализма в Азии, являющиеся составной частью мировой системы социализма.

СРВ, ЛНДР и НРК, последовательно выступая за мир и стабильность в районе Юго-Восточной Азии, выдвинули на совещании министров иностранных дел трех государств Индокитая, состоявшемся недавно в городе Хошимине, предложения о конкретных мерах по превращению Юго-Восточной Азии в зону мира, стабильности и процветания на основе развития добрососедских отношений между государствами этого района на началах равенства, взаимного согласия, уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности каждой страны, отказа от навязывания воли одной группы стран другой группе стран, а также от вмешательства извне. Советское правительство выразило готовность признать и совместно с другими постоянными членами Совета Безопасности ООН гарантировать соответствующий договор между странами Индокитая и государствами АСЕАН. С трибуны XXVI съезда КПСС товарищ Л. И. Брежнев вновь заявил о поддержке Советским Союзом идеи создания зоны мира в Юго-Восточной Азии.

На съезде было подтверждено, что Советский Союз солидарен с борьбой Корейской Народно-Демократической Республики за мирное и демократическое объединение родины, без вмешательства извне и стремится укреплять и обогащать связи с этой страной.

70-е годы характеризовались процессом разрядки и борьбы народов за мир, против планов империалистов и их пособников столкнуть мир на грань войны, вернуть его в мрачные времена «холодной войны», провокаций и авантюризма.

В докладе товарища Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС было указано, что в последнее время усиливаются негативные моменты во внешнеполитическом курсе Японии — подыгрывание опасным планам Вашингтона и Пекина, тенденции к милитаризации. Однако Советский Союз не считает, что это — последнее слово Токио, и надеется, что там возобладают дальновидность, понимание собственных интересов. СССР, было подчеркнуто на съезде, по-прежнему за прочные, по-настоящему добрососедские отношения с Японией.

Особое место в лагере противников мира отводится Пекину, который в последние годы не только смыкается с международной реакцией в подрывной деятельности против СССР и его друзей, но фактически осуществляет с империалистами скоординированный антисоветский гегемонистский курс.

XXVI съезд КПСС подтвердил последовательность и преемственность политического курса нашей партии в отношении Китая, который определен XXIV и XXV съездами. Этот курс, как известно, сочетает отпор поджигательской политике Пекина, защиту интересов Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения, борьбу против враждебной марксизму-ленинизму маоистской идеологии и политики с готовностью нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования.

Политика Пекина, говорится в Отчетном докладе, «по-прежнему нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма».

На XXVI съезде справедливо подчеркивалось: «За готовностью США, Японии, ряда стран НАТО расширять военно-политические свя-

зи с Китаем кроется простой расчет — использовать его враждебность к Советскому Союзу, к социалистическому содружеству в своих собственных, империалистических интересах».

Идя на сговор с империалистами, руководство КНР пытается добиться реализации своих великодержавных шовиннистических целей. Об этом свидетельствуют его происки против соседних стран, в частности в Индокитае, преступная агрессия против Социалистической Республики Вьетнам в 1979 г.

На XXVI съезде КПСС было отмечено, что извращение ленинских принципов социализма в социально-экономической политике Китая за последние два десятилетия повлекло за собой тяжелый урок. Сейчас это вынуждены признавать в той или иной форме сами пекинские руководители, причем они фактически повторяют те оценки, которые давались китайским событиям КПСС и другими братскими партиями.

Это в первую очередь касается оценки «культурной революции». В сентябре 1967 г. Л. И. Брежнев говорил: «То, что группа Мао Цзэдуна именует «культурной революцией», правильнее было бы называть контрреволюцией». В то время наша партия разоблачала произвол и бесчеловечные репрессии, господствовавшие в Китае. Сегодня в Пекине характеризуют этот период как «время феодально-фашистской диктатуры», признают ошибки, совершенные Мао Цзэдуном, хотя все преступления пытаются списывать на «контрреволюционные группировки Линь Бяо и Цзян Цин». В докладе о 30-лети КНР «культурная революция» была названа «действительно потрясающим чудовищным бедствием», «кровавым террором», событием, ввергнувшим народ в «бездну страданий». Дэн Сяопин в январе 1980 г. отмечал, что «в период великой культурной революции вся страна находилась в состоянии белого террора и невиданного хаоса». Ху Яобан охарактеризовал «культурную революцию» как «контрреволюционное большое разрушение».

Аналогичный подход наблюдается и в оценке некоторых других явлений жизни КНР. КПСС, другие марксистско-ленинские партии критиковали волюнтаризм Мао Цзэдуна, его «политику трех красных знамен», лозунг «Политика — командная сила» и предупреждали о губительных последствиях, которые они влекут за собой; сегодня в Китае считают 1958 год, когда были провозглашены «большой скачок» и народные коммуны, «годом начала упадка». Мы осуждали «казарменный коммунизм», который Мао Цзэдун насаждал в КНР, его стремление нивелировать всю жизнь общества, разоблачали ложь пекинских лидеров о якобы достигнутой в результате «культурной революции» «великой революционной сплоченности» народа; сегодня в Китае констатируют, что тогда «народ разделился на две фракции, которые убивали друг друга», что «в этой гражданской войне погибло огромное количество людей», «партийные организации подверглись серьезному разрушению, а народные массы — жестокому подавлению».

Таким образом, правильность и перспективность курса КПСС, равно как и справедливость оценок, которые давала наша партия политике и идеологии маоизма, подтверждены жизнью.

Политика китайского руководства в социально-экономической сфере нанесла тяжелый удар по социалистическим завоеваниям китайского народа. В области идеологии маоистское наследие не преодолено и влияние маоизма сохраняется. Не наблюдается каких-либо перемен к лучшему во внешней политике, которая по-прежнему нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма. Съезд отметил враждебность Пекина к Советскому Союзу, социалистическому содружеству, заклеил варварскую агрессию Китая в отношении Вьетнама, преступную политику Пекина в Кампучии.

Съезд обратил внимание на происходящие в Китае изменения и наметил наш подход к ним, указав, что истинный смысл изменений еще не определен и главное здесь в том, в какой мере удастся нынешнему китайскому руководству преодолеть маоистское наследие. Вместе с тем подчеркнуто, что смыкание Китая с империализмом не вернет Китай на здоровый путь развития.

Объективный анализ происходящих в Китае процессов показывает, что пекинские лидеры сохраняют в неприкосновенности такие коренные принципы маоизма, как гегемонизм, антисоветизм и великоханьский шовинизм, маоизм выдается за «китаизированный марксизм». Китайская пропаганда выступает со злобными клеветническими нападками на политику СССР и его друзей.

На съезде говорилось о том, что Советский Союз на базе позиции, закрепленной XXIV и XXV съездами КПСС, готов строить связи с Китаем на добрососедской основе. Наши конструктивные предложения, направленные на нормализацию отношений с КНР, остаются в силе, как остаются неизменными и наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу.

На съезде ясно было заявлено, что причины нынешнего замороженного состояния советско-китайских отношений кроются не в позиции Советского Союза, который не ищет и не ищет конфронтации с Китаем.

Выводы и оценки XXVI съезда КПСС ставят задачу дальнейшего улучшения качества всей политической, идеологической работы по Китаю и углубленного изучения происходящих там процессов.

Необходимо разоблачать политический курс Пекина, показывать тяжелые уроки, к которым ведет извращение принципов социализма во внутренней и в международной политике Китая, раскрывать антимарксистскую, антинародную суть маоистского наследия, ставящего под угрозу социалистические завоевания китайских трудящихся. Жизнь подтвердила правоту оценок событий в Китае и политики маоизма, которые давали КПСС и другие марксистско-ленинские партии, начиная с «большого скачка» и в период «культурной революции».

Необходимо помогать международному общественному мнению и китайскому народу видеть истинный смысл нынешних модификаций маоизма, переживающего глубокий кризис.

Из установок XXVI съезда КПСС по китайскому вопросу вытекает задача и впредь вести последовательную борьбу против блокирования китайского гегемонизма с империализмом, против курса Пекина на обострение международной обстановки, его враждебных действий в отношении Советского Союза, социалистического содружества, международного коммунистического и национально-освободительного движений, показывать, что политика Пекина — это угроза всеобщему миру.

Вместе с тем необходимо анализировать на основе принципиального марксистско-ленинского подхода происходящие во внутренней политике Китая изменения, давать им четкую классовую характеристику. Без предвзятости, но и без иллюзий оценивать происходящие в КНР процессы, прежде всего с точки зрения того, отказывается ли китайское руководство от основ маоизма или лишь маневрирует в целях более успешного осуществления своей антисоциалистической, проимпериалистической политики.

В Отчетном докладе ЦК КПСС наглядно показано, что КПСС осуществляет, говоря словами В. И. Ленина, «широко принципиальную политику» (ПСС, т. 15, с. 368) на международной арене, в том числе и по китайскому вопросу. Эта политика опирается на фундаментальные теоретические положения и выводы. Партия не пересматривает прин-

ципиальные положения вслед за каждым зигзагом истории, не поступается принципами ради сиюминутной выгоды, не идет на поводу у случайных событий, колебаний политической ситуации и изменчивой конъюнктуры, а с учетом конкретной обстановки неуклонно проводит теоретически обоснованную и практически выверенную генеральную линию.

Принципиальная и последовательная линия КПСС в китайском вопросе встретила на съезде полную поддержку братских социалистических стран, коммунистических и рабочих партий, в том числе и представителей коммунистических партий стран Азии, которые отмечали опасный характер внешнеполитического курса Пекина, его ставки на обострение международной обстановки, в частности ситуации в Азии, указывали на усиливающееся блокирование империализма и китайского гегемонизма, представляющее угрозу для стран и народов Азии. Так, Генеральный секретарь ЦК КПВ товарищ Ле Зуан, говоря о взаимоотношениях империализма и китайского экспансионизма и гегемонизма, отмечал, что, «стремясь вернуть утраченные позиции, они с каждым днем все теснее сближаются, сговариваются, пытаются контратаковать революционные силы. В этом, — подчеркивал товарищ Ле Зуан, — главная причина возникновения очагов напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Западной и Юго-Восточной Азии и во многих других районах земного шара».

Первый секретарь ЦК МНРП товарищ Юмжагийн Цеденбал подчеркивал, что «продолжение Пекином реакционного маоистского курса — это реальная опасность делу мира не только в Азии, но и во всем мире».

Генеральный секретарь Национального совета Коммунистической партии Индии товарищ Раджешвара Рао заявил: «Крайне неприглядная роль, которую нынешнее китайское руководство играет на международной арене, имеет прямое отношение к новым агрессивным действиям американских империалистов и их союзников».

Что же касается реакции в Пекине, то его печать в своих откликах на работу XXVI съезда КПСС следует хорошо известным антисоветским шаблонам, идет по старой, заезженной колее. Будучи не в состоянии полностью обойти молчанием съезд КПСС, выдвинутые им предложения по укреплению мира, углублению разрядки и обузданию гонки вооружений, китайская пропаганда прибегает к голословным клеветническим нападкам на советские мирные инициативы, извращая при этом их сущность, не брезгуя дословным повторением оценок и фальсификаций, пускаемых в ход пропагандой западных империалистических стран.

С трибуны XXVI съезда КПСС был подтвержден интернационалистский курс КПСС на поддержку борьбы освободившихся государств. Этот курс был продемонстрирован на Азиатском континенте, когда Советский Союз по просьбе правительства ДРА оказал помощь Афганистану в защите завоеваний Апрельской революции. Значение этой помощи ярко подчеркнул в своем выступлении на XXVI съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного совета и премьер-министр Демократической Республики Афганистан товарищ Бабрак Кармаль. «С этой высокой трибуны, — заявил он, — я обращаю свой голос к людям всего мира и говорю вопреки клевете и предательским провокациям международной реакции: если бы не было оказано помощи со стороны великого Советского Союза героическому Афганистану, то сегодня не существовало бы революционного, свободного, независимого и неприсоединившегося Афганиста-

на. Наша патриотическая, интернационалистская партия и народ Афганистана никогда не забудут этой братской помощи».

В свете недавних открытых заявлений американской администрации о намерении США снабжать оружием наемников, руками которых ведется война против Демократической Республики Афганистан, особое значение приобретает сделанное в Отчетном докладе ЦК КПСС ясное и недвусмысленное разъяснение: Советский Союз будет готов по согласованию с афганским правительством вывести из Афганистана советский воинский контингент только при условии полного прекращения засылки в Афганистан контрреволюционных банд, что должно быть закреплено договоренностями между Афганистаном и его соседями. Как заявил на съезде товарищ Л. И. Брежнев, мы против экспорта революции, но и не можем согласиться с экспортом контрреволюции.

На съезде было подчеркнуто, что антиимпериалистическая в своей основе революция в Иране стала крупным событием в международной жизни последних лет, выражены пожелания успехов иранскому народу, ищущему свой путь к свободе и процветанию, и заявлено о готовности Советского Союза развивать с Ираном добрые отношения на началах равноправия и, разумеется, взаимности.

Одним из важных направлений советской внешней политики в настоящее время и на будущее является укрепление дружбы, углубление всестороннего сотрудничества и взаимодействия с миролюбивой независимой Индией, возрастание роли которой в международных делах приветствуется в Советском Союзе. В результате недавнего визита в Дели товарища Л. И. Брежнева и переговоров с премьер-министром Индирой Ганди и другими индийскими деятелями весь комплекс советско-индийских отношений был существенно продвинут вперед.

В Индии и других странах Азии к XXVI съезду КПСС проявляется огромный интерес со стороны широких общественных кругов. С большим вниманием и пониманием восприняты здесь новые важные предложения Советского Союза по урегулированию ряда острых международных проблем. Особый интерес вызвали, естественно, предложения по обеспечению мира в районе Персидского залива и на подступах к нему. Смысл этих предложений, изложенных в Отчетном докладе ЦК КПСС на съезде, состоит в том, чтобы снять здесь военную угрозу, заключив международное соглашение. Советский Союз считает, что совместными усилиями, с учетом законных интересов всех сторон, можно создать в этом районе обстановку стабильности и спокойствия, гарантировать суверенные права государств региона и безопасность коммуникаций, связывающих его с остальным миром.

Важным моментом в связи с советскими предложениями по обеспечению безопасности в районе Персидского залива, который был замечен и позитивно воспринят в Индии и других государствах региона, явилось разъяснение по поводу высказываний за рубежом о том, что этот вопрос нельзя оторвать от вопроса о пребывании советского военного контингента в Афганистане. Советский Союз, было указано в Отчетном докладе ЦК КПСС, готов договариваться по Персидскому заливу как по самостоятельной проблеме. Готов он также, как было отмечено выше, и к участию в отдельном урегулировании положения вокруг Афганистана. Но он не возражает и против того, чтобы вопросы, связанные с Афганистаном (речь идет о международных аспектах афганской проблемы), были обсуждены в увязке с вопросами безопасности Персидского залива.

Большой отклик в азиатских странах, расположенных на побережье Индийского океана, вызывают советские предложения о создании зоны мира в районе Индийского океана, выдвинутые товарищем Л. И. Брежневым во время визита в Индию и вновь подтвержденные

в Отчетном докладе на XXVI съезде. Известно, что Советский Союз поддерживает идею созыва международной конференции для выработки конкретных мер по превращению Индийского океана в зону мира. В Индии и в других прибрежных странах Индийского океана приветствуется этот шаг Советского Союза. Здесь ожидают, чтобы примеру СССР последовали Соединенные Штаты. Ведь известно, что именно США затягивают обсуждение вопросов, связанных с сокращением военного присутствия в этом районе мира. Соединенные Штаты сохраняют в ряде стран Индийского океана свои военные и военно-морские базы, а в последнее время ведут строительство новых военных баз, концентрируют в бассейне Индийского океана свои военно-морские армады, направляют в этот район авианосцы, готовятся направить создаваемые «силы быстрого развертывания». Все это, естественно, вызывает озабоченность у десятков государств, омываемых водами Индийского океана.

Генеральный секретарь ЦК Йеменской Социалистической партии Али Насер Мохаммед отразил эти настроения прибрежных государств бассейна Индийского океана в своем выступлении на XXVI съезде КПСС: «Мы высоко ценим, — сказал он, — заботу Советского Союза об обеспечении безопасности и стабильности в районе Аравийского полуострова, Персидского залива, Красного моря и Индийского океана. Недавняя советская инициатива, с которой выступил товарищ Леонид Ильич Брежнев во время визита в Индию, направлена на ликвидацию факторов напряженности, обеспечение безопасности и стабильности в этом взрывоопасном районе. Она отвечает жизненным интересам и чаяниям наших народов».

Полная поддержка советских инициатив по обеспечению безопасности в районе Персидского залива и Индийского океана была выражена в выступлениях на XXVI съезде представителей Коммунистической партии Бангладеш, Иракской коммунистической партии, Фронта национального освобождения Бахрейна, Коммунистической партии Шри-Ланка и ряда других зарубежных делегаций. Эта инициатива была поддержана также Председателем Всемирного Совета Мира товарищем Ромешом Чандра.

В Отчетном докладе ЦК КПСС на съезде была выдвинута и новая инициатива по ближневосточной проблеме. Отметив тот факт, что кэмп-дэвидская сепаратная сделка не привела к урегулированию ближневосточного вопроса, а напротив, расколола арабские страны и имела своим результатом новое обострение обстановки в регионе, товарищ Л. И. Брежнев предложил вернуться к честным коллективным поискам всеобъемлющего урегулирования на справедливой и реалистической основе в рамках, например, специально созданной международной конференции. Советский Союз выразил готовность в конструктивном духе, с позиций доброй воли принять участие в такой работе в сотрудничестве со всеми, кто проявляет искреннее стремление к обеспечению справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке. При этом СССР исходит из того, что полезную роль сможет продолжать играть в этом вопросе Организация Объединенных Наций.

По существу вопроса позиция СССР хорошо известна и остается прежней: прекращение оккупации Израилем всех арабских территорий, захваченных в 1967 г., реализация законных прав арабского народа Палестины вплоть до создания собственного государства, обеспечение безопасности и суверенитета всех государств района, включая Израиль.

Широкое одобрение эта советская инициатива получила во многих выступлениях зарубежных гостей съезда, прежде всего представителей арабских стран. Генеральный секретарь Сирийской коммунисти-

ческой партии товарищ Халед Багдаш заявил о полной поддержке содержащихся в докладе товарища Л. И. Брежнева предложений об урегулировании ближневосточного кризиса на принципиальной основе.

Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм в интервью кувейтской газете «Ар-Рай аль-Амм» подчеркнул, что предложение Л. И. Брежнева о созыве международной конференции по Ближнему Востоку является очень важным и достойно самого глубокого изучения. К. Вальдхайм отметил, что прочный мир на Ближнем Востоке может быть обеспечен только при условии вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий и осуществления неотъемлемых национальных прав арабского палестинского народа. В том же интервью К. Вальдхайм подчеркнул необходимость сохранения мира в зоне Персидского залива и выразил уверенность, что наращивание военного присутствия не служит интересам безопасности этого региона.

Одной из важных миролюбивых инициатив, выдвинутых XXVI съездом КПСС, как уже отмечалось, являются предложения об углублении и расширении зоны применения мер по укреплению доверия между государствами в военной области. Наряду с предложением о расширении зоны применения таких мер на западном направлении в Отчетном докладе ЦК КПСС внесено весьма важное для Азиатского континента предложение о разработке и применении мер доверия в районе Дальнего Востока, где соседствуют такие державы, как СССР, Китай, Япония, а также имеются американские военные базы. Естественно, что разработка мер доверия для этого региона, с учетом, разумеется, присущей ему специфики, могла бы не только разрядить в определенной мере обстановку на месте, но и стать весьма полезной для укрепления основ всеобщего мира. В решениях съезда заявлено, что Советский Союз готов провести конкретные переговоры о мерах доверия на Дальнем Востоке со всеми заинтересованными странами.

Не подлежит сомнению, что реальные шаги по практическому осуществлению советских инициатив и прежде всего диалог вокруг этих инициатив, важность которых широко признается в большинстве азиатских стран, принесли бы немалую пользу делу мира и стабильности в данном районе и соответствовали бы глубоким чаяниям и надеждам азиатских народов. И это понятно. Ведь в результате претворения в жизнь этих инициатив мир в Азии и во всем мире стал бы прочнее, а народы получили бы прямой выигрыш. За этими инициативами будущее. Задача всех, кому дорого дело мира и стабильности в Азии и в мире, делать все возможное для продвижения мирных инициатив, давать твердый отпор попыткам нагнетания напряженности на континенте. А инициаторам такого рода попыток, будь то в Вашингтоне, Пекине или еще где-нибудь, было бы лучше проявить трезвость и реализм. В конечном счете так было бы лучше и для них самих.

XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза явился важной вехой в истории партии, в летописи нашей страны. Он ознаменовал дальнейшее восхождение Советской Отчизны по ступеням прогресса, новый этап ее политического, экономического и социального развития.

Съезд, освещенный победоносным знаменем марксизма-ленинизма, прошел в обстановке растущего единства партии и народа, их непоколебимой решимости следовать ленинским курсом, верность которого подтверждена самой жизнью.

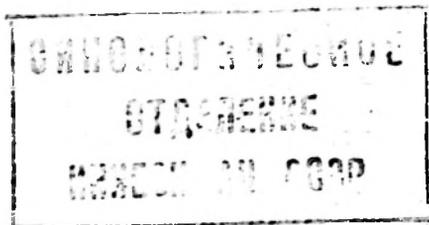
Выводы и оценки XXVI съезда КПСС по вопросам внутренней и внешней политики нашего государства имеют непреходящее историче-

ское значение. На всех направлениях международной политики предстоит колоссальная работа и реализация задач XXVI съезда КПСС по укреплению мира, безопасности народов, борьба, направленная на срыв планов империалистов и их пекинских пособников затормозить процесс разрядки, толкнуть мир в хаос войны.

И народ нашей страны вместе с народами социалистических стран, прогрессивными силами всего мира, как всегда, успешно выполнит эти задачи и предназначения партии.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

Международное значение опыта развития МНР по пути к социализму, минуя капитализм

Монголия, в прошлом одна из самых отсталых стран Азии, совершила в XX в. исторический скачок от феодализма к социализму, от многовековой отсталости и нищеты к прогрессу.

За годы социалистического строительства коренным образом изменился социально-экономический облик Народной Монголии. Создана в быстрых темпах развивается национальная промышленность, сделаны важные шаги по укреплению материально-технической базы социалистического сельского хозяйства, что привело к совершенствованию структуры народного хозяйства, увеличению общественного производства, количественному и качественному росту рабочего класса, появлению новых промышленных и культурных центров. Социалистическая культурная революция открыла широкий простор для духовного развития трудящихся. Неуклонно повышается народное благосостояние. В стране восторжествовала социалистическая демократия.

МНР — неотъемлемая составная часть мировой системы социализма — укрепляет и расширяет дружбу и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом, с другими братскими социалистическими странами. Вместе с ними Монголия последовательно выступает за справедливое решение актуальных международных проблем, за прочный и устойчивый мир в Азии и во всем мире.

Для народов, обретших в результате крушения колониальной системы национальную независимость и вставших на путь радикальных социально-экономических преобразований, важное значение имеет изучение и использование международного опыта перехода ранее отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В этом отношении богатый и успешный опыт имеет монгольский народ.

В совещании за «Круглым столом» редакции, посвященном исполняющемуся в 1981 г. 60-летию Монгольской народной революции, приняли участие советские и монгольские ученые, сотрудники Агентства печати Новости, агентства МОНЦАМЭ. В их числе: исполняющий обязанности директора Института истории партии при ЦК МНРП доктор исторических наук А. Минис; заведующий сектором этого института кандидат исторических наук Б. Лигдэн; литературный секретарь агентства МОНЦАМЭ журналист Х. Чулунгомбо; заместитель председателя правления АПН лауреат Государственной премии СССР И. Н. Медведев; заведующий 1-м Дальневосточным отделом МИД СССР доктор исторических наук профессор М. С. Капица; старший научный сотрудник, руководитель группы МНР Института экономики мировой социалистической системы кандидат исторических наук Т. А. Якимова; заместитель редактора Отдела соцстран газеты «Правда» кандидат исторических наук В. В. Шаров.

Вопрос: Каково международное значение опыта МНР в реализации марксистско-ленинской концепции о возможности развития страны по пути к социализму, минуя капиталистическую стадию?

Ответ: Ныне, когда более ста государств, появившихся на развалинах колониальных империй в Азии, Африке, Латинской Америке, Океании, решают вопрос о путях ликвидации отсталости, ускорения экономического и социального прогресса, многие из них обращают или неизбежно обратят взоры к опыту национальных республик СССР, а также Монгольской Народной Республики — страны, которая за сравнительно короткий исторический период совершила скачок от феодализма к социализму, минуя целую историческую формацию — капитализм. Такой эксперимент оказался возможным благодаря тому, что Монголия развивалась в соответствии с предначертаниями В. И. Ленина и во взаимодействии со страной победившего пролетариата, с Советским государством.

Веря в пробуждение поработанных народов, в их выход на международную арену, В. И. Ленин обосновал идею интернационального единения рабочего класса и угнетенных народов в борьбе против империализма, разработал программу и тактику коммунистов в национально-колониальном вопросе. С учетом опыта советской власти в Средней Азии и Закавказье В. И. Ленин указал, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Народную революцию, направленную против китайских и белогвардейских оккупантов, против собственной феодальной реакции, возглавила Монгольская народно-революционная партия (МНРП) при интернациональной поддержке Страны Советов. Как отмечает Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала товарищ Ю. Цеденбал, «она была первой победоносной народной революцией на Востоке, которая блестяще подтвердила правоту и жизненную силу ленинского учения о национально-колониальной революции, ряд важнейших ленинских теоретических положений. Это — неизбежность слияния борьбы за национальную и социальную свободу в угнетенных странах с пролетарской борьбой за социализм; антиимпериалистическая направленность борьбы поработанных народов, возможность и необходимость применения общей коммунистической теории к конкретным условиям экономики отсталых стран; необходимость установления народовластия, то есть в условиях нашей страны крестьянских советов и других политических организаций; идея единого антиимпериалистического фронта и др.»².

Завершив к 1940 г. народно-демократический этап революции, МНР осуществила к 1960 г. переход от феодализма к социализму. «Тем самым монгольский народ реализовал гениальное предвидение Ленина относительно нашей страны и вправе назвать себя пионером движения по указанному им некапиталистическому пути развития, перехода к социализму, минуя мучительную капиталистическую формацию. Это, безусловно, составляет предмет величайшей чести и гордости нашего народа»³.

Ныне монгольский народ под руководством своей партии успешно создает материально-техническую базу социализма. В 1976—1980 гг. прирост объема национального продукта составил 4 % в год, он был более высоким, чем в любой стране «Общего рынка». Средний темп прироста промышленной продукции в 1976—1979 гг. равнялся 7,8 %

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

² Ю. Цеденбал. Ленин в исторических судьбах народов Востока. — «Информационный бюллетень ЦК МНРП», 1980, № 3, с. 8.

³ Там же, с. 9.

в год. Каждый четвертый человек — учащийся, что намного больше, чем в любой стране Западной Европы и Японии. На каждые 10 тыс. человек приходится 22 врача — больше, чем в Англии, Бельгии, Италии, Франции.

Переход экономически отсталых стран к социализму, минуя капитализм, — это не какой-то формационно неопределенный, половинчатый путь мелких реформ, а неизбежный революционный путь. Конечно, как это с особой силой и не раз подчеркивал В. И. Ленин, «в странах с мелким крестьянским хозяйством переход к социализму невозможен без целого ряда постепенных предварительных ступеней»⁴; он призывал коммунистов и революционеров Востока находить и испытывать на практике наиболее целесообразные практические меры.

Ныне многие страны Азии и Африки, освободившиеся от колониального ига, пытаются обойти фазу капитализма, сократить сроки экономического, культурного и социального развития, создать социалистическое общество. Разные это страны: некоторые становятся на путь строительства социализма, другие держат ориентир на социализм, неодинаков уровень их экономического развития, отличаются социальные структуры, они находятся на разных расстояниях от империалистических государств, по-разному формируются их политические авангарды. Среди них выделяются Лаос, пополнивший семью социалистических государств, и группа наиболее передовых государств социалистической ориентации — таких, как Демократическая Республика Афганистан, Народная Демократическая Республика Йемен, Социалистическая Эфиопия, Народная Республика Ангола. Их политика строится в соответствии с ленинским указанием о возможности перехода отсталых стран к социализму при поддержке пролетариата передовых стран, то есть социалистического содружества.

Исторический опыт МНР и других стран, пришедших к социализму от ранних форм общественного развития, убедительно подтверждает, что подлинный общественный прогресс для освободившихся от колониального гнета народов — это путь социалистический, и никакой другой. Главным содержанием нашей эпохи является переход человечества от капитализма к социализму. Капитализм — строй, у которого нет будущего, — не может стать ориентиром общественного прогресса. Прогресс человечества неразрывно связан с социализмом и коммунизмом.

Вопрос: Как можно охарактеризовать отношения советского и монгольского народов?

Ответ: Эти отношения — образец новых международных отношений и братской взаимопомощи.

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная русским пролетариатом во главе с ленинской партией коммунистов, оказала огромное революционизирующее влияние не только на борьбу рабочего класса капиталистических стран, но и на национально-освободительное движение угнетенных народов, в том числе на борьбу монгольского народа за свое национальное и социальное освобождение. Искры Октября, брошенные на благоприятную почву Монголии, как отметил Д. Сухэ-Батор, «зажгли революционный пожар на Востоке».

Монгольское аратство впервые в своей истории нашло в Октябрьской революции и созданном ею государстве рабочих и крестьян прочную политическую, материальную и моральную опору. Советское правительство с первых же дней своего существования решительно и навсегда покончило с захватнической политикой царизма в отношении Монголии, протянуло монгольскому народу руку братской дружбы.

Союз советского и монгольского народов является одним из первых проявлений интернациональной солидарности, исторически самым

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 356.

длительным, богатейшим по формам и эффективным в социально-экономическом плане.

Победа антиимпериалистической и антифеодальной Народной революции в Монголии, являющейся продолжением Великой Октябрьской социалистической революции, составной частью мирового революционного процесса, целиком и полностью связана с политическим союзом, установленным между монгольским и советским народами.

Дружба монгольского и советского народов, рожденная в огне Народной революции, поднялась на новую высокую ступень в результате заключения советско-монгольского соглашения 1921 г. — документа, который явился политической и правовой основой взаимоотношений наших государств, заложил фундамент отношений нового типа между Советской Россией и Монголией. Разработанный при непосредственном участии великого Ленина, горячего поборника монголо-советской дружбы, и руководителя монгольской революции Д. Сухэ-Батора, этот документ открыл летопись братства монгольского и советского народов.

Верность целям, провозглашенным в первом монголо-советском межправительственном документе, нашла полное подтверждение и продолжение в Протоколе о взаимопомощи 1936 г., в Договоре о дружбе и взаимопомощи 1946 г. Эти исторические документы, отвечающие жизненным интересам монгольского и советского народов, выдержавшие испытание временем, сыграли выдающуюся роль в развитии политического, экономического, культурного и военного сотрудничества между МНР и СССР.

Монголо-советские отношения вступили в качественно новый этап своего развития с подписанием Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между МНР и СССР в 1966 г.

Многозначна и многогранна помощь Советского Союза, оказываемая монгольскому народу в строительстве новой жизни. Благодаря ей Монголия, в прошлом одна из отсталых стран мира, совершила исторический скачок от феодализма к социализму, от многовековой отсталости и нищеты к экономическому могуществу, от национального порабощения империалистами к зрелой государственной самостоятельности и национальному расцвету, к современной цивилизации, от политической изолированности к активному участию в мировой политике.

Советский Союз оказал Монголии решающую помощь в развитии национальной промышленности и современного транспорта, сельского хозяйства, в том числе земледелия, в осуществлении задач культурной революции, формировании национальных кадров рабочего класса и интеллигенции. Начиная со строительства первых предприятий отечественной промышленности и до такого гиганта индустрии, как построенный в последние годы горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», первых заготовительных пунктов промысловой кооперации до современных крупных предприятий в сельском хозяйстве, первой начальной школы до Монгольского государственного университета и Академии наук МНР, монгольский народ чувствовал опору в лице Советского Союза.

В трудные для Монголии годы, когда ее свобода и независимость подвергались непосредственной угрозе, советский народ неизменно выступал на стороне своего собрата в борьбе за защиту революционных завоеваний.

На XXVI съезде Коммунистической партии Советского Союза товарищ Ю. Цеденбал сказал: «Драгоценный советский опыт является для нашей партии, всего трудового народа Монголии путеводной звездой. Мы, монголы, шли, идем и впредь будем непоколебимо идти по пути, открытому гениальным Лениным и Великим Октябрем».

Отношения между СССР и МНР зиждутся на прочных принципах марксизма-ленинизма и интернациональной солидарности, взаимного уважения государственной независимости и суверенитета, подлинного

равноправия, уважения, доверия и товарищеской поддержки, тесного сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Знаменателен тот факт, что принципы подобных взаимоотношений впервые в истории были провозглашены и осуществлены именно между Народной Монголией и Советской Россией.

Дружба наших народов послужила прообразом межгосударственных взаимоотношений нового типа, которые впоследствии легли в основу жизнедеятельности социалистического содружества. Как отмечал товарищ Л. И. Брежнев, «отношения между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой предстают сегодня перед всем миром как образец отношений социалистического типа, пронизанных общей заинтересованностью в успехах друг друга».

Вопрос: Какие социально-экономические преобразования проведены в МНР после Народной революции?

Ответ: Успешное развитие Монголии по некапиталистическому пути, создание социалистических общественных отношений и их дальнейшее совершенствование в стране, где еще шесть десятилетий назад не было практически ни промышленности, ни рабочего класса, ни партии, вооруженной передовой марксистско-ленинской теорией, — выдающееся явление в мировой истории.

Опыт строительства социализма в МНР имеет как практическое, так и теоретическое значение. Его особая ценность состоит в том, что он наглядно показывает диалектику общего и особенного в построении социализма. Специфичность внутренних социально-экономических условий, в которых начинался революционный процесс в Монголии, резко отличает ее от других стран, входящих в мировую систему социализма. Ни в одной другой стране исходный уровень не был столь неблагоприятным, как в Монголии. И тем не менее исторический опыт показал, что ленинская идея о возможности для экономически отсталых стран миновать капиталистическую стадию развития, опираясь на поддержку передовых социалистических государств, оказалась вполне реалистичной и практически осуществимой.

Главный итог пройденного Монгольской народной революцией пути состоит в том, что под руководством Монгольской народно-революционной партии, опираясь на всестороннюю помощь и поддержку трудящихся Советского Союза, а в последние тридцать лет — также и на помощь других социалистических стран, монгольский народ добился полной независимости от иностранного капитала, ликвидировал феодальные отношения, упразднил частную собственность на средства производства, добился победы социалистических производственных отношений во всех отраслях экономики.

Идея В. И. Ленина о переходе от феодализма к социализму, минуя капитализм, нашла свое отражение в программных документах МНРП. Первая политическая платформа партии, принятая в 1921 г., поставила задачи национального освобождения страны, установления народной власти и преобразования всей жизни на демократических началах. Следующая временная программа (принятая в 1925 г. на IV съезде МНРП) определила основную задачу партии на демократическом этапе революции — ликвидацию эксплуататорских классов. В 1940 г. была принята третья программа партии — программа строительства основ социализма. В 1966 г. XV съезд МНРП выдвинул новую программу партии — программу завершения строительства социализма в МНР.

В настоящее время в МНР успешно завершается создание материально-технической базы социалистического общества, планомерно развиваются современные производительные силы.

Национальный доход в 1979 г. по сравнению с 1919 г. возрос примерно в 19,5 раза, по сравнению с 1940 г. — в 8,6 раза, а с 1960 г. — в 2,3 раза.

Разительные изменения произошли в структуре народного хозяйства, формируется многоотраслевой народнохозяйственный комплекс. Наряду с коренной перестройкой традиционного сельского хозяйства вновь созданы и быстро развиваются такие отрасли, как промышленность, строительство, транспорт и связь, материально-техническое снабжение, торговля, другие отрасли как производственной, так и непромышленной сфер. Экономика страны приобретает все более индустриальный характер.

Рост материального производства, повышение производительности труда, увеличение национального дохода и широкое развитие культуры обеспечивают неуклонное повышение материального благосостояния и культурного уровня монгольского народа.

Социализм принес подлинную демократию, обеспечившую трудящимся Монголии независимо от социального положения и национальной принадлежности право активного участия в управлении государством, в решении всех дел политического, экономического и культурного строительства.

Вопрос: Какой вклад вносит МНРП в укрепление идейно-политического единства стран социалистического содружества?

Ответ: Социалистическое содружество как историческая общность народов и государств — это союз идейный, морально-политический, экономический. Это активный и действенный союз, оказывающий огромное влияние на ход мирового развития.

В центре внимания Монгольской народно-революционной партии постоянно находятся вопросы совершенствования форм и методов сотрудничества между братскими странами, укрепления социалистического содружества, единства внешнеполитических действий. В программе МНРП указывается, что она считает своим долгом и интернациональной обязанностью решительно защищать и постоянно укреплять нерушимую братскую дружбу и единство с народами Советского Союза и других социалистических стран, сплоченность народов мировой системы социализма.

Интернационалистская сущность взаимоотношений между братскими странами социализма наиболее отчетливо и последовательно проявляется в наличии единой идейно-политической платформы правящих партий. МНРП вместе с другими братскими партиями проделала большую работу по последовательному совершенствованию связей стран социалистического содружества, укреплению их интернациональных позиций.

Принципы внешнеполитической деятельности МНРП предполагают неприменный учет позиций всех братских партий, что в свою очередь выдвигает двуединую задачу: творчески применять общие закономерности социалистического строительства в специфических условиях своей страны, сочетая национальные интересы с интересами всего социалистического содружества. Такое сочетание является условием успешного идейно-политического сотрудничества с братскими партиями, экономическими и иными связями.

Разнообразны формы сотрудничества: взаимные визиты и встречи руководителей партий, совместная разработка политических документов, обмен партийными делегациями, согласованное участие в совещаниях, международных конференциях и симпозиумах.

Монгольская народно-революционная партия направляет свои усилия на расширение контактов с братскими партиями, постоянно поддерживает инициативы КПСС по проведению встреч руководителей. МНРП считает, что важными этапами на пути укрепления единства стран являются встречи на высшем уровне в Крыму, которые занимают значительное место в согласовании позиций партий, выработке общей линии на международной арене. В последние годы регулярно проводи-

лись встречи Первого секретаря ЦК МНРП, Председателя Президиума Великого Народного хурала МНР товарища Ю. Цеденбала и Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, которые внесли конкретный вклад в укрепление дружбы и всестороннего сотрудничества между МНРП и КПСС.

Межпартийные связи в последние годы приобрели широкие масштабы и систематический характер. Они осуществляются на всех уровнях — от руководства Центральными Комитетами до коммунистов первичных партийных организаций. В 70-е годы стали регулярными многосторонние встречи секретарей ЦК братских коммунистических и рабочих партий социалистических стран. С 1973 г. МНРП участвует в совещаниях секретарей Центральными Комитетами братских партий, занимающихся идеологическими, а также организационными вопросами. Все эти совместные мероприятия играют огромную роль в укреплении идейного единства партий стран социалистического содружества.

МНРП полностью поддерживает согласованные позиции стран социалистического содружества на мировой арене. Как сказал с трибуны XVII съезда МНРП товарищ Ю. Цеденбал, Монгольская Народная Республика, как и братские страны социализма, восприняла выдвинутую XXV съездом КПСС программу дальнейшего развертывания борьбы за мир в качестве общей внешнеполитической платформы социализма.

Наряду с укреплением позиций стран социалистического содружества в идейно-политическом отношении задачей большой политической важности является расширение всех форм хозяйственных связей, экономическая интеграция, усиление на этой основе экономического потенциала стран социалистического содружества. МНРП и правительство МНР вносят значительный вклад в развитие экономики в рамках СЭВ. В свою очередь страны — члены Совета оказывают всестороннюю технико-экономическую помощь МНР. Специальные положения Комплексной программы относительно Монголии обращают внимание на необходимость создания оптимального комплекса в народном хозяйстве страны, на обеспечение ускоренного роста ее экономики.

Важной частью внешнеполитической деятельности МНРП является принципиальная борьба против всякого рода извращений марксизма-ленинизма, принципов пролетарского интернационализма. Братские партии рассматривают противостояние антикоммунизму, оппортунизму и маоизму как свою интернационалистскую обязанность, одно из важнейших условий укрепления идейно-политического единства стран социализма.

Известно, что маоизм как сила, враждебная социализму, открыто смыкается с самыми агрессивными кругами империализма. Ныне пекинские лидеры всеми средствами усиливают подрывные действия против социалистических стран, прежде всего Советского Союза, проводят политику расширения диапазона «дифференцированного подхода» к странам социалистического содружества. Монголия — один из объектов политических диверсий пекинского руководства. Продолжая в современных условиях реакционную великоханьскую политику, пекинские лидеры ставят целью захват территории ряда соседних с Китаем стран, в том числе Монголии, создавая тем самым непосредственную угрозу свободе и независимости монгольского народа. В этих условиях наряду с разоблачением идейной сущности маоизма ЦК МНРП и правительство республики предпринимают дополнительные меры по обеспечению обороноспособности МНР.

Таковы некоторые аспекты проблемы, раскрывающей вклад Монгольской народно-революционной партии, верной принципам марксизма-ленинизма, долгу интернациональной солидарности, в укрепление идейно-политического единства стран социалистического содружества.

Вопрос: Как практически осуществляется расширяющееся экономическое сотрудничество МНР со странами — членами СЭВ?

Ответ: Масштабы сотрудничества МНР со странами — членами СЭВ велики. В любом уголке страны можно обнаружить красноречивые свидетельства плодотворности и размаха экономических связей МНР с братскими социалистическими государствами. На западе — это шерстостойная фабрика в городе Баян-Улэгэе, на востоке — госхоз на легендарной реке Халхин-Гол, на юге — школьный комплекс в Далан-Дзадгаде, на севере — промышленный город Дархан, созданный усилиями шести стран — членов СЭВ.

В характеристике масштабов сотрудничества не обойтись без обобщенных цифр. Особенно внушительно выглядят советско-монгольские связи. В последнее пятилетие объем экономического сотрудничества между СССР и МНР удвоился. Программа пятилетия 1976—1980 гг. включала 240 промышленных, сельскохозяйственных и культурно-бытовых объектов, сооружаемых при содействии СССР. Конечно, наши связи носят взаимовыгодный характер. СССР получает из братской республики продукцию животноводства, медно-молибденовый концентрат, плавиковый шпат, другие товары. Высокая динамика развития советско-монгольского сотрудничества предусмотрена в согласованных планах и на 1981—1985 гг.

Значительный размах приобрели связи МНР с ГДР, ЧССР, ПНР, другими странами — членами СЭВ. В этом крепнущем экономическом сотрудничестве находит воплощение принципиальная закономерность строительства социализма в стране, которая стартовала в новую жизнь с очень низкой ступени общественного развития, характеризовавшейся феодальными отношениями. А именно: долговременное сотрудничество с братскими социалистическими государствами — необходимое условие социально-экономического прогресса Монголии.

Экономические отношения МНР со странами — членами СЭВ имеют охватывающий характер и по своим формам. Некоторые из них проверены временем и жизнью прежде всего на монгольской земле. Позже они были закреплены в Комплексной программе социалистической экономической интеграции, принятой странами — членами СЭВ в 1971 г.

Обратимся, например, к совместным предприятиям, к этим своеобразным международным организациям заинтересованных стран — членов СЭВ. Такие предприятия управляются представителями государств-участников. У них имеется имущество, образованное на основе вкладов участников, эти предприятия действуют в качестве юридического лица на началах хозяйственного расчета. Результаты их деятельности распределяются между участниками. Таковы вкратце отличительные признаки совместных предприятий.

Если мы обратимся к истории советско-монгольских экономических отношений, то увидим: у истоков социалистической индустриализации Монголии находилось сооружение совместных предприятий. Такое начало положил первенец индустрии МНР — Улан-Баторский промкомбинат, таковой была первая транспортная организация республики «Монгол-транс». В настоящее время совместными предприятиями являются Улан-Баторская железная дорога, хозяйственное объединение по добыче ряда полезных ископаемых «Монголсовцветмет», горно-обогатительный медно-молибденовый комбинат «Эрдэнэт».

В чем монгольская и советская стороны видят выгоды этой формы сотрудничества? Вспоминается интервью Первого секретаря ЦК МНПР, Председателя Президиума Великого Народного хурала МНР товарища Ю. Цеденбала в связи с началом строительства комбината «Эрдэнэт». Товарищ Ю. Цеденбал отметил следующий принципиальный момент: участвуя в создании совместных предприятий, Монголия получает возможность сооружать и эксплуатировать крупные современные

объекты, что в одиночку в настоящий момент стране не под силу. Впечатляет проектная мощность комбината «Эрдэнэт»: 16 млн. т переработанной руды в год. Оборудование в цехах устанавливается самое современное, без преувеличения можно сказать — уникальное. Первая очередь (на 4 млн. т руды) вошла в строй в 1978 г., то есть через несколько лет после того, как у подножия горы Эрдэнэтийн-Обо высадился десант строителей. В долине вырос современный город. От Трансмонгольской железнодорожной магистрали сюда проложена ветка, построена шоссейная дорога, протянулись ЛЭП от советской ГРЭС в Гусиноозерске (Бурятская АССР). Понятно, что собственными силами все это выполнить МНР в 70-е годы не могла бы. Создание совместного предприятия не только позволило Монголии сберечь средства, но и дало большой выигрыш во времени, поставило на службу социалистического строительства в МНР уникальные подземные кладовые.

Сотрудничество МНР и других стран — членов СЭВ нацелено на то, чтобы помочь первому социалистическому государству Азии сформировать современный, высокоэффективный народнохозяйственный комплекс, постепенно преодолеть разрыв в уровнях экономического развития с другими странами — членами СЭВ. Пути решения этой задачи исторической важности определены в Комплексной программе социалистической экономической интеграции — основном документе СЭВ. Решение задачи выравнивания уровней экономического развития ее членов пронизывает всю практическую деятельность этой организации. И в этой области связи МНР с братскими государствами носят новаторский характер, а накопленный опыт все в большей степени приобретает интернациональный характер. СЭВ распространял принципиальные положения о содействии Монголии в ускорении народнохозяйственного развития, зафиксированные в Комплексной программе, на Республику Куба и на СРВ после их вступления в члены Совета.

Вопрос: Какой вклад вносит МНР в борьбу за мир, демократию и социализм на международной арене?

Ответ: В основе внешнеполитического курса, осуществляемого МНРП и монгольским правительством, вот уже 60 лет лежит неизменная цель — достижение всеобщего мира. Поскольку важным фактором преодоления тяжелого феодального наследия и построения нового, социалистического общества являются мирные внешнеполитические условия, Монголия с первых дней Народной революции стала одним из активных борцов за мир и сотрудничество между государствами. Так, правительство Народной Монголии в декларации от 14 сентября 1921 г. заявило о своей готовности установить и поддерживать со всеми без исключения странами дружественные отношения и развивать сотрудничество на основе равноправия и взаимного уважения.

Однако, как известно, правящие круги капиталистических стран не только не откликнулись на призыв народного правительства, но и на протяжении многих лет некоторые из них вели подготовку к вторжению в Монголию, к захвату ее территории, всячески старались отгородить монгольское государство от внешнего мира, не допустить его выхода на международную арену.

Определяющей линией внешней политики МНР во время второй мировой войны было всемерное укрепление единства и сотрудничества с Советским Союзом, борьба за мир на Дальнем Востоке. В тот период МНР оказывала посильную материальную помощь СССР, вынесшему главную тяжесть войны и сыгравшему решающую роль в разгроме фашистской Германии. Монголия активно помогала нанести поражение японскому милитаризму, содействовала делу скорейшей ликвидации последнего очага мировой войны.

Образование мировой системы социализма создало благоприятные условия для упрочения международного положения МНР, развертыва-

ния социалистического строительства. В конце 40 — начале 50-х годов МНР устанавливает дипломатические отношения с социалистическими странами.

Верная интернациональному долгу МНР твердо стоит на позициях всемерного укрепления исторического завоевания революционных сил современности — мирового социалистического содружества.

МНР рассматривает тесное и всестороннее сотрудничество социалистических стран, их совместные координированные действия на международной арене как важнейшую часть своих внешнеполитических акций в интересах дела мира и социализма.

После победы Народной революции в Китае правительство МНР, одним из первых признав КНР, установило с ней дипломатические и экономические отношения. Однако впоследствии они были нарушены по вине маоистских руководителей Китая, которые начали проводить великодержавную, гегемонистскую политику в отношении МНР и других соседних с Китаем стран. В этих условиях разоблачение реакционной сути политики правительства Китая и ведение последовательной и решительной борьбы против опасного курса Пекина МНР рассматривает как свой интернациональный долг в борьбе за мир на международной арене.

МНР неизменно поддерживала и поддерживает национально-освободительные выступления народов, составляющие неотъемлемую часть мирового революционного процесса эпохи перехода от капитализма к социализму. Углублению дружественных отношений с молодыми развивающимися государствами способствует тот живой интерес, который вызывает у них опыт некапиталистического развития МНР и успехи, которых достиг монгольский народ при помощи Страны Советов за короткий исторический период.

С вступлением в ООН 27 октября 1961 г. МНР вышла на широкую дорожку равноправного международного сотрудничества. МНРП и монгольское правительство придерживаются того принципа, что все страны, как большие, так и малые, должны и могут по мере сил участвовать в практическом решении назревших международных проблем. Именно этот принцип является основой деятельности МНР в ООН.

Считая гарантией устранения войны из жизни человечества осуществление всеобщего и полного разоружения под строгим международным контролем, МНР принимает в рамках ООН деятельное участие в выработке конкретных мер в этом направлении.

Вместе с другими социалистическими странами Монголия стала соавтором проекта Декларации об укреплении международной безопасности, внесенного Советским Союзом в ООН. В числе первых Монголия подписала и ратифицировала Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, Договор о нераспространении ядерного оружия.

Сознавая настоятельную необходимость созыва Всемирной конференции по разоружению, Монголия выступает за активное конструктивное участие всех государств, в первую очередь ядерных держав, в решении ключевой проблемы укрепления мира.

Как член Комитета по разоружению МНР стремится содействовать решению проблемы запрещения и ликвидации химического оружия, запрещения испытаний термоядерного оружия.

Ныне МНР принимает активное участие в деятельности более чем 70 международных организаций, в том числе специализированных организаций ООН — ЭКОСОС, ЮНЕСКО, МОТ, МАГАТЭ, ФЛО; поддерживает дипломатические отношения с 90 странами мира.

Глубокий марксистско-ленинский анализ происходящих в международной жизни событий, высокая принципиальность, революционная твердость в защите интересов своей страны, в поддержке союзников,

непримиримость к империалистическим агрессорам и гегемонистам — вот основные черты внешней политики МНР, которая строго координируется с целенаправленной внешней политикой других стран социалистического содружества, в первую очередь Советского Союза, по осуществлению Программы мира, выдвинутой на XXIV съезде и получившей дальнейшее развитие на XXV и XXVI съездах КПСС. Это было и остается основой успехов внешней политики Монгольской Народной Республики.

Своей преданностью делу мира, демократии и социализма МНР завоевала большой авторитет у народов разных стран. Как подчеркивается в документах МНРП, эта преданность будет неизменной в деятельности МНР на международной арене.

Вопрос: За прошедшие 60 лет в Монголии была совершена подлинная культурная революция. Каковы ее характерные черты и особенности?

Ответ: Подобно тому как социалистическая революция в России, говоря словами В. И. Ленина, вывела десятки народов и народностей, оставшихся в стороне от мирового культурного и социального прогресса, на дорогу самостоятельного творчества новой жизни, Монгольская революция 1921 г. открыла тот же путь народу своей страны. Близость — по времени и целям — двух революций, нерасторжимое братство советского и монгольского народов, поднявших знамя борьбы за светлое будущее, внесли глубокие изменения в сознание трудящихся Монголии.

Необычный путь исторического развития страны во многом определил и характер, и темпы развития социалистической культуры Монголии.

Вихрь революции ворвался в устоявшийся образ жизни, регламентировавшийся лишь сменой времен года, сопровождавшийся чередой ритуальных праздников, молитвенных обрядов. Заколебалось пламя светильников перед фигурами ламаистских божеств. Зазвучали истины, которые отпугивали своей смелостью, как греховность. Их приносили с собой ораторы, которые выступали на митингах, собраниях, разъясняя политику народной власти, сущность отношений, которые должны были воцариться между тружениками.

Жизнь от природы любознательного, талантливом монгольского народа в условиях господства ламаистской религии сузилась до таких пределов, что многие, как герой рассказа Д. Нацагдоржа (1906—1937) «Сын старого мира», думали, что нет иных слов, кроме изрекаемых мудрыми старцами, нет других мест, кроме тех, где кочуют со скотом пастухи зимой, летом, весной, осенью. Ужасающее однообразие сковывало всю жизнь. Обитатели стойбищ располагались на жилые в пределах одного и того же колодца, к ним приезжали одни и те же вестники из внешнего мира — лама да чиновник местной канцелярии. Для духовного обновления народа нужна была огромная сила. И этой силой стало Слово, обращенное к народу, обладающему особым умением внимать ему, схватывать то, что произносилось вслух, и видеть то, что оставалось недосказанным.

В истории современной монгольской культуры, в определении магистрального пути ее развития колоссальную роль сыграли советы великого русского пролетарского писателя А. М. Горького, к которому через несколько лет после Народной революции за советом «с чего начать?» обратился Эрдэни-Батухан, бывший в ту пору министром просвещения. В ответном письме А. М. Горький сформулировал важный для монгольской действительности принцип активности, на основании которого монгольская интеллигенция должна была пробуждать народные массы к созидательной деятельности. Принцип активности имел огромное значение и, обладая великой потенциальной силой, на каждом этапе раз-

вития монгольской культуры неизменно выявлял свои действенные качества.

Творцы социалистической культуры Монголии — писатели, художники, мастера сцены, композиторы — плоть от плоти своего народа, они нерасторжимыми узами связаны с судьбой страны и играют важную роль в ее духовном расцвете. Вместе с народом они создают социалистическую культуру, которая, следуя национальным традициям, опирается на лучшие образцы мирового уровня.

Мастера искусств Монголии своим творчеством продолжают вдохновлять народ на свершения во имя торжества великих социалистических и коммунистических идеалов. За шесть десятилетий страна подошла к этапу завершения строительства материально-технической базы социализма. Среди множества кардинально важных достижений монгольского народа сияет яркими гранями новая, социалистическая культура. Под руководством своей партии монгольский народ подтвердил жизнью правоту ленинского учения о том, что глубокие экономические преобразования невозможны без культурной революции.

15-летие ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

В нынешнем году исполняется 15 лет со дня создания Института Дальнего Востока АН СССР. За сравнительно небольшой период времени ученые института проделали значительную работу по изучению проблем региона, внесли большой вклад в разработку актуальных вопросов современного Китая. В этом и последующих номерах журнала мы познакомим читателей с основными направлениями научных исследований института. Материалы подготовлены соответствующими отделами ИДВ АН СССР.

Исследование проблем социально-экономического развития КНР в ИДВ

Проблемы социально-экономического развития КНР находятся в центре внимания научных исследований Института Дальнего Востока АН СССР. Решение этих проблем служит базой научно обоснованной критики антисоциалистической, великодержавной политики пекинского руководства. С образованием института была намечена широкая программа научных исследований, проведения конференций, подготовки авторских работ и диссертаций по вопросам переходного периода в Китае, состояния производственных отношений, уровня и структуры производительных сил, этапов и характеристики экономической политики.

При исследовании коренных социально-экономических проблем Китая необходимо было, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, подняться до уровня крупных обобщений и раскрытия закономерностей развития Китая. Это тем более важно, что с 60-х годов в буржуазной и ревизионистской литературе муссируется антинаучная теория, будто «особый путь» Китая к социализму, «идеи Мао Цзэдуна» отражают специфические условия страны, традиции старого общества, что этот путь якобы вырастает из общественного строя, присущего только Китаю, а марксизм для Китая всегда был чем-то искусственным, навязанным извне. Реакционные исследователи Китая (К. Виттфогель и др.) пытались использовать маоистские извращения, допущенные после образования КНР, для того чтобы опорочить завоевания социализма в СССР и других странах. В «новейшей» теории Р. Гароди выдвигалась, напротив, идея множественности моделей социализма, утверждалось, что Китаю не подходят ни «западная», ни «советская» модель, что Китай будет строить свой собственный социализм.

В этих условиях советские китаеведы научно обосновывают выводы о том, что в Китае к 50-м годам сложились объективные условия для перехода на демократический и социалистический путь развития, хотя этот путь неизбежно будет длительным и сложным. Опыт китайской революции и первые годы существования КНР служили убедительным подтверждением возможности успешного преодоления многочисленных трудностей на пути перехода к социализму. Как было сказано в докладе М. И. Сладковского на Всесоюзной научной конференции китаеведов (ноябрь 1971 г.), «навязывание маоистами «особого» пути развития, авантюристические эксперименты «большого скачка» и «культурной ре-

волюции», хотя и затормозили ход общественного развития, не могут остановить исторически закономерное движение китайского общества к социализму»¹.

В числе наиболее острых проблем, стоявших перед китаеведами-экономистами, были такие, как характерные черты и особенности переходного периода в КНР, противоречия между новым, зарождающимся базисом в маонистской политической надстройкой, особенности развития производительных сил и путей индустриального развития, перспективы хозяйственного развития в условиях нарастания процесса милитаризации и усиления демографического давления. Решение этих задач существенно осложнялось отсутствием обобщающих официальных китайских данных по экономике и малочисленностью кадров китаеведов, работающих в этой области.

В первых работах ИДВ по вопросам социально-экономического строя КНР были высказаны положения о том, что китайская трактовка переходного периода применительно к Китаю несостоятельна. Согласно маонистской версии, переходный период к социализму завершился победой социалистических форм собственности, то есть к 1956—1957 гг. Тем самым, дескать, был создан широкий простор для бурного развития производительных сил. Эти взгляды были подвергнуты критическому пересмотру со стороны советских китаеведов (Г. В. Астафьева, В. И. Ванина, Е. А. Коновалова, М. М. Никольского, М. И. Сладковского, Г. Д. Сухарчука и др.), которые в своих работах поставили вопрос о характере форм собственности, незавершенности процессов становления новых производственных отношений, сложившихся в стране к 1958 г. В этих работах был дан анализ изменений в общественных отношениях под влиянием политики «большого скачка», «культурной революции», политики милитаризации. Требовались специальные разработки о деформации форм собственности (государственной и коллективной), отношений распределения, методов государственного присвоения продукта в условиях жесткой диктатуры маонистов над трудящимися после обобществления (точнее, «огосударствления») важнейших средств производства.

Институт Дальнего Востока АН СССР осуществил ряд коллективных и авторских работ по коренным социально-экономическим проблемам Китая. Кроме того, ученые института принимали участие в целом ряде других работ по этой проблематике².

В этих работах на основе объективного изучения и обобщения условий и закономерностей общественного развития Китая, а также анализа политики, проводимой маонистами, удалось выработать основную научную концепцию социально-экономического строя КНР.

С 1949 г. Китай вступил в переходный период построения социалистического общества. В условиях остальных производительных сил стране предстояла постепенная поступательная перестройка общественных отношений. Одной лишь конфискацией гоминьдановского капитала и раздачей помещичьих земель крестьянам невозможно было заменить

¹ Проблемы советского китаеведения. М., 1973, с. 12.

² «Экономика КНР» (Социально-экономический строй и экономическая политика КНР. 1949—1975), в 4-х кн. М., 1978; Промышленность КНР. М., 1979; Сельское хозяйство КНР. 1949—1974. М., 1978; Экономика КНР: транспорт, торговля, финансы (1949—1975). М., 1979; Китай сегодня. М., 1969; Проблемы советского китаеведения (Сб. докл. Всесоюзной научной конференции китаеведов, ноябрь 1971). М., 1973; В. И. Ванин. Государственный капитализм в КНР. М., 1974; Е. А. Коновалов. Социально-экономические последствия «большого скачка» в КНР. М., 1969; Л. А. Волкова. Изменение социально-экономической структуры китайской деревни 1949—1970 гг. М., 1972; Критика теоретических основ маонизма. М., 1973; Идеино-политическая сущность маонизма. М., 1977; Критика антимарксистских теорий в курсе политической экономии. М., 1979.

старые производственные отношения новыми. Формальными актами обобществления нельзя было подменить реальное обобществление. И чем выше пытались маоисты поднимать уровень формального обобществления средств производства (в деревне — от бригад взаимопомощи к кооперативам низшего, затем высшего типа и далее к народным коммунам; в городе — от низших форм госкапитализма к смешанным предприятиям, от кустарных кооперативов к мелким предприятиям государственного сектора), тем в большей мере обнажался отрыв «передовых» производственных отношений от неизменно отсталого уровня производительных сил и индивидуального характера труда на базе примитивных орудий.

Подобное «опережение» процессов обобществления, означавшее, по существу, отрыв форм собственности от уровня и характера производительных сил, не только не открыло простора для ускоренного роста последних, но и, напротив, оказало тормозящее влияние на весь процесс общественного воспроизводства. Это было связано также с изменением цели производства — перехода к интенсивному процессу милитаризации, к замораживанию низкого уровня жизни трудящихся, к уравниловке в оплате труда, к подчинению производства решению великодержавных гегемонистских задач. Ликвидация многоукладности общества таким способом, то есть методами принудительного «огосударствления» в кратчайшие сроки, использования обобщественных средств производства в своекорыстных гегемонистских целях, не могла не породить глубоких противоречий между объективными потребностями страны и народа и стратегий маоистского государства.

Важнейшим в методологическом отношении для разработки социально-экономических проблем Китая, явился научный вывод, сделанный в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXV съезде: «Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему».

Нынешнее руководство в своем «новом курсе» пересматривает «левацкие» изъятия в управлении экономикой и рекламирует систему мероприятий для оживления «всяческой активности» — возрождение «коллективных» форм хозяйства, частного предпринимательства, привлечение иностранного капитала и др. Эти процессы нельзя квалифицировать лишь как реакцию на левый экстремизм в период «культурной революции»: своими прагматическими мероприятиями Дэн Сяопин и другие руководители пытаются возродить «многоукладность» (на этот раз уже формирующуюся с позиций правого оппортунизма), осуществить «четыре модернизации» с помощью оживления частного сектора, восстановления единоличных хозяйств крестьян, рынка, создания смешанных предприятий с использованием иностранного капитала. Как и прежде, эти меры пытаются внедрять от имени социализма, «опираясь на объективные законы социализма», с целью создания «мощного процветающего Китая». Как и при жизни Мао Цзэдуна, нынешние руководители хотя и отказываются на словах от стратегии «производства ради производства», тем не менее продолжают консервировать низкий уровень жизни народа ради милитаризации.

В китайской печати в этот период участились публикации о преимуществах рыночной экономики в условиях социализма, о пользе конкуренции, полной самостоятельности предприятий, стали модными лозунг «Обогащайтесь!», статьи с восхвалением «теории» Бухарина о переходном периоде, согласно которой индустриализация может быть осуществлена лишь путем первоначального накопления, то есть за счет ограбления крестьян. «Новый курс» встречает одобрение на Западе. Высокопоставленные визитеры в Китай частенько упоминают об «особом пути» Китая, где «социалистический строй сочетается с рыночным

хозяйством», предсказывают, что этот симбиоз может быть третьим путем для многочисленных развивающихся стран.

Задача наших исследований состоит в том, чтобы проанализировать фазы и формы длительного и противоречивого процесса формирования базиса и социально-экономического строя Китая, увязать особенности и конкретные условия развития страны с общими и специфическими объективными законами, яснее представить перспективы и тенденции предстоящих процессов под воздействием внутренней и внешней политики руководства. При всей антисоциалистической, антисоветской направленности внешнеполитического курса КНР в Китае сохраняются основы и элементы социализма. Они являются главным объективным препятствием практического осуществления малоэффективной и бесперспективной стратегии навязывания народу политики великодержавия и гегемонизма на основе диктатуры и милитаризации.

Институту Дальнего Востока принадлежит приоритет в постановке и разработке проблем милитаризации в Китае. В работах В. И. Акимова, А. П. Морозова, М. И. Сладковского³ показано, что разрыв с принципами марксизма-ленинизма, авантюризм и великодержавные гегемонистские устремления китайского руководства привели к возникновению в начале 60-х годов и последующему развитию всеохватывающей милитаризации китайского общества. Милитаризм в современном Китае представляет собой реакционную систему, призванную путем принуждения и насилия обеспечить правящей группировке политическую власть в стране и создать благоприятные внутренние условия для осуществления ею своих великодержавных замыслов на международной арене.

В настоящее время милитаризм стал важнейшей составной частью всей совокупности общественных отношений в Китае. Он находит свое выражение в милитаризации всех сторон общественной жизни страны, ключая экономику, политику, идеологию, а также в агрессивной внешней политике.

Одной из важнейших форм проявления милитаризма в КНР является милитаризация экономики, в результате чего все стороны общественного производства подчинены интересам наращивания военной мощи, превращения Китая в «единый военный лагерь». Задачи экономического развития страны и осуществления курса «четырёх модернизаций» к концу нынешнего столетия сегодняшнее китайское руководство связывает с подготовкой к войне, с необходимостью всемерного наращивания военного потенциала.

В работах сотрудников института показано разностороннее отрицательное воздействие милитаризма на ход общественного развития в Китае. Это находит свое выражение в уродливом изменении всей структуры народного хозяйства, гонке вооружений, снижении темпов научно-технического прогресса, в перестройке внешнеэкономических связей в целях ускоренного наращивания военного потенциала, в насаждении милитаристской националистической идеологии, в разжигании военного психоза, в раздувании репрессивно-карательного аппарата, в военизации производственных отношений.

Для обеспечения условий скорейшего наращивания военного потенциала в рамках отсталой экономики китайские руководители пошли на разделение народного хозяйства на два сектора: военный и граждан-

³ М. И. Сладковский, В. И. Акимов, А. П. Морозов. Проблемы и противоречия индустриального развития КНР. М., 1974; В. Акимов, А. Морозов. Военно-экономические приготовления Пекина. — В кн.: Милитаризм в идеологии и практике маоизма. М., 1976; В. Акимов, А. Памор. Милитаризация экономики КНР. — В кн.: Антимарксистская сущность военной политики маоистов. М., 1973; А. П. Морозов. Милитаризация экономики и общественной жизни в КНР. — В кн.: Китай и гонка вооружений. М., 1980.

ский. При этом первый, обслуживающий военные нужды, развивается на индустриальной основе и находится в привилегированном положении с точки зрения централизованного обеспечения сырьем, топливом, энергией, материалами, оборудованием, финансовыми средствами, квалифицированными кадрами.

Одним из важных последствий милитаризма явилось гипертрофированное усиление роли армии в китайском обществе. Изучению этого нового явления в институте уделялось большое внимание. По этой проблеме был выполнен и опубликован ряд исследований⁴.

Милитаризация Китая представляет собой серьезную угрозу социалистическим завоеваниям китайского народа. Она проецируется на внешнюю политику в форме выступлений китайского руководства против разрядки международной напряженности, против разоружения и мер по ограничению стратегических вооружений, в форме политики провокации новой стратегической войны.

Очевидно, что процесс милитаризации китайского общества, прежде всего процесс милитаризации экономики и гонки вооружений, требует дальнейшего самого глубокого и пристального изучения.

Важное место в экономических исследованиях института занимает исследование проблем управления народным хозяйством КНР. Актуальность этой темы определяется ее особой значимостью для оценки современного состояния народного хозяйства КНР, а также перспектив его дальнейшего развития. Одним из первых результатов исследований по этой проблематике явилась работа В. Н. Ремыги «Система управления промышленностью КНР». В ней рассматривается значение использования опыта и помощи СССР в становлении системы управления промышленностью КНР в 1949—1957 гг., а также критически анализируется политика пекинского руководства в области управления промышленностью на последующих этапах экономического развития страны. В работе дается развернутый анализ конкретных форм и методов управления, делается вывод о противоречивом характере системы управления промышленностью КНР, сложившейся к концу 70-х годов и отражающей милитаристскую направленность экономической политики пекинского руководства.

Исследование системы управления народным хозяйством КНР приобретает особую значимость в настоящее время, когда в Китае проводится серия экспериментов с целью изучения возможности проведения широкомасштабной экономической реформы, которая, по замыслам китайского руководства, должна подчинить интересы предприятия и отдельного труженика великодержавным устремлениям Пекина.

Значительное внимание в экономических исследованиях института уделяется изучению состояния и развития производительных сил КНР. В период с 1960 по 1966 г. в советском Китае в исследовании этих проблем практически образовался своеобразный вакуум. Необходимо было не только в кратчайшие сроки заполнить этот вакуум, но и с новых, критических позиций дать оценку итогов развития производительных сил КНР. Выполнение этой задачи было сильно осложнено почти полным отсутствием официальной китайской статистической информации. В этих условиях начинать приходилось с поисков методик оценки и расчетов основных показателей, характеризующих уровень развития производительных сил. Разработанные в институте методы исчисления основных экономических показателей позволили в целом правильно оценить основные тенденции экономического развития страны.

⁴ Б. П. Барахта, Р. М. Неронов. Армия — основа маоистского режима. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1; К. А. Егоров. Карательно-репрессивный аппарат в системе маоистской диктатуры. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1; А. П. Памор. Место и роль армии в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3.

Изучение состояния производительных сил велось как в отраслевом, так и в территориальном разрезе. Итогом этой работы явилось уже упоминавшееся четырехтомное издание по экономике Китая, охватывающее хронологически период с 1949 по 1974 г., то есть 25-летний период со времени образования КНР. Том «Промышленность КНР» представляет собой многоплановое исследование. В нем рассматриваются этапы становления промышленности КНР с 30-х до середины 70-х годов, дается всесторонняя качественная характеристика китайской индустрии в сравнении с промышленностью других стран, анализируется отраслевая структура, состояние отраслей тяжелой и легкой промышленности. В работе впервые в советском Китаеведении сделана попытка дать количественную характеристику промышленности крупных производственно-территориальных комплексов, выявить существующие между ними экономические связи. Многоплановый подход дал возможность раскрыть сущность и особенности промышленного развития Китая и формирования его промышленной системы, произвести развернутый анализ состояния китайской промышленности, определить ее сильные и слабые стороны.

Монография «Сельское хозяйство КНР» — первое в советском Китаеведении комплексное исследование сельского хозяйства КНР за четверть века ее существования, содержащее всестороннюю характеристику этой важнейшей отрасли экономики. В работе освещен широкий спектр проблем. Наряду с анализом теоретических и практических аспектов аграрной политики китайского руководства дается характеристика отдельных отраслей.

В томе «Экономика КНР: транспорт, торговля, финансы» анализируется состояние производительных сил в таких важных отраслях экономики, как транспорт и водное хозяйство. Здесь же рассматриваются условия воспроизводства главной производительной силы общества — трудящихся, человека.

Во всех четырех книгах не только содержится весьма обстоятельная качественная и количественная характеристика состояния производительных сил народного хозяйства КНР, но и убедительно, на основе сравнения двух периодов (1949 — 1957 и 1958 — 1974 гг.), раскрываются пагубные, временами катастрофические последствия антисоциалистической, антинародной политики китайского руководства начиная с 1958 г., дается оценка того вреда, который нанес производительным силам «особый курс» экономического развития, провозглашенный Мао Цзэ-дунем.

За 15 лет существования института в его стенах было также подготовлено и издано много оригинальных работ, включая диссертационные исследования, посвященных изучению тех или иных сторон производительных сил общества, материально-технической базы китайской экономики. Общие вопросы промышленного развития рассматриваются в монографии «Проблемы и противоречия индустриального развития КНР» (М., 1974), развития сельского хозяйства — в книге «Сельское хозяйство КНР. 1966—1973» (М., 1975), «Культурная революция и ее последствия» (М., 1979).

Существенным вкладом в разработку отраслевых проблем явилась монография В. И. Акимова и В. П. Полякова «Машиностроение КНР» (М., 1979).

Важным аспектом изучения производительных сил Китая являлось исследование мелкого производства⁵. Мелкое производство играет весьма важную роль в удовлетворении текущих потребностей экономики КНР и обеспечении занятости. В настоящее время на его долю приходится 50 % валовой промышленной продукции.

⁵ См.: А. М. Круглов. Мелкая промышленность КНР. М., 1976.

Развитие мелкого, кустарного производства, домашних промыслов, безусловно, играет важную роль в обеспечении занятости китайского населения. Однако развитие мелкого производства имеет свои экономические границы, определяемые его эффективностью в сравнении с крупным, а не только наличием огромных ресурсов рабочей силы. Практика Китая подтвердила, что решить проблемы индустриализации, вопросы о путях и формах развития производства в условиях экономической отсталости и относительного перенаселения можно только путем комплексного подхода. Выработка такого подхода для Китая все еще остается нерешенной проблемой.

В прошедшие годы активно велась работа по изучению транспорта КНР. Здесь выделяется монография С. Л. Ширяева «Железнодорожный транспорт Китайской Народной Республики» (М., 1969). В этой и других работах С. Л. Ширяева убедительно доказывается, что главной причиной резкого обострения транспортной проблемы в Китае явилась антинародная политика китайских руководителей, определяемая милитаристскими и экспансионистскими целями, когда масштабы и основные направления транспортного строительства диктовались в первую очередь не экономическими, а военно-стратегическими соображениями.

Проведенные в институте исследования качественного и количественного состояния производительных сил позволили дать реальную оценку курса «четырёх модернизаций», предусматривавшего осуществление к концу нынешнего столетия модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники и выдвижение Китая по уровню экономического развития в число наиболее развитых стран мира. В работах сотрудников института⁶ убедительно доказана несостоятельность этой программы экономического развития Китая. Это определяется прежде всего весьма низким исходным уровнем экономического развития: КНР значительно отстает не только от развитых стран по производству основных видов продукции на душу населения, но и от среднемировых показателей. Следует учитывать также ряд существенных недостатков в китайской экономике качественного характера. В первую очередь они связаны с положением базовых отраслей промышленности, развитие которых заметно отстает от потребностей народного хозяйства. Несмотря на отдельные успехи, достигнутые в 70-е годы в развитии добычи нефти и газа, страна, по существу, испытывает постоянные энергетические трудности, прежде всего в области электроэнергетики. Не способны удовлетворять потребности народного хозяйства в конструкционных материалах черная и ряд отраслей цветной металлургии. Неравномерное развитие отраслей создает резкие диспропорции в промышленности и не позволяет в полной мере использовать созданные мощности. Наиболее существенными, в частности, являются диспропорции между добывающей и обрабатывающей промышленностью, между машиностроением и металлообработкой, между производственными потребностями и энергетической базой народного хозяйства и т. д.

Серьезным негативным фактором является также низкий технический уровень многих отраслей, значительный удельный вес отсталых форм производства. К этому следует добавить громадное отставание Китая от развитых стран по уровню развития науки и техники. По оценкам специалистов, это отставание в важнейших областях составляет от 10 до 30 лет. Очень низка производительность труда и в сельском хозяйстве.

Нереальность курса «четырёх модернизаций» обуславливается не только низким исходным уровнем экономического и научно-технического развития КНР, но и ее коренными целями, определяющими характер

⁶ М. И. Сладковский. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978; В. И. Акимов, В. И. Потапов. «Четыре модернизации»: наметки и реальность. — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 2 и др.

социальную направленность экономической политики китайского руководства.

Само по себе стремление осуществить всестороннюю модернизацию экономики к 2000 г., превратить Китай в современное развитое государство является вполне естественным. Решение подобной задачи могло бы стать крупным вкладом в дело прогресса не только Китая, но и всего человечества. В КНР, располагающей богатейшими материальными и людскими ресурсами, имеются для этого необходимые условия. Анализ, однако, показывает, что, казалось бы, позитивное с точки зрения экономического развития страны стремление выйти в число развитых стран мира, по существу, приобрело реакционный характер. Этот курс направлен не на укрепление и развитие основ социализма в Китае, не на всемерное повышение жизненного уровня китайского народа, а на превращение страны на милитаристской основе в мощное в военном отношении государство, способное вести активную экспансионистскую политику с позиции силы.

Важное место в исследованиях производительных сил заняли вопросы воспроизводства рабочей силы. Здесь следует прежде всего отметить работы Е. А. Коновалова, по существу заложившие научные основы изучения демографических проблем Китая. В работе А. В. Островского «Рабочий класс, его место и роль в социально-экономической структуре Китая» анализируются основные черты развития рабочего класса страны, его социальная структура и социально-экономическое положение, условия труда и жизни.

Первым исследованием в советской литературе одной из наиболее сложных и актуальных проблем Китая — продовольственного кризиса — явилась работа И. Н. Наумова⁷. На обширном фактическом материале в ней было доказано, что в Китае имеются все объективные условия при наличии научно обоснованной экономической политики для преодоления продовольственных трудностей и создания необходимых условий для нормального воспроизводства рабочей силы на расширенной основе, однако основным препятствием в деле решения продовольственной проблемы является авантюристическая, антинародная политика китайских лидеров.

Важным аспектом изучения экономики современного Китая являются внешнеэкономическая политика и внешнеэкономические связи КНР. Усилия сотрудников института в эти годы были сосредоточены на оценке характера и последствий переориентации внешнеэкономических связей Китая преимущественно на капиталистический рынок. В условиях «особого курса» внешнеэкономические связи КНР в значительной степени превратились из средства международного экономического сотрудничества в орудие гегемонистской шовинистической политики китайского руководства.

Значительным вкладом в изучение этих проблем стали работы М. И. Сладковского, в ретроспективном плане рассматривающие историю торгово-экономических отношений народов России с Китаем, а также Советского Союза и Китая с 1917 по 1974 г.⁸ В этих работах показан положительный характер русско-китайских экономических отношений, подчеркивается, что после победы Октябрьской революции «на всех этапах новейшей истории, особенно в критические для Китая годы, когда народу этой страны приходилось решать коренные национальные вопросы, вести смертельную борьбу за независимость и социальную справедливость, он неизменно в лице Советского Союза находил искрен-

⁷ См.: И. Н. Наумов. Продовольственная проблема в Китае. М., 1973.

⁸ См.: М. И. Сладковский. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974; его же: История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917—1974. М., 1977.

него друга и получал от него братскую помощь». В этом отношении «отход Китая от содружества с СССР и другими социалистическими странами представляет собой результат утверждения воинствующего великоханьского шовинизма»⁹.

Вопросы экономических отношений Китая с другими странами рассматриваются также в работах М. И. Сладковского «Китай и Япония» (М., 1971) и «Китай и Англия» (М., 1980).

В работе С. А. Манежева исследуются экономические отношения КНР со странами Юго-Восточной Азии¹⁰, особое внимание уделено основным формам и методам экономической экспансии Пекина в этом регионе.

Одним из важных аспектов внешнеэкономических связей Китая, потребовавших углубленного изучения, явились научно-технические отношения КНР с Советским Союзом, которые получили соответствующее отражение в монографии Л. В. Филатова «Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю (1949—1966)» (М., 1980). В ней освещаются основные этапы сотрудничества, дается экономическая и стоимостная оценка советской помощи Китаю, методика ее расчета.

В настоящее время китайское руководство возлагает серьезные надежды на широкое сотрудничество с развитыми капиталистическими странами вплоть до привлечения в страну иностранного капитала в целях ускорения темпов экономического развития и реализации курса «четырех модернизаций». В этих условиях перед исследователями стоит задача вскрытия социально-классовой сущности нового поворота во внешнеэкономической политике, оценки той действительной роли, которую сможет сыграть внешний фактор в решении экономических проблем Китая.

В связи с политикой привлечения в страну кредитов и капитала развитых империалистических государств встает вопрос об исследовании проблем валютной ликвидности и социально-экономических последствий для Китая.

Самостоятельным направлением исследований ИДВ АН СССР в области социально-экономических проблем было изучение экономической политики китайского руководства на различных этапах существования КНР. Пристальное внимание к экономической политике и роли маоистского государства вполне объяснимо и оправданно, ибо надстройка в условиях Китая традиционно, на длительных этапах истории и особенно после образования КНР, оказывала и продолжает оказывать колоссальное воздействие на ход экономического развития. По Ф. Энгельсу, государственная власть может оказывать на экономическое развитие различное воздействие. «Она может действовать в том же направлении — тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях.

...Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»¹¹.

В работах «Социально-экономический строй и экономическая политика КНР», «Идейно-политическая сущность маонизма» (раздел IV, «Экономические теории и экономическая политика маонизма»), «Критика ан-

⁹ См.: М. И. Сладковский. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917—1974, с. 318, 319.

¹⁰ См.: С. А. Манежев. Экономические отношения КНР со странами Юго-Восточной Азии. М., 1980.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 417.

тимарксистских теорий в курсе политической экономии» (глава «Маоистские концепции экономики социализма»), в целом ряде статей журнала «Проблемы Дальнего Востока» и других публикациях китаеведы-экономисты постоянно изучают повороты, зигзаги и последствия экономической политики пекинского руководства, сказывающиеся на общественном развитии КНР.

Если в первые годы после образования КНР при огромной экономической помощи СССР и других социалистических стран, а также при содействии Китаю в составлении первого пятилетнего плана и проекта второй пятилетки (1958—1962) были сделаны успешные попытки достичь высоких и устойчивых темпов экономического развития, сбалансировать пропорции накопления и потребления, претворить в действие закономерности экономического развития при социализме, то с конца 50-х годов маоисты отбросили генеральную линию партии на переходный период, отошли от решений VIII Всекитайского съезда КПК и встали на порочный путь «скачков» и «культурных революций». Это исключало переходные формы преобразований, требовало «взвинчивания темпов» и «форсирования преобразований». Естественно, что краткий период благоприятного воздействия еще неокрепшего государственного механизма не смог выявить всех преимуществ социалистического строя: процесс восхождения к социализму был прерван политикой маоистов, которые вначале задались авантюристическими помыслами «догнать Англию», «опередить США» на экономическом поприще, а затем скатились на внешнеполитические акции оголтелого антисоветизма, враждебности всему социалистическому лагерю. С тех пор вот уже на протяжении более чем 20 лет экономическая политика КНР на различных этапах оказывает резко отрицательное воздействие на формирование производственных отношений и развитие производительных сил.

На этапе «большого скачка» форсированные преобразования в деревне и принудительное и неподготовленное обобществление кустарных предприятий и капиталистических предприятий в городах привели к гипертрофированному сосредоточению ресурсов на производстве металла, что породило глубочайший кризис всего народного хозяйства и диспропорциональность между возможностями экономики страны и амбициозными планами маоистов. Это отбросило экономику на много лет назад, потребовало целого этапа «урегулирования» (1961—1965). Между тем экономические амбиции маоистов сменились политическими и стратегическими; уже с 1963 г. страна встала на путь дорогостоящей форсированной милитаризации. В условиях технико-экономической отсталости мечты китайского руководства поднять военно-промышленный потенциал «в кратчайшие сроки, любой ценой» дорого обходятся китайскому народу.

Экономическая политика руководства на этапе «культурной революции», как свидетельствуют работы советских китаеведов¹², показала, какой большой ущерб может причинить экономике политическая кампания. В качестве пережитков «буржуазного права» атаковались права крестьян на приусадебные участки, подсобные промыслы, на вознаграждение по труду. Важнейшим объектом кампании по «ограничению буржуазных пережитков» являлся рабочий класс Китая. Пропагандировалась максимальная уравнительность в распределении, была устранена восьмиразрядная тарифная сетка зарплаты, якобы «изжившая себя», и стала внедряться трехразрядная сетка, игнорирующая качество труда. Рабочих призывали: «Нужно работать, не считая часы и не думая о вознаграждении», «развивать пролетарский дух голытьбы». Эта ориентация была не временным мероприятием, а рассчитана на «весьма длительный период».

¹² См.: Китай сегодня; Идеино-политическая сущность маоизма; Проблемы и противоречия китайской экономики. М., 1974 и др.

После смерти Мао Цзэдуна в экономической политике КНР наступили заметные изменения. Их существо заключается во временном отказе от «лево»-экстремистских, диктаторских методов руководства экономикой, скомпрометировавших себя и нанесших колоссальный ущерб производительным силам. Сейчас китайское руководство ориентирует страну на переходный этап так называемого «урегулирования» для последующего осуществления «четырех модернизаций». На XXVI съезде КПСС было отмечено, что «опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятилетия — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике». Там же было отмечено, что «во внутренней политике происходят сейчас изменения. Истинный смысл их еще покажет время. Оно покажет, в какой мере нынешнему китайскому руководству удастся преодолеть маоистское наследие». От советских китаеведов требуется ответить на принципиальные вопросы: что в курсе нынешнего руководства осталось от традиционной экономической политики Мао Цзэдуна, что в ней принципиально нового, к чему эта политика приведет с точки зрения общественного развития Китая?

Нынешние меры «урегулирования» сопровождаются существенными изменениями отраслевых пропорций в сторону преимущественного развития отраслей легкой и текстильной промышленности. В стране резко сокращаются масштабы капитального строительства, закрываются тысячи промышленных предприятий, которые выпускают ненужную ныне и негодную продукцию. Приоритетом пользуются предприятия, требующие минимальных капитальных вложений, расходующие ничтожное количество энергии, но поглощающие максимальное количество занятых. Подобная резкая перестройка привела к общему снижению темпов экономического развития страны, увеличению армии безработных, резкому повышению цен на потребительские товары, сельскохозяйственный инвентарь, усилению темпов инфляции и дефициту государственного бюджета. Все это создает вновь критическую ситуацию на хозяйственном фронте.

Анализ мероприятий нынешнего руководства за последние годы показывает, что в главном оно продолжает осуществлять прежнюю стратегию с тем лишь отличием, что форсированное наращивание военно-промышленного комплекса на этот раз связывают с широким привлечением военно-промышленной мощи капиталистических стран. По-прежнему целью общественного производства не является улучшение жизни и условий труда китайского народа, оно по-прежнему осуществляется ценой колоссальных растрат человеческого труда. Нынешние руководители Китая оказались в плену военно-бюрократических, диктаторских и административных методов управления, хотя и пытаются дополнять их сомнительными экспериментами оживления «рыночной экономики».

В чем заключаются отличительные черты экономической политики китайского государства в последние двадцать лет? Прежде всего в отсутствии научно обоснованной долговременной стратегии развития. За последние два с лишним десятилетия страну потрясают бурные политические кампании, крутые повороты в установлении темпов промышленного развития, в определении «решающих звеньев» (например, сталь, зерно), что приводило и приводит к серьезным нарушениям народнохозяйственных пропорций, к снижению темпов производства и разлаживанию всего процесса общественного воспроизводства. В периоды очень высоких темпов роста промышленного производства («большой скачок», 70-е годы) страна испытывала огромное напряжение, ибо прирост производства достигался непомерно высокой нормой накопления, растянутым фронтом капитального строительства, гипертрофированным развитием мелкого производства, расширением занятости за счет дешевых, но неэффективных рабочих мест. Это естественно приводило к консер-

вации жизненного уровня, снижению эффективности капитальных вложений, к огромным растратам живого и общественного труда (об этом неоднократно писали в своих работах ученые ИДВ АН СССР, а ныне подтверждают и известные китайские экономисты — Сунь Ефан, Сюй Дисинь, Сюэ Муцяо и др.). Увеличение числа рабочих мест за счет мелкого производства в коллективном и частном секторах временно сокращало размеры открытой безработицы, но приводило к тому, что ограниченные ресурсы сырья и энергии (хлопок, табачный лист, сахарный тростник, уголь) первоочередно попадали не на современные крупные объекты, а на тысячи мелких промышленных предприятий, народных коммун и уездов, оснащенных примитивным оборудованием, выпускающих некачественную продукцию и не пополняющих финансовые доходы государства. В целом народнохозяйственная эффективность производства неуклонно снижается, валютные поступления сокращаются из года в год, между предприятиями идет настоящая борьба за сырье, государственные заказы, рынки сбыта.

Анализ экономической политики китайского руководства свидетельствует о том, что, проявляясь в различных формах, будь то «лево»-экстремистские либо правооппортунистические методы, в любых случаях политическая власть в Китае продолжает оказывать разрушительное влияние на социально-экономическую структуру, порождает новые противоречия и проблемы в жизни и труде миллиардного населения страны. Задача наших исследований социально-экономического строя и роли китайского государства состоит в дальнейшем объективном учете и анализе реальных событий в стране на основе марксистско-ленинской теории и методологии.

Изучение внутривнутриполитических проблем современного Китая в ИДВ

В последние полтора десятилетия китайская проблема с годами приобретает все более острый характер. С начала 60-х годов пекинское руководство развернуло широкую подрывную деятельность против братских партий, против социалистических стран. В этих условиях отношения с Китаем стали приобретать принципиально иное содержание.

Прежде речь шла о развитии всестороннего сотрудничества всех стран социализма с Китаем, о координации действий в общей борьбе против империализма. После узурпации власти группой Мао Цзэдуна стало вынужденной необходимостью оказание противодействия подрывной, раскольнической линии маоистов, открывших фактически второй фронт против мирового коммунистического движения, социалистической системы и выступающих объективно пособниками самых реакционных, агрессивных кругов империализма. При этом вновь актуальное значение приобрел вопрос о борьбе за социалистическую перспективу развития Китая. Все это, вместе взятое, выдвинуло проблемы положения в Китае и судьбы революции в этой стране в число острейших вопросов современности.

Начиная с 60-х годов и особенно после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС наша партия призвала коммунистов, всех марксистов-ленинцев повысить бдительность в отношении антисоциалистических происков китайских руководителей, встать на защиту марксистско-ленинского учения, социалистических идеалов.

Товарищ Л. И. Брежнев, выступая на Международном совещании братских партий, проходившем в 1969 г. в Москве, отметил: «Всесторонний марксистско-ленинский анализ классового содержания событий в Китае за последние годы и корней нынешнего курса руководителей КПК, ставящего под угрозу социалистические завоевания китайского народа,— большая и серьезная задача»¹.

В последние годы советское китаеведение проделало значительную работу в этом направлении. В области критики теории и практики маоизма, его извращений научного коммунизма советские ученые-китаеведы провели ряд крупных исследований. Институты Дальнего Востока, Востоковедения, Международного рабочего движения и другие опубликовали ряд монографий и сборников. В содружестве с марксистами из братских стран советские ученые осуществляли детальный разбор теории и практики маоизма, разоблачали опасный характер этого антисоциалистического, антимарксистского явления. Итоги подобных исследований были изложены, в частности, в коллективном труде марксистов ряда социалистических стран «Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма», в сборниках «Маоизм глазами коммунистов», «Опасный курс» и др.

Представляет определенный практический интерес попытка проследить эволюцию концепций по внутривполитическим вопросам КНР, которые разрабатывались в Институте Дальнего Востока и учеными других научных учреждений с участием института. Сделать это тем более важно, что Центральный Комитет нашей партии, постоянно уделяющий внимание положению в Китае, вопросам советско-китайских отношений, неизменно требует повышения уровня научно-исследовательской работы по Китаю. В силу исторических обстоятельств китаеведение оказалось в ряду тех общественных наук, которые находятся на самом остром участке идейно-политической борьбы нашей партии, всего мирового коммунистического движения — против одного из опаснейших противников марксизма-ленинизма, научного коммунизма, против маоизма.

* * *

В конце 50-х годов наша партия критиковала группу Мао Цзэдуна и пасаждавший ей «казарменный коммунизм», предупреждала о губительных последствиях, которые могут повлечь за собой попытки совершить «большой скачок» в развитии народного хозяйства и наспех «коммунизировать» деревню. В 60-х годах перед советскими китаеведами более остро встала задача классового анализа общественно-исторического развития Китая в связи с усилением негативных моментов в надстройке и базисе китайского общества. В первую очередь это касается изучения социально-экономических и политических процессов в КНР.

Главным аспектом в исследованиях ИДВ по внутривполитической ситуации КНР 1966—1976 гг. являлась оценка маоистской «культурной революции», ее последствий и результатов для судеб китайской революции и китайского народа. Оценка «культурной революции», прежде всего ее внутривполитических моментов, стала в последние годы предметом острой политической борьбы как в Китае, так и на международной арене, включая коммунистическое движение.

В основе своей правильная или извращенная ревизионистская оценки «культурной революции», ее последствий связаны с продолжением внутривполитической борьбы, с нерешенностью важнейших социально-экономических проблем, с продолжением кризиса маоизма и попытками пекинских лидеров «исправить» и укрепить режим военно-бюрократической

¹ Л. И. Брежнев. Лесинским курсом, т. 2. М., 1973, с. 392.

диктатуры группировки Мао. Эти оценки связаны с борьбой маоистов против сохраняющихся оппозиционных взглядов и их попытками любыми средствами предотвратить консолидацию, сплочение здоровых сил в стране.

Империалистическая пропаганда, антикоммунисты и буржуазные синологи начали восхвалять «китайскую модель социализма», превознося «культурную революцию», подчеркивая, будто она была направлена на «сохранение Китая для социализма».

В этих условиях советские ученые, в том числе и научные сотрудники Института Дальнего Востока АН СССР, занимались научными исследованиями внутриполитической ситуации КНР с целью создать марксистско-ленинскую концепцию внутреннего развития Китая, восстановить историческую правду о деятельности Мао Цзэдуна и его сторонников, о том огромном ущербе, который нанесли маоисты своей внутренней политикой китайскому народу, мировому коммунистическому, национально-освободительному движению, делу социализма в Китае.

В 1966—1968 гг. советские синологи разработали концепцию о корнях событий «культурной революции» в Китае. Во внутриполитическом плане научные разработки освещали длительную борьбу националистической группы Мао Цзэдуна с интернационалистическими силами КПК. Подчеркивалось, что националистическая группировка в КПК, захватившая власть, не сделала выводов из провала маоистской политики «большого скачка», «народных коммун» и «новой генеральной линии». Тем самым завязывался острый узел противоречий, который рано или поздно должен был привести к кризису социалистического развития Китая².

В 1967—1969 гг. в научных работах ИДВ был подробно освещен внутриполитический ход событий «культурной революции», вскрыта ее суть как «подавление социалистической революции» в Китае, «реакционный военный переворот»³.

В ряде научных работ и статей института были даны общие выводы концепции социально-политических итогов «культурной революции» и IX съезда КПК. Они полностью подтвердили правильность общей оценки, данной товарищем Л. И. Брежневым в сентябре 1967 г.: «То, что группа Мао Цзэдуна именует «культурной революцией», правильно было бы назвать контрреволюцией». Вкратце выводы сводились к следующему.

² См.: О. Е. Владимиров, В. И. Рязанцев. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М., 1969; Г. В. Астафьев. Проблемы промышленного развития Китая (1949—1957). М., 1970; М. И. Сладковский. Характеристика социально-экономического строя КНР. М., 1970; В. Вятский, Ф. Димин. Экономический авантюризм маоистов. М., 1970; Г. Д. Сухарчук. О социально-экономических взглядах Мао Цзэдуна. М., 1970; Е. А. Коновалов. Социально-экономические аспекты народонаселения КНР. М., 1970; Китайская Народная Республика. Экономика, государство и право, культура. М., 1970; З. А. Муромцева. Проблемы индустриализации КНР. М., 1971; Современный Китай. Социально-экономические проблемы (отв. ред. М. И. Сладковский). М., 1972; Л. А. Волкова. Изменение социально-экономической структуры китайской деревни. 1949—1970 гг. М., 1972; В. И. Вятский. Экономическая политика маоистов. М., 1972; А. М. Румянцев. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэдуна». М., 1972.

³ См.: Б. Занегин, А. Миронов, Я. Михайлов. К событиям в Китае. М., 1967; Маоизм глазами коммунистов (вступ. ст. и ред. В. А. Кривцова). М., 1969; Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэдуна (гл. ред. М. И. Сладковский). М., 1969; Китай сегодня (отв. ред. Л. П. Делюсин и Г. Д. Сухарчук). М., 1969; А. Миронов, Я. Михайлов. Военно-бюрократическая диктатура — оружие великодержавной политики группы Мао Цзэдуна. М., 1969; «Ревкомы» — органы диктатуры Мао. М., 1969; Ленинизм и политика современного Китая (сб. ст. под ред. М. И. Сладковского). М., 1972; Новейшая история Китая 1917—1970 гг. (колл. авт., отв. ред. М. И. Сладковский). М., 1972.

IX съезд КПК узаконил военно-бюрократический режим, установленный в ходе «культурной революции». В политической области произошли наиболее существенные передвижки власти, серьезно затронувшие социалистические элементы надстройки китайского общества, деформировавшие их. Вся власть в стране оказалась в руках военно-бюрократической группировки маоистов, которая установила свою абсолютную диктатуру. Тенденция развития народно-демократической власти в Китае в сторону превращения ее в диктатуру пролетариата временно приостановлена. Руководящая роль КПК как авангарда рабочего класса подорвана, а сама партия была в ходе «культурной революции» развалена. Развернувшийся процесс создания маоистской политической организации под вывеской КПК на принципиально иных политических, идейных и организационных основах преследовал цель закрепить социал-шовинистические тенденции в Китае.

В социальной области маоисты продолжали бонапартистское лавирование между классами и искусственно создаваемыми социальными группами, по-прежнему рассматривали армию в качестве главной опоры своего режима, а консервацию политической инертности и культурной отсталости огромной массы крестьянства — как благоприятное условие существования маоистского режима.

Однако сам насильственный характер поворота к военно-бюрократическому режиму и намечаемая группой Мао Цзэдуна переориентация внешней политики на политическое смыкание и блокирование с империалистическими странами, прежде всего с США, вызвали возрастание сопротивления внутри еще сохранившихся организаций КПК в КНР и новый взрыв внутривластной борьбы среди фракций пекинского руководства. Кризисные явления в маоизме и столкновения фракции военных (во главе с Линь Бяо) с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем постепенно созревали в 1969—1971 гг. и вылились в «сентябрьский кризис» 1971 г.

В начале 1972 г. ученые Института Дальнего Востока АН СССР на китайских материалах разработали концепцию очередного кризиса маоизма, выдвинули научную гипотезу о причинах столкновения Линь Бяо с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. Основные посыпки этой концепции следующие⁴:

— «Сентябрьский кризис» 1971 г. в своей основе вызван обострением борьбы за власть между фракциями маоистского режима, почувствовавшими нарушение неустойчивого равновесия в конгломерате многовластия переходного механизма режима. Проблема сводилась к перераспределению рычагов власти и сфер влияния, к устранению фракции Линь Бяо в системе власти.

— Решающим моментом было то, что по мере отхода от экстремистской линии «культурной революции» вся политическая структура в целом все больше оказывалась под влиянием Чжоу Эньлая. Когда появился противовес военно-контрольному механизму в лице новых парткомов, Чжоу Эньлай смог выступить против Линь Бяо, а Мао Цзэдун поддержал Чжоу и его союзников из военных, учтя новую расстановку сил.

— Армия, как основа маоистского режима, была в итоге поставлена в положение правящей силы. Военные на местах в условиях разгрома КПК и общественных организаций заняли господствующее положение. Однако это вовсе не значит, что весь военный аппарат был прямой опорой Линь Бяо. В НОАК было много соперничавших фракций, что подрывало положение Линь Бяо.

⁴ Концепция разработана коллективом ученых Института Дальнего Востока под руководством кандидата исторических наук В. П. Фетова в конце 1971 г. См.: В. Фетов. Очередной кризис в Пекине: падение Линь Бяо. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2.

— Хотя позиция Линь Бяо в 1972 г. не полностью раскрывалась имеющимися документами, все-таки удалось выявить основу в расхождении: 1) «размахивая знаменем Мао», Линь Бяо фактически вел дело к полному ослаблению идеологического ядра в маоистском руководстве, стремился поставить его под свой «абсолютный авторитет» и контроль; 2) у Линь Бяо была особая, отличая от точки зрения Мао (и Чжоу Эньлая), позиция в отношении США и СССР; 3) важнейшей областью столкновения Линя с Мао был вопрос о милитаризации партии; 4) имело место столкновение по вопросу о так называемом маоистском «курсе строительства армии» (и ополчения); 5) в более широком смысле расхождения между Мао и Линем, по-видимому, затрагивали и ряд вопросов внутренней, прежде всего народнохозяйственной политики.

«Сентябрьский кризис» 1971 г. позволил поставить вопрос в более широком аспекте — о новом кризисе маоизма в идейно-политической, социальной, организационной, военной и других сферах. Был сделан вывод о том, что нынешний кризис отражает коренные пороки и слабости маоистского режима, свойственные ему принципы лавирования между различными политическими силами и социальными слоями, практику искусственного разжигания противоречий в партии и обществе, на балансировании среди которых, а не на реальном идейно-политическом авторитете зиждется маоистская власть. «Кризис маоистского руководства в области внутренней политики ведет к общей неустойчивости, в области внешней политики — к еще большему авантюризму»⁵.

Важнейшими выводами в области внутривластной ситуации были следующие:

— В 1970—1972 гг., но особенно четко после «сентябрьского кризиса» 1971 г., в Китае прослеживалось большое число мероприятий, которые даже внешне резко отличались от мероприятий «культурной революции» и прежних маоистских лозунгов. К середине 1972 г. наибольшее развитие получили внутривластные методы и лозунги, которые обычно связывали с именем Чжоу Эньлая. Вместе с тем углубленный анализ сущности новых внутривластных мероприятий не позволял оценить их как радикальное изменение внутренней политики, как радикальный отход от прежней линии маоцзэдуновского руководства. Во внутривластной области по-прежнему всемерно пропагандировался и осуществлялся стратегический курс IX съезда КПК, основным содержанием которого являлись «перманентная революция», подготовка к войне, антисоветизм, мобилизация всего китайского народа на борьбу за маоистский Великий Китай.

— Наиболее сложной для маоистов оставалась проблема армии и связанная с этим более общая задача подавления всех явных и потенциальных оппозиционеров в рамках военно-политической системы. Армия осталась важнейшей опорой режима, целиком сохраняющего свой военно-бюрократический характер. Поэтому речь шла не о механической замене военного контингента в рамках политической системы, а о еще большем подчинении армии маоистской диктатуре. Соответственно и широкая задача идейно-политической переориентации армии преобладала над узкой задачей чистки определенных элементов в ее составе.

— В тот период политическая борьба была перенесена в партию, в ее руководящие органы различных ступеней. Мао Цзэдун и его приближенные пытались прежде всего через аппарат партии усилить контроль над армией, военными деятелями и кадровыми работниками.

⁵ М. И. Дальнев. Кризис великодержавного маоистского курса. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2.

— Складывающаяся политическая система (1972) была построена как временная и переходная. Ее развитие по маоистским схемам потерпело неудачу.

Данные выводы были подкреплены статистическим анализом лозунгов, содержащихся в китайской печати в конце 1971 — первой половине 1972 г.

Кроме того, сходные результаты дало и научное изучение персонального состава пекинского руководства по спискам, появившимся в центральной печати КНР в конце марта 1972 г.

Конкретный исторический анализ динамики военного контроля в КНР в 1965—1970 гг., завершённый в институте к концу 1971 г. в виде законченного исследования⁶, показал опасность для группировки Мао Цзэдуна дальнейшей возрастания роли военных в Китае. Был сделан вывод, что пекинское руководство может попытаться ограничить роль военных в сфере управления, постарается переключить НОАК на более широкую боевую подготовку. Вместе с тем анализ всеобъемлющего распространения военного контроля и милитаристских форм управления в Китае вскрыл, во-первых, механизм военно-бюрократического режима, а во-вторых, — трудности на пути возвращения китайского общества к социалистическим социально-политическим отношениям. В этом убеждали также выводы двух монографических исследований о социально-политической роли армии в Китае в 1949—1957 гг. и в 1958—1969 гг., сделанные в ИДВ научными работниками Н. Н. Трубочкиным и Г. Н. Мосько. В этих исследованиях доказано, что с 1949 г. группа Мао Цзэдуна старалась культивировать милитаризм и особое положение армии в Китае, а два последних десятилетия в политической и общественной жизни страны возобладал дух насилия, милитаризма и подготовки к войне⁷.

В ученых кругах института из указанных исследований был сделан практический вывод о необходимости более глубокого изучения реальной роли НОАК и ее руководства на протяжении «культурной революции» в целях проверки, уточнения и, в случае необходимости, переоценки некоторых прежних стереотипных заключений.

В научной дискуссии о внутриполитической обстановке КНР за 1972 год, проходившей в первом квартале 1973 г., были выдвинуты некоторые новые идеи о тенденциях внутриполитического развития:

— Политическая ситуация 1972 г. выявила нарастающую борьбу между фракциями деятелей «культурной революции» — Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь и др. — и фракцией «администраторов» (государственные деятели прагматического толка, которым близок Чжоу Эньлай) как за высшую власть, так и за кандидатуру «преемника Мао». Анализ появившихся в 1972 г. документов по «делу Линь Бяо» вскрыл, что, во-первых, эти документы, скорее всего, были совместным делом фракции «ортодоксальных» маонистов и «прагматиков», а во-вторых, линия конфронтации также проходила и между этой фракцией и фракцией Линь Бяо. В интересах ортодоксально-маонистской фракции действовал Мао, стремившийся пресечь дальнейшее усиление военных на этапе приступа к формированию государственной власти. Устранение наиболее сильной военной фракции было первым условием возвышения нового клана руководителей, с упрочением которых (в том числе Цзян Цин) Мао Цзэдун связывал проблему «передачи власти». На первый план выдвинулось соперничество

⁶ См.: Б. П. Барахта, Р. М. Неронов. Армия — основа маонистского режима. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1; Б. П. Барахта. Социально-политическая роль НОАК. 1969—1975 гг. (канд. дисс.). М., 1978.

⁷ См.: Маонизм: военная теория и практика. М., 1978; Г. Н. Мосько. Армия Китая — орудие авантюристической политики маонистов. М., 1980.

фракций Цзян Цин и Чжоу Эньлая, их сторонников на местах и военных группировок.

— В 1972 г. Цзян Цин, Чжан Чуньцзяо, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь выступали особой группой с не меньшей властью, чем власть Чжоу Эньлая. На конец года данная фракция на уровне ЦК КПК ведала вопросами партийного строительства, практического руководства партией, идеологической работы, пропаганды и агитации, международных связей по партийной линии. Но у нее были традиционно слабые позиции в партии и в армии в целом.

— Когда задача устранения сторонников Линь Бяо утратила свою актуальность (по имеющимся данным, пекинская верхушка, например, со сторонниками Линь Бяо в армии разделалась еще в марте 1972 г., всего было репрессировано 34 тыс. человек), ортодоксально-маоистская фракция в политико-идеологической кампании «критики ревизионизма, упорядочения стиля» тем не менее продолжала нагнетание «классовой борьбы» и раздувание вопроса о «мошенниках типа Лю Шаоци». За полтора года после устранения Линь Бяо обвинения в адрес «мошенников» диаметрально изменились: от обвинения «мошенников типа Лю Шаоци» как «ультралевых» перешли к обвинению их как «ультраправых». Это означает, что объектами текущей борьбы стали не столько сторонники Линя, которые подразумевались под «ультралевыми» и «левыми», сколько иные политические силы.

Острые кампании было нацелено теперь против тех, кто долго находится в партии, занимает руководящие посты, связан с актами и традициями внутривнутрипартийной борьбы, испытывает сомнение в правильности курса Мао.

— В Китае усилились тенденции политической децентрализации, в связи с этим маоисты начали предпринимать все больше попыток консолидировать политическую систему и централизовать свою диктатуру. Процесс насильственного утверждения маоистской диктатуры и ее курса, борьба за власть в правящей верхушке привели к серьезному развитию сепаратизма и «полицентризма» в стране. Борьба группировок в китайском руководстве и связанные с нею децентралистские тенденции являлись главной причиной, заставляющей откладывать формирование отсутствующих органов власти и парализующей работу уже созданных.

— Социально-экономическая политика маоистов сопровождалась усиливающейся милитаризацией общества, которая включает: формирование производственного цикла предприятий с учетом возможностей их перевода на выпуск военной продукции; накопление запасов продовольствия в деревне; строительство бомбоубежищ, подземных заводов и целых «городов», дублирующих наземные пункты, особых объектов на случай войны, шоссейных дорог; обучение населения методам «народной войны», начиная с учащихся начальных школ; развертывание народного ополчения (его отряды заметно росли в течение 1972 г.); расширение производственно-строительных корпусов в Сипьцзяне, Внутренней Монголии, провинциях Хэйлуцзян, Ганьсу, Цинхай, Гуандун и других; организацию хунвэйбиновских военизированных формирований и т. д.

В статье к новому, 1973 г. население призывали следовать указанию Мао: «Глубоко рыть тоннели, широко запастись зерно, никогда не претендовать на гегемонию». Оно объявлено «конкретизацией стратегического курса председателя Мао» на подготовку к войне⁸.

— Маоисты в 1972 г. расширили социально-политическое маневрирование во всех областях.

⁸ См.: «Хунци», 1973, № 3; «Жэньминь жибао», 11. III. 1973.

С 1973 г. начинается периодическая публикация материалов в разделе «Круглый стол» журнала «Проблемы Дальнего Востока», где ведущие ученые института делятся с читателями, с научной общественностью мнениями о внутриполитическом развитии Китая. Многие из тем подобных выступлений затрагивались ранее на научных дискуссиях в Институте Дальнего Востока, были отработаны во время научных конференций⁹.

Начало и середина 1973 г. ознаменовались в КНР лихорадочной активностью членов ортодоксально-маоистской фракции, которые укрепляли свои позиции в партийном аппарате и во вновь формируемых общественных организациях (профсоюзах, КСМК, женских, крестьянских союзах), подготавливая проведение X съезда КПК. В июне и июле 1973 г. в западной, японской и тайваньской печати стали широко циркулировать материалы и прогнозы по предстоящему съезду.

Ученые ИДВ выработали концепцию причин созыва X съезда и предполагаемого содержания его работы. В ходе дискуссии удалось с большой точностью спрогнозировать общее содержание документов съезда и общее направление кадровых изменений в ЦК КПК десятого созыва. Главные тезисы прогноза были следующими:

— Перед маоистами стоит общая задача серьезной доработки их идейно-политической платформы и закрепления наметившихся направлений текущей политики на очередном партийном съезде. Такое мероприятие — предпосылка реального воссоздания партии и тем более взятия ее под контроль. Предстоящий съезд будет проведен не в духе дезавуирования предыдущего, а в духе его возвеличения, подтверждения и развития великодержавного курса и социал-шовинистической сущности маоизма при их более тщательной «марксистской» маскировке. Об этом говорят, в частности, усилившиеся в последнее время, особенно в июле 1973 г., призывы претворять в жизнь «линию сплочения и побед, указанную IX съездом КПК».

— Мао Цзэдун и претенденты на роль его действительных преемников еще больше нуждаются в проведении X съезда по причинам организационного порядка. Рухнула прежняя организационная основа маоистского режима в виде блока трех фракций (Линь Бяо, Чжоу Эньлая и Цзян Цин), которая к тому же не отражала замыслов Мао относительно «культурной революции», его стремления передать власть новому клану руководителей, группирующихся вокруг Цзян Цин, создав для них политическую опору путем широкого обновления состава партии, включения в ее ряды промаоистских сил, выдвинувшихся в ходе «культурной революции».

Лишь после сентября 1971 г. Мао смог вернуться к изначальному замыслу, добиваясь его реализации через множество сложных маневров, среди которых главным является неизбежный компромисс с Чжоу Эньлаем и даже предоставление ему на время роли ведущей фигуры в руководстве. После известной и трудной реорганизации парткомов, передачи партийного механизма в руки приверженцев Мао и существенного укрепления их позиций противоречия в борьбе за власть таковы, что для их разрешения требуется провести съезд.

— Нынешней группе Мао необходимо заполнить образовавшуюся в руководстве брешь. В то же время она не может опереться на существующий состав ЦК, почему его пленумы и не проводятся уже три года. Видимо, исчерпаны и закулисные возможности пресечения сепаратистских тенденций среди военных властей на местах. Новому составу группы Мао необходимо, не меняя сущности режима как воен-

⁹ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1; 1974, № 3; 1975, № 2; 1977, № 4; 1979, № 1, 2; 1980, № 1. В этих номерах освещены актуальные вопросы внутреннего положения современного Китая.

но-бюрократической диктатуры, подавить тенденции сепаратизма и перевести руководство страной с рельсов малоэффективного и опасного для правящей верхушки военного контроля на рельсы политического контроля со стороны маоистской партии, в которую военные кадры бы-ли бы включены в качестве составного и подчиненного элемента.

— Анализ политического процесса в Китае, мероприятий маоистов позволяет установить, что они давно, и особенно с начала 1973 г., носят характер подготовки к X съезду КПК. Параллельно идущие кампании: «критика ревизионизма и упорядочения стиля», «изучение истории борьбы двух линий в КПК», «критика мошенников типа Лю Шаоци» — призваны изобразить всех жертв произвола Мао на протяжении его борьбы за власть однотипными «классовыми врагами», подготовить почву для осуждения Линь Бяо и других на предстоящем съезде, укрепить основы культа личности Мао и авторитет нынешней правящей группы.

— К середине 1972 г. маоистами взят крен на «выдвижение новых кадров», заново расширен прием новых членов в партию. Это и есть подлинная кадровая политика Мао, направленная на усиление фракции Цзян Цин. Задачу преемственности власти и продолжения его курса Мао связывает с новыми кадрами, отрешенными от традиций КПК.

— С конца 1972 г. маоисты проводят работу по формированию недостающих звеньев политической системы (комсомол, профсоюзы, женские организации). Приблизительно в феврале 1973 г. уже можно было прийти к выводу, что данный процесс является своеобразной практической подготовкой к X съезду. Определенная часть делегатских мандатов должна быть выделена, в частности, новой партийной прослойке в воссоздаваемых комсомольских, профсоюзных и женских организациях. Столь же характерны специально подчеркиваемый высокий процент женщин во вновь создаваемых руководящих органах, требования пекинской пропаганды резко усиливать и «развивать роль женщин во всех делах», в том числе в руководстве жизнью страны. Наряду с созданием непосредственно женских организаций все это было похоже на специальные усилия по созданию авторитета и политической опоры для Цзян Цин.

— Съезд должен проходить под знаком фиктивной «монolithicности» руководства, ознаменованной очередной компромисс во имя «сплоченности» партии. Скорее всего, съезд не будет возрождать идею «преемственности власти» и формально выдвинет что-то вроде принципов «коллективного руководства». Каждая из правящих фракций связывает со съездом расчеты на укрепление своего положения. Но анализ подготовки съезда выявляет намерение Мао (что очень важно) проложить путь к последующему доминированию цзянциновского крыла в руководстве и связанных с ним политических сил.

— Внешне предстоящий съезд кажется неожиданным, ибо не наблюдается зримых и общепринятых в таком случае признаков подготовительной работы: не было пленумов ЦК, не обнародовано решений, не было партконференций на местах. Но это говорит только об особо сложной политической ситуации, вынуждающей маоистов отказаться от обычных процедур, даже тех, которые применялись при проведении IX съезда.

Не исключено, что военные и руководимые Чжоу Эньлаем «администраторы», более тесно связанные друг с другом, чем с третьей фракцией, могут объединиться и опрокинуть планы «левых» маоистов, оказав сильное давление даже на Мао Цзэдуна.

— Обобщенно X съезд КПК обозначил очередной тур внутренней борьбы в Китае, в которой Мао собирается сыграть решающую роль, передать эстафету своим доверенным лицам и поставить на практическую основу задачу «обновления» партии. Если IX съезд КПК можно

рассматривать как учредительный съезд новой маоистской политической организации, то X съезд будет выглядеть как важный этап в ее формировании.

Поступившие в сентябре 1973 г. документы X съезда КПК и многочисленные отклики специалистов по Китаю на это событие подтвердили правильность вышеизложенного прогноза.

В анализах документов X съезда и внутриполитической послесъездовской обстановки¹⁰ указанные выше моменты были конкретизированы и подтверждены фактическими материалами. При этом были выявлены четыре новых момента:

— X съезд показал, что внутренняя борьба фракций достигла еще большего уровня, чем ожидалось. В канун съезда 7 августа 1973 г. началась новая политическая кампания — «критики конфуцианцев» (лишь с февраля 1974 г. она была официально названа «критикой Линь Бяо, критикой Конфуция»), а в докладе Ван Хунвэня прозвучал призыв «идти против течения», что обозначало новый этап борьбы «левых» маоистов за власть.

— Ускорилась достройка политической системы, в которой появился (с октября 1973 г.) новый элемент — под эгидой партийного аппарата началась форсированная организация ополчения в городах.

— Усиление политической борьбы в стране заставило все дальше откладывать объявленное проведение сессии ВСНП.

— Взят курс на известное ослабление политической роли армии, хотя она и остается неоспоримо опорой режима, без которой он не может существовать. Этот курс выражается в снятии одного из основополагающих тезисов IX съезда об армии как «главной составной части государства», в подчеркивании в основном ее задач в области военной подготовки и «готовности отразить агрессию».

Концептуальное значение имел общий вывод: «Современный этап в политике Пекина имеет самостоятельное значение и характеризуется серьезным сдвигом вправо... Этот сдвиг наблюдается как в политическом курсе маоистов, так и в развитии внутреннего положения в КНР. Для обстановки в КНР характерны новые тенденции маоизма, толкающие Китай еще дальше в антисоциалистическом направлении»¹¹.

Успешный опыт первых краткосрочных прогнозов открыл дорогу для систематических прогностических исследований в ИДВ. Однако более перспективными, видимо, были бы комплексные исследования ситуации в Китае, которые следует использовать при прогнозах и ситуационных анализах.

В 1974 г. сотрудники института разрабатывали и углубляли некоторые частные проблемы, которые представляются важными с точки зрения их новизны и неразработанности: элементы политической системы — городское ополчение, армия, ход кампании «критики Линь Бяо, критики Конфуция»¹², кампания дацзыбао, средства массовой информации и др. Из них складывались и концептуально крупные работы: прогноз «О политическом развитии КНР», «Политическая система КНР», «Основные группировки в китайском руководстве», «Проблема преемственности власти в Китае».

Главные выводы, касающиеся внутриполитической ситуации, были следующими:

¹⁰ См.: К. В. Кукушкин, В. Г. Тимошин. Новое подтверждение антисоциалистического курса китайского руководства (О X съезде КПК). — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4.

¹¹ О. Е. Владимиров. О некоторых особенностях современного положения в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3.

¹² См.: Л. С. Переломов. О политической кампании «критики Линь Бяо, критики Конфуция». — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2.

— Военно-бюрократическая группировка Мао Цзэдуна по-прежнему удерживает контроль в партии и стране, определяет внутреннюю и внешнюю политику Китая. Продолжается процесс становления политической системы маоистского режима. В условиях прочно укоренившегося культа Мао Цзэдуна последний пользуется практически неограниченной властью.

— Сформированная под флагом КПК новая маоистская партия в большинстве своем состоит из людей, воспитанных на «идеях Мао Цзэдуна» и доказавших свою преданность «линии Мао» в ходе «культурной революции» (так называемая «свежая кровь»). В руководстве этой партии доминирует ортодоксально-маоистская фракция («лево-маоистов»), все более упрочивающая свои позиции.

— Особый курс Мао Цзэдуна ориентирует на всестороннюю милитаризацию страны в угоду социал-шовинистическим целям.

— В правящем лагере маоистов продолжается борьба различных фракций за власть, за контроль над партией, армией и госаппаратом. После устранения Линь Бяо наблюдается обострение борьбы за армию.

— С уходом Мао Цзэдуна внутриполитическая борьба обострится еще более. Ее исход в ближайшие пять—семь лет, по-видимому, определится в трех возможных вариантах: а) победа фракции маоистов-прагматиков в союзе с провинциальными властями; б) победа ортодоксально-маоистской фракции; в) образование непрочной коалиции тех и других. В более отдаленной перспективе—через 10—15 лет приход «лево-маоистов» к власти может стать неизбежным. Реальность любого из вариантов в условиях Китая в немалой степени зависела от того, на чью сторону станет армия. Борьба за армию являлась одним из ключевых направлений внутриполитической схватки. Позиция армии в данном случае трудно поддавалась прогнозированию. Чем больше пройдет времени, тем больше шансов на то, что армия возьмет сторону «левых».

— Наметившаяся уже в начале «культурной революции» и углубляющаяся тенденция полного разрыва интересов военно-бюрократической диктатуры с объективно существующей совокупностью экономических интересов трудящихся создавала почву для роста оппозиции со стороны рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, других социальных слоев. Однако организационному оформлению анимаоистской оппозиции, образованию у нее единой политической платформы мешает целый ряд объективных и субъективных факторов. В их числе—безудержная социальная демагогия и спекуляция маоистов на лозунге диктатуры пролетариата; заигрывание с рабочим классом и социально отсталым крестьянством, а в последнее время—и с интеллигенцией. В более общем плане—разрушение государственных и политических надстроечных институтов народной демократии, тактика сталкивания между собой различных слоев китайской общественности, имеющих неодинаковые интересы.

Возвращение Китая на путь подлинного, социалистического развития затрудняется. Оно будет носить противоречивый и сложный характер, совершаться в обстановке острейшей внутриполитической борьбы.

В 1975—1976 гг. в Институте Дальнего Востока разворачиваются углубленные исследования проблем политической структуры, государства и права КНР. Наряду с ними продолжались исследования остро актуальных вопросов политической борьбы в Китае, которая развернулась в предвидении скорого ухода Мао Цзэдуна с политической арены.

С 1975 г. регулярно начали выходить ежегодники института «Китайская Народная Республика. Политика, экономика, идеология». В них нашли освещение основные концепции, факты и выводы из иссле-

дований китаеведов ИДВ по внутривластным и другим проблемам Китая. Вместе с тем в ежегодниках преобладающее место занимают справочные и фактические материалы для самостоятельного изучения проблем КНР, поэтому монографические исследования по внутренней политике КНР продолжались¹³.

В связи с воссозданием маоистской КПК и общественных организаций в ходе подготовки к X съезду в 1973 г. в отдельных научных работах и статьях ИДВ была дана научная оценка этому процессу¹⁴. Характерными чертами для новой КПК стали:

— Разрыв между активно действующей верхушкой партии, в которой преимущественным влиянием пользовались «лево»-маоисты, и основной массой членов КПК, являющихся пассивными.

— Фактическое отстранение КПК от руководящей роли в стране. Роль эту выполняла маоцзедуновская группировка.

— Отсутствие идеологического и организационного единства в партии.

— Дальнейшее наступление на внутривластную демократию.

— Существование достаточно сильной анимаоистской оппозиции внутри партии.

— Апатия и политическая дезориентированность основной массы членов КПК.

— Тесное переплетение партийной, военной и административной власти.

— Несмотря на всевозможные меры давления и культ личности Мао Цзедуна, его группе не удалось превратить КПК в полностью послушную, исполнительную организацию.

Процесс укрепления политической системы режима вовсе не означал восстановления КПК и массовых общественных организаций на тех же идейно-политических и организационных основах, которые были приняты до «культурной революции». Постепенное возобновление их работы вызвано в первую очередь тем, что маоисты, чувствуя сужение своей социальной базы, стремились приостановить этот процесс и расширить свое влияние путем создания как партийных, так и различных общественных организаций, находящихся под их руководством. При рассмотрении государственного строительства КНР был сделан вывод, что мероприятия в этой области направлены на упрочение военно-бюрократического режима с устранением наиболее экстремистских его проявлений¹⁵.

Антисоциалистическая, антисоветская направленность деятельности пекинского руководства внутри страны привела к новой ситуации, которая оказывает отрицательное воздействие на всю мировую обстановку и условия борьбы с империализмом. Именно с 1973 г. начинается все большее ужесточение режима маоистов. Если охарактеризовать социально-политические черты общества, складывающегося в те годы в Китае, то в политике — это военно-бюрократическая диктатура, опирающаяся на армию, карательно-репрессивный аппарат и методы социальной демагогии; полное отстранение трудящихся от участия в управлении государством; попрание законности; иерархическая орга-

¹³ Напр., см.: В. Г. Карымов. Основные тенденции внутривластного развития КНР после «культурной революции» (манд. дисс.). М., 1976.

¹⁴ См.: Г. А. Степанова. Провинциальные парткомы в КНР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 2; Б. Андрысевич. Об организационных и идеологических основах маоистской партии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3 в др.

¹⁵ См.: Л. М. Гудошников. Политический механизм КНР. М., 1974; К. А. Егоров. Карательно-репрессивный аппарат в системе маоистской диктатуры. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1; Л. М. Гудошников. Две конституции Китайской Народной Республики. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 2. О государственном строе и органах государственной власти см. также ежегодники «КНР. Политика, экономика, идеология» за 1973—1976 гг.

низация власти во главе с вождем, стоящим вне всякого контроля и приравненным к божеству; а в социальном отношении — это торможение роста рабочего класса, консервация неразвитой классовой структуры, искусственное нивелирование социальных слоев; противопоставление деревни городу; сохранение узкой группы научно-технической элиты, обслуживающей военные приготовления, и вместе с тем поход против мыслящей интеллигенции, ставка на превращение общества в безликую однородную массу.

Закрепив свой курс, маоисты подрывают по всем направлениям социалистические завоевания китайских трудящихся.

1974—1976 гг. — это период обострения внутриполитической борьбы в Китае перед смертью Мао Цзэдуна. В эти годы непрерывной чередой нагнетались политико-идеологические массовые кампании. В их калейдоскопе было непросто разобраться и отделить главные тенденции от второстепенных.

В Институте Дальнего Востока направление исследований развивалось в двух аспектах: во-первых, необходимо было создать концепцию характера, причин и целей массовых кампаний, выделить динамику и главные тенденции; во-вторых, дать классовый анализ тех политических сил общества, которые двигали кампаниями в Китае или были затронуты ими. В последнем аспекте особый интерес представляла характеристика сил, оппозиционных ортодоксально-маоистской группировке.

В рассматриваемый период первой такой всеохватывающей, многоплановой была кампания «критики Линь Бяо, критики Конфуция», объявленная «первостепенным делом всей партии и всего народа». В ней отразились все особенности, противоречия и нарастающие трудности процесса становления маоистского режима в 1974—1975 гг., дальнейшая девальвация маоистских ценностей в китайском обществе, обострение разногласий в правящих маоистских верхах по важнейшим проблемам внутренней и внешней политики Пекина.

В выводах исследований кампании «критики Линь Бяо, критики Конфуция»¹⁶ отмечалось, что маоистское руководство пытается решить большой комплекс проблем специфическими средствами: актуальные задачи ставятся в завуалированной форме, путем ретроспективного обращения к истории, культуре, идеологии древнего или средневекового Китая. По существу же, борьба велась за ключевые позиции в партийно-государственном аппарате и в армии. В более широком смысле на том этапе внутриполитической борьбы речь шла о проблеме преемственности власти в Китае, ставшей особенно актуальной в связи с предстоявшим уходом с политической арены Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и других старейших китайских руководителей.

Широкое политическое маневрирование и междоусобная борьба группировок за власть, разумеется, не исчерпывали содержания этой кампании. Она была направлена прежде всего против китайского народа, а также против неорганизованной и разношерстной, но довольно многочисленной оппозиции в партийно-государственном аппарате и в армии, на предприятиях и в учреждениях. Объектами нападков становились многие кадровые работники различных рангов, среди которых имеются и коммунисты-интернационалисты, вынужденные приспособиться к условиям маоистской диктатуры, а также люди без четкой политической ориентации или даже маоисты, которых практическая работа толкает в сторону от маоистских установок, заставляет использовать социалистические методы хозяйствования и управления. И пока будут действовать маоистские политические установки, идущие

¹⁶ См.: В. Г. Карымов. Внутриполитические маневры маоистов после X съезда КПК. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3.

вразрез с элементами социалистического базиса в Китае, будет объективно существовать и почва для антимаоистской оппозиции, а у маоистов не будет недостатка в «классовых врагах» для очередных чисток.

Выход из экономических трудностей китайское руководство искало на пути дальнейшего наращивания интенсификации труда и еще большего ограничения народного потребления. Как и прежде, предпочтительнее отдавалось политическому воздействию на трудящихся. Этот вывод подтверждала политическая кампания в Китае, развернутая с февраля 1975 г. под лозунгом «изучения теории диктатуры пролетариата».

Кампания за «изучение теории диктатуры пролетариата» свидетельствовала о намерении определенной части китайского руководства добиваться решения общенациональной задачи превращения Китая в «могучую современную социалистическую державу» к концу нынешнего столетия, выдвинутой на сессии ВСНП в 1975 г., путем ужесточения военно-бюрократической диктатуры, дальнейшего зажима трудящихся и широкого использования административно-принудительных методов стимулирования трудовой активности населения, максимального ограничения потребления.

Кампанию за «изучение теории диктатуры пролетариата» советские ученые расценивали как опасную социальную диверсию маоистов. Она выражалась в стремлении выделить из среды рабочего класса, кадровых работников и интеллигенции так называемую «новую буржуазию», якобы «появляющуюся на свет вследствие разлагающего влияния буржуазной идеологии и наличия буржуазного права».

Особо были отмечены раскольнические замыслы маоистских «социальных стратегов» в отношении китайского рабочего класса. Была высказана гипотеза: подобно тому, как в китайской деревне существовало искусственное деление крестьян на кулаков, середняков (низшего и высшего слоев) и бедняков, так и новые социальные маневры Мао Цзэдуна, возможно, преследуют цель перенести аналогичную градацию на рабочий класс. «Лево»-маоистская группировка пыталась привлечь на свою сторону «нижние слои середняков», а также «бедных» рабочих путем нивелирования общего уровня заработной платы рабочих¹⁷.

И указанная, и последующие массовые кампании 1975—1976 гг. (критика романа «Речные заводы» и «капитулянтов», критика «правоуклонистского поветрия — пересмотра правильных выводов культурной революции», «критика Дэн Сяопина») в определенном смысле ставили те же политические задачи, которые «ортодоксальным» маоистам не удалось решить на предыдущих этапах борьбы. «Новые буржуазные элементы», «капитулянты», сторонники «правоуклонистского поветрия пересмотра правильных выводов» и пр. — все это лишь ярлыки, которые навешивались на явных и скрытых противников маоистского режима и правящей фракции.

Путем большой сопоставительной работы в ИДВ удалось синтезировать обвинения, которые выдвигались официальной китайской печатью в разное время против фракции Линь Бяо, «новых буржуазных элементов», «капитулянтов», сторонников «правоуклонистского поветрия» и пр. Созданные таким образом «политические портреты» разных группировок, выступавших, по утверждению официальной пекинской прессы, против Мао Цзэдуна, в основе своей оказались сходными. Из этого следовал вывод, что маоцзэдуновское руководство фабрикует значительную часть обвинений в адрес очередных «классовых врагов».

¹⁷ См. указанную статью В. Г. Карымова в журнале «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3.

Внутриполитическое содержание событий в Китае после смерти Мао Цзэдуна составило важный аспект исследований 1976—1980 гг. в Институте Дальнего Востока. Политическая актуальность таких исследований состояла не только в необходимости дать точный марксистско-ленинский анализ развития событий в КНР после 9 сентября 1976 г., но и в стремлении проверить тезис о «демаонизации», якобы начавшейся в Китае, по утверждениям западных сиологов. Последние делали выводы о демаонизации на основе отдельных, зачастую двусмысленных и противоречивых деклараций нового китайского руководства в отрыве от его реальной политической практики. Следует сказать, что советские китаеведы в целом правильно оценили развитие событий в Китае¹⁸.

Смерть Мао Цзэдуна и устранение его ближайших последователей из числа членов Политбюро ЦК КПК (Цзян Цин, Ван Хунвэня, Яо Вэньюаня и Чжан Чуньцяо, именуемых сейчас «бандой четырех») положили начало очередному этапу внутриполитического развития Китая. Этот этап характеризовался стремлением нового руководства утвердить в качестве политической платформы компромиссную программу, способную, с одной стороны, воспринять основные элементы великодержавного маоистского курса, с другой — учесть реальные условия страны. Эта программа не явилась вдруг в сентябре — октябре 1976 г., а вызревала еще при жизни Мао Цзэдуна, отражая взгляды националистически настроенных кадров правительственно-партийного аппарата старшего поколения китайских деятелей, типичными представителями которых являлись Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин.

Боровшиеся за власть фракции в рамках маоистского руководства объединяли антисоветизм и великодержавный националистический курс, — курс на милитаризацию государственной, общественной и хозяйственной жизни страны. Различия шли по линии некоторых методов достижения шовинистических и гегемонистских целей. Эти различия особенно отчетливо выявились в кампании критики «банды четырех», развернувшейся после ее «свержения» 6 октября 1976 г. Закрепившаяся у власти после свержения «четверки» группировка военных, партийных и административных деятелей первыми своими актами (решения о строительстве мавзолея Мао Цзэдуна и об издании его избранных произведений) подчеркнула, что маоизм был и остается основой деятельности партии и государства. Неизменность прежнего политического курса была подтверждена в ряде официальных выступлений китайских руководителей на XI съезде КПК.

Из проведенных исследований был сделан принципиальный вывод о том, что «материалы XI съезда КПК и практический курс Пекина не дают оснований для вывода о какой-либо «демаонизации» в КНР, «демонтаже» маоизма. Вернее, идет его освобождение от окончательно дискредитировавших себя положений с целью создания условий для более эффективного проведения прежнего, антисоциалистического великодержавного курса, а это делает его еще более опасным»¹⁹.

В ряде работ был сделан вывод об очередном этапе эволюции маоизма без Мао, а главное — вывод о том, что без разрыва с маоизмом КНР не в состоянии возвратиться на здоровый путь социалистического развития.

¹⁸ См.: Л. М. Гудошников, В. Г. Карымов. О некоторых аспектах внутриполитического положения в КНР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 3; Новый этап эволюции антисоциалистической политики Пекина и задачи борьбы с маоизмом. — «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 4; Китай после Мао Цзэдуна. — Там же; Маоизм без Мао Цзэдуна. — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 2; Китай после «культурной революции». Политическая система, внутриполитическое положение. М., 1979; КНР. Краткий исторический очерк (1949—1979) (отв. ред. М. И. Сладковский). М., 1980.

¹⁹ Новый этап эволюции антисоциалистической политики Пекина и задачи борьбы с маоизмом. — «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 4.

Немалые усилия советские китаеведы прилагают для всестороннего учета тех изменений, которые происходят в КНР после III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.) во внутриполитических аспектах. Исследования показали, что там была провозглашена и реализуется серьезная модификация внутриполитического курса²⁰. Тем не менее модификации внутренней политики китайского руководства не коснулись стратегических целей этой политики, и поэтому нет оснований трактовать ее как в корне отличную от маоцзэдуновской.

Выступая на XXVI съезде КПСС, товарищ Л. И. Брежнев отметил: «Сами нынешние руководители Китая называют порядки в своей стране периода так называемой культурной революции «жесточайшей феодально-фашистской диктатурой». Нам нечего добавит к такой оценке.

Во внутренней политике Китая происходят сейчас изменения. Истинный смысл их еще покажет время. Оно покажет, в какой мере нынешнему китайскому руководству удастся преодолеть маоистское наследие»²¹.

Разоблачение и разгром маонизма продолжают оставаться актуальнейшей задачей. Путь возвращения Китая на позиции научного социализма в политическом плане пролегает через ликвидацию военно-бюрократического режима и восстановление власти трудящихся, народно-демократического строя, основанного на союзе рабочих и крестьян при руководящей роли рабочего класса, через возрождение КПК как партии марксистско-ленинского типа. Задачей советского китаеведения является своевременный анализ как отрицательных, так и положительных тенденций в общественном развитии Китая. В этом состоит их долг как ученых перед нашей партией и народом, на это нас нацеливают решения XXVI съезда КПСС.

²⁰ См.: Относительно некоторых модификаций внутренней политики Пекина. — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 4.

²¹ «Коммунист», 1981, № 4, с. 9.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Трудности и проблемы «урегулирования» народного хозяйства КНР (по итогам 1980 г.)

*В. И. Акимов,
доктор экономических наук*

*В. И. Потапов,
кандидат экономических наук*

Курс на «урегулирование» народного хозяйства был принят на II сессии ВСНП пятого созыва летом 1979 г., и первоначально предполагалось, что его осуществление займет три года. Цель этого курса состоит в создании условий для более или менее сбалансированного развития народного хозяйства, способного ускоренными темпами вывести Китай к концу нынешнего столетия в число мощных в экономическом и военном отношениях держав. При этом намечалось, что в период «урегулирования» следует решить две основные задачи: во-первых, разрешить наиболее острые экономические проблемы, связанные прежде всего с наличием острых диспропорций и низкой эффективностью общественного производства, и, во-вторых, внедрить в народное хозяйство новую систему управления и планирования, в которой упор преимущественно делается на экономические, а не административные методы руководства.

В ходе реализации курса на «урегулирование» в 1980 г. были замедлены темпы развития ряда отраслей тяжелой промышленности и одновременно предпринимались некоторые усилия для укрепления топливно-энергетической базы, промышленности строительных материалов и транспорта, сельского хозяйства и легкой промышленности, а также были ограничены масштабы капитального строительства, предприняты попытки устранить серьезные диспропорции в народном хозяйстве, повысить рентабельность производства, усилить режим экономии, осуществлять реформу хозяйственного управления и т. д.

Однако, как показывают итоги 1980 г., решение этих проблем сталкивается с огромными трудностями; в результате период «урегулирования» затягивается и будет продлен как минимум до 1983 г. Следует отметить, что все еще не выработана конкретная и достаточно обоснованная комплексная программа экономической деятельности на период «урегулирования». Среди китайского руководства, видимо, отсутствует единство относительно конкретных путей и методов «урегулирования» экономики. Известный китайский экономист Сюэ Муцяо писал в начале 1981 г., что «как в центре, так и на местах очень многие товарищи по-прежнему продолжают действовать по-старому. Поэтому результаты проводившегося два года «урегулирования» невелики»¹.

Одним из показателей неблагоприятного положения в китайской экономике является огромный дефицит государственного бюджета — 13 млрд. юаней в 1980 г. (план — 8 млрд. юаней) и 5 млрд. юаней в 1981 г. (плановые наметки)². Одна из главных причин трудностей в экономике, включая дефицитность госбюджета, — колоссальные воспе-

¹ «Хунци», 1981, № 1.

² См.: «Жэньминь жибао», 13.IX.1980.

ные расходы, которые, по официальным данным, планировались на 1980 г. в размере 19,3 млрд. юаней³. Есть основания полагать, что эти данные существенно занижены; но даже и в таком объеме военные расходы значительно превысили общие ассигнования на нужды культуры, просвещения, здравоохранения и науки (14,8 млрд. юаней) или бедствующего сельского хозяйства (16,8 млрд. юаней). Кроме того, в 1980 г. Китай в счет погашения иностранных займов и процентов по ним должен был выплатить почти 2,2 млрд. юаней.

Успех политики «урегулирования» во многом зависит от ограничения масштабов капитального строительства (это центральная задача работы по «урегулированию») и повышения эффективности капиталовложений. Однако в этой области существенных сдвигов не наблюдалось. Общие ассигнования на цели капитального строительства в 1980 г. по плану должны были составить около 50 млрд. юаней, то есть быть не ниже уровня 1979 г. В первом полугодии 1980 г., правда, удалось приостановить строительство 20 % крупных и средних объектов, а капиталовложения в сравнении с первым полугодием 1979 г. сократить на 4,4 %. Однако, судя по материалам китайской прессы, во второй половине года положение в капитальном строительстве ухудшилось. Китайскому руководству не удалось установить достаточно эффективный контроль над расточительным капитальным строительством. Сообщалось, что вопреки требованиям центра местные органы власти, получив большую финансовую самостоятельность, «растягивают фронт капитального строительства, прибегают к сооружению предприятий-дублеров, строят мелкие предприятия и т. д.»⁴. В 17 провинциях масштабы капитального строительства превысили установленные государством лимиты⁵. В конце 1980 г. насчитывалось 94 объекта с объемом капиталовложений более 100 млн. юаней каждый, что на 50, % выше уровня 1979 г.⁶. «Как же можно сократить капиталовложения при таком огромном размахе строительства?» — сетовала газета «Гунжэнь жибао»⁷. В другом номере эта же газета сообщала, что «старые фабрики не работают на полную мощность и все же бесцельно строятся новые фабрики»⁸.

Нерациональность излишне разбухшего капитального строительства ясна и из того факта, что в 1980 г. капитальное строительство только на 60—80 % было обеспечено лесоматериалами, цементом и стальным прокатом. Вместе с тем, как был вынужден признать заместитель премьера Госсовета КНР Яо Илин, в тех отраслях, где строительство следует развернуть (топливная и энергетическая промышленность, транспорт, промышленность строительных материалов, наука и просвещение), оно «не получает удовлетворительного развития из-за нехватки денежных средств»⁹.

Отнюдь не ослабли, а в ряде случаев и усилились многие межотраслевые и внутриотраслевые диспропорции в китайской экономике, обострилась энергетическая проблема, по-прежнему ощущается нехватка многих видов сырья. Явно завышенной остается доля накоплений (33,6 % в 1979 г., около 30 % в 1980 г.). Растет безработица: два года назад безработных было около 20 млн. человек, а в 1981 г., по данным французской газеты «Котидьен де Пари» от 14.II.1981 г., уже 26 млн. человек.

Китайская экономика продолжает ощущать техническую отсталость своей материально-производственной базы; низка эффективность суще-

³ См. там же.

⁴ «Гунжэнь жибао», 27.XI.1980.

⁵ См.: «Гуанмин жибао», 25.X.1980.

⁶ См.: «Гунжэнь жибао», 28.X.1980.

⁷ Там же.

⁸ Там же, 10.VII.1980.

⁹ «Жэньминь жибао», 12.IX.1980.

ствующей системы управления и планирования. Очень острой продолжает оставаться проблема качества продукции.

В КНР растет инфляция. Со ссылкой на заместителя премьера Госсовета КНР Яо Илина, японское агентство Кёдо Цусин 4 декабря 1980 г. сообщило, что уровень инфляции в Китае составил в 1979 г. 5,6 %, а в 1980 г. будет еще выше. Seriously беспокоит китайское руководство «произвольный рост цен»¹⁰ на рынке. Торгующие организации, стремясь увеличить прибыль, широко используют систему так называемых «договорных цен», то есть более высоких комиссионных цен на сверхплановую продукцию, соответственно повышаются и розничные цены. Рост цен вызывает законное недовольство широких слоев трудящихся. В созданных условиях 7 декабря 1980 г. Госсовет КНР издал «Предписание относительно строгого контроля над ценами и упорядочения договорных цен»¹¹. Этим документом предусматриваются меры по стабилизации розничных цен и введение более строгого контроля над использованием «договорных цен».

Как явствует из официальных заявлений, вырабатывая общее направление проводимых ныне преобразований системы хозяйственного управления, китайское руководство пытается осуществить следующие мероприятия: отказ от чрезмерной централизации управления со стороны государства (включая центр и места) и расширение хозяйственных прав предприятий; сочетание плановых начал с рыночным механизмом регулирования; переход от управления главным образом через административные органы и с помощью административных мер к управлению преимущественно через хозяйственные органы и с помощью экономических рычагов и установления юридической ответственности. Главное в преобразовании системы управления заключается в расширении хозяйственно-оперативной самостоятельности предприятий, во внедрении системы хозяйственных договоров, в предоставлении права самостоятельного сбыта произведенной сверх плана продукции и т. д.

Вокруг этой реформы идут оживленные споры. В конце 1980 г. в китайской печати появилось немало статей, которые призывают больше уделять внимания «урегулированию» и осторожнее проводить реформу системы управления¹². Более того, высказываются предложения замедлить проведение реформ, особенно в тех случаях, когда это отрицательно сказывается на рыночных ценах, на состоянии финансов. Содержится также критика «отдельных руководящих товарищей», которые увлекаются перспективным планированием и реформой экономической системы, недооценивают или игнорируют вопросы «урегулирования» экономики¹³. В конце 1980 г. и начале 1981 г. вновь стали предприниматься меры по усилению руководства экономикой из центра.

С осуществлением хозяйственной реформы китайское руководство связывает и внедрение конкуренции. 17 октября 1980 г. Госсоветом КНР приняты «Временные положения о социалистической конкуренции», направленные на проведение экономической политики в духе «рыночного социализма». Предприятиям разрешается производство и продажа сверхплановой продукции в соответствии с рыночной конъюнктурой.

Положение о конкуренции предусматривает предоставление единоличным (частным) предприятиям благоприятных условий в области снабжения сырьем и материалами, в сфере налогообложения, кредитования, сбыте товаров¹⁴. В сентябре 1980 г. сообщалось о создании первой в стране «Ассоциации труженников-единоличников». Она создана в

¹⁰ «Жэньминь жибао», 8.XII.1980.

¹¹ Там же.

¹² См.: «Гуанмин жибао», 24.XI.1980.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 6.XI.1980.

¹⁴ См. там же, 30.X.1980.

Харбине и объединяет 800 человек¹⁵. Один из ее руководителей — владелец «семейного ресторана». Объявлено, что ассоциация будет помогать «индивидуальным труженикам» разрешать практические проблемы хозяйственной деятельности — получение сырья, взаимоотношения с местными властями и т. д.

В 1980 г. заметно усилился процесс воссоздания многоукладной экономики. Поощряется развитие несоциалистических секторов. О масштабах частного предпринимательства дают представление следующие факты. Только за первое полугодие 1980 г. разрешение на частное предпринимательство получили 320 тыс. человек, но еще больше число частных действовало, не имея таких разрешений¹⁶. Японское агентство Кёдо Цусин сообщило 14 октября 1980 г., что в Китае насчитывается 450 тыс. частных предприятий (пошивочных и ремонтных мастерских, аптек, мастерских кустарей и ремесленников и т. д.). Доля частного сектора в мелкой розничной торговле и сфере услуг достигла летом 1980 г. 10%¹⁷.

В китайской печати в конце 1980 г. приводились высказывания китайского экономиста Сюэ Муцяо, свидетельствующие о том, что пекинское руководство намерено разрешить частникам довести число наемных рабочих (учеников, подмастерьев) до «семи-восьми и даже более десяти человек», тогда как до последнего времени допускался наем только одного-двух человек. Сюэ Муцяо считает, что подобная практика не приведет к капиталистической эксплуатации¹⁸.

Активизируют свою экономическую и общественную деятельность «бывшие» китайские капиталисты. Процветает образованная в сентябре 1979 г. «Шанхайская патриотическая строительная компания». К середине 1980 г. число входящих в нее «бывших промышленников и торговцев» превысило тысячу человек, а капитал возрос до 57 с лишним млн. юаней¹⁹. К этому времени компания стала совладельцем 10 небольших предприятий, производящих товары широкого потребления (эти предприятия созданы на паях с уличными и районными кооперативами).

Рост мелкотоварного производства, частнохозяйственного капитализма и государственного капитализма, а также привлечение иностранного капитала ведет к усилению стихийно-рыночных тенденций в китайской экономике и может привести к ослаблению позиций государственного и кооперативного секторов. Советские исследователи отмечают, что в последнее время развитие китайской экономики все более ориентируется на некое сочетание элементов социализма и капитализма, на хозяйство «смешанного типа», многоукладную и «рыночную экономику», на сужение сферы государственного планирования, децентрализацию управления государственными предприятиями, на широкое сотрудничество с монополистическим капиталом. Все это создает опасность сдвига вправо, ставит на повестку дня вопрос о путях дальнейшего развития страны.

Рассмотрим несколько подробнее трудности и проблемы, связанные с реализацией политики «урегулирования», на примере двух важнейших отраслей материального производства — промышленности и сельского хозяйства.

Промышленность

В 1980 г. положение в промышленности оставалось достаточно сложным. Происходила болезненная ломка сложившейся структуры: за

¹⁵ См.: «Чжунго циньянь бао», 13.IX.1980.

¹⁶ См.: «Гуанмин жибао», 1.XI.1980.

¹⁷ См.: «Гунжэнь жибао», 12.VIII.1980.

¹⁸ См.: «Цзэфан жибао», 31.X.1980.

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 24.VII.1980.

1980 г. доля тяжелой индустрии в валовой продукции всей промышленности была снижена сразу на 3,6 %, в ряде ее ведущих отраслей наблюдался спад или застой, увеличение промышленного производства зачастую осуществлялось в ущерб качеству продукции и за счет перерасхода материальных и финансовых ресурсов.

План 1980 г. по производству ряда важных видов продукции не был выполнен. Прирост валовой продукции промышленности в 1980 г. составил 8,4 % против 6 % по плану, но при этом в тяжелой промышленности он составил 1,6 % (ниже плановых заданий и уровня 1979 г. — 7,7 %), а в легкой промышленности — 17,4 % (значительно выше планового задания). Рост промышленного производства в 1980 г. был обеспечен, по существу, за счет экстенсивного и во многом стихийного развития легкой промышленности, который происходил в обстановке падения производства энергии на 2,9 %²⁰ и свертывания производства в ряде ведущих отраслей тяжелой промышленности (часть мощностей тяжелой промышленности переключена на выпуск товаров широкого потребления).

Топливно-энергетическая база. Несмотря на многочисленные призывы ускорить развитие топливной и электроэнергетической промышленности, в 1980 г. произошло заметное падение добычи угля, несколько сократилась добыча нефти и не был выполнен план по выработке электроэнергии:

	1979 г.	1980 г., план	1980 г., фактич.
Добыча угля, млн. т	635,0	610	606,0
Добыча нефти, млн. т	106,2	106	105,9
Выработка электроэнергии млрд. кВт·ч	282,0	300	297,1

На 1981 г. планируется сократить на 6 млн. т добычу нефти и на 21 млн. т добычу угля, производство электроэнергии запланировано в 312 млрд. кВт·ч²¹.

Главные причины трудностей, переживаемых угольной промышленностью, заключаются в усилении диспропорций в отрасли вследствие отставания технического обеспечения производства, низкой эффективности и высокой себестоимости производства, а также расточительном использовании сырья и материалов²². Угольная промышленность остается слабомеханизированной отраслью. В марте 1980 г. сообщалось, что уровень комплексной механизации в отрасли составляет только 6,3 %.

Существует ряд причин, отрицательно влияющих на рост добычи нефти в Китае: отставание поисковых геолого-разведочных работ, истощение запасов крупнейших — Дацинских — и некоторых других месторождений, нехватка современного нефтедобывающего оборудования, средств транспорта и т. д.

Электроэнергетика увеличила выпуск продукции. Тем не менее экономика продолжала испытывать острый недостаток электроэнергии, вследствие чего в 1980 г. не использовалось 20—30 % мощностей промышленности, а в отдельных районах еще больше (например, в провинции Гуандун около 40 %).

В черной металлургии главное внимание обращалось на производство дефицитных видов проката (мелкосортного проката, тонкого листа, проволоки, сварных труб и т. д.). Выпуск этой продукции за январь — октябрь 1980 г. возрос примерно на 3,4 млн. т по сравнению с соответствующим периодом 1979 г., но значительно сократился выпуск толстого и среднего листа. В 1980 г. производство черных металлов составило:

²⁰ См.: «Жэньминь жибао», 7.II.1981.

²¹ См.: «Правда», 5.IV.1981, «Жэньминь жибао», 12.IX.1980.

²² См. там же, 20.III.1980.

стали — 37 млн. т (рост на 7,4 %), проката — 27,2 млн. т (рост на 9,1 %). На 1981 г. планируется выплавку стали снизить на 2 млн. т.

В 1979 и 1980 гг. капиталовложения в черную металлургию сократились примерно на 50 % против 1978 г.

В 1980 г. на страницах китайской печати неоднократно высказывалась критика в адрес министерства металлургической промышленности и ряда других ведомств в связи с решением о строительстве крайне дорогостоящего Баошаньского металлургического комбината под Шанхаем, оборудование для которого поставляется в основном из Японии. Газета «Вэньхуэй бао» 24 сентября 1980 г. сообщила, что этот комбинат общей мощностью 6,7 млн. т стали в год имел первоначальную сметную стоимость 22,7 млрд. юаней, что в несколько раз выше стоимости 156 ключевых предприятий, сооруженных в 50-е годы с помощью СССР. К сентябрю 1980 г. было израсходовано более 7 млрд. юаней и выполнена сравнительно небольшая часть строительно-монтажных работ. В декабре 1980 г. китайская сторона на неопределенный срок отказалась от сооружения второй очереди Баошаньского комбината.

Машиностроительная промышленность оказалась в очень сложном положении. С большими трудностями столкнулись тяжелое машиностроение, а также ряд других отраслей, поставляющих оборудование для металлургии, химической, нефтяной, угольной и электроэнергетической промышленности, производство в этих отраслях сократилось.

Производство некоторых видов промышленной продукции в 1979 и 1980 гг. составило:

	1979 г.	1980 г.
Горношахтное оборудование, тыс. т	264	147
Электроэнергетическое оборудование, млн. кВт	6,2	4,2
Металлорежущие станки, тыс. шт.	140	129,9
Тракторы, тыс. шт.	126	97,5
Двигатели внутреннего сгорания, млн. л. с.	29,1	26,4
Локомотивы, шт.	573	512
Автомобили, тыс. шт.	186	220,2
Телевизоры, млн. шт.	1,3	2,4

Одна из главных проблем китайского машиностроения — устарелость и низкое качество продукции. Сообщалось, что из 25 тыс. основных видов изделий, выпускаемых предприятиями I-го министерства машиностроения, большая часть находится на уровне мирового машиностроения 50—60-х годов. Немало нужных видов машин, оборудования и приборов китайские машиностроительные заводы не могут производить. Например, часовой промышленности требуются станки более чем 90 типов, а в стране производятся такие станки лишь 10 видов. Отечественное машиностроение не удовлетворяет потребности 16 отраслей легкой промышленности, производит очень мало видов машин и оборудования современного типа для сельского хозяйства и лесной промышленности²³.

Химическая промышленность была ориентирована на первоочередное обслуживание сельского хозяйства и текстильной промышленности, на производство для экспорта. Выпуск минеральных удобрений (в пересчете на 100 % полезного вещества) составил 12,5 млн. т (рост на 17,5 %), химических волокон — 447 тыс. т (рост на 37 %), каустической соды — 1,9 млн. т (рост на 5 %).

Легкая промышленность. В начале 1980 г. Госсовет КНР принял решение о предоставлении легкой промышленности преимуществ в обеспечении сырьем, топливом, электроэнергией, оборудованием, ассигнованиями на капитальное строительство, банковскими займами, импорт-

²³ См.: «Жэньминь жибао», 3.VII.1980.

ным оборудованием, иностранной валютой, а также средствами транспорта.

В результате легкая промышленность заметно увеличила объем производства (на 17,4 %). Однако такой прирост в значительной мере обеспечили мелкие предприятия с устаревшей техникой. Как отмечала китайская печать, мелкие предприятия в легкой промышленности поглощают огромное количество сырья, топлива, электроэнергии и других дефицитных материальных ресурсов, что отрицательно сказывается на деятельности крупных современных предприятий. Кроме того, продукция мелких предприятий зачастую оказывается низкого качества и не находит сбыта. По вынужденному признанию китайской печати, продукция легкой промышленности, как по количеству, так и по качеству, не отвечает требованиям внутреннего и внешнего рынка.

В 1980 г. в текстильную промышленность были направлены крупные капиталовложения (8 млрд. юаней), однако китайская печать выражает тревогу в связи с тем, что сельское хозяйство может обеспечить хлопок только $\frac{2}{3}$ имеющихся крупных и средних предприятий²⁴. Бесконтрольное строительство мелких текстильных предприятий еще более осложняет сырьевую проблему в отрасли.

Сельское хозяйство

Итоги 1980 г. показывают, что широко разрекламированные китайским руководством мероприятия по подъему сельскохозяйственного производства не дали надлежащего эффекта, в ряде случаев они оказались недостаточными или были не выполнены. В результате доля сельского хозяйства в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства в последние два года не только не увеличилась, несмотря на сокращение темпов роста промышленности, но даже сократилась.

Напомним, что в целях ускорения темпов развития сельского хозяйства китайским руководством был объявлен курс на механизацию этой отрасли народного хозяйства, рассчитанный на период с 1976 по 1985 г. На эти цели должно было быть израсходовано 800—900 млрд. юаней. Однако ассигнования государства на развитие сельского хозяйства в 1980 г. не только не увеличились, но даже сократились по сравнению с 1979 г. на 1,27 млрд. юаней²⁵. Практика истекших лет показывает, что китайское правительство, проводя курс на милитаризацию страны, не в состоянии выделить необходимые средства на развитие сельскохозяйственного производства. По сообщениям китайской печати, для осуществления модернизации сельского хозяйства государство в состоянии ежегодно расходовать лишь 8 млрд. юаней²⁶. Рекомендации правительства ограничиваются главным образом призывами изыскивать резервы на местах и умножать трудовую активность крестьян. Иными словами, местные органы ориентированы на развитие сельского хозяйства, как и в предыдущие годы, главным образом «опираясь на собственные силы».

Производительность труда в китайской деревне остается крайне низкой, доходы коллективных хозяйств также находятся на очень низком уровне. В Китае один работник, занятый в сельском хозяйстве, производит примерно 1 т зерновых культур, то есть почти в 100 раз меньше, чем в США. Доходы более одной четвертой части производственных бригад составляют в расчете на одного человека в среднем менее 50 юаней в год. Около 50 % производственных бригад имеют в расчете на

²⁴ См.: «Гунжэнь жибао», 27.XI.1980.

²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 31.VIII.1980.

²⁶ См.: «Гуанмин жибао», 21.X.1979.

душу от 50 до 100 юаней в год, и лишь в одной четверти бригад этот показатель превышает 100 юаней²⁷.

Китайское руководство пыталось с помощью организационно-хозяйственных мер увеличить производство сельскохозяйственной продукции в деревне, добиться стабилизации коллективного хозяйства, роста доходов крестьянства, чтобы таким образом укрепить политические и социальные позиции военно-бюрократического режима. Однако проводимые в китайской деревне мероприятия направлены, по существу, лишь на отказ от наиболее однозных, неэффективных и дискредитировавших себя форм и методов политики, проводившихся при жизни Мао Цзэдуна.

Одним из таких мероприятий, если судить по сообщениям китайской печати, явилось укрепление самостоятельности основных хозяйственных единиц в сельском хозяйстве — производственных бригад. Делаются попытки значительно сократить определяемые сверху плановые показатели производственной деятельности бригады. Рекомендуется устанавливать задания по объему производства продукции сельского хозяйства, подсобных промыслов и объему централизованных закупок, а также предоставить право бригадам определять структуру посевных площадей, форму организации труда, распределения продукции, остающейся после выполнения государственных заданий.

В ряде районов страны функции основной хозяйственной единицы переданы от больших производственных бригад производственным бригадам, а в провинции Сычуань, например, разрешено разделить «слишком крупные» производственные бригады на более мелкие.

Определенные надежды на увеличение сельскохозяйственного производства в некоторых районах возлагаются на внедрение различных форм системы ответственности за производство в бригадах. Во многих производственных бригадах эти формы выразились в «закреплении производственных заданий», земли и сельскохозяйственного инвентаря за постоянными (на год) или сезонными рабочими группами, в которые входят от 5 до 8 дворов. В слабых производственных бригадах, где годовой доход на одного человека составляет менее 50 юаней, практиковалась передача части земли и сельхозорудий в пользование отдельных крестьянских дворов. За ними же закреплялись определенные производственные задания. Иными словами, для дворов устанавливалась обязательная норма сдачи сельскохозяйственной продукции в фонд производственной бригады, а так называемые излишки продукции могут распределяться крестьянами по личному усмотрению.

По сообщению журнала «Хунци», в Китае уже расформировано более 20 % производственных бригад, члены которых практически возвращаются к единоличному «землепользованию». Распределение коллективной земли и производственных заданий по крестьянским дворам задумано китайским руководством как метод поднятия трудовой активности крестьянства, увеличения сельскохозяйственного производства. Но есть и другие, более важные стороны этого вопроса. Выделяя клочок земли крестьянам, местное руководство практически снимает с себя ответственность за их существование, заставляя самих находить выход из трудностей. Это может усугубить материальное положение значительной части крестьянских семей, в которых ощущается острая нехватка трудоспособных и которые не могут существовать без помощи государства или коллективных хозяйств. Следовательно, китайское руководство, применяя указанную выше систему, сознательно идет на дробление коллективного хозяйства, особенно в экономически отсталых районах, которые больше других нуждаются в помощи государства.

В некоторых районах страны на базе государственных хозяйств в экспериментальном порядке продолжали создаваться аграрно-промыш-

²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 5.XI.1980.

ленно-торговые комбинаты. Основная их цель заключается в соединении производства, обработки и сбыта сельскохозяйственной продукции, ликвидации промежуточных звеньев и т. п. Кроме того, эти объединения должны смягчить остроту нехватки рабочих мест в сельской местности. В феврале 1980 г. министерством целинных и залежных земель КНР для этой цели была основана специальная компания. В течение года в 26 провинциях и автономных районах страны было создано 40 комбинатов. Как сообщала китайская печать, создание этих комплексов связано с трудностями, вызванными слабой системой организации управления и производства в государственных хозяйствах, низкой материальной заинтересованностью рабочих и служащих, отсутствием необходимого количества предприятий перерабатывающей промышленности. В 1980 г., например, 48 % всех госхозов страны являлись убыточными²⁸.

Уделялось внимание вопросам управления сельскохозяйственным производством. Только в первой половине года были созданы совещания по проблемам управления народными коммунами (январь — февраль), финансов и распределения доходов в народных коммунах (июнь), взимания сельскохозяйственного налога (июнь — июль) и т. д. Делались попытки укрепления принципа распределения по труду в коллективных хозяйствах. В ряде районов были восстановлены формы сдельной и премиальной оплаты труда: начисление трудовых единиц за определенное время работы с последующим обсуждением, начисление трудовых единиц на основе нормирования труда и т. п. По сообщению журнала «Хунци», такие системы оплаты труда применяли более 60 % всех производственных бригад²⁹.

Как известно, китайским крестьянам вновь разрешено иметь и обрабатывать свои приусадебные участки. В личное пользование крестьяне рекомендуются передавать пустоши и другие участки земли, которые не обрабатываются коллективными хозяйствами. На этих участках крестьяне имеют право выращивать сельскохозяйственные культуры для личного потребления. В животноводческих районах предлагалось выделять крестьянам площадь под посев кормовых культур.

Указанные выше мероприятия в области сельского хозяйства, которые в ряде случаев носили экспериментальный характер, не дают заметных положительных результатов. Отсутствие необходимой финансовой и материальной помощи государства коллективным хозяйствам, их слабые экономические возможности сдерживают темпы роста сельскохозяйственного производства. По расчетам китайских специалистов, в 4,7 млн. производственных бригад в стране стоимость основных фондов каждой бригады в среднем составляет только около 10 тыс. юаней, то есть меньше цены 55-сильного трактора (14 тыс. юаней)³⁰. В 1979 г. стоимость основных фондов в сельском хозяйстве оценивалась в 85 млрд. юаней, или всего лишь 283 юаня на одного занятого работника³¹.

В связи с отсутствием на местах средств для развития сельского хозяйства в истекшем году, как и в предыдущие годы, крестьян призывали еще шире развернуть строительство небольших промышленных предприятий, значительная часть прибыли которых должна использоваться на нужды сельского хозяйства. Например, в провинции Цзянсу в 1978 г. из прибылей предприятий народных коммун и производственных бригад на сельское хозяйство было израсходовано 220 млн. юаней, что составило 90 % государственной помощи сельскому хозяйству провинции. В стране насчитывалось около 1,5 млн. таких предприятий, на которых было занято более 20 млн. человек³². Вместе с тем китайская печать

²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 23.II, 7.VIII.1980.

²⁹ См.: «Хунци», 1980, № 4, с. 8.

³⁰ См.: «Нунъе цзинци вэньти», 1980, № 1, с. 15.

³¹ См.: там же, с. 39.

³² См.: «Хунци», 1980, № 4, с. 6.

отмечала, что вследствие быстрого роста количества предприятий местной промышленности значительно обострились такие проблемы, как низкий уровень управления, производительности труда, качества выпускаемой продукции, ее высокая себестоимость и низкая рентабельность этих предприятий³³.

Наряду с этим обострилась и другая издавна существовавшая в стране проблема — нехватка дефицитного сельскохозяйственного сырья для легкой промышленности (хлопка, табака и другой продукции), подлежащего государственному распределению. Потребление этого сырья на местах значительно увеличилось.

Одной из серьезных проблем сельского хозяйства продолжает оставаться сокращение пахотного фонда страны. По сообщениям печати, с 1957 по 1977 г., то есть за 20 лет, площадь пахотных земель уменьшилась на 12 млн. гектаров. Всего же в результате эрозии почв и промышленной застройки в КНР было потеряно 33,3 млн. га земель. В 1977 г., например, общая площадь пашни составила 99,3 млн. га (в 1957 г. — 111,8 млн. га). В результате на душу населения количество пахотной земли сократилось до 1,6 му (1 му = $\frac{1}{15}$ га)³⁴.

В 1980 г. сельское хозяйство не получило заметного развития. Принятое ранее решение на всестороннее развитие этой отрасли народного хозяйства способствовало некоторому увеличению производства отдельных технических культур, особенно масличных. Однако это было достигнуто за счет зернового производства, так как посевные площади под зерновыми были сокращены, что сказалось на валовом сборе зерна. Кроме того, в истекшем году в ряде районов создались неблагоприятные условия (засуха, наводнения), которые также оказали неблагоприятное влияние на выращивание и сбор зерновых и других сельскохозяйственных культур.

Растениеводство. По сообщению китайской печати, в 1980 г. урожай зерна, включая соевые бобы, картофель и батат, составил 316 млн. т (официальные данные за 1979 г. — 332 млн. т). Опубликованные в китайской печати цифры валового сбора зерновых культур в истекшие два года являются завышенными. По нашей оценке, урожай зерновых в 1980 г. составил примерно 275 млн. т, включая соевые бобы, батат и картофель в пересчете по коэффициенту 4 : 1.

В истекшем году принимались меры по увеличению производства технических культур, в том числе хлопка: увеличены закупочные цены, несколько расширились посевы под хлопчатником. По сообщению китайской печати, сравнительно хороший урожай этой культуры был собран в северных провинциях страны. В районах бассейна Янцзы в результате наводнения урожай хлопка был ниже, чем планировалось. В целом, по оценке, валовой сбор хлопка-волокна в стране несколько превысил уровень предыдущего года (2,2 млн. т).

Уделялось внимание выращиванию масличных культур. В настоящее время под этими культурами занято свыше 5,3 млн. га, или 6 % пашни. В 1980 г. под рапсом — одной из важных масличных культур в Китае — площади были расширены. Посевы подсолнечника за год увеличились вдвое и достигли 800 тыс. га³⁵. Однако производство растительного масла в стране далеко еще не удовлетворяет минимальные потребности населения. Ограниченность пахотного фонда не позволяет значительно расширить посевные площади под масличными культурами.

Животноводство — одна из наиболее отсталых отраслей народного хозяйства — развивалось медленными темпами. Доля продукции этой отрасли во всей валовой продукции сельского хозяйства составляет все-

³³ См.: «Жэньминь жибао», 8.I.1980.

³⁴ См.: там же, 29.IV, 27.XI.1980.

³⁵ См.: там же, 26.VI.1980.

го 13,2 %³⁶. Во Внутренней Монголии, Тибете, Синьцзяне, в провинциях Цинхай, Ганьсу и некоторых других районах с целью стимулирования производственной активности животноводов в увеличении поголовья скота были осуществлены некоторые мероприятия: скотоводам разрешено увеличить поголовье скота в личных хозяйствах, народным коммуна и производственным бригадам не устанавливались задания по государственным закупкам продукции животноводства, снижен животноводческий налог. Однако главным тормозом в развитии животноводства, как и в прежние годы, оставалась слабость кормовой базы. Распашка пастбищ под зерновые в 70-х годах сузила кормовую базу животноводства. По сообщениям китайской печати, на конец июня 1980 г. в стране поголовье свиней составило 314 млн. голов, или на 1,5 % больше, чем за тот же период прошлого года; поголовье овец составило соответственно 206,1 млн. голов (прирост на 8,4 %), крупного скота (коров, лошадей, мулов, верблюдов и др.) — 95,25 млн. голов (прирост 1,1 %)³⁷.

Сельское хозяйство не обеспечивает потребности населения продовольствием, а легкую промышленность — сырьем. В стране сохраняется строго нормированное снабжение многими видами продовольствия и продукции легкой промышленности, особенно хлопчатобумажными тканями. В 1980 г. КНР продолжала импортировать зерно, соевые бобы и хлопок из-за границы. Так, импорт зерна, по предварительным данным, составил более 12 млн. т.

Подводя итоги нашего анализа состояния экономики КНР в 1980 г., необходимо еще раз подчеркнуть, что положение в народном хозяйстве является сложным, решение задач, выдвинутых политикой «урегулирования», затягивается. Обострение топливной проблемы, неурожай зерновых и другие негативные явления могут еще более обострить экономические трудности в 1981 г.

³⁶ См.: «Нуньэ цзинци вэньти», 1980, № 1, с. 19.

³⁷ См.: «Жэньминь жибао», 4.IX.1980.

Валютные амбиции Японии

Ю. С. Столяров,
кандидат экономических наук

70-е годы ознаменовались значительным усилением позиций Японии в мировом капиталистическом хозяйстве в ходе конкурентной борьбы с другими центрами империалистического соперничества — США и «Общим рынком». Это выражается в существенном влиянии Японии на динамику капиталистического воспроизводства и цикла, формирование структуры мировых товарных и финансовых потоков, международного разделения труда и т. д., наконец, на характер экономических и политических отношений современного империализма. Отмеченное выше видно из следующих данных (в процентах; в скобках — место в капиталистическом мире):

	1960 г.	1979 г.
Доля в промышленном производстве	4,8 (4)	9,7 (3)
Удельный вес в капиталистическом экспорте	3,5 (5)	7,0 (3)
Доля в прямых заграничных инвестициях стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)	—	7,4 (4)
Затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (млрд. долл.)	0,5 (7)	17,0 (2) (1978)
Доля в инвалютных резервах	3,2 (6)	5,1 (4)

Почти по всем показателям Япония значительно обошла ведущие западноевропейские страны, отставая лишь от США. Одним из новейших направлений, выражающих экспансионистский потенциал японского центра империализма, является в современных условиях валютно-финансовое наступление японских монополий.

Необходимо при этом иметь в виду, что валютная экспансия, во-первых, с известным опозданием по времени следует за промышленной и торговой, являясь, как правило, производной от них. Во-вторых, валютная экспансия, получив известное развитие, в значительной мере приобретает самостоятельное движение, оказывая возрастающее обратное воздействие на другие направления внешнеэкономических связей капиталистической страны, на внутреннее производство. В-третьих, развитая валютная экспансия, опосредуя и стимулируя все другие формы внешнеэкономических связей, приводит к резкому усилению позиций страны в мировом капиталистическом хозяйстве. История капитализма подтвердила это сначала на примере Англии и затем США, а в настоящее время — ФРГ и Японии. В-четвертых, современная валютная экспансия японских монополий осуществляется преимущественно на основе использования не своей, а чужой валюты — американского доллара. Стало это возможным прежде всего в результате длительной и огромной по своим масштабам несбалансированности японо-американской торговли, что позволило Японии накопить внушительные резервы иностранной валюты,

осуществлять экспорт производственного и ссудного капитала главным образом в американской валюте и т. д. Все это обуславливает, с одной стороны, сильную валютную зависимость Японии от США, а с другой — нарастающие валютные противоречия между двумя центрами империалистического соперничества. С середины 70-х годов Япония все энергичнее начинает опираться в своем валютном наступлении и на иену.

Конкретные формы валютной экспансии Японии многообразны, и проявляются они главным образом в создании за пределами страны мощной банковской сети, в трансформации национального рынка капиталов в международный, во внедрении национальной денежной единицы в международный экономический оборот прежде всего в форме валюты расчетов и валюты установления цен и, наконец, в попытках создания валютной группировки под своей эгидой.

Рывок японских банков

Положение японских банков в капиталистическом мире на протяжении 70-х годов резко изменилось. Уже в 1972 г. крупнейший монополистический банк страны «Дайити кангё» с активами в 20,5 млрд. долл. занимал 5-е место среди 20 самых крупных банков капиталистического мира, «Сумитомо» — 8-е (18,4 млрд.), «Фудзи» — 9-е (17,9 млрд.), «Мицубиси» — 12-е (17 млрд.), «Санва» — 15-е (16,3 млрд.), «Нихон кангё» — 16-е (15,5 млрд.)¹. Тогда же в число 20 банков входило 3 американских, 3 французских, по 2 английских и западногерманских, то есть японское представительство было самым большим. В 1979 г. «Дайити кангё» имел активы уже в 66,6 млрд. долл. (10-е место), «Фудзи» — 59,8 млрд. (14-е), «Сумитомо» — 58 млрд. долл. (16-е) и т. д., а общее число японских банков среди 20 крупнейших банков мира по-прежнему составляло 6², опережая американское, западногерманское, английское и т. д. «Совершенно очевидно, — писал один из ведущих и авторитетных журналов в этой области, — что американские банки понесли главные потери в результате экспансии японских банков»³.

Финансово-монополистические группы Японии начиная с конца 60-х годов сумели создать мощную и разветвленную сеть банковских учреждений за границей, что является одним из самых примечательных явлений в развитии капиталистической валютной системы, во внешнеэкономической экспансии японского центра империализма. Именно японские банки с их огромными ресурсами наиболее активно поддерживают национальных экспортеров товаров и капитала, собирают обширнейшую информацию о положении на зарубежных рынках, наиболее тесно сражаются с капиталом других империалистических стран. Не исключено, что энергично создаваемая страной разветвленная банковская сеть за границей позволит ей в той или иной мере ускорить превращение иены в валюту широкого международного применения. Наконец, широкий выход японских финансовых учреждений на международную арену означает решительный поворот финансово-монополистических групп Японии к «мультинационализации», то есть развертыванию за границей массового и диверсифицированного производства, финансовую сторону которого в значительной мере должны обеспечить свои банки.

С 1970 по 1978 г. количество зарубежных отделений японских банков возросло более чем в два раза (с 54 до 123), филиалов — почти в четыре раза (с 6 до 23), а представительств — почти в шесть раз (с 25 до 148)⁴. В результате Япония имела к концу 70-х годов 293 банковских

¹ См.: «Дайямондо», 13.IV.1974, с. 39.

² Ип: «The Banker», June 1980, p. 149.

³ Ibid., June 1979, p. 89.

⁴ «The Financial Times», December 20, 1978; «Тое кэйдзай токэй гэнпо», 1979, № 2, с. 19.

учреждения за границей, уступая лишь Англии и США (более 500), но значительно опережая ФРГ (около 100).

Таким образом, создание Японией разветвленной и мощной банковской сети, охватившей своими щупальцами практически все районы и страны капиталистического мира, — свершившийся факт. В США японские банки захватили от 3 до 4 % национального рынка кредитов и займов, в Англии — около 14 % кредитов, предоставляемых банками в Сити, и т. д., а всего на середину 1979 г. японские банки предоставили средние и долгосрочных займов иностранным клиентам в объеме 25 млрд. долл.⁵ Прибыли японских банков от зарубежных операций (более 800 млн. долл. в год) стали вполне сопоставимы с доходами от прямых заграничных инвестиций страны⁶.

В современных условиях японские банки освоили практически все старые и новые формы и методы проникновения на внешние рынки. Ими создаются зарубежные филиалы, отделения и представительства; местные банки с участием национального капитала; чисто японские банковские группировки; международные банковские и финансовые консорциумы. Применение тех или иных форм зависит от конкретных целей японского капитала в определенной стране, текущей валютно-финансовой политики государства, специального законодательства зарубежной страны, позиций, занимаемых здесь японским капиталом. Так, концентрация японских банков в Нью-Йорке отражает значение последнего как международного валютно-финансового центра, источника крупных заемных средств для японских монополий. Операции японских банков в Калифорнии обслуживают здесь преимущественно японскую внешнюю торговлю, а также американских граждан японского происхождения.

В Западной Европе японские банки создали крупнейший плацдарм в Лондоне, главном рынке евродолларов и еврооблигаций. Здесь поэтому особенно активны инвестиционные банки Японии, проходят подготовку и приобретают новейший опыт ее банковские кадры.

В Юго-Восточной Азии японские банки наиболее активны в Сингапуре и Гонконге. В Сингапуре они ведут крупные операции на рынке «азиатских долларов», в Гонконге обслуживают легальную и нелегальную торговлю с КНР, устанавливают деловые отношения с китайскими банками.

Интенсивное внедрение японских банков на зарубежные рынки, их агрессивная и целенаправленная политика экспансии чрезвычайно усилили конкуренцию между капиталистическими банками, особенно в периоды обострения кризисных явлений в экономике капитализма. Для завоевания клиентуры японские банки в начале 70-х годов широко осуществляли политику кредитного демпинга, то есть определенную часть операций вели с убытками для себя. Не случайно поэтому японские банки подвергались критике за пренебрежение международной практикой ведения операций.

В разгар экономического и энергетического кризисов 1974—1975 гг., столкнувшись с огромным дефицитом платежного баланса страны и нехваткой долларов для оплаты импорта нефти, японские банки развернули в ведущих финансовых центрах лихорадочную деятельность по мобилизации средств. На рынках образовалась даже специальная «японская ставка», которая была примерно на 1 % выше рыночной ставки еврорынка.

Со второй половины 70-х годов новым в деятельности японских банков за границей стало предоставление кредитов и займов не только в долларовой, но и в иеновой валюте. Это качественно новый шаг в между-

⁵ In: «The Japan Economic Journal», July 1979, p. 1.

⁶ Подсчитано по: Нихон такокусэки кигё-но ситэки тэнкай, т. 2. Токио, 1980, с. 93—95; «The Fortune», August 11, 1980, p. 202—203.

народной экспансии японских банков, значительно расширяющий их кредитные ресурсы и ослабляющий зависимость от положения других валют. Только с 1977 по середину 1979 г. кредиты иностранным клиентам в ненах выросли в 10 раз — с 600 млн. до 6 млрд. долл.⁷, причем зачастую они предоставлялись по более низким процентным ставкам, чем у конкурентов. Это вызвало новую волну критики со стороны других капиталистических стран, и прежде всего США. Так, в апреле 1979 г. тогдашний министр финансов США М. Блюменталь, находясь в Японии, предупредил последнюю, чтобы она воздержалась от предоставления дешевых кредитов Китаю, образующихся за счет огромного положительного сальдо в японо-американской торговле⁸. Опасаясь крупного международного скандала, правительство Японии было вынуждено заявить об установлении минимального уровня ставок по японским кредитам и ограничить долю участия своих банков в международных консорциумах 25 %, а свою кредитную политику в отношении КНР согласовывать с США.

Несмотря на большие масштабы развернутого японскими банками наступления за границей, с точки зрения количества и условий осуществляемых банковских операций, а также широты географии зарубежного присутствия японские банки все еще в ряде случаев отстают от американских и английских конкурентов. В связи с этим японскими банками главный упор в современных условиях делается на повышение качества и эффективности своих международных операций, на применение новых форм и методов конкурентной борьбы. Наступление японских банков продолжается.

Токио — новый валютно-финансовый центр капитализма

В общем усилении внешнеэкономических, и в частности валютно-финансовых, позиций Японии обращает на себя внимание чрезвычайно важное обстоятельство — превращение Токио в новый валютно-финансовый центр капитализма. Это означает, что японский центр империализма с экономической точки зрения имеет в современных условиях практически все «атрибуты» — мощный и конкурентоспособный экономический потенциал, развитые торговые, финансовые, научно-технические и иные связи, а теперь и собственный валютно-финансовый центр международного значения. Экономическое наступление японских монополий в других странах получило, таким образом, еще одно подкрепление, а токийский валютно-финансовый центр превращается в один из самостоятельных полюсов валютной системы капитализма, потенциальную основу создания в будущем какой-либо валютной группировки под эгидой иены.

Превращение Токио в международный валютно-финансовый центр — довольно длительный и сложный процесс, практически начавшийся с 1970 г. В конечном итоге это стало возможным при кардинальном изменении места Японии в международных расчетах: из хронического должника она превратилась в одного из крупнейших кредиторов капиталистического мира. Достаточно в связи с этим отметить, что если в 1965 г. Япония была чистым должником остального мира в 0,9 млрд. долл., то в 1979 г. выступала уже чистым кредитором в размере 28,8 млрд. долл.⁹

В современных условиях валютно-финансовый центр в Токио характеризуют следующие основные параметры. Во-первых, токийская фондовая биржа по обороту и стоимости котирующихся на ней ценных бумаг прочно занимает второе место в капиталистическом мире, уступая

⁷ Ип: «The Financial Times», July 17, 1979.

⁸ Ип: «The Japan Economic Journal», April 4, 1979 (рекламное приложение).

⁹ Подсчитано по: «Экономисуту», 2.VI.1968, с. 44; «Кэйдзай хакусё», 1976». Токио, 1977, с. 13; T. Nakase. The Postwar Overseas Expansion of Japanese Monopoly Capitals and their Multinationalizing Development. Osaka, 1980, p. 8.

лишь нью-йоркской. Ее оборот примерно в 2 раза превышает соответствующий биржевой оборот в Токио. В свою очередь Токио примерно в 4 раза превосходит по этому показателю фондовую биржу в Лондоне и примерно в 50 раз — биржу в Париже. Японские монополии, таким образом, имеют в своем распоряжении мощный рынок капиталов, на который они в состоянии открыть доступ и для иностранных монополий. Этот процесс тщательно контролируется японским правительством путем применения различного рода ограничений в рамках общего курса на постепенную либерализацию импорта иностранного капитала.

С конца 1973 — начала 1974 г. на токийской фондовой бирже были разрешены котировки акций иностранных компаний, таких, как «Доу кемикл», «Фёрст нэшнл корп.», «Дженерал телефон энд электроникс» и др. В конце 1979 г. в Токио котировались акции 15 иностранных компаний, что еще более, чем в 2 раза, уступало Нью-Йорку и почти в 25 раз — Лондону. Несмотря на значительные трудности первых шагов в этом направлении, основная тенденция постепенного расширения международных функций Токио как рынка размещения иностранных акций не вызывает сомнения.

Во-вторых, иностранные юридические лица были допущены с 1970 г. для специально образованного рынка иностранных облигаций в иенах. В поисках заемных средств здесь уже разместили свои облигационные займы Международный банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития и другие международные финансовые организации, правительства, банки и муниципальные органы США, Англии, Франции, Канады, Финляндии, Дании, Сингапура, Мексики, Греции и т. д., а также некоторые социалистические страны. Общий объем иенных облигационных займов, размещенных в Токио с 1970 по 1979 г., превысил (в пересчете на доллары) 2 млрд. долл.¹⁰ Доля иенных облигаций в общем объеме иностранных эмиссий на рынках капиталистических стран (исключая рынок еврооблигаций) поднялась с 1,8 % в 1976 г. до примерно 25 % в 1978 г.¹¹, что выдвигает иену по этому показателю на одно из ведущих мест среди капиталистических валют.

Для поднятия международного престижа Токио его рынок капиталов и денежный рынок были открыты также для участия иностранных банков, которые на протяжении 70-х годов буквально хлынули в Японию. На начало 1979 г. здесь действовало 228 иностранных банковских учреждений, что выдвинуло Токио по этому показателю на уровень Цюриха и Франкфурта-на-Майне¹², то есть крупных финансовых центров.

В-третьих, государственно-монополистические круги Японии для усиления международного значения собственного валютно-финансового центра используют и такое направление, как создание здесь крупного рынка текущих валютных операций и в долларах США, и в иенах. В 1972 г. в Токио японскими и иностранными банками был образован рынок кредитно-депозитных операций в американской валюте, достигший к концу 70-х годов объема около 2 млрд. долл.

К тому же в самой Японии с середины 70-х годов стало набирать силу новое направление в валютных операциях: перевод их из долларов в национальную валюту — иену, что, конечно, в длительной перспективе отвечает интересам японских монополий, валютным амбициям Японии. Другими словами, был взят курс на превращение Токио в международный валютный центр на иеновой основе, находящийся под контролем японских властей.

¹⁰ Подсчитано по: «Экономисуго», 24.I.1978, с. 60. Курс — 300 иен = 1 долл. США. «The Banker», August 1980, p. 69.

¹¹ In: «The Japan Economic Journal», August 1979, p. 17.

¹² In: «The Oriental Economist», March 1979, p. 8.

Международное выдвижение иены

По мнению исполнительного директора Банка Японии М. Хаями, «в процессе усиления внешнеэкономических позиций страны и иены международные финансовые круги стали проявлять интерес к ней как к международной валюте... Роль иены усиливается во всех областях. Это является естественным отражением экономической и финансовой мощи Японии»¹³.

Широкое международное использование иены является конечной целью валютной экспансии Японии, материальной основой создания в перспективе валютной группировки под ее эгидой. Полная реализация валютных амбиций принесет Японии преимущества не только коммерческого характера, но также престижного и политического.

Достижение этой цели — длительный, сложный и неоднозначный процесс. Достаточно в связи с этим отметить, что он начался еще в 1960 г., когда страна ввела частичную обратимость иены. И лишь только в 1976 г., через 16 лет, Япония официально провозгласила курс на «интернационализацию» иены, то есть на ее международное применение.

При этом в условиях современной валютно-финансовой системы капитализма под «международным применением» иены необходимо различать следующие этапы: 1) валюта ограниченного международного применения; 2) валюта широкого международного, в частности регионального, применения (или «ключевая» валюта); 3) резервная валюта.

Анализ международных позиций иены показывает, что с начала 70-х годов она фактически является валютой ограниченного международного применения с постоянно расширяющимся кругом операций. К концу 70-х — началу 80-х годов она вплотную подошла к переходу в следующее качество — валюту широкого международного применения. Об этом поступательном движении иены свидетельствует прежде всего заметное использование ее во внешней торговле Японии. Так, в 1970 г. в японской валюте велось лишь 0,9 и 0,3 % японского экспорта и импорта¹⁴, а в 1979 г. — уже соответственно около 25 и 2 %¹⁵. Экспорт страной продукции машиностроения финансировался в национальной валюте уже на 30 %, судостроения — на 98 %. Мексика и Алжир практически полностью перешли на ведение торговли с Японией в иенах¹⁶. Хотя по рассмотренным показателям иена все еще существенно уступает США, ФРГ и Англии, продвижение Японии по указанному направлению весьма значительно, отражая прежде всего резкое усиление позиций страны в мировой торговле. Это означает также, что значительную часть валютных рисков Япония сумела переложить на своих торговых контрагентов, принимая во внимание механизм внешнеторговых расчетов.

В международном платёжном обороте 70-х годов на японскую иену приходилось 4—5 % мировых валютных резервов¹⁷, а общая сумма средств на иностранных счетах в иенах в японских банках на апрель 1980 г. достигла 40 млрд. долл., что намного превосходит соответствующие показатели для такой валюты, как английский фунт стерлингов¹⁸. Счета в «свободных» иенах открыты более чем 50 странами, наиболее крупные средства на которых имеют Саудовская Аравия, Малайзия, Австралия, Сингапур и др. Кроме того, образовался международный — евроиеновый — рынок японской валюты, представляющий собой депозиты в американских и европейских банках в иенах главным образом центральных банков развивающихся стран и образовавшийся в

¹³ Цит. по: «The Banker», March 1979, p. 57.

¹⁴ См.: «Дайямондо», 24.VI.1972, с. 13.

¹⁵ См.: «Цусэ хакусэ (сорон)», 1979». Токио, 1980, с. 139.

¹⁶ In: «The Japan Economic Journal», May 20, 1980, p. 2.

¹⁷ In: «World Financial Markets», September 1979, p. 6.

¹⁸ In: «South China Morning Post», May 22, 1980.

результате их отхода от долларов и соответствующей конверсии средств в иены. Емкость указанного рынка на середину 1978 г. также составляла около 7 млрд. долл. и была третьей по величине после рынка марки ФРГ (97 млрд. долл.) и швейцарского франка (28 млрд. долл.)¹⁹.

Иена все интенсивнее используется в международных финансовых организациях, в межгосударственных сделках. По «своп соглашению» с Нью-Йоркским банком Федеральной резервной системы Япония предоставила в распоряжение США на 5 млрд. долл. иеновой валюты для взаимной поддержки доллара и иены. Подавляющая часть экономической «помощи» Японии развивающимся странам (7,6 млрд. долл. в 1979 г.) также предоставляется в иеновой валюте. Это же относится к государственным кредитам Экспортно-импортного банка Японии, предоставляемым развивающимся и социалистическим странам. Только в мае — июне 1979 г. Япония предоставила КНР беспрецедентные в мировой практике займы и кредиты объемом около 8 млрд. долл. в иеновой валюте. Иена, таким образом, превратилась в заметный резервный и инвестиционный актив, в некоторых случаях стала использоваться в качестве валюты интервенции на международных рынках.

Определенную роль с точки зрения международного значения иены играет коллективная оценка странами — членами МВФ ее удельного веса в «корзине» главных валют при исчислении курса специальных прав заимствования (SDR). К концу 70-х годов на японскую валюту приходится 7,5 % «веса корзины» (так же как и фунта стерлингов и французского франка) по сравнению с 33 % доллара США и 12,5 % марки ФРГ. Иена, таким образом, стоит на 3—5 месте в ряду основных валют, что примерно соответствует ее роли и значению в современной валютной системе капитализма.

Эти в значительной мере объективные процессы международного выдвижения иены в существенной мере ускоряются целенаправленной и в то же время осторожной политикой государственно-монополистических кругов Японии, правительство которой в 1976 г. официально провозгласило программу «интернационализации» иены. В 1979 г. эта программа была наполнена конкретным содержанием. Под ней понимается превращение иены в валюту широкого международного применения путем стабилизации экономики Японии и цен, а также платежного баланса, что могло бы обеспечить стабильную стоимость иены. Предусматривается введение постоянного финансирования в иенах по низким процентным ставкам как для резидентов, так и для нерезидентов, а также ослабление административного и прочего контроля в валютной сфере. Вместе с тем в программе ничего не говорится о превращении иены в лидера какой-либо валютной группировки.

Естественно, возникает вопрос: почему же Япония в современных условиях не выдвигает подобной задачи и делает акцент именно на широком международном выдвижении иены? Дело в том, что это вовсе не исключает, что в будущем иена сможет играть роль и региональной валюты, опираясь на свой окрепший международный статус. Развитие же рассматриваемого процесса в подобной, а не обратной последовательности выгодно для государственно-монополистических кругов страны с различных точек зрения.

Как известно, Япония выступает в современном мире как одна из ведущих капиталистических держав с глобальными внешнеэкономическими интересами. Это объективно требует для обслуживания развитых внешнеэкономических связей устойчивой международной валюты, в роли которой для Японии все меньше подходит доллар США. Его использование с начала 70-х годов приносит стране возрастающие убытки в силу его девальваций, инфляционного обесценения и снижения курса.

¹⁹ In: «The Japan Economic Journal», August 28, 1979, p. 17.

К плюсам от «интернационализации» иены в Японии относят также ослабление зависимости ее валютного положения и самой иены от валютной политики США и положения доллара, стабилизировать международную стоимость которого американское правительство оказывается не в состоянии. С благоприятными последствиями международного использования японской валюты связывается облегчение кредитования внешней торговли страны, снижение потерь национальных экспортеров от валютных рисков, использование иены для других зарубежных операций, увеличение соответствующих прибылей национальных банков, дальнейшая либерализация экономики Японии.

В стране видят и отрицательные последствия, которые могут возникнуть в случае широкого международного применения иены, а именно: увеличивающиеся риски ее втягивания в неконтролируемые спекулятивные операции, вероятность роста неблагоприятного состояния международных валютных рынков на внутреннее денежное обращение, а также и чисто технические трудности, связанные с тем, что японские банки и торговые фирмы привыкли иметь дело с долларами в течение многих лет.

В связи с этим довольно нескоро представляются и сроки полной реализации программы «интернационализации» иены, то есть ее превращения в валюту широкого международного применения. Они будут определяться прежде всего тем, насколько глубоко и быстро будет происходить перестройка структуры экономики Японии и ее внешнеэкономических связей, которые позволили бы уменьшить болезненно высокую зависимость и уязвимость страны от внешних рынков.

Что же касается роли иены в качестве региональной валюты — цели, которая не ставится в современной валютной политике страны, — то здесь главным фактором следует считать то, что правящие круги Японии учитывают пока негативную реакцию на это государств Юго-Восточной Азии. Эти государства не забыли, как японская военщина выкачивала из них материальные ценности через механизм иенового блока в годы второй мировой войны. Новым внедрением иены в регион Япония не хочет обострять и существующие довольно сильные антияпонские настроения в ЮВА, что могло бы поставить под угрозу позиции здесь японских монополий.

Все это не исключает того, что если странам ЮВА не удастся решить свои валютные проблемы на путях экономической интеграции или использованием какого-либо признанного международного актива, например СДР, или по другим экономическим причинам, то они могут пойти на привлечение японской иены в качестве региональной валюты. Такой вариант предусматривается и в валютной политике самой Японии. «Правительству следует подумать о принятии мер в этом направлении (то есть создания иеновой зоны. — Ю. С.), если его попросят об этом другие страны... Придется действовать осторожно, чтобы не вызвать непонимания за границей истинных намерений японского правительства»²⁰, — заявил министр финансов Японии.

Широкое международное применение иены практически исключает в современных условиях ее последующее превращение в резервную валюту как с точки зрения экономико-политических предпосылок, так и с точки зрения интересов государственно-монополистических кругов страны. Дело в том, что резервной может стать валюта такой страны, которая обладает значительным экономическим потенциалом, ведет обширную внешнюю торговлю, имеет развитый рынок ссудных капиталов международного значения. Кроме того, страна должна иметь мощный и разветвленный по всему миру кредитно-банковский механизм. Резервная валюта должна свободно размениваться на другие валюты, быть средством расчетов и валютной интервенции на международных рынках.

²⁰ «Асахи симбун», 20.IV.1973.

Предполагается, что резервная валюта должна быть относительно устойчивой как внутри страны, так и в международном экономическом обороте, иметь большой международный престиж. Наконец, учитываются также военно-стратегические и политические факторы, связанные с резервной валютой. Как было показано выше, иена уже обладает рядом свойств резервной валюты, однако в то же самое время ей многого и недостает.

Важно и то, что несмотря на заметное укрепление своих позиций в мировом капиталистическом хозяйстве, Япония все же еще не в состоянии взять на себя бремя резервной валюты, с которым все труднее справляется гораздо более мощная экономика США и в конце концов не справилась Англия, отказавшаяся в течение 70-х годов от бремени резервной валюты. Современное кризисное состояние экономики и валютно-финансовой системы капитализма вообще делает все менее актуальной проблему резервной валюты, с которой, как показывает практика, не в состоянии справиться одна национальная валюта. Поэтому для современного капитализма более характерной является тенденция валютного полицентризма, разделения бремени между несколькими валютами, например долларом США, маркой ФРГ в рамках Европейской валютной системы, японской иеной, а также каким-либо международным активом (СДР). Не случайно в США, Англии и других ведущих капиталистических странах подталкивают Японию к тому, чтобы она превратила иену прежде всего в региональную валюту, оставаясь тем не менее зависимой от доллара и под «долларовым зонтиком». Приведем на этот счет наиболее характерное высказывание вице-президента японского отделения одного из американских банков: «Мы полагаем, что иена имеет большие или меньшие возможности стать главной расчетной валютой, прежде всего в Азии... Однако было бы неправильно ожидать быстрой реализации этого... Впереди, очевидно, долгий путь... В то же время если Японию преждевременно заставят сделать выбор между присоединением к Европе или к США, то лучшим для нее будет выбрать США»²¹. При этом было бы облегчено международное бремя доллара, сохранена его ведущая международная роль, а валютные амбиции Японии удовлетворены за счет ЮВА, где она занимает доминирующие экономические позиции.

Что же касается валютных амбиций государственно-монополистических кругов Японии, то они могут найти какую-либо почву при выполнении одного очень важного условия: стабилизации курса иены. Только стабильная или менее резко «прыгающая» вверх или вниз по сравнению с другими валютами иена может быть приемлемой в широких масштабах для иностранных держателей как расчетная единица, валюта контрактов, международных расчетов, страхования и т. д. При этом, конечно, должно соблюдаться и другое важное обстоятельство: максимальное освобождение иены от валютных ограничений. В этой области, однако, Япония столкнулась со значительными трудностями.

Движение курса иены

В новой («Ямайской») валютной системе, функционирующей с апреля 1978 г., для японской иены, как и для других капиталистических валют, не зафиксированы ни золотое содержание, ни какие-либо паритеты или центральные курсы. Она находится в состоянии «плавания», наиболее отличительной чертой которого являются резкие колебания при общей тенденции движения вверх.

Курс доллара в иенах

1970—360,0	1972—308,0	1974—291,5	1976—296,6	1978—210,5
1971—348,0	1973—272,0	1975—296,8	1977—268,5	1979—219,2

²¹ «The Financial Times», December 13, 1972.

Переломным моментом в росте стоимости иены явились две ее ревальвации — в декабре 1971 г. на 16,88 % и в феврале 1973 г. на 16,5 %. С того времени ее курс поднялся почти в 1,5 раза — наибольшее повышение среди других капиталистических валют, за исключением марки ФРГ и швейцарского франка. Это повышение было, однако, крайне неравномерным по времени.

На динамику курса иены оказывают влияние факторы разнообразного характера: внутриэкономические, внешнеэкономические, а также политические. Что касается внутриэкономических факторов, то необходимо иметь в виду, что развитие Японии по сравнению с другими главными капиталистическими государствами на протяжении большей части 70-х годов отличалось относительно благоприятными показателями роста ВВП и промышленного производства, оптовых, потребительских цен и т. д. В этих условиях, казалось бы, курс иены должен был более или менее устойчиво идти вверх, чего, однако, как было показано ранее, не наблюдается в действительности.

Главными причинами этого явилось то, что усилившееся воздействие на ее курс стали оказывать внешнеэкономические и политические факторы, не лежащие непосредственно в сфере экономики страны, а также соответствующая государственная политика. Внешнеэкономические факторы, а именно торговый и платежный балансы страны, уровень валютных резервов, цены мирового рынка и т. д., всегда оказывали большое воздействие на динамику курсов. Для Японии, если посмотреть на ее внешнеэкономические показатели, в целом складывалась довольно благоприятная обстановка, однако курс иены тем не менее испытывает крайнюю неустойчивость. Главное с этой точки зрения заключается в том, что перечисленные внешнеэкономические показатели при всем разнонаправленном воздействии их на валютные курсы все же можно объединить в одно целое, а именно с точки зрения особенностей участия страны в международном разделении труда.

В этом смысле торговый, а отсюда и платежный балансы Японии «держатся» на валютной выручке ключевых и наиболее конкурентоспособных отраслей экономики. Отметим, что на четыре главных экспортных товара Японии (автомобили, черные металлы, комплектное оборудование, суда) приходится около 50 % ее вывоза. Такой концентрации валютных поступлений на столь малом количестве товаров нет ни у одной другой крупной капиталистической страны. Это означает, что база участия страны в международном разделении труда, а также стабильности иены остается довольно узкой. Подобная концентрация характерна и для импорта, почти на 80 % состоящего из топливно-сырьевых товаров. В современных условиях именно они испытывают наиболее сильный рост цен, воздействия других факторов. Это серьезно подрывает безопасность и устойчивость позиций Японии в международном разделении труда, делает уязвимым курс иены от малейших событий в ее внешнеэкономических связях.

Следует заметить, что возросшее влияние на динамику курсов внешнеэкономических, а также политических факторов в той или иной мере можно проследить и на примере других валют. В самом общем виде эта тенденция обуславливается более быстрым развитием внешнеэкономической сферы капитализма и относительным возрастанием ее роли по сравнению с внутренним производством, значительным усложнением мирохозяйственных связей, в которых переплетаются экономические и политические интересы капиталистических государств по линии внешней торговли, движения капиталов, научно-технического обмена, валютных расчетов и т. д. В современных условиях экономика каждой капиталистической страны и курс ее валюты выступают как неразрывные части единого мирового капиталистического хозяйства и его валютной системы.

«Игра на курсе» превратилась в крупный фактор международной экономики и политики — в зависимости от конкретных обстоятельств, от текущих потребностей в стимулировании экспорта или импорта товаров и капиталов государство систематически способствует то повышению, то понижению валютных курсов, используя различные рычаги экономической политики, и прежде всего прямое вмешательство на валютных рынках. Для этих целей японское государство идет на любые расходы — лишь бы стабилизировать курс своей валюты. Так, в течение января — октября 1978 г. для понижения курса иены Банк Японии продавал ее на валютном рынке на сумму 13 млрд. долл. (!), а в течение того же периода 1979 г., наоборот, для повышения стоимости иены Банк израсходовал 12 млрд. долл.²².

Такую огромную цену платят государственно-монополистические круги Японии для удовлетворения своих валютных амбиций, для создания национальным монополиям наиболее благоприятных условий на внешних рынках. Не случайно поэтому в правящих кругах страны при необходимости нести столь значительные издержки на поддержание международной стоимости иены нет единства мнений относительно того, какими темпами и в какой степени глубоко осуществлять далее ее трансформацию в валюту широкого международного применения. В настоящее время ясно одно, что динамика этого сложного процесса будет регулироваться Японией в той мере, в какой это отвечает текущим и долгосрочным интересам японских монополий. Япония уже вступила на путь широкой «интернационализации» иены, главный выбор, таким образом, сделан. А это представляется исключительно важным при оценке экономических позиций японского центра империалистического соперничества, функционирования современной валютной системы капитализма.

²² In: «The Japan Economic Journal», November 1979, p. 1.

Политика «единого фронта» в Тибете

*В. А. Богословский,
кандидат исторических наук*

Среди множества проблем, с которыми сталкивается современное китайское руководство, национальный вопрос занимает далеко не последнее место. Национальные районы Китая, составляющие более половины всей территории страны, исключительно богаты полезными ископаемыми, что имеет большое значение для осуществления курса «четырёх модернизаций», для наращивания военно-промышленного потенциала. Вместе с тем национальные районы — это в основном пограничные области, рассматриваемые китайским руководством как плацдарм для проведения экспансионистской политики в отношении соседних стран. В Пекине, конечно, понимают, что национальные районы могут выполнить эту двойную роль лишь при наличии в них «политической обстановки единства и стабильности». Однако великодержавная национальная политика маоистов, проводившаяся на протяжении многих лет, в особенности во время «культурной революции», чрезвычайно обострила межнациональные отношения в Китае, углубила фактическое неравенство неханьских народов, породила глубокое недовольство коренного населения, вызвала недоверие к общеполитическому курсу китайского руководства и к действиям местных властей.

Пекин был вынужден внести определенные коррективы в свою политику в национальных районах. Они коснулись, в частности, отношения к национальным кадрам, системы образования, использования местных языков и письменности.

Особое внимание китайские руководители уделяют «восстановлению» единого фронта, непосредственно направленного на достижение «политической обстановки единства и стабильности». Проблемы единого фронта обсуждались на сессиях ВСНП и НПКСК, нашли отражение в Конституции КНР (1978) и Уставе НПКСК. В марте 1979 г. ЦК КПК принял решение снять со всех органов и учреждений единого фронта (в том числе по работе с национальностями и в области религий) обвинения в проведении «капитулянтской» и «ревизионистской» линий¹. Перед единым фронтом ставится задача сплотить всех, кого можно сплотить, полностью мобилизовать все активные факторы, а также по возможности превратить пассивные факторы в активные. Единый фронт, по мысли китайских руководителей, должен объединить не только всех «патриотов», поддерживающих социализм, но и тех, кто поддерживает единство родины, в том числе «всех людей китайской нации (чжунхуа миньцзу) в целом, горячо любящих родину»².

¹ См.: «Жэньминь жибао», 19. III. 1979.

² См.: «Хунци», 1980, № 3, с. 25. В состав «чжунхуа миньцзу» включаются не только ханьцы, но и все неханьские национальности КНР. Этот термин широко использовался Чан Кайши для обозначения «единой» китайской нации.

В наиболее полном, по сравнению с другими национальными районами, виде политика единого фронта осуществляется в Тибете. Во-первых, Тибет — одна из крупнейших национальных окраин КНР. Площадь Тибетского автономного района (ТАР) составляет одну восьмую, а с тибетскими областями в соседних провинциях, где проживает более половины из 3,45 млн. тибетцев КНР, — более одной пятой территории страны. Особое внимание Пекина привлекают природные богатства Тибета. Но главный интерес для руководителей Китая представляет военно-стратегическое положение Тибета как плацдарма для осуществления экспансии на юге Азии. Широкое военное строительство в Тибете, присутствие здесь 300-тысячной армии, непрекращающиеся провокации в отношении соседних стран, вылившиеся в 1962 г. в открытые военные действия против Индии, говорят об этом достаточно красноречиво.

Во-вторых, Тибет является наиболее «беспокойным» для китайского руководства национальным районом КНР. Здесь не раз вспыхивали вооруженные выступления, в том числе известное восстание в марте 1959 г. в Лхасе. В Тибете позже, чем в каком-либо другом районе КНР, начались социальные преобразования. Тибетский автономный район был образован лишь в 1965 г. Процесс «коммунизации», начатый во время «культурной революции», из-за сопротивления тибетцев растянулся почти на десять лет и завершился лишь в 1975 г. К настоящему времени социально-экономическая и политическая структуры Тибета в основном приведены в соответствие с общекитайской моделью. Однако среди широких масс тибетцев по-прежнему сильны националистические, а также религиозные настроения. Нередко они выливаются в открытые выступления, участники которых требуют ухода ханьцев из Тибета.

Трудности пекинского руководства усугубляются еще и тем, что оно не может рассчитывать на существенную поддержку со стороны ханьцев, живущих в ТАР. Во-первых, они составляют незначительную часть населения автономного района (120 тыс. гражданских лиц из 1,83 млн.); во-вторых, основная масса ханьцев — это кадровые работники (26 тыс. человек), служащие учреждений, технический персонал, проживающие почти исключительно в городах; в-третьих, подавляющее большинство ханьцев рассматривает пребывание в Тибете с его суровым климатом и враждебностью тибетского населения как временную «ссылку» и отнюдь не жаждет «укорениться».

Сохранению антиханьских настроений среди тибетцев способствует существование многочисленной (до 110 тыс. человек) эмиграции, руководители которой ведут довольно активную антипекинскую деятельность. Значительный авторитет среди тибетцев сохраняет и находящийся в эмиграции далай-лама XIV, что наглядно показала демонстрация жителей Лхасы во время пребывания там делегации тибетских эмигрантов летом 1980 г.

Единый фронт — не новое явление в политике Пекина в отношении Тибета. Его основные принципы были сформулированы в соглашении, заключенном 23 мая 1951 г. между представителями центрального и тибетского правительств. Это соглашение, в частности, предусматривало сохранение «политической системы» и «существующего статуса и полномочий» далай-ламы и панчен-ламы, определяло, что «в вопросах, касающихся различных реформ в Тибете, не будет никакого принуждения со стороны центральных властей. Местное правительство должно проводить реформы добровольно, и, когда народ потребует реформ, вопрос о них будет решаться путем консультаций с видными деятелями Тибета»³.

³ Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955, с. 119—123.

Причины, побудившие руководство КНР положить в основу своей политики в Тибете принципы единого фронта, достаточно четко определил Мао Цзэдун в Директиве ЦК КПК о курсе работы в Тибете от 6 апреля 1952 г. Среди них — оторванность Тибета от внутренних районов КНР, ненадежность материального обеспечения армий, а также тот факт, что тибетские верхи «сильнее нас в отношении социальной базы», и, главное, отсутствие «опоры среди народных масс»⁴. В целом политика единого фронта была рассчитана на то, чтобы укрепить позиции центральных властей в Тибете, заставить тибетские верхи пойти на социально-экономические и политические преобразования, то есть, по существу, на самоликвидацию. Конечная цель Пекина состояла в преобразовании Тибета по общекитайскому образцу, в ликвидации самой возможности какого-либо сепаратистского движения, в создании условий для беспрепятственного осуществления здесь общеполитического курса центральных властей.

Нежелание правящих кругов Тибета во всем подчиняться приказам из Пекина и растущее давление центральных властей привели к росту напряженности в отношениях между партнерами по единому фронту. В мае 1958 г. на второй сессии VIII съезда КПК Мао Цзэдун заявил: «В Тибете некоторые люди стоят за раскол, не хотят сотрудничества. Такие люди потерпят поражение». В марте 1959 г. в Лхасе произошло восстание. Затем последовали репрессии против представителей тибетских верхов, участвовавших в восстании, многие из них бежали за границу.

Политика единого фронта в связи с этим претерпевает коренные изменения. Союз с господствующими классами превращается в союз с отдельными их представителями, не участвовавшими в «мятеже». Им предоставляются высокие административные посты (например, панчен-ламе X⁵ и Нгабо Агванг-джикмэ⁶), выплачивается денежная компенсация за отобранное в ходе реформ имущество.

Обострение внутривластной обстановки в Тибете, вызванное кровавыми репрессиями в ходе подавления восстания 1959 г., а затем успешными и проводившимися под нажимом социальными реформами, в частности кооперированием, насильственными мерами по искоренению буддийской веры, заставило Пекин уделить больше внимания политике единого фронта.

В июле 1962 г. Рабочий комитет КПК Тибетского района выработал четыре документа по работе в Тибете, в том числе о совместном сотрудничестве и религии. Эти документы, в частности, предусматривали прекращение массовых репрессий и гонений на буддизм. В них была сформулирована идея двух союзов, которые должны составить единый народно-демократический фронт: союза рабочего класса с прочими трудящимися (основной союз) и союза рабочего класса с нетрудовой частью народа, с которой можно сотрудничать (вспомогательный союз). При этом представитель центрального правительства в Тибете и секретарь Рабочего комитета КПК Тибетского района Чжан Цзинью подчеркивал: «Надо сплотить все силы, которые возможно сплотить... Судя по конкретной обстановке в Тибетском районе, этот не основной, вспомогательный союз также необходим, имеет свое определенно важное значение»⁷.

Однако этот новый вариант единого фронта просуществовал недолго. В августе 1963 г. Мао Цзэдун в «Заявлении в поддержку борь-

⁴ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 5. Пекин, 1977, с. 83 (на русск. яз.).

⁵ Панчен-лама X стал исполнять обязанности председателя Подготовительного комитета по созданию Тибетского автономного района.

⁶ Нгабо Агванг-джикмэ был назначен заместителем председателя Подготовительного комитета по созданию Тибетского автономного района.

⁷ «Синцан жибао», 16.I.1963.

бы американских негров» провозгласил: «национальная борьба в конечном счете относится к классовой борьбе». Вскоре эта формула стала трактоваться как «сущность национального вопроса — классовый вопрос». В таком виде она легла в основу национальной политики Пекина. На практике это вылилось в сведении национального вопроса исключительно к классовой борьбе, что означало отрицание необходимости иметь и проводить какую-либо особую национальную программу, учитывающую специфические особенности тех или иных национальностей и фактическое положение в конкретных национальных районах, и, следовательно, означала отрицание необходимости единого фронта. В соответствии с этой установкой в Тибете был выдвинут лозунг опоры на «освобожденных рабов и крепостных» (тибетский вариант лозунга опоры на «бедняков и низшие слои середняков»). Многие представители верхов (в том числе панчен-лама) подверглись репрессиям.

«Культурная революция», явившаяся, в частности, кровавой иллюстрацией к формуле «сущность национального вопроса — классовый вопрос», до предела обострила политическую обстановку в Тибете, что вызвало немалое беспокойство в Пекине. В сентябре 1975 г. в Лхасу (формально для участия в праздновании 10-летия автономного района) прибыла делегация во главе с тогдашним заместителем премьера Госсовета и министром общественной безопасности Хуа Гофэном. Выступивший на торжественном собрании секретарь парткома Тянь Бао заявил: «Надо знать, что в нашем автономном районе классовая борьба остается очень острой и сложной, экономическая база — слабой, предстоящие задачи революции и строительства — трудными»⁸. В эти же дни газета «Жэньминь жибао» впервые за многие годы призвала: «Крепко опираться на миллион раскрепощенных рабов, сплачивать все силы, которые можно сплотить»⁹.

После смерти Мао Цзэдуна и ликвидации «банды четырех» работа по «восстановлению» единого фронта заметно активизируется. II съезд КПК ТАР (октябрь 1977 г.) потребовал «со всей серьезностью проводить в жизнь политику партии в отношении патриотических демократических деятелей, продолжать работу по сплочению, воспитанию и перевоспитанию этих деятелей... развивать единый фронт, руководимый рабочим классом, основанный на союзе рабочих и крестьян и включающий в себя патриотических демократических деятелей... со всей добросовестностью претворить в жизнь политику партии в отношении религии; обеспечить свободу вероисповедания... сплачивать, воспитывать и перевоспитывать тех религиозных деятелей, которые настроены патриотически и соблюдают законы».

В феврале 1978 г. был «прощен» панчен-лама, ставший членом НПКСК. В состав руководящих органов автономного района, избранных на второй сессии СНП ТАР (6—14 августа 1979 г.), были включены представители бывших тибетских верхов. Так, одним из заместителей председателя народного правительства ТАР стал бывший «живой будда» Пагпалха Гэлэг Намгьэл, а председателем Постоянного комитета СНП ТАР — Нгабо Агванг-джикмэ. Особенно широко представлены верхи в тибетском отделении НПКСК — организации, непосредственно осуществляющей политику единого фронта.

В апреле 1980 г. ЦК КПК издает уведомление в связи с публикацией «Протокола совещания по работе в Тибете»¹⁰. 22 мая 1980 г. в Лхасу прибыли генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан и член Секретариата ЦК, заместитель премьера Госсовета КНР Вань Ли. Вместе с ними «обследование» проводил заместитель председателя Посто-

⁸ «Жэньминь жибао», 9.IX.1975.

⁹ Там же.

¹⁰ «Хунци», 1980, № 15, с. 2.

янного комитета ВСНП, председатель Постоянного комитета СНП ТАР Нгабо Агванг-джикмэ, заместитель председателя Всекитайского комитета НПКСК и председатель Госкомитета по делам национальностей Ян Цзинжэнь¹¹ и заместитель заведующего орготделом ЦК КПК Чжао Чжэньцин.

Восемь «установок» ЦК КПК и шесть «важных задач», сформулированных Ху Яобаном и Вань Ли¹², декларировали проведение более «гибкой» политики в ТАР. Большое место в этих материалах заняли проблемы преодоления бедности Тибета, катастрофического развала экономики, повышения предельно низкого уровня жизни трудящихся. Эти проблемы — прямое следствие бездумного перенесения в Тибет методов хозяйствования, принятых во внутренних районах страны, следствие великодержавной маоистской политики Пекина, выдаваемой, разумеется, за левачью линию Линь Бяо и «банды четырех».

Немалое значение в определении и осуществлении «гибкой» политики в ТАР, основанной на принципе «управлять в зависимости от местных условий», в уведомлении ЦК КПК отводится единому фронту. Вторая установка ЦК КПК гласит: «Органы единого фронта ЦК КПК и Госкомитет по делам национальностей должны активно помогать ЦК и Госсовету, систематически обследовать и изучать состояние работы в Тибете, по собственной инициативе вносить предложения, совместно с соответствующими учреждениями улаживать конкретные вопросы по улучшению работы в Тибете». Ху Яобан и Вань Ли встречались с «патриотами-демократами из высших слоев», выслушивали их мнения, излагали политику ЦК КПК, призывали их «продолжить сотрудничество с партией, внести вклад в строительство нового Тибета»¹³.

Большой прием, организованный отделом единого фронта ЦК КПК и Госкомитетом по делам национальностей, состоялся 9 июля 1980 г. в Лхасе. Среди более чем 300 участников были представители высших слоев (в том числе родственник далай-ламы XIV и врач далай-ламы XIII), врачи тибетской медицины, художники старой школы, а также артисты, писатели, научно-технические работники, представители различных неханьских народов. Присутствовали также руководители ТАР, представители армейского командования и делегации по экономическому сотрудничеству из Пекина. Выступавшие на приеме (как и на других встречах и собраниях) китайские и местные руководители (главным оратором был Ян Цзинжэнь) подчеркивали, что в современной обстановке необходимо продолжать политику партии по единому фронту, шире развернуть работу в области патриотического единого фронта, объединить все силы, которые можно объединить, завоевать всех, кого можно завоевать (включая религиозных деятелей), крепить единство членов партии и беспартийных, единство армии и народа, мобилизовать все активные факторы и, кроме того, превратить пассивные факторы в активные. Обращаясь к представителям «верхов», выступавшие призывали их приложить силы и знания, внести свой вклад в дело единства родины и сплоченности национальностей, в дело развития Тибета. При этом им обещали, что «партия и государство никогда не отбросят человека, который совершает хорошие дела для народа. Это долговременная политика партии»¹⁴.

Итоги своей двухмесячной инспекционной поездки в Тибет Ян Цзинжэнь подвел на страницах «Хунци» в виде семи «соображений»¹⁵.

¹¹ В сентябре 1980 г. Ян Цзинжэнь был избран заместителем премьера Госсовета и освобожден от обязанностей заместителя председателя Всекитайского комитета НПКСК.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 27.V.1980.

¹³ См. там же, 31.V.1980.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 11.VII.1980.

¹⁵ См.: «Хунци», 1980, № 15, с. 2—8.

Одно из них непосредственно касается единого фронта, который и на «новом историческом этапе по-прежнему является чудодейственным средством», и его необходимо укреплять, развивать и расширять, с тем чтобы выполнить задачи по осуществлению «четырёх модернизаций».

Рассмотрим, к каким методам прибегает Пекин, чтобы достичь «взаимопонимания», и в чем должно состоять, по мнению пекинского руководства, участие «патриотов» в строительстве «нового единого процветающего культурного Тибета».

Наиболее видными «патриотами» из высших слоев в настоящее время являются панчен-лама Х и Нгабо Агванг-джикмэ. Отметим, что предшественник нынешнего панчен-ламы, панчен-лама IX, в 1923 г. в результате конфликта с далай-ламой XIII бежал во внутренние районы Китая. Впоследствии он стал членом гоминьдановского правительства. Панчен-лама Х и его приближенные смогли вернуться в Тибет только после ввода сюда войск НОАК. Попытки китайского руководства привлечь на свою сторону панчен-ламу Х оказались небезуспешными: ни он сам, ни духовенство возглавлявшегося им монастыря Ташилхунпо, ни феодалы области Цанг, переданного Пекином под управление панчен-ламе Х, не участвовали в восстании 1959 г. Тем не менее в конце 1964 г. панчен-лама Х, многие из его приближенных и родственников были обвинены в «контрреволюционной» и «раскольнической» деятельности и репрессированы. В 1978 г. панчен-лама Х был реабилитирован. Пекин не покупился и обеспечил ему безбедное существование (более тысячи юаней в месяц), однако его политический и религиозный статусы не были восстановлены. Панчен-ламу Х назначили на почетный, но малозначающий пост заместителя председателя Всекитайского комитета НПКСК (с сентября 1980 г. он один из заместителей председателя Постоянного комитета ВСНП). С 1964 г. он ни разу не был в Тибете. Его участие в тибетских делах ограничивается патриотическими призывами из Пекина к бывшим верхам и к руководству эмиграции. Говорить о панчен-ламе Х как об иерархе тибетской церкви можно только в прошедшем времени.

Своеобразна и в чем-то схожа судьба Нгабо Агванг-джикмэ. Потомственный аристократ и крупный феодал, он командовал тибетскими войсками, защищавшими Чамдо во время наступления НОАК в октябре 1950 г. Попал в плен и прямо из лагеря был привезен в Пекин, где 23 мая 1951 г. подписал соглашение о «мирном освобождении» Тибета. С тех пор Нгабо стал самым ревностным проводником политики Пекина в Тибете. Он был председателем Народного комитета ТАР, затем заместителем председателя «ревкома». Однако в начале 70-х годов Пекин и его отстранил от активного участия в тибетских делах. Будучи одним из заместителей председателя Постоянного комитета ВСНП, он постоянно находился в Пекине. И лишь в 1980 г. (уже в качестве председателя Постоянного комитета СНП ТАР) он смог приехать в Тибет в составе инспекционной группы во главе с Ху Яобаном.

Среди «патриотов», которых еще недавно относили к «реакционной клике верхушки Тибета», можно выделить Лхалу Цзэванг Доржэ. Он, крупный аристократ-феодал (ему принадлежало несколько тысяч крепостных), министр тибетского правительства, командовал «мятежниками» в марте 1959 г., затем был арестован, а в августе 1965 г. освобожден. В 1977 г. Лхалу привлекли к работе в НПКС ТАР, он был агитатором и руководил группой переводов. В настоящее время — член НПКС ТАР, занимается обработкой тибетских исторических архивов¹⁶.

Однако Лхалу — один из немногих представителей бывших верхов, освобожденных еще в 60-е годы и сумевших пережить «культурную революцию». К началу восстановления единого фронта представители

¹⁶ См. «Жэньминь жибао», 20.III.1979.

верхов в своем подавляющем большинстве либо умерли, либо были казнены, либо находились в заключении или в эмиграции. Оставшихся на свободе в Тибете явно не хватало для создания единого фронта.

4 ноября 1978 г. Пекин освобождает 24 представителя «реакционной верхушки» Тибета, осужденных за участие в «мятеже» в марте 1959 г. 17 марта 1979 г. судебные власти ТАР сообщили об освобождении еще 376 человек, среди которых были бывшие министры тибетского правительства, «живые будды» и настоятели крупных монастырей, начальники дзонгов (уездов). Все они, по словам китайской печати, раскаялись в своих «преступлениях» и даже выразили благодарность правительству за... их двадцатилетнее терпеливое «перевоспитание»¹⁷.

Однако «работа по сплочению, воспитанию и перековке» представителей бывших верхов, потенциальных участников единого фронта, далека от завершения.

Ян Цзинжэнь, обследовавший летом 1980 г. обстановку в Тибете, пришел к выводу: «Главным являются успехи в работе по единому фронту в Тибете, однако в некоторых отношениях сделано недостаточно, необходимо ее усилить. Нужно улучшить работу по практическому осуществлению политики в отношении патриотов из высших слоев тибетской национальности и религиозных кругов, надо в короткие сроки освободить тех, кто этого заслуживает, но еще не освобожден, надо быстро трудоустроить тех, кто должен быть устроен на работу, но еще не трудоустроен. Если кто-либо изъявляет желание трудоустроиться, ему нужно предоставить конкретную работу. Если кто-либо испытывает трудности в жизни, ему следует оказать реальную помощь»¹⁸.

«Конкретная работа», которая предоставляется «патриотам», сводится, как можно судить по сообщениям прессы, к обработке тибетских архивов, главным образом исторических, к сбору и изучению произведений тибетского фольклора. Некоторые «патриоты» пишут статьи о прошлом Тибета, пытаются доказать, будто Тибет издревле является неотделимой частью Китая, призывая «отдать все силы защите единства родины, сплоченности национальностей».

Однако главная «конкретная работа» «патриотов» состоит в самом факте сотрудничества с центральными и местными властями, в безоговорочном принятии и поддержке общеполитического курса пекинского руководства, в демонстрации «единства» внутри тибетцев и их «сплоченности» с другими национальностями Китая, в первую очередь с ханьцами.

Тезис о стремлении тибетцев жить в составе «единого Китая» и их единодушной поддержке китайского руководства Пекин пытается распространить и на тибетскую эмиграцию. Все тибетские беженцы (их численность — главным образом в Индии, а также в Непале, Бутане и других странах — достигает 110 тыс. человек) считаются в Пекине «соотечественниками», представителями «китайской нации», временно находящимися «за пределами родины» (Китая). При этом утверждается, будто подавляющее большинство беженцев, «пройдя через 20-летние испытания, стремится идти по пути патриотизма» и возвратиться на родину.

Еще в сентябре 1975 г., выступая на митинге в Лхасе по случаю 10-летия ТАР, Хуа Гофэн настойчиво призывал «соотечественников» вернуться в Тибет, обещая им полную безопасность и трудоустройство. 1 мая 1977 г. агентство Синьхуа сообщило о беседе Нгабо Агвангджикмэ с японскими журналистами, в ходе которой он заявил: «Мы приветствуем всех патриотов независимо от того, когда они приходят — раньше или позднее».

¹⁷ См. «Жэньминь жибао», 16.XI.1978; 20.III.1979.

¹⁸ «Хунци», 1980, № 15, с. 8.

Особенно широкий размах кампания за возвращение беженцев приняла в конце 1978 г., после освобождения 24 мятежников. Напомним, что основную массу эмиграции составили тибетцы, бежавшие во время подавления восстания в 1959 г. Среди них были далай-лама XIV и нынешние руководители эмиграции. Выступая 4 ноября 1978 г. на собрании, посвященном «освобождению мятежников», Тянь Бао (секретарь парткома и заместитель председателя «ревкома» ТАР. С августа 1979 г. председатель народного правительства ТАР) заявил: «Оказавшиеся за границей соотечественники-тибетцы, в том числе бежавшие за границу лица из верхушки Тибета, если только они пожелают вернуться на родину, будут тепло приняты»¹⁹. В конце декабря последовал ряд «приглашений» со стороны панчен-ламы Х и Нгабо Агванг-джикме²⁰.

6 января 1979 г. в ТАР был учрежден Комитет по приему соотечественников, возвращающихся на родину или желающих посетить Тибет для ознакомления, во главе с Тянь Бао. В состав комитета были включены представители бывших верхов.

Главным условием возвращения является «патриотизм», то есть признание «единства» Китая и, соответственно, современного статуса Тибета в составе КНР. Ни социальному происхождению, ни прошлой (пусть даже «контрреволюционной» и «подрывной») деятельности не придается ныне существенного значения. «Соотечественник, в том числе находящийся за рубежом, который любит родину (Тибет.— В. Б.), должен решительно защищать единство родины (Китай.— В. Б.)», бороться против раскола, в противном случае он «закоренелый враг народа»²¹.

Особое внимание уделяется далай-ламе XIV, который якобы «проявил способность оценить современную обстановку и желание вернуться на родину». Выражается надежда, что он «внесет личный вклад в дело защиты единства родины». Пекинская пропаганда в настоящее время вообще уже не именует далай-ламу XIV ни «предателем», ни «изменником». Ему больше не инкриминируют руководство «мятежом» 1959 г.

В 1979 г. Пекин разрешил посетить Китай представителям администрации далай-ламы (чего она добивалась в течение многих лет). В августе — декабре состоялся визит первой делегации, причем она находилась в основном в Тибете. По окончании визита, в конце февраля 1980 г., панчен-лама Х вновь выразил надежду на возвращение далай-ламы XIV²². В мае 1980 г. в КНР побывала делегация представителей тибетской эмиграции в Индии, Японии, Англии, США и Швейцарии. Затем в Китай направилась и третья группа во главе с младшей сестрой далай-ламы.

Пекин явно заигрывает с руководством тибетской эмиграции. «Необходимо хорошо вести работу по завоеванию, привлечению на свою сторону группы далай и тибетских соотечественников за рубежом», — призывает Ян Цзинжэнь²³. Конечно, возвращение некоторых видных представителей эмиграции, прежде всего далай-ламы XIV, в наибольшей степени отвечало бы планам Пекина, но и сама кампания, «переговоры», поездки делегаций независимо от их результатов должны создать видимость «заботы» китайского руководства о судьбе «соотечественников», готовности пойти навстречу их пожеланиям. В Пекине явно рассчитывают, что далай-лама XIV и его окружение прекратят свою «антикитайскую» политическую деятельность. Конечная цель — убедить общественное мнение за рубежом, прежде всего в Индии и в

¹⁹ «Жэньминь жибао», 16.XI.1978.

²⁰ См. там же, 28.XII.1978; 1.I.1979.

²¹ Там же, 17.I.1979.

²² См. там же, 25.II.1980.

²³ «Хунци», 1980, № 15, с. 8.

странах, население которых исповедует буддизм, что «тибетские соотечественники» как в КНР, так и в других странах²⁴ «единодушно» поддерживают политику Пекина в Тибете, и тем самым окончательно «решить тибетский вопрос».

Именно в этом плане следует рассматривать «Обращение к тибетским соотечественникам за рубежом», опубликованное 17 января 1979 г. в «Жэньминь жибао» от имени шести «представителей верхов», в котором, в частности, говорилось (явно по адресу Индии): «Дальновидные политики в Южной Азии не могут согласиться с тем, чтобы соотечественники, вовсе не являющиеся эмигрантами, назывались беженцами и оставались за рубежом неограниченное время, и также не могут позволить, чтобы неограниченное время существовало «эмигрантское правительство», наносящее вред добрососедским отношениям».

Однако до сих пор китайская печать смогла сообщить только о трех случаях возвращения тибетцев «на родину», причем ни один из вернувшихся не принадлежит к верхам. Тибетские беженцы мало верят обещаниям китайских лидеров тепло принять их, создать им соответствующие условия для жизни и работы. Скептически относятся они и к широко рекламируемой «либерализации» политики Пекина. Инцидент со второй тибетской делегацией, когда китайские власти прервали ее визит в КНР в ответ на нежелательные заявления одного из ее членов перед жителями Лхасы, отнюдь не способствовал росту доверия к китайским руководителям. Этим, видимо, и объясняются неоднократные заявления далай-ламы XIV, что он возвратится в Тибет только в том случае, когда убедится, что все тибетцы живут счастливо и что его возвращение послужит на благо тибетского народа.

Складывается впечатление, что кампания по возвращению тибетских «соотечественников» имеет во многом пропагандистский и провокационный характер, что Пекин отнюдь не заинтересован в действительном возвращении десятков тысяч беженцев, которые могли бы оказать дестабилизирующее влияние на и без того сложную обстановку в Тибете.

Надо отметить, что «восстановление» Пекином единого фронта в сочетании с некоторыми другими мерами, прежде всего в области религии, не осталось без внимания в западной печати, которая пишет о «либерализации» политики китайского руководства и «нормализации обстановки» в Тибете, охотно подхватывает распространяемый официальной китайской пропагандой тезис о восстановлении «самоуправления» тибетцев и «свободы вероисповедания» и в целом положительно оценивает политику Пекина в этом национальном районе КНР. В ряде случаев западная печать высказывает едва прикрытые пожелания далай-ламе XIV вернуться в Тибет, пытаясь убедить читателей, что китайская сторона якобы сделала для этого все возможное и что решение вопроса зависит теперь в основном от администрации далай-ламы.

В связи с этим целесообразно кратко остановиться на некоторых общих моментах политики Пекина в Тибете в последнее время. Широко рекламируемые «указания» ЦК КПК о работе в Тибете призывают, в частности, «в полной мере осуществлять право на национальную районную автономию». Более того, Тибету обещана большая самостоятельность в ведении и решении внутренних дел, чем другим национальным районам КНР. Так, третья «установка» ЦК КПК предусматривает: «Если курс, политические установки, система, определенные ЦК КПК и различными органами ЦК, документы, указания, постановления, изданные для всей страны, не соответствуют конкретной ситуации в Ти-

²⁴ В начале 1980 г. в китайской прессе термин «тибетские соотечественники», до того употреблявшийся лишь в отношении тибетцев, находящихся за рубежом, был перенесен и на тибетцев, проживающих в пределах КНР (представители других неханьских народов соотечественниками не именуется).

бете, то руководящие органы партии, правительства и массовых организаций могут не осуществлять их или осуществлять в измененной форме»²⁵. Ху Яобан и Вань Ли поставили «важную задачу» — добиться, чтобы тибетцы за ближайшие два-три года составили или превысили две трети общего числа государственных кадровых работников, находящихся на руководящих постах с отрывом от производства²⁶.

Действительно, «народное правительство» ТАР, Постоянный комитет СНП, тибетское отделение НПКСК в настоящее время возглавили тибетцы. Тибетцы руководят и большинством местных административных органов. Однако «полное» осуществление права на национальную автономию мыслится лишь под не переменным «единым руководством ЦК». Объявленная в уведомлении ЦК КПК самостоятельность местных органов власти сводится на нет содержащимися в нем же оговорками, что «по всем важным вопросам, прежде чем действовать, необходимо сначала спрашивать инструкции, по обычным вопросам — докладывать об осуществлении». Следует учитывать также, что учреждения «народного правительства» и тем более органы НПКСК в условиях Тибета играют лишь вспомогательную роль. Реальная власть принадлежит армейскому командованию и партийному аппарату. Руководство же парткомами автономного района, округов по-прежнему целиком и полностью принадлежит кадровым работникам-ханьцам, направляемым из центра. Ни в уведомлении ЦК КПК, ни в выступлениях пекинских руководителей нет ни слова о том, что во главе партийных органов должны встать тибетцы, или говорится лишь о желательности расширения приема в КПК тибетцев, да и то в самой общей форме. Характерно, что исполняющим обязанности первого секретаря парткома ТАР в мае 1980 г. вновь стал кадровый военный ханец Инь Фатан, занимавший до этого пост политкомиссара Цзинаньского военного округа.

Остановимся на политике Пекина в отношении религии, на том, как осуществляются конституционные гарантии свободы вероисповедания в Тибете, тем более что, как подчеркивает китайская печать, религиозный вопрос «часто взаимосвязан» с национальным вопросом²⁷. Отметим, что якобы осуществляемая в Китае свобода вероисповедания выдается официальной пропагандой за наиболее убедительный пример учета «национальных особенностей», а в западной прессе как чуть ли не главное свидетельство «либерализации».

Действительное положение дел, однако, говорит о другом. По сравнению с 1959 г. число монастырей в Тибете уменьшилось с 2469 до 10, монахов — со 110 тыс. до 1—2 тыс. Все монахи должны заниматься главным образом производительным трудом и изучать «национальную политику партии». «Читать сутры», как сказал главный лама монастыря Дрэпунга зарубежным корреспондентам в 1979 г., монахи могут «в свободное время».

Допуск верующих в действующие храмы и монастыри строго ограничен. Кафедральный собор Лхасы Джокханг, например, открыт лишь три раза в неделю до полудня. Вход платный (20 фэней).

В целом политика Пекина, по существу, направлена на ликвидацию монашеской общины. Правда, современное руководство не прибегает к грубым, насильственным методам периода «культурной революции» (разгром и разрушение монастырей, полный запрет всех без исключения религиозных обрядов, массовые репрессии не только против священнослужителей, но и всех, кто «заражен религиозными предрасудками»). Но, как и прежде, никому из тибетцев не дозволяется стать монахом. Самому младшему из священнослужителей храма Джокханг

²⁵ «Жэньминь жибао», 27.V.1980.

²⁶ См. там же, 31.V.1980.

²⁷ См.: там же, 14.VI.1980.

давно уже исполнилось пятьдесят лет. Отменена традиция «перевоплощений» и, следовательно, сама возможность появления новых «живых будд».

Китайские руководители не скрывают, что допущение свободы вероисповедания имеет тактический характер. Ян Цзинжэнь, например, объясняет это тем, что «опыт с древности до сегодняшнего дня всякий раз доказывает, что грубые методы обращения с религией не только не ведут к ликвидации ее роли, но, напротив, возбуждая религиозные чувства народных масс, способствуют ее развитию. Так было в истории Тибета с Лангдармой²⁸, так было с Линь Бяо и «бандой четырех»». Однако тут же, призывая «всесторонне, правильно осуществлять партийную политику свободы вероисповедания», Ян Цзинжэнь требует «усиливать руководство в работе в отношении религии»²⁹. Монастырская жизнь, религиозная деятельность монашеской общины поставлены под строжайший контроль и направляются административными органами. Монастыри и храмы в районе Лхасы, например, подчинены Лхасскому управлению по охране культурных и исторических памятников.

Настоятели или главные ламы монастырей назначаются сверху и практически ничем не отличаются от государственных служащих. Главный лама кафедрального собора Джокханг, например, получает заработную плату от государства.

Итак, церковные организации превращены в своеобразные государственные органы. Это не случайно, если принять во внимание тот факт, что ни один из законодательных актов КНР, в том числе конституция, не предусматривает отделение церкви от государства. Китайская печать резко критикует тех, кто «требует лишь свободы для религиозной деятельности», кому «не нравится руководство» и кто «считает, что руководство есть вмешательство, что оно несовместимо с политикой свободы вероисповедания». «Религиозная жизнь отдельного индивидуума, интересы религиозной секты, — пишет официальная печать, — должны быть подчинены общим интересам, прежде всего осуществлению четырех модернизаций»³⁰. Понятно поэтому, что, разрешая «надлежащую» религиозную деятельность, Пекин непримирим к «феодалным суевериям», подразумевая под ними внехрамовое отправление религиозных обрядов, что очень характерно для тибетского буддизма. «Жэньминь жибао» в одной из статей требовала лиц, занимающихся внехрамовой религиозной деятельностью, считать преступниками, которые, «прикрываясь свободой религиозных верований, сеют неуверенность, сворачивают сердца людей, мешают и вредят обстановке стабильности и единства»³¹.

В заключение остановимся на некоторых «теоретических» вопросах, имеющих прямое отношение к «единому фронту». В современной китайской печати отказ от политики единого фронта объясняется применением на практике общей формулы «сущность национального вопроса — классовый вопрос». Сейчас китайские теоретики усиленно критикуют эту формулу. «Специальный комментатор» «Жэньминь жибао» в одной из статей, имеющей явно установочный характер, утверждал, что национальный вопрос есть результат национальных различий и фактического неравенства наций в Китае, что после завершения социалистических преобразований межнациональные отношения в основном превратились в отношения трудящихся различных национальностей, а национальные противоречия стали противоречиями между трудящи-

²⁸ Лангдарма (836—842) — последний правитель тибетской империи VII—IX вв. Известен своими гонениями на буддийское духовенство. Был убит монахом. В тибетской историографии — символ зла и насилия.

²⁹ «Хунци», 1980, № 15, с. 8.

³⁰ «Жэньминь жибао», 14.VI.1980.

³¹ Там же, 22.I.1980.

мися различных национальностей. «Специальный комментатор», однако, делает множество оговорок: «Внутри национальностей,— пишет он,— все еще в той или иной степени существует классовая борьба. Некоторые аспекты этой классовой борьбы могут еще оказывать влияние на отношения между национальностями... в национальных противоречиях большая или меньшая часть их является классовыми противоречиями и противоречиями между нами и врагами».

Кто же «классовый враг»? Автор статьи не оставляет сомнений. «Конечно, правильно решать национальные противоречия,— говорит он,— ни в коем случае не означает, что можно позволить крайне небольшому числу реакционных элементов, затаившихся внутри национальностей, пользоваться удобным случаем, чтобы разжигать антагонизм между национальностями, провоцировать раскол национальностей, наносить вред сплоченности и единству национальностей»³².

Приведенные цитаты говорят о том, что нынешние китайские руководители, критикуя «банду четырех» за искусственное «раздувание классовой борьбы», по существу, не отошли от старого маоистского критерия принадлежности к «классовому врагу», которым считается всякий, кто «подрыгает» единство национальностей и «родины», то есть всякий, кто выражает несогласие с линией Пекина вообще, с национальной политикой в частности.

Итак, некоторые изменения в политике китайского руководства в Тибете, происшедшие в последнее время, отнюдь не свидетельствуют о том, что в этом автономном районе якобы восстановлено «самоуправление» тибетцев, что они действительно пользуются «свободой вероисповедания», что в Тибете полностью восстановлена законность, грубо нарушавшаяся на протяжении многих лет.

Формально после смерти Мао Цзэдуна пекинские руководители вернулись к политике единого фронта, осуществлявшейся в Тибете в 50-е годы. Однако «возвращение» — это еще не «восстановление». Единый фронт в 50-е годы — это политика союза с большинством верхов, обладавших реальной политической и экономической властью, союза, призванного обеспечить единство КНР и создать условия для политических и социально-экономических преобразований. Теперь это попытки переманить на свою сторону представителей бывших верхов, полностью лишенных какой-либо власти, но сохраняющих еще определенный авторитет, в том числе религиозный, среди тибетцев. Ныне единый фронт является лишь одним из промежуточных узлов политического механизма, с помощью которого современные пекинские руководители пытаются достичь большего «взаимопонимания» с народными массами Тибета. Участникам единого фронта (как и «национальным кадровым работникам») отводится роль послушных и исполнительных посредников в создании «политической обстановки единства и стабильности» и в проведении общеполитического курса Пекина.

³² «Жэньминь жибао», 15.VII.1980.

Австралия

в гегемонистских планах Пекина

А. Г. Ларин,
кандидат филологических наук

Деятельность китайского руководства в отношении Австралии служит наглядным подтверждением того факта, что его политика, как отмечал товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду, «нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма»¹. Австралия привлекает внимание лидеров КНР как важное звено в стратегической системе империализма. Во-первых, она связана военно-политическими союзами с ведущими державами Запада, прежде всего США, и благодаря своему географическому положению служит для них опорным пунктом на стыке Тихого и Индийского океанов.

Во-вторых, она имеет тесные экономические, политические и военные отношения со многими странами своего региона и пользуется среди них значительным влиянием. Неудивительно, что этой стране отводится важное место в гегемонистских планах Пекина.

Придавая большое значение развитию своих взаимоотношений с Австралией, маоистские руководители всячески поощряют развитие антисоциальных, антисоциалистических тенденций в политике Канберры, добиваясь от нее открытой поддержки в создании «единого фронта», противостоящего социалистическому содружеству, провоцируют на действия, ведущие к дестабилизации обстановки в регионе и углублению конфронтации между двумя мировыми политическими системами.

Этот курс Пекин с нарастающей активностью проводит в продолжение почти всего последнего десятилетия — с того времени, как в 1972 г. стороны установили дипломатические отношения и получили возможность поддерживать систематические контакты друг с другом².

Показательно, что официальное признание со стороны Канберры китайское руководство получило лишь тогда, когда отчетливо продемонстрировало свою готовность в альянсе с империалистическими силами бороться против мирового социализма. До этого австралийские правящие круги относились к КНР с крайней враждебностью. В основе военно-политических усилий Канберры лежала антикитайская доктрина. КНР была объявлена «главной угрозой» стабильности в Юго-Восточной Азии³. Австралия категорически отказалась от признания КНР. На XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где была принята резолюция, восстановившая права КНР и лишившая тайваньского делегата членства в Организации Объединенных Наций, Австралия вместе с США и неболь-

¹ «Правда», 24.II.1981.

² Политика обеих сторон в начале 70-х годов и предшествующий период рассматривается в ст.: А. П. Марков. Отношения КНР с Австралией и Новой Зеландией. — «Народы Азии и Африки», 1974, № 2. Подробнее о внешней политике Австралии см.: И. А. Лебедев. Внешняя политика Австралии (1939—1974). М., 1975; А. П. Мартынов, О. К. Русакова. Австралия в международных отношениях XX века. М., 1978.

³ Ип: А. Watt. The Evolution of Australian Foreign Policy 1938—1965. Cambridge Univ. Press, 1968, p. 246.

шим числом других государств голосовала против этого решения. Таким образом, политика Австралии в отношении Китая заметно отличалась своей жесткостью от позиций таких стран, как, скажем, Великобритания или Франция, которые уже в 50—60-х годах признали КНР, считали целесообразным ее участие в ООН и стремились расширить связи с Пекином в расчете на его отход от общей линии социалистического содружества.

Так продолжалось до тех пор, пока поворот маоистской верхушки к открытому блокированию с империализмом, возведение антисоветизма в ранг официальной политики не позволили Пекину завоевать «доверие» Запада. Пойдя на сближение с США и установив дипломатические отношения с большинством капиталистических стран, китайское руководство тем самым обеспечило себе условия и для нормализации отношений с Канберрой.

Незадолго до опубликования китайско-австралийского коммюнике об установлении дипломатических отношений в Австралии произошла смена власти: на очередных выборах коалиция либеральной и аграрной партий, управлявшая страной с 1949 г. и отличавшаяся приверженностью догмам «холодной войны», потерпела поражение от лейбористов. Сформированное лейбористами правительство, учитывая новые тенденции в мировой обстановке, проявило заинтересованность в ослаблении международной напряженности и заняло позитивную позицию по целому ряду международных проблем. Премьер-министр Э. Г. Уитлем положительно оценил заключенные в начале 70-х годов соглашения между СССР и США. Оказав поддержку предложениям, касающимся создания зоны мира в Индийском океане, он высказался против расширения англо-американской военной базы на острове Диего-Гарсия.

Был сделан шаг вперед в развитии отношений с СССР. В 1975 г. состоялся первый официальный визит в Советский Союз премьер-министра Австралии. В заключительном совместном коммюнике подчеркивалось намерение сторон добиваться распространения разрядки на все районы мира, а также была выражена решимость всемерно содействовать созданию условий для превращения Азии в континент мира и сотрудничества.

Все это шло вразрез с курсом Пекина на нагнетание напряженности между странами, принадлежащими к противоположным мировым системам. Поэтому китайское руководство поставило своей целью подавить реалистические тенденции в политике Уитлема, подогреть в Австралии застарелые антипатии к социализму. Ему нужно было убедить деятелей в Канберре, что их новая политико-стратегическая оценка — «в течение ближайших десяти и более лет нападение на Австралию маловероятно»⁴ — верна лишь наполовину: она справедлива и даже чересчур осторожна, если иметь в виду Китай, но, дескать, совершенно ошибочна в отношении СССР. В связи с этим Чжоу Эньлай, Хуа Гофэн, Ли Сяньнянь, Уланьфу, Чэнь Мухуа и другие китайские лидеры, встречаясь с австралийскими политическими деятелями, настойчиво пытались навязать им свои надуманные концепции относительно неизбежности новой мировой войны, нереальности разрядки и т. п. Не было недостатка и в провокационных утверждениях о «борьбе сверхдержав за гегемонию» в азиатско-тихоокеанском регионе⁵, в подстрекательских измышлениях относительно «экспансии» СССР в направлении южных морей⁶, якобы угрожающей интересам Австралии.

Втянуть правительство Уитлема в русло своей антисоветской политики для Пекина представлялось особенно важным в связи с тем, что

⁴ «Far Eastern Economic Review», 1975, vol. 90, № 52, p. 12.

⁵ «Жэньминь жибао», 31.X.1973.

⁶ См.: там же, 20.VI.1976.

внешнеполитическая доктрина США («гуамская доктрина»), провозглашенная в 1969 г., предусматривала увеличение «доли ответственности» азиатских союзников в борьбе против социализма и национально-освободительных движений. А поражение США во Вьетнаме сопровождалось выводом части американских войск из Азии и возникновением серьезных разногласий в Вашингтоне относительно размеров и форм дальнейшего военного присутствия Соединенных Штатов в западной части Тихого океана. В 1975 г., анализируя итоги визита в КНР австралийского министра иностранных дел Уитлема, журнал «Фар истэрн экономик ревью» отмечал, что «Китай открыто искал поддержки у Австралии», между тем как «Америка после кровопускания во Вьетнаме уменьшила свое влияние в регионе»⁷.

Однако оказать сколько-нибудь существенное воздействие на курс лейбористского правительства Пекину не удалось. До своего падения в 1975 г. оно, по существу, проводило в отношении СССР и Китая сбалансированную политику «равных расстояний».

С тем большим удовлетворением была воспринята в Пекине деятельность коалиционного правительства либеральной и аграрной партий, сменившего в декабре 1975 г. лейбористов. Новый премьер-министр Дж. М. Фрейзер в значительной мере пересмотрел подход своего предшественника к разрядке и выступил с клеветническими заявлениями о существовании некой «советской угрозы». Либерально-аграрное правительство взяло курс на наращивание вооруженных сил, приняло меры к расширению военного сотрудничества с США, одобрило планы усиления военной активности Вашингтона в Индийском океане, в частности строительство базы на острове Диэго-Гарсия. Кабинет Фрейзера положительно отнесся к идее возможного размещения в южной части Тихого океана ядерного оружия и снял запрет на заход в австралийские порты американских судов с ядерным оружием на борту. Изменения в позиции Канберры, вписывавшиеся в общую картину активизации противников разрядки на Западе во второй половине 70-х годов, вполне отвечали замыслам Пекина. Вместе с тем, к неудовольствию китайского руководства, либерально-аграрное правительство поначалу сохраняло интерес к позитивному развитию отношений с СССР, о чем свидетельствовал, например, ряд визитов в Советский Союз деятелей высокого уровня из Канберры.

Поощряя сползание Австралии назад, к «холодной войне», Хуа Гофэн выразил «решительную поддержку» враждебным разрядке акциям Фрейзера⁸. Китайские органы пропаганды усилили антисоветскую кампанию, адресованную австралийским политическим кругам⁹. Самый положительный отклик вызвало в Пекине наращивание Австралией ее военных приготовлений¹⁰.

В конце 70-х годов Пекин и Канберра затратили немало усилий на обсуждение планов, имевших своей целью свести на нет успехи народной освободительной борьбы в странах Индокитая и в Афганистане. Волна враждебности к СССР и Вьетнаму, вызванная в правящих кругах Австралии той помощью, которую социалистические государства оказывали революционным освободительным силам, была с удовлетворением воспринята Пекином. Восхваляя «растущую день ото дня роль Австралии в международных делах»¹¹, китайские руководители видели свою задачу в том, чтобы придать принятому Канберрой курсу максимальную жесткость и активность.

⁷ «Far Eastern Economic Review», 1975, vol. 90, № 40, suppl., p. 22.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 21.VI.1976.

⁹ Там же, 20.VI.1976.

¹⁰ См. там же, 19.VI.1976; 11.XII.1979.

¹¹ Там же, 8.V.1980.

Так, Ли Сяньнянь во время своего пребывания в Австралии в мае 1980 г. настаивал на необходимости «поддерживать правительство Демократической Кампучии и ее народ»¹². На самом деле речь шла о кровавом диктаторском режиме Пол Пота, установленном при содействии Пекина и проводившем политику геноцида на кхмерской земле. Подлинный смысл этого насквозь фальшивого и циничного лозунга состоял в том, чтобы заручиться благожелательным отношением Австралии к попыткам пекинских лидеров вернуть своим ставленникам бразды правления в Кампучии. Маоисты хотели пресечь нараставшие среди австралийских политиков сомнения в том, целесообразно ли сохранять дипломатические отношения с Пол Потом и оказывать ему политическую поддержку. Когда же правительство Фрейзера решило все-таки разорвать официальные отношения с кликой Пол Пота, вышвырнутой из Кампучии по воле кхмерского народа, Пекин направил свои усилия на то, чтобы исключить возможность признания Австралией Народной Республики Кампучии.

Китайские руководители убеждали Австралию настаивать на выводе из Кампучии вьетнамских частей, находящихся там с целью отражения угрозы извне. Такая позиция представляла собой не что иное, как вмешательство в дела независимого суверенного государства — Народной Республики Кампучии. Как подчеркивало само правительство НРК, присутствие вьетнамских войск в НРК основывается на Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве между нею и СРВ, и только Народно-Революционный Совет Кампучии полномочен ставить вопрос об их выводе.

Обращаясь к событиям в Афганистане, китайские лидеры изображали в виде «агрессии» помощь, предоставленную Советским Союзом по просьбе афганского правительства с целью защиты его национальной независимости. Одновременно маоисты старались обелить и подбодрить истинных агрессоров, плетущих заговоры и осуществляющих вооруженную интервенцию против Афганистана. Пособничество контрреволюционным бандам тот же Ли Сяньнянь пытался представить как «поддержку афганскому народу», оказание которой якобы есть «право и долг» различных государств. Такая тактика Пекина была направлена на то, чтобы ни в коем случае не допустить реалистического подхода Австралии к урегулированию проблем, сложившихся вокруг Афганистана и отрицательно влияющих на международный климат.

Стремясь всеми способами втянуть Австралию как можно глубже в русло антисоветизма, используя с этой целью возникшие по вине международной реакции осложнения, лидеры КНР одновременно направляли свои усилия на сохранение и укрепление в регионе позиций империалистических кругов Австралии и связанных с нею западных держав в их противостоянии мировому социализму и освободительным движениям.

Разумеется, это отнюдь не означало, что Пекин намерен поступить в пользу империализма собственными экспансионистскими планами. Наоборот, поощряя притязания империалистических сил на господство в определенной части региона, китайское руководство взамен рассчитывало на их благожелательное отношение к попыткам самого Китая распространить свое влияние на омывающие его моря, а главное, подчинить своему диктату социалистические страны Индокитая. Раздувая в Австралии недоверие и враждебность к СССР, Пекин стремился приуменьшить в ее глазах реальную значимость собственных экспансионистских замыслов.

Важнейшим аспектом проимпериалистической политики маоистского руководства в отношении Австралии стала «забота» об упрочении воен-

¹² «Жэньминь жибао», 9.V.1980.

но-политического партнерства между нею и Вашингтоном и о безоговорочной поддержке Канберрой растущего военного присутствия США в западной части Тихого океана и в Индийском океане.

Пекин, разумеется, не мог выступить с открытым изложением своих взглядов, поскольку они разительно противоречили его официальной доктрине борьбы против «гегемонизма сверхдержав» и вызвали бы явно отрицательный резонанс в национально-освободительном движении. Однако в диалоге с Канберрой маоистские руководители отчетливо излагали свою позицию. «Мы можем... рассчитывать на поддержку Китаем нашей точки зрения о необходимости эффективного американского присутствия в Тихом и Индийском океанах, — заявил Фрейзер в парламенте накануне своего визита в КНР в 1976 г. — Такая поддержка фактически уже оказана»¹³. Правда, в официальных речах, с которыми китайские деятели выступали перед австралийскими руководителями, а также в публикациях прессы одобрительное отношение Пекина к совместной активности Соединенных Штатов и Австралии принимало более обтекаемую форму. Тем не менее и в этих материалах оно отчетливо проявлялось в утверждениях, будто бы СССР «пытается воспользоваться ослаблением и стратегической пассивностью США в Тихом и Индийском океанах», в сообщениях о совместных военных маневрах участников АНЗЮС в ответ на «советскую экспансию»¹⁴, в сочувственном цитировании высказываний австралийских руководителей в пользу расширения военного сотрудничества с США.

Эта линия в политике Пекина сочеталась с поощрительным отношением к намерению Канберры держаться до известной степени независимо от США, проявленному Уитлемом и частично сохранившемуся при Фрейзере. В 1973 г., приветствуя приезд Уитлема — первый за всю историю визит австралийского премьер-министра в Китай, — «Жэньминь жибао» подчеркивала, что его правительство «проводит независимую и самостоятельную внешнюю политику»¹⁵. В беседе с Уитлемом Чжоу Эньлай «выразил одобрение тех пунктов, по которым лейбористская партия не согласна с политикой США, отметил, что Китай хотел бы видеть политику либерально-аграрного правительства осуществленной, и энергично предупредил об опасностях «сверхзависимости»¹⁶.

Подобную тактику Пекин широко применял не только к Австралии, но и к другим странам Запада. Цель ее состояла в том, чтобы дать Соединенным Штатам почувствовать влияние Китая и таким образом поднять заинтересованность Вашингтона в сближении с ним. Кроме того, китайское руководство рассчитывало в будущем использовать противоречия между Вашингтоном и его младшими союзниками для борьбы с Соединенными Штатами за мировое лидерство — в данном случае для вытеснения США и установления собственной гегемонии в районе Азии и Тихого океана.

Однако Китай сразу же дал ясно понять Канберре, что отнюдь не стремится «вбить клин между Австралией и США»¹⁷. Во второй же половине 70-х годов, отчасти вследствие того, что в политике Вашингтона произошел сдвиг в сторону сближения с Китаем, пекинское руководство прекратило всякую игру на противоречиях между Австралией и США.

Гораздо более энергично и последовательно Пекин поощрял стремление Канберры проводить активную политику в Юго-Восточной Азии и Океании. Показательно, что Уитлем во время встречи с Чжоу Эньлаем счел нужным поблагодарить его за одобрительное отношение к взглядам

¹³ «Australian Foreign Affairs Record», 1976, № 6, p. 308.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 11.XII.1979.

¹⁵ Там же, 31.X.1973.

¹⁶ S. Fitzgerald. China and Australia. — In: China and the World Community. Sydney, 1973, p. 246.

¹⁷ Ibid.

премьер-министра «на ту роль, которую Австралия может и должна играть в нашем регионе»¹⁸. Ли Сяньнянь во время пребывания в Австралии в 1980 г. подчеркнул «позитивное значение» усилий, прилагаемых Австралией к развитию отношений с другими странами региона.

Для китайских лидеров этот аспект политики Австралии представлял особый интерес прежде всего потому, что он вел к усилению политического и военного влияния империализма в регионе. С этой точки зрения весьма важным являлось то обстоятельство, что Австралия находилась в системе военно-политических связей и с западными державами, и со многими странами своего региона (как в силу их общего участия в империалистических блоках, так и на основе региональных и двусторонних соглашений). Неудивительно, что китайская пресса с удовлетворением отзывалась о совместных военных маневрах Австралии и государств АСЕАН, о поставках в страны ЮВА австралийского оружия.

Активной поддержкой Пекина пользовались усилия Австралии, направленные на оживление деятельности существующих империалистических блоков и создание новых группировок. Так, во время пребывания в КНР министра иностранных дел Австралии А. Стрита в январе 1981 г. стороны рассматривали возможность «восстановления и усиления» военного «союза пяти», то есть Англии, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии и Сингапура.

В ходе встречи Хуа Гофэна и Фрейзера в Токио в июле прошлого года высшие руководители двух стран обсуждали планы создания «тихоокеанского сообщества». По-видимому, китайское руководство стремилось придать организуемому союзу черты военно-политического блока. Во всяком случае, явно имея в виду данное сообщество, в организации которого Канберра принимает деятельное участие, в Пекине подчеркивали, что Австралия «уделяет большое внимание созданию региональной системы консультаций и сотрудничества с целью укрепления собственной обороны и международной безопасности»¹⁹.

Таким образом, в своих важнейших аспектах политика Китая в отношении Австралии была ориентирована на то, чтобы побудить и саму Австралию, и все связанные с нею страны к возможно более энергичным и согласованным действиям против СССР, а в конце 70-х годов — и против социалистических стран Индокитая. В этот период «австралийское направление» дипломатии Пекина стало составной частью его стратегии сколачивания глобального антисоциалистического альянса. Во время пребывания в Канберре в 1979 г. заместитель премьера Госсовета Чэнь Мухуа призвала своих собеседников «создать широчайший единый фронт, бороться с гегемонизмом острием против острия»²⁰.

Необходимым компонентом такого «фронта» было, разумеется, сотрудничество Австралии с самим Китаем, и не только политическое, но и военное. Намерения Пекина были без оговорок доведены до сведения австралийских руководителей. Так, заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньцзинь, по сообщению газеты «Сидней морнинг геральд» от 24 декабря 1980 г., в беседе с австралийскими журналистами подчеркнул: «Китай считает важным укрепление отношений с Австралией в военной области».

Что же касается Австралии, то ее политика в отношении КНР в 70-х годах отчасти была продиктована естественным стремлением, присущим любому государству, иметь нормальные взаимоотношения с другими странами, тем более в том же районе. Однако, кроме того, правящие круги Австралии ставили перед собой и другие цели.

Прежде всего они стремились привязать Китай к мировой капиталистической системе, «приручить» его, закрепить в русле антисоциалисти-

¹⁸ «Жэньминь жибао», 4.XI.1973.

¹⁹ Там же, 30.XI.1980.

²⁰ Там же, 8.III.1979.

ческой политики. Как заявил в одном из своих выступлений в августе 1976 г. министр иностранных дел Э. Пикок, Австралия намерена «показать пример» остальным странам Запада в деле привлечения Китая к региональной и международной дипломатии.

Приветствуя в 1979 г. установление полных дипломатических отношений между КНР и США, Фрейзер подчеркнул, что оно «поможет Соединенным Штатам проводить в Азии более развернутую политику». Это заявление ясно показывает, какие задачи ставила перед собой Канберра, ратуя за развитие связей Китая с империалистическими державами. Очевидно, из тех же соображений она выразила одобрение и китайско-японскому сближению, отмеченному заключением в 1978 г. договора о мире и дружбе.

Э. Г. Уитлем во время визита в Китай в 1973 г. согласился включить в совместное коммюнике заявление, что обе стороны будут выступать против «попыток любой страны или группы стран установить свою гегемонию в районе Азии — Тихого океана». Это была излюбленная форма Пекина, которой он придавал отчетливо антисоветское содержание. Однако в целом позиция лейбористского правительства в том, что касалось вражды китайского руководства к Советскому Союзу, отличалась сдержанностью.

Иную политическую линию избрал Дж. М. Фрейзер. Уже вскоре после прихода к власти он, по словам западных аналитиков, «взял сторону Китая в китайско-советском конфликте»²¹. В дальнейшем ставка на Китай приобрела еще более отчетливый характер.

Не ограничиваясь политическим блокированием, австралийское правительство, как сообщала пресса, приняло решение о далеко идущем развитии военных связей с КНР. Предполагалось, что со временем они смогут стать столь же тесными, как и отношения Австралии с «дружественными государствами региона», и будут «соответствовать» тем связям, которые установили с Пекином США, Англия и Канада²². Иными словами, Австралия решила последовать примеру тех империалистических держав, которые наиболее активно осуществляли военно-политическое сотрудничество с Китаем. В качестве первого шага в этом направлении стороны в ходе визита в КНР министра иностранных дел А. Стрита договорились об обмене военными атташе²³.

Безусловно, одной из причин, побуждавших Австралию к установлению тесных отношений с Пекином, было желание поднять свою значимость на международной арене, и особенно в собственном регионе, выполняя в целом ряде случаев роль промежуточного звена между КНР и другими странами Азии и Тихого океана. «Если руководство в Пекине хочет заполучить друзей в этом районе, разве не лучший способ — начать добиваться дружбы с Австралией, державой «второго мира», которая в целом поддерживает хорошие отношения со своими соседями из «третьего мира»? Это облегчит Китаю подход к некоторым из стран АСЕАН, где он ведет двойную игру», — писала австралийская пресса²⁴. В той или иной мере попытки Канберры взять на себя функции посредника касались отношений Китая не только со странами АСЕАН и не только с США, но и с Японией и Индией. Однако какие бы надежды ни питали в этом смысле в Канберре, краеугольным камнем политического блокирования Австралии и КНР всегда оставалось противоборство с СССР, с мировым социализмом.

Одновременно со сближением сторон в политическом плане между ними расширялись торгово-экономические связи. Торговля с австралийскими фирмами приобрела значительный размах уже в 60-е годы, когда

²¹ «Times», 28.VI.1976.

²² In: «Australian Financial Review», 7.VIII.1980.

²³ «Жэньминь жибао», 25.I.1980.

²⁴ «Sydney Morning Herald», 14.IX.1977.

Китай закупал 40—50 % вывозимого Австралией зерна. В 1973 г., вскоре после установления дипломатических отношений, стороны заключили трехгодичное торговое соглашение и предоставили друг другу режим наибольшего благоприятствования.

В ходе предварительных переговоров министр внешней торговли Дж. Кэйрнс представил большой перечень предложений, реализация которых позволила бы Австралии «установить с Китаем лучшие отношения, чем любой другой стране Запада»²⁵. Однако это намерение осталось несуществленным. Китай не согласился, например, экспортировать нефть, производство которой и без того отставало от нужд его собственного народного хозяйства. (Позднее вопрос о поставках нефти был поднят вновь. При этом обращалось внимание на то, что китайская нефть по своим качествам не подходит для австралийских потребителей.)

Главными предметами китайского импорта стали пшеница, черные металлы, железная руда, сахар. Вывозил Китай главным образом продукцию легкой промышленности (ткани, одежда, обувь) и сельского хозяйства. Благодаря крупным закупкам зерна и сахара, посредством которых китайское руководство пыталось смягчить остроту продовольственной проблемы в стране, Австралия стала значительным торговым партнером КНР. В 1977—1978 гг., когда Китай закупил более 60 % проданной Австралией пшеницы, он занял четвертое место в австралийском экспорте, а Австралия — четвертое место в его импорте²⁶.

В период выдвижения лозунга «четырёх модернизаций» китайские внешнеторговые организации выразили заинтересованность в участии Австралии в капитальном строительстве: сооружении портов, шахт, опытных ферм. С компанией «Брокен-Хилл пропрайети» было достигнуто соглашение о технической помощи в реконструкции металлургических заводов в Ухани и Шанхае.

Однако дальнейшее развитие торговли с Австралией, как и с другими западными странами, столкнулось с проблемой ограниченных экспортных возможностей. Если в начале 70-х годов двусторонняя торговля была сбалансированной, то затем у Китая возник и стал увеличиваться дефицит. В 1979 г. при объеме торговли в 960 млн. долл. он составил около 600 млн. долл.²⁷

Пытаясь исправить невыгодный для себя баланс, китайская сторона настойчиво пыталась увеличить экспорт своего ширпотреба, прибегая даже к таким методам, как продажа товаров «в пакете», то есть навязывание принудительного ассортимента. Чтобы защитить собственную экономику, производящую аналогичные товары, а также избежать недовольства своих традиционных торговых партнеров — стран АСЕАН, Гонконга, Южной Кореи, австралийское правительство было вынуждено вводить квоты на импорт из КНР, поскольку Китай не соглашался ограничить его добровольно²⁸. Анализируя сложившуюся ситуацию, австралийский парламентарий К. Кэйрнс отмечал: поскольку Китай как поставщик изделий легкой промышленности конкурирует со странами АСЕАН, торговля с ним не отвечает национальным интересам. «Нельзя ни при каких условиях приносить торговые отношения с этими странами в жертву торговле с Китаем», — подчеркнул он в заявлении для печати в январе 1979 г.

При всей серьезности вопросов, возникших в экономической сфере, к концу 70-х годов, бесспорно, ведущее место в китайско-австралийских отношениях заняли политические проблемы. Растущее значение этого аспекта во взаимоотношениях сторон, связанное с «выравниванием их по-

²⁵ «Australian», 14.V.1973.

²⁶ In: «Australian Foreign Affairs Record», 1979, № 9, p. 529.

²⁷ In: «China Trade Reports», August 1980.

²⁸ In: «Far Eastern Economic Review», 1975, vol. 90, № 40, suppl., p. 22—23.

литических позиций», отмечал, например, журнал «Фар истэри экономик ревью»²⁹.

Действительно, призывы к сотрудничеству, заявления о близости или даже совпадении интересов обоих государств стали чуть ли не ритуальным атрибутом двусторонних встреч на высоком уровне.

Однако продиктованные конъюнктурными соображениями демонстративные жесты и заявления лидеров Австралии не могли изменить тот факт, что внешнеполитический курс маонистского руководства по сути своей в корне расходится с ее подлинными национальными интересами.

Прежде всего это касается поджигательской линии китайского руководства на углубление конфронтации и провоцирование конфликтов между капиталистической и социалистической мировыми системами. Не случайно крен либерально-аграрного правительства Австралии в сторону Китая, равно как и шаги Фрейзера в духе «холодной войны», уже вскоре после его прихода к власти вызвал серьезные возражения политиков (в первую очередь из лейбористской оппозиции), придерживающихся более реалистических взглядов. Особенно резкой критике подвергся Фрейзер после того, как в Пекине он выступил с заявлениями в антисоветском духе. Даже во внешнеполитическом и оборонном ведомствах ряд ответственных деятелей сочли нужным так или иначе отмежеваться от однозвучных высказываний премьер-министра. Своими действиями он «решил вовлечь Австралию в холодную войну между Китаем и Россией», — заявил представитель лейбористской партии сенатор Кен Райд.

«Фрейзер платит слишком высокую цену за то, чтобы завоевать дружбу и влияние в Пекине, — писали австралийские газеты. — Когда Фрейзер солидаризуется с тем, что он называет общностью интересов Китая, Японии, США и Австралии, он злонамеренно подрывает прогресс, достигнутый в ослаблении конфронтации между великими державами... То, о чем он заявляет в Пекине, может быть, звучит приятно для китайцев, но не соответствует внешнеполитической позиции страны»³⁰.

А в 1979 г. оппозиция осудила пропекинскую по существу линию, проводимую правительством в связи со вторжением китайских войск во Вьетнам. В это же время представители широких кругов общественности устраивали митинги протеста против совершенной Пекином агрессии. В многочисленных выступлениях была отчетливо подчеркнута рискованность политики блокирования с Китаем во имя «сохранения баланса сил» в Азии и на Тихом и Индийском океанах, иными словами, для оказания давления на социалистические страны.

В официальных кругах не могли полностью игнорировать эти мнения. Фрейзер после своей поездки в Пекин считал нужным подчеркнуть важность сохранения хороших отношений с СССР. Позднее он высказался против «однобокой» дружбы с Китаем при одновременном «прохладном» отношении к СССР и Вьетнаму³¹. В австралийской прессе со ссылкой на правительственные круги появились заявления, что в настоящее время у Австралии нет намерения развивать военное сотрудничество с Китаем³². Тем не менее ориентация на сближение с маонистским руководством осталась отличительной чертой политики либерально-аграрного правительства. Выступая на XXVI съезде КПСС, генеральный секретарь Социалистической партии Австралии П. Саймон подчеркнул, что влиятельные силы в стране «укрепляют связи с агрессивными кругами США, Японии и Китая»³³.

Явно не отвечали интересам Австралии гегемонистские устремления Пекина в азиатско-тихоокеанском регионе. В политических кругах Кан-

²⁹ In: Ibid., 1980, vol. 108, № 21, p. 24.

³⁰ «Australian Financial Review», 24.VI.1976.

³¹ In: «Age», 9.II.1979.

³² Ibid., 26.XII.1980.

³³ «Правда», 2.III.1981.

берры, разумеется, должны были обратить на них внимание. Так, в программном документе «Внешняя политика либеральной и национальной аграрной партий» в 1975 г. отмечалось стремление Китая к усилению своего влияния в Юго-Восточной Азии. Наибольшую озабоченность австралийских руководителей вызывала та поддержка, которую он оказывал промаоистским антиправительственным движениям в странах АСЕАН, Индии, Бирме, с тем чтобы оказывать нажим на политику этих государств.

Во время встреч с китайскими лидерами Фрейзер пытался обсудить этот вопрос, рассчитывая повлиять на Пекин и заодно повысить свой авторитет в глазах государств Юго-Восточной и Южной Азии. Однако он ничего не добился. По его собственным словам, китайские представители заявили ему, что отношения между КПК и пропекинскими силами в той или иной стране — «это одно, а межправительственные отношения — это другое». Затем, отвечая на заданные вопросы, собеседники Фрейзера явно нехотя «согласились, что это означает следующее: Китай не позволит, чтобы отношения между партиями оказывали воздействие или накладывали отпечаток на отношения между правительствами»³⁴. Это ни к чему не обязывающее расплывчатое заявление Фрейзер, явно преувеличивая его значение, расценил как «потенциально очень важное». Однако на самом деле ему не удалось оказать ни малейшего влияния на политику Пекина.

Безрезультатными были и многочисленные протесты Австралии по поводу китайских ядерных испытаний в атмосфере, ее критика Китая за отказ присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия. Наоборот, эти действия Канберры вызывали в Пекине откровенное неудовольствие. Когда в 1973 г. министр внешней торговли Дж. Кэйрнс пытался заговорить об этом с Чжоу Эньлаем, тот «проявил сильное раздражение» и отказался от беседы на данную тему³⁵. Как известно, Китай не прекратил испытаний ядерного оружия в атмосфере. Так, в мае 1980 г. Китаем были запущены ракеты-носители в район Тихого океана, а в октябре — произведены испытания ядерного оружия в атмосфере.

Можно было ожидать, что гегемонистская, экспансионистская сущность политики Пекина, не говоря уже о проявлениях великодержавного высокомерия, будет должным образом оценена в Канберре. Однако этого не произошло. Австралийские руководители, казалось, уверовали в искренность заявлений Китая о том, что он «не претендует и никогда не будет претендовать на гегемонию». Не желая, видимо, осложнять отношения с Пекином, они как будто не замечали ни захвата им в 1974 г. Парасельских островов, ни его притязаний на другие острова в Южно-Китайском море и акваторию открытого моря. Даже китайская агрессия против Вьетнама не поколебала позицию либерально-аграрного правительства.

Правда, во время боевых действий Австралия призвала Китай вывести войска с территории СРВ. Однако при этом она стала на путь морального оправдания агрессора. Выступая в парламенте, министр иностранных дел Э. Пикок пытался возложить вину за развязывание военных действий на... Вьетнам³⁶. «Если Китай не провоцирует, он ищет мира и стабильности»³⁷, — утверждал он и позднее, подчеркивая тем самым неизменность своей позиции. В его высказываниях чуть ли не буквально повторялись формулировки, которыми пользовались китайские лидеры. Показательно, что Чэнь Мухуа, находясь с визитом в Австралии в период нападения маоистов на СРВ, в очередной раз обвинила Вьетнам в том, что он якобы сам «спровоцировал» китайское вторжение. Клевет-

³⁴ «Australian Foreign Affairs Record», 1976, № 7, p. 365.

³⁵ In: «Australian», 19.V.1973.

³⁶ Ibid., 28.II.1979.

³⁷ «Жэньминь жибао», 2.III.1979.

нические разглагольствования китайской деятельности были приняты без возражений.

Такой характер попустительства китайскому гегемонизму — при нерешительных, робких попытках оградить собственные интересы и успокоить общественное мнение — носит и политика австралийского правительства в отношении Кампучии. Как уже упоминалось, кабинет Фрейзера решил прекратить дипломатические отношения с Пол Потом. Однако, выдвигая — в нарушение норм международного права — требование, чтобы Вьетнам прекратил оказание необходимой помощи НРК, Австралия фактически ведет дело к тому, чтобы открыть дорогу в страну недобрым полпотовским бандам.

Подоплека столь «либерального», а по сути дела, поощрительного отношения Австралии к многочисленным проявлениям экспансионистского курса пекинских руководителей заключается в стремлении направить его острее в сторону социалистических государств.

Австралийские лидеры в этом отношении следуют в общем русле с влиятельными силами США и других западных держав, пытающимися использовать Пекин в качестве орудия нажима на мир социализма. Между тем многочисленные исторические факты свидетельствуют, что подобная политика — весьма рискованное дело, она подрывает устои международной безопасности и легко может обернуться против самих ее творцов. Видимо, не случайно недальновидные действия либерально-аграрного правительства, напоминающие игру с огнем, были с тревогой встречены прогрессивными кругами страны. Так, анализируя позицию правительства в связи с событиями в Индокитае, газета социалистической партии Австралии писала: «Западные державы, в том числе Австралия, ослеплены ненавистью к Вьетнаму и новому правительству Кампучии... Отказ Фрейзера и Пикока признавать реальную действительность заведет страну в тупик. Этот курс чреват опасными последствиями для Австралии и всех тех стран региона, которым оголтелый антикоммунизм и антисоветизм не позволяют увидеть действительную опасность китайского экспансионизма. Вторжение Китая во Вьетнам было самым серьезным предупреждением об этом, и мы игнорируем его на свою беду»³⁸.

Попытки сближения Пекина с Канберрой были с недоверием встречены в азиатско-тихоокеанском регионе. Там справедливо опасались, что и Китай, и Австралия вместе с другими империалистическими странами будут использовать это партнерство для навязывания своей гегемонии более слабым странам. В связи с этим Австралия подверглась критике со стороны Индонезии и других соседних государств, подчеркивавших, что осуществление некоторых планов, выдвигаемых Канберрой, может «еще шире распахнуть перед Пекином дверь в Азию. Это приведет к дальнейшему росту угрозы для стран Юго-Восточной Азии»³⁹.

Тем самым было вновь подтверждено: попытки использовать «китайский фактор» не приносят Канберре выгоды ни в одном из аспектов ее политики. Эти попытки таят в себе опасность, игнорировать которую — значит проявлять политическую слепоту. В то время как в Австралии влиятельные силы пытаются «разыграть китайскую карту», маоистские лидеры ведут свою игру. Отвлекая внимание австралийских политических кругов шумихой о «советской угрозе», подталкивая их все дальше на путь конфронтации с социалистическими странами, руководство КНР вынашивает — а при случае и пытается реализовать — собственные экспансионистские планы, идущие вразрез с интересами Австралии, с интересами сохранения мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе.

³⁸ «Socialist», 10.XII.1979.

³⁹ «Suara Karja», 2.VII.1976.

ИДЕОЛОГИЯ

Об эволюции идеологической доктрины Пекина в 1980 г.

В. Ф. Феоктистов,
кандидат философских наук

Г. Н. Яценко,
кандидат исторических наук

Идеологические процессы в КНР, как и внутривластная обстановка в целом, характеризуются противоречивыми, сложными явлениями. Как отмечалось в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС, «во внутренней политике Китая происходят сейчас изменения. Истинный смысл их еще покажет время. Оно покажет, в какой мере нынешнему китайскому руководству удастся преодолеть маоистское наследие»¹. Выявление, следовательно, тенденции и классового содержания идущих в сегодняшнем Китае процессов — задача, которая прямо вытекает из приведенного положения доклада товарища Л. И. Брежнева.

События последних лет показали, что пекинские лидеры, пришедшие к власти после смерти Мао Цзэдуна, предпринимают лихорадочные, подчас взаимоисключающие попытки преодолеть тот глубокий кризис, в котором оказался Китай по вине маоизма. Однако до настоящего времени в этих попытках отсутствуют не только последовательность, но, главное, — желание отказаться от стратегической линии и идейно-политических основ наследия Мао Цзэдуна — «китаизированного марксизма», гегемонизма, антисоветизма и великоханьского шовинизма. Несмотря на существенную корректировку маоизма, в ходе которой отбрасываются или пересматриваются его отдельные «идеи» и даже целые «концепции», эти главные компоненты маоистского наследия остаются пока нетронутыми и составляют основной идейный арсенал нынешних лидеров Китая.

Однако было бы неверно полагать, что современные пекинские идеологи просто пережевывают старые «идеи» покойного кормчего. Они пытаются вдохнуть в них новую жизнь, приспособить их к курсу на милитаристскую модернизацию Китая, создать некий новый, «модернизированный» вариант маоизма.

Как справедливо подчеркивается в недавно выпущенной в свет книге О. Е. Владимирова и М. А. Ильина «Эволюция политики и идеологии маоизма в 70-х — начале 80-х годов», основной смысл проводимой нынешним китайским руководством корректировки идейно-теоретического содержания «идей Мао Цзэдуна» состоит «в стремлении выработать современный вариант маоизма, который служил бы теоретическим обоснованием политического курса пекинских правителей внутри КНР и на международной арене, смог бы дополнить «четыре модернизации» пятой — модернизацией маоизма»².

Хотя процесс этой «пятой модернизации» не закончен, в нем тем не менее уже сейчас можно выявить определенные тенденции, которые

¹ «Правда», 24.11.1981.

² О. Е. Владимиров, М. А. Ильин. Эволюция политики и идеологии маоизма в 70-х — начале 80-х годов. М., 1980, с. 311.

позволяют судить об основных направлениях деятельности по выработке новой официальной идейно-политической доктрины.

Первое, что необходимо отметить при анализе этого процесса, — это столкновение различных тенденций, которые отражают непрекращающуюся борьбу внутри пекинского руководства, вокруг идейного наследия Мао Цзэдуна. Не случайной поэтому является и известная разногласия в интерпретации «идейной линии партии», наблюдаемая сейчас в официальной китайской печати. В одних случаях она характеризуется как «диалектико-материалистическая линия III пленума» (1978), содержащая очередные установки: придерживаться «делового реалистического подхода», «во всем исходить из реальной обстановки» и «соединять теорию с практикой» (что означает «свободу» толкования теоретических положений или отказа от них в угоду текущему политическому курсу). Эти установки были сформулированы и введены в пропагандистский оборот как «самые основные принципы марксизма» Дэн Сяопином. Согласно другим определениям, «идейная линия партии» — это так называемые «четыре основных принципа»: «придерживаться социалистического пути, диктатуры пролетариата, признание руководящей роли партии и марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна», сформулированных в апреле 1979 г. в противовес тенденции на очищение маоизма от левацких идей. Однако, несмотря на различные трактовки «идейной линии», сущность их одна, поскольку «самые основные принципы марксизма», даже по признанию официальной пропаганды, — те же «идеи Мао» разных лет, сформулированные им в ходе борьбы против сторонников марксизма-ленинизма в КПК. Соответственно и «идейная линия III Пленума» определена как линия, «созданная товарищем Мао Цзэдуном»³.

Главным моментом выработки официального курса в области идеологии в современном Китае следует считать отождествление различных официальных установок после XI съезда КПК (1977) на основе признания маоизма общей идеологической основой деятельности партии. «Раскрепощение сознания»⁴ и «четыре основных принципа» приведены теперь к общему знаменателю: «четыре основных принципа» определены как «магистральный путь раскрепощения сознания», а «марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна» объявлены его единственно возможной идейной основой. Тенденция к деидеологизации, заложенная в первых призывах к «раскрепощению сознания», ныне ослабла, и задача «раскрепощения сознания» сводится теперь к восстановлению «идейной линии партии» в виде «самых основных принципов марксизма». А «раскрепощение» направляется в русло более определенных целей: преодоление догматического преклонения перед «марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна», исправление ошибок «культурной революции» и снятие лозунга «классовая борьба — основа»⁵. Причем подобное «преодоление догматизма» конкретизируется лозунгом «восстановления делового реалистического подхода» в духе установки IV пленума ЦК КПК на «восстановление подлинного облика идей Мао Цзэдуна». Это «восстановление» осуществляется главным образом в форме критики «ультралевой линии Линь Бяо и четверки», а также критики «идеалистических взглядов Кан Шэна» как «одного из важнейших теоретических истоков ультралевой линии»⁶. В ходе этой критики левацкие маоистские извращения теории и практики строительства социализма объявляются извращениями прежде всего самих «идей Мао».

Одним из проявлений курса на «восстановление подлинного облика

³ «Жэньминь жибао», 30.V.1980.

⁴ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1, с. 126.

⁵ См.: «Хунци», 1980, № 12, с. 28—31.

⁶ «Жэньминь жибао», 4.VIII.1980.

идей Мао» явилась реабилитация Лю Шаоци, ставшая важным событием в идеологической жизни страны в 1980 г. Эта реабилитация была преподнесена общественному мнению, с одной стороны, как «свидетельство того, что курс на восстановление подлинного облика идей Мао Цзэдуна не является пустым звуком», а с другой — как свидетельство исправления на деле ошибок «культурной революции» в духе «делового реалистического подхода». В отличие от критики «ультралевой линии» реабилитация Лю Шаоци обернулась прямой апологетикой идеологии маоизма. В связи с этим событием в печати был опубликован ряд работ Лю Шаоци и множество материалов о нем, где давалась высокая оценка его деятельности как «революционера-марксиста и видного государственного деятеля КНР». Характерными стали утверждения о том, что, хотя Лю Шаоци допустил «некоторые ошибки», у него никогда не было «своей линии», отличной от линии ЦК КПК, и что его идеи «совпадали с идеями Мао Цзэдуна»⁷. Словом, «реабилитированный Лю Шаоци» предстал не только верным соратником Мао Цзэдуна, но и одним из создателей «системы идей Мао Цзэдуна» — воплощения «коллективной мудрости партии». Апологетический смысл этой реабилитации обнаружился в заявлениях о том, что она предпринята «во имя того, чтобы твердо и более правильно придерживаться идей Мао Цзэдуна как целостной научной системы и во имя восстановления лучших традиций партии, созданных товарищем Мао Цзэдуном». При этом «идеи Мао» оценивались как «духовное сокровище КПК и китайского народа», утверждалось, что «руководящее значение идей Мао Цзэдуна» в жизни партии и народа «впредь будет возрастать». В результате восстановления «подлинного облика идей Мао» пекинская пропаганда сформулировала «великую истину» о том, что «созданный Мао Цзэдуном для КПК принцип делового реалистического подхода и исправления допущенных ошибок — это как раз и есть идеи Мао Цзэдуна как научная система»⁸.

Таким образом, основой политической и идейной линии партии руководство КПК по-прежнему объявляет идеологию маоизма, «восстановленную в подлинном облике», то есть в очищенном от левореволюционаристских идей виде. Это свидетельствует об усилении влияния прагматической группировки в китайском руководстве, выдвинувшей после XI съезда КПК курс на дальнейший пересмотр идейного наследия Мао, отказ от его идей второй половины 50-х годов, то есть абсолютизации роли надстроечных факторов, которые в конечном счете воплотились в концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата». Тем самым было достигнуто компромиссное решение: идеологической основой деятельности партии оставался маоизм, но сведенный к прагматическим установкам III пленума ЦК КПК (1978). Созданные положение, при котором маоизм, лишившись своих левореволюционаристских установок, сохранил за собой статус официальной идеологии КНР, развенчивает представление о маоизме как о чисто «левой» идеологии.

Относительная стабилизация идеологического курса на признание маоизма официальной идеологией вдохнула новую жизнь в пропаганду «идей Мао». В 1980 г. тезисы о «вкладе» Мао Цзэдуна в теорию и практику общественной жизни и о недопустимости отхода от «идей Мао» стали безапелляционными и более категоричными, чем год назад. Цитирование работ Мао в целях «теоретического обоснования» текущих установок также стало использоваться более широко. В духе тех же установок IV пленума ЦК КПК, вновь связавшего всю КПК с маоизмом, были сформулированы тезисы о том, что маоизм — «законо-

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 1.III, 16.V, 3.IV.1980.

⁸ «Жэньминь жибао», 3.III, 16.V.1980.

мерное явление, порожденное всем ходом развития китайской революции», что «появление идей Мао Цзэдуна — веление истории»⁹. Прослеживая процесс идейно-теоретического становления маоизма, пропаганда стремится обусловить все достижения китайской революции «идеями Мао» и представить все завоевания китайского народа как торжество маоизма. В тех же апологетических целях используются и положения о «взаимосвязи теории и практики».

Существо апологетики маоизма выражается ныне в тезисе о том, что «идеи Мао Цзэдуна смогли привести к победе китайской революции потому, что они верны, а верны они потому, что соответствуют китайской реальности, соответствуют объективным законам китайской революции».

Первый этап становления маоизма как идейно-политического течения, который подвел, по утверждению нынешней китайской пропаганды, «правильные, подходящие для условий Китая» теоретические основы под китайскую революцию, характерен концепцией «окружения города деревней», открывшей «новый революционный путь — путь Цзинганшаня», отличный от пути Октябрьской революции. Данная концепция преподносится как «квинтэссенция коллективной мудрости партии» и как «важная составная часть научной системы идей Мао Цзэдуна», поскольку в ее разработку «наиболее систематический вклад» внес лично Мао Цзэдун.

Следующий этап — этап борьбы с «догматизмом» — начался с совещания в Цзуньи (1935), на котором маоисты узурпировали власть в КПК, и окончился кампанией «чжэнфын» яньаньского периода (1942—1945), когда КПК в качестве идеологической основы ее деятельности был навязан «китаизированный марксизм». Появившаяся в результате этой кампании концепция «новомодемократической революции»¹⁰ объявляется «завершением последовательного становления научной системы идей Мао Цзэдуна». В дальнейшем «научная система» идей Мао представляется как «диалектико-материалистическая идейная линия, созданная Мао Цзэдуном», ось которой — «деловой реалистический подход», а его «восстановление» и составляет главную задачу официального курса идеологии на данном этапе. Именно этой «линией» обусловлены, согласно официальной пропаганде, победы китайской революции и успехи в осуществлении генеральной линии КПК на построение социализма в 1947—1957 гг., которые оцениваются как «десятилетие наиболее ярких победоносных результатов идейной линии Мао Цзэдуна»¹¹.

Наполняя «идейную линию Мао» конкретным содержанием, официальная пропаганда возвела в ранг «теоретического вклада в марксизм» главным образом *отдельные* идеи Мао, преимущественно «делового» характера. Идея «изучения и обследования вопросов на местах» возведена в ранг «марксистского принципа работы, выдвинутого товарищем Мао Цзэдуном», и преподносится как научное открытие метода конкретных социологических исследований¹² (!). Вновь пропагандируется «вклад Мао» в разработку марксистской философии. В качестве «великого вклада» называют дуалистические по своей сущности идеи Мао о взаимопревращении духа и материи¹³.

«Идейная линия Мао» включает в себя и «целостные учения» — «учение о практике» и «учение о противоречиях», под которыми имеются в виду работы Мао Цзэдуна «Относительно практики» и «Относительно противоречия». Кроме того, в качестве последнего сочинения

⁹ «Жэньминь жибао», 4.VII, 11.XI.1980.

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 18.IX, 15.IV, 11.XI.1980.

¹¹ «Жэньминь жибао», 29.V.1980.

¹² См.: «Хунци», 1980, № 15, с. 20.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 27.VII.1980.

ния Мао Цзэдуна на уровне «учения» фигурирует работа «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957), что также преподносится как «марксистская теория»¹⁴. Что же касается последующей (после 1957 г.) идейной эволюции маоизма, то она обходится молчанием в пекинской печати. Так называемая «великая теория председателя Мао Цзэдуна о продолжении революции при диктатуре пролетариата», явившаяся идейно-теоретическим обоснованием «культурной революции» и оценивавшаяся на XI съезде КПК (1977) как «самый великий вклад Мао в марксизм», ныне изъята из обихода официальной пропаганды как в концептуальном виде, так и в перечне «идей Мао».

Утверждения о дальнейшем «возрастании руководящей роли идей Мао Цзэдуна» в общественной практике неизменно увязываются пропагандой с курсом «четырех модернизаций», «незыблемым принципом» осуществления которого объявлено требование «твердо придерживаться марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна»¹⁵. В настоящее время главной формой внедрения идеологии маоизма стала пропаганда «марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна». Правда, отдельные публикации пекинской печати оперируют понятием «марксизм-ленинизм», однако по содержанию «идей Мао» там не противопоставляются марксизму-ленинизму.

* * *

Идейная жизнь КНР в последние месяцы дала новые свидетельства спекулятивно-паразитического отношения китайского руководства к марксизму-ленинизму, которое культивируется на официальном уровне в интересах обоснования идейно-политической линии и социально-экономического курса нынешнего руководства. Эти данные позволяют прийти к выводу, что пропаганда марксизма-ленинизма в современном Китае означает его ревизию с позиций маоизма в его «подлинном облике». Правопрагматическая направленность этой ревизии становится все более очевидной по мере аналогичного пересмотра самих «идей Мао». Пекинская пропаганда прямо обуславливает свои призывы к изучению марксизма-ленинизма интересами «восстановления подлинного облика идей Мао-Цзэдуна» и задачами достижения «правильного понимания нового теоретического обоснования четырех основных принципов». Установка на «восстановление облика» в свою очередь относится и к марксизму-ленинизму, причем его «восстановление» осуществляется в том же направлении, что и «восстановление» идей Мао, то есть путем сведения сущности марксизма-ленинизма к «самым основным принципам», а в конечном счете — к «деловому реалистическому подходу», объявленному общим «коренным принципом марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна»¹⁶.

Официальное отношение к марксизму-ленинизму характеризуется в нынешнем Китае отрицанием его как теории научного коммунизма на том основании, что классики марксизма-ленинизма якобы «не дали и не могли дать конкретного определения социализма», ограничившись лишь указанием на «общие принципы» — общественная собственность на средства производства и распределение по труду¹⁷. Тезис об «отсутствии» в марксизме-ленинизме теории научного коммунизма, а следовательно, и учения о закономерностях построения социализма «в той или иной конкретной стране» (в то время как марксизм начинался прежде всего с этой составной части) был выдвинут в китайской пропаган-

¹⁴ «Гуанмин жибао», 14.VIII.1980.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 3.III.1980.

¹⁶ Там же, 16.VII, 3.III.1980.

¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 8.VIII.1980.

де еще в конце 1979 г. В развитие этого тезиса¹⁸ сейчас делаются попытки свести все содержание марксизма-ленинизма к методологическому аспекту и трактовать марксизм не как единство трех его составных частей, то есть не как теорию научного коммунизма в широком смысле, а лишь как теорию познания в ее правомаоистском истолковании, где исходный момент — так называемая «точка зрения практики», которая характеризуется как «ключевой момент марксистской философии и теоретической системы (?) марксизма». Более того, пекинская печать объявляет «образное выражение» Дэн Сяопина: «Не важно, какая кошка — черная или белая, лишь бы только она ловила мышей» — сутью «марксистской теории познания»¹⁹.

С 1980 г. прежняя установка на создание «новой теории» путем соединения «марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна» с практикой «четырех модернизаций», по существу, дезавуирована. Пересмотр идеологической платформы осуществляется ныне под лозунгом «развития марксизма», за которым, как отмечалось выше, — отказ пекинского руководства признать марксизм-ленинизм теорией научного коммунизма. Для обоснования установки на подобное «развитие марксизма» пущен в ход тезис о «кризисе веры». Распространившиеся в последние годы в Китае настроения разочарования в идеологии и политике маоизма пропаганда относит на счет марксизма. Причины данного явления объясняются официальной прессой не только ошибками в строительстве социализма в Китае по вине «левой идеологии», «линии Линь Бяо и банды четырех», которая была навязана стране под видом марксизма, но и «противоречием между теорией и практикой», якобы возникшим вследствие того, что «в марксистских книгах нет ответа на новые вопросы», которые выдвинула международная обстановка. Для преодоления «кризиса веры» предложен один путь — осуществить «новое развитие марксизма в Китае», которое должно быть столь же кардинальным, как это якобы имело место в истории китайской революции, когда в процессе борьбы против «догматизма» был открыт «новый путь — путь Цзинганшаня», в результате чего, дескать, и был преодолен «первый кризис марксизма, с которым столкнулась КПК еще на этапе демократической революции».

Вышеуказанное «противоречие» теории и практики характеризуется даже как движущая сила «нового развития марксизма», а основной предпосылкой его осуществления объявляется восстановление «диалектико-материалистической идейной линии партии», за которую будто бы всегда «ратовал товарищ Мао Цзэдун». А восстановление «делового реалистического подхода» рассматривается как действительное начало «нового развития марксизма». И хотя печать признает, что новых теоретических положений у маоистов еще нет, а если они и появляются, то воспринимаются «по-старому» — как ревизионизм, тем не менее нынешний курс в идеологии рассматривается как «новое развитие марксизма», а переживаемый момент в истории страны — как «период бурной смены старого новым»²⁰. Причем «развитие марксизма» трактуется в духе софистической «идеи» Мао о том, что «марксистом не может считаться ни тот, кто не сравнялся с Марксом, ни тот, кто сравнялся с ним, им может быть лишь тот, кто превзошел Маркса» (1)²¹.

В связи с курсом на восстановление «подлинного облика марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна» и на их «новое развитие» особый интерес маоистских теоретиков привлекает проблема догматизма и ревизионизма. Позиции по этой проблеме не только носят тенденциоз-

¹⁸ См.: «Хунци», 1980, № 14, с. 38—45.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 14.IV.1980.

²⁰ Там же, 11.XI.1980.

²¹ «Хунци», 1980, № 12, с. 34.

ный, спекулятивный характер, но имеют целью обоснование необходимости этого «нового развития» марксизма и инспирирование соответствующих «исследований». При этом навязчиво подчеркивается несовместимость марксизма с «догматизмом», зато снимаются прежние тезисы об опасности ревизионизма, по существу, отрицается даже сама возможность ревизионизма при условии соблюдения так называемого «критерия практики». Официальная пропаганда фактически объявила целый поход против «догматизма». Прежние установки на «раскрепощение сознания» наполняются в связи с этим новым содержанием. Их суть выражается не только в призывах заменить идеократический подход «деловым подходом», но и в требовании отказаться от «догматизма». «Книгопоклонство», «начетничество», «окошение и полуокошение идеологии», от чего по-прежнему предлагается освобождать сознание, называют теперь «догматическим отношением к марксизму-ленинизму — идеям Мао Цзэдуна как к чему-то неприкосновенному». Другой тезис²² сводится к утверждению о том, что «нельзя принимать развитие марксизма на основе практики за ревизионизм». В этом толковании «догматизм» означает отказ от «исправления марксизма», а ревизионизм — пересмотр «основных принципов марксизма, самым основным из которых является принцип единства теории и практики». С этой точки зрения любые «исправления» теории в угоду политической практике не могут расцениваться как ревизионизм, поэтому и восстановление «делового реалистического подхода», предполагающее отказ от левореволюционаристских концепций маоизма, «нельзя принимать за ревизионизм»²³.

Установки на преодоление «догматизма» дополнены в последнее время призывами к преодолению «неаналитического подхода» к идейному наследию, в том числе марксистскому. На практике эти призывы открыли «борьбе против догматизма» прямой выход в правый ревизионизм. «Аналитический» подход к марксизму-ленинизму проявился, в частности, в отказе от ленинского учения о формах классовой борьбы пролетариата в переходный период, от положения о необходимости подавления сопротивления буржуазии и возможном обострении классовой борьбы, которые признаны пекинскими теоретиками «не соответствующими китайской действительности»²⁴ (!). Наконец, этот «аналитический подход» выразился в прямых призывах к изучению немарксистских идейно-политических течений. Под видом преодоления «догматического взгляда» ныне в Пекине требуют признать «прогрессивную роль идеалистической философии», которая «по-прежнему способствует развитию философской мысли, выдвигая новые проблемы и открывая новые области [исследований]», требуют «соединить сегодняшнюю философию Китая с традиционной китайской философией», без чего якобы «невозможно развитие философии в современном Китае»²⁵.

* * *

«Новое развитие марксизма» осуществляется прежде всего в попытках «нового» обоснования «китайской формы четырех модернизаций», то есть прежнего «особого пути к социализму». Именно здесь наиболее четко обнаруживает себя его праворевизионистская сущность, отказ от общих закономерностей строительства социализма, открытых теорией научного коммунизма, обобщенных в документах международного

²² См.: «Хунци», 1980, № 1, с. 42—45.

²³ «Жэньминь жибао», 1.VIII.1980.

²⁴ Там же, 12.VIII.1980.

²⁵ «Жэньминь жибао», 18.VIII.1980; «Гуанмин жибао», 7.VIII.1980.

коммунистического движения и подтвержденных международной практикой социалистического содружества, практикой строительства социализма в КНР в 1953—1957 гг.

Концептуальная сторона «китайской формы социализма» до настоящего времени не разработана ее авторами, имеющиеся публикации позволяют выяснить лишь исходные принципы и общие направления ее становления. В 1980 г. появились попытки обосновать постановку вопроса о «китайской форме» как особом пути к социализму с помощью модной ревизионистской идеи «моделей социализма». Однако развернуть ее не смогли или не сумели, по-видимому, идет лишь подготовка к ней общественного мнения. Под прицел критики взяты «представления некоторых товарищей», полагающих, что социализм может иметь «только один образец», что его строительство может осуществляться только одним путем, и не представляющих себе, что «под одним и тем же понятием «социализм» может скрываться многообразие форм развития»²⁶. Этот правильный в принципе тезис, однако, наполняется ревизионистским содержанием в духе оппортунистической концепции «моделей социализма». И, по существу, «китайская форма» социализма аргументируется старыми маоистскими положениями об исторической специфике Китая. Эта аргументация сейчас лишь расширена, маоисты дополнили ее упоминанием о специфике естественных, социально-экономических, демографических и прочих условий²⁷.

Анализ китайской печати показывает, что поиск «китайской формы социализма» не входит пока в компетенцию научных исследований. Этот вопрос формулируется сейчас на политическом уровне, и задача исследователей сводится лишь к поискам его идеологического обоснования. Причем становление концепции «китайской формы социализма» очевидно идет главным образом по пути обоснования установок пекинского руководства на «соединение социализма с рыночной экономикой». Судя по всему, это и мыслится как основная характерная черта «китайской формы социализма». Эти установки, которые вначале обосновывались соображениями практического порядка — необходимо ускоренного развития производительных сил, решения проблемы трудоустройства населения и т. п., постепенно стали обрастать и «теоретической» аргументацией.

В последнее время китайские теоретики проявляют значительный интерес к «вопросу» о характере социалистической собственности. В результате широкого обсуждения сделаны «выводы» о том, что социалистическая собственность носит весьма разнообразный (!) характер в зависимости от степени обобществления. При этом имеет место попытка искусственно разграничить государственную социалистическую собственность и общенародную социалистическую собственность²⁸. Здесь, безусловно, сказывается влияние «идеи» Мао о том, что общенародной собственностью может считаться лишь то, что подлежит государственному распределению. «Выводы» о «многообразии социалистической собственности» служат, по существу, оправданию курса на возрождение несоциалистических форм собственности под видом использования «разных форм экономики с различным уровнем обобществления». За всем этим обнаружилась все та же «идея» Мао Цзэдуна «привести в движение все положительные факторы» во имя превращения Китая в «могучую державу».

В конце концов вывод о «многообразном характере социалистической собственности» обернулся откровенным утверждением о «многоукладности экономики при социализме». В этой связи пекинская про-

²⁶ «Жэньминь жибао», 8.VIII.1980.

²⁷ См.: «Хунця», 1980, № 9, с. 22.

²⁸ См.: «Гуанмин жибао», 15.III.1980.

паганда развернула широкие спекуляции по поводу ленинских положений о нэпе. В фальсифицированном изложении временное использование элементов капитализма в экономике СССР было возведено, по существу, в закономерность всего периода строительства социализма. Пекинские идеологи утверждают (правда, без ссылки на источник), будто «Ленин указывал, что нэп в экономике и (!) политике полностью гарантирует построение экономических основ социализма»²⁹.

Тезис о «китайской форме социализма» потребовал соответствующего пересмотра и принципов государственного руководства экономикой в сторону децентрализации планирования. Пекинские «теоретики» усиленно разрабатывают на словах идею сочетания плановых начал с рыночным регулированием производства. «Правомерность» данного сочетания обосновывается высказываниями видных деятелей КПК, включенными в «научную систему идей Мао Цзэдуна», в частности высказываниями Лю Шаоци о необходимости ограничения роли планирования в пользу усиления рыночного регулирования с целью придания социалистической экономике таких свойств, как «разнообразие и гибкость»³⁰.

Разговоры об усилении роли рыночного регулирования привели пекинских теоретиков к «выводам» о необходимости признания принципов конкуренции. Вопрос о «социалистической конкуренции» без тени смущения поставлен в духе «выживания сильного»: «Если я преуспеваю, ты разоряешься». Поэтому не случайно при такой постановке вопроса официальная пропаганда порой скатывается на позиции социал-дарвинизма, ссылаясь на примеры стихийного развития живой природы, где действует закон естественного отбора³¹.

В конце 1980 г. были подведены итоги многолетнего обсуждения в китайской печати вопроса об основном законе социализма. Главной целью социалистического общества было признано максимально возможное (!) удовлетворение материальных и культурных потребностей народа. Это можно было бы оценить как важное завоевание общественно-политической мысли в современном Китае, если бы формулировка основного закона социализма была отделена от «идей Мао» и всего курса на «китайскую форму четырех модернизаций» ради усиленной милитаризации страны. А так, как это делается сейчас, может убедить лишь в том, что реабилитация основного закона социализма принята в демагогических целях. В то же время четко проявились попытки «интересами максимального обогащения материальной и культурной жизни народа», «максимального развития способностей человека», равно как и «интересами максимального развития производства» прикрыть и оправдать курс на праворевизионистское извращение теории и практики социализма, которое идет вразрез с коренными интересами китайского народа. Суть этой демагогии нашла свое отражение в типичных утверждениях пропаганды о том, что все «формы», «методы» и «пути» хороши, «если только они стимулируют производство, обогащают жизнь и принимаются массами»³².

В последнее время пекинская печать вновь выступила с призывами к внедрению в общественную практику «духа Яньани», выражающегося в известном маоцзэдуновском лозунге «не бояться трудностей, не

²⁹ «Жэньминь жибао», 22.IV.1980.

³⁰ «Гуанмин жибао», 25.V.1980.

³¹ См.: «Жэньминь жибао», 8.VIII.1980.

³² Там же.

бояться смерти»³³. Это, по существу, означает возврат к прежней маоистской политике «жертвенности» и пренебрежения к интересам трудящихся ради осуществления гегемонистской программы милитаризации Китая. Оживление этих мотивов свидетельствует не только о демагогическом характере «признания» основного закона социализма, но и о продолжающейся борьбе в руководстве Китая вокруг идеологических обоснований внутренней политики. Заметно также, что утверждения пекинской пропаганды относительно «характера социалистической собственности» и «объективных законов строительства социализма в Китае» непоследовательны и нестабильны. В печати нет устоявшихся или официально подтвержденных определений «китайской формы социализма». Это означает, что официальная идеологическая доктрина в КНР по-прежнему находится в аморфном состоянии, что в свою очередь объясняется неопределенностью самого внутривнутриполитического курса китайского руководства. Несмотря на громкие призывы к «усиленному развитию» несоциалистических форм хозяйственной деятельности, курс этот в целом носит пока ограниченный характер. Здесь явно сказываются опасения руководства, что не контролируемый сверху процесс возрождения несоциалистических укладов приведет к потере по-маоистски жесткого контроля над экономической и социальной жизнью общества. Поэтому несоциалистические уклады в их различных формах определяются в целом как нечто вспомогательное — как «привесок к социалистической экономике»³⁴. Тем не менее речь идет не о временных мерах, а о «китайской форме социализма», и курс на воссоздание несоциалистического сектора в экономике современного Китая обосновывается в пропаганде как «политика подлинно научного социализма»³⁵.

Необходимость выработки критериев «китайской формы социализма» поставила перед пекинской пропагандой еще одну острую идеологическую проблему — проблему существования классов и классовой борьбы в сегодняшнем Китае. Острота и деликатность ее решения объясняется тем, что в последние два года официальная печать, по существу, дезавуировала известную маоцзэдуновскую «теорию продолжения революции при диктатуре пролетариата», в основе которой лежал тезис о существовании в условиях социализма антагонистических классов, о постоянном нарождении в Китае «новой буржуазии», что якобы обуславливает острую классовую борьбу при социализме, «борьбу двух путей» — социализма и капитализма — и вероятность реставрации социализма» данная «теория объявляла проведение «новых культурных революций». Все эти рассуждения Мао Цзэдуна квалифицированы современной пекинской печатью как «извращение идей Мао бандой четырех».

Взамен этой «теории» нынешние пекинские идеологи предложили тезис о «полной социально-политической однородности» (!) современного китайского общества, экономические условия которого уже исключают появление новых эксплуататорских классов и, следовательно, классовой борьбы. Однако очень скоро политическая практика вновь поставила перед идеологами вопрос: а как же теоретически объяснить рост недовольства курсом руководства со стороны широких слоев населения и усиление оппозиции этому курсу среди партийных кадров различных уровней, как квалифицировать эту оппозицию и, главное, под какими лозунгами с нею бороться? Возникла, как видим, старая маоистская проблема «теоретического» обоснования неизбежных при подобной ситуации репрессий. И тогда пропаганда вновь обратилась

³³ «Гуанмин жибао», 22.I.1981.

³⁴ «Жэньминь жибао», 13.VIII.1980.

³⁵ См.: «Гуанмин жибао», 7.VII.1980.

к «учению» Мао Цзэдуна «о двух типах противоречий» при социализме и попыталась «модернизировать» его в духе «новых задач». «Новое» здесь — в необходимости «согласовать» нынешний тезис пекинской пропаганды об отсутствии антагонистических классов, о «социальной однородности» современного китайского общества с «теорией» Мао Цзэдуна о продолжении классовой борьбы при социализме. В результате «теоретических поисков» и многочисленных дискуссий среди пекинских идеологов появилась «совсем новая» установка о «классовой борьбе в Китае в условиях отсутствия эксплуататорских классов». «Теоретической» основой этой установки оказались положения все той же маоцзэдуновской концепции «двух типов противоречий» при социализме. При этом акцент был сделан на тезис о противоречиях «внутри народа», поскольку этого требует установка о «социальной однородности» современного Китая. В то же время эти противоречия объявляются совпадающими с понятием «классовая борьба», которая, таким образом, распространяется на отношения «внутри народа», в том числе и противоречия между трудящимися и буржуазией, которые теперь целиком включены в категорию «противоречий внутри народа». И этот старый постулат Мао Цзэдуна еще оценивается официальной пекинской печатью как идейно-теоретическая основа «уникального и плодотворного опыта социалистического преобразования капиталистической собственности в КНР»!

Пекинские идеологи не отбросили полностью и тезис Мао о противоречиях «между нами и нашими врагами. Он присутствует и в «новой» концепции «классовой борьбы без эксплуататорских классов». «Сейчас, когда эксплуататорских классов нет, а классовая борьба продолжается в специфических формах, — писала газета «Жэньминь жибао», — она по-прежнему проявляется и как противоречия внутри народа, и как противоречия между нами и нашими врагами»³⁶. Круг, таким образом, замыкается на «классической» путанице: все «теоретические поиски» объяснения классовой борьбы в современном Китае на деле оборачиваются возвращением к старой «теории» Мао Цзэдуна о существовании классовых «врагов» и классовой борьбы при социализме. Антинародный курс и рост недовольства им в стране с неизбежностью привели идеологов нынешнего пекинского режима к воссозданию в слегка подновленном виде прежней маоцзэдуновской «теории» классовой борьбы в условиях социализма, которая всегда служила лишь целям обоснования политики чисток и массовых репрессий, но только не в отношении буржуазии и антисоциальных элементов.

Таковы главные черты «пятой модернизации в Китае» — модернизации идеологической концепции маоизма в 1980 г. Выработка китайским руководством новой идейно-политической доктрины проходит в целом в духе тех же «идей Мао Цзэдуна», которые объявляются воплощением «применения и развития марксизма-ленинизма в китайской революции», «настоящим и будущим богатством партии и государства»³⁷. Эта доктрина формулируется как праворевизионистская модификация маоизма, как националистическая платформа смыкания с оппортунизмом и антикоммунизмом на общей почве враждебности теории и практике реального социализма, научного коммунизма. В ней полностью сохраняются также идейные принципы маоизма, как гегемонизм, антисоветизм и великоханьский шовинизм.

³⁶ «Жэньминь жибао», 8.11.1980.

³⁷ «Хунци», № 2, 1981, с. 36.

ИСТОРИЯ

К 60-летию Коммунистической партии Китая

Значение пролетарского интернационализма в образовании и деятельности КПК

*М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР*

Пролетарский интернационализм — мощное оружие в борьбе рабочего класса с мировым капиталом

XXVI съезд КПСС убедительно продемонстрировал боевую коммунистическую солидарность, основывающуюся на принципах пролетарского интернационализма. Присутствовавшие на съезде делегации коммунистических, рабочих и других революционных партий горячо приветствовали форум коммунистов Советской страны, которая, отмечал в своей речи на съезде Ф. Кастро, выступает «как надежда мира, как гарантия того, что империалистам не удастся осуществить свои претензии на господство»¹.

Отвечая на приветствия зарубежных гостей съезда, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Будьте уверены, дорогие товарищи, что советские коммунисты, верные заветам Ленина, и впредь будут неуклонно следовать испытанным интернационалистским курсом...»².

Международная пролетарская солидарность — непереносимое условие в деятельности коммунистов. Известно, что уже при создании первой коммунистической партии — «Союза коммунистов» (1847) основоположники научного коммунизма в знаменитом «Коммунистическом манифесте» бросили клич мировому рабочему классу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» «Так как положение рабочих всех стран одинаково, — говорил Ф. Энгельс, — так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща...»³.

На этих принципах и был создан Первый Интернационал (1864—1876), который, как отмечал В. И. Ленин, «...заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал»⁴.

Великой заслугой В. И. Ленина, открывшего законы общественного развития последней стадии капитализма — империализма, является и то, что он разработал стратегию и тактику пролетариата в новых исторических условиях. Империализму, как международной регрессивной силе, В. И. Ленин призвал противопоставить интернациональное единство и сплоченность трудящихся, всех прогрессивных сил мира. Он считал необходимым «...увлечь и повести за революционным авангардом пролетариата, его коммунистической партией, не только весь пролета-

¹ «Правда», 25.II.1981.

² «Коммунист», 1981, № 4, с. 71.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 373.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 302.

рнат или подавляющее, огромное большинство его, но и всю массу трудящихся и эксплуатируемых капиталом...»⁵.

В этих новых условиях В. И. Ленин считал необходимым дополнить пролетарский лозунг и одобрил его в редакции: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!»⁶

Коммунистические партии — авангард рабочего класса — возглавили борьбу трудового народа всего мира против империализма за национальное и социальное освобождение. «К рубежу 80-х годов,— говорил Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС,— международный рабочий класс и его политический авангард — коммунистические и рабочие партии — подошли уверенной поступью. Подошли как активные борцы за права трудящихся, за мир и безопасность народов»⁷.

Говоря о деятельности коммунистических партий, Л. И. Брежнев сказал: «Главное состоит в том, что коммунисты, вооруженные учением марксизма-ленинизма, глубже всех и правильнее всех видят суть и перспективу происходящих в мире процессов, делают из этого верные выводы для своей борьбы за интересы рабочего класса, трудящихся своих стран, за демократию, мир и социализм»⁸.

Для партий научного коммунизма международная солидарность, пролетарский интернационализм являются важнейшим оружием в борьбе с империализмом.

Политическая обстановка в Китае до образования коммунистической партии

Феодално-монархический Китай при засиллии в стране империалистических держав к концу XIX в. находился в глухой изоляции от мировых прогрессивных, демократических течений. Главным направлением революционной борьбы представителей передовых кругов Китая в начале XX в. было антимонархическое движение за свержение маньчжурской династии Цин, обнаружившей полную несостоятельность в защите национальных интересов, удерживавшей власть над китайским народом деспотией и изоляцией страны от влияния мировой прогрессивной общестственности. В такой обстановке антиимпериалистическая борьба приглушалась. Стихийное антиимпериалистическое движение ихэтуаней не получило организованного руководства сторонников демократических реформ, цинские правители использовали это движение для защиты реакционной политики изоляционизма и разжигания националистического фанатизма.

Народовольческая демократическая программа Сунь Ятсена игнорировала классовую неоднородность китайского общества, абсолютизируя китайский национализм (капиталист как работодатель считался благодетелем трудящихся). Сунь Ятсен, так же как и китайские реформаторы, объективно стоя на позициях идеализма, переоценивал «силу духа китайских традиций, утопически допускал возможным равноправное партнерство экономически слабого Китая со странами монополистического капитала — с империалистическими государствами.

Сунь Ятсен, идеи которого были наиболее авторитетными и популярными в передовых слоях китайского общества, не смог в этот период оценить реальную ситуацию в мире и в самом Китае и научно определить пути развития Китая. Тем не менее его искренние устремления к коренным преобразованиям страны на основе трех народных принципов (национальное освобождение, образование демократиче-

⁵ Там же, т. 41, с. 184—185.

⁶ Там же, т. 42, с. 71.

⁷ «Правда», 24.11.1981.

⁸ Там же.

ской республики и народное благосостояние), провозглашенных Сунь Ятсеном в 1906 г.⁹, нашли горячее сочувствие и поддержку В. И. Ленина. «Боевой, искренний демократизм,— писал В. И. Ленин,— пропитывает каждую строчку платформы Сунь Ятсена. Полное понимание недостаточности «расовой» революции. Ни капли аполитизма или хотя бы пренебрежения к политической свободе, хотя бы допущения мысли о совместимости китайского самодержавия с китайской «социальной реформой», с китайскими конституционными преобразованиями и т. п. Цельный демократизм с требованием республики. Прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу»¹⁰.

Однако В. И. Ленин видел и существенные недостатки, мелкобуржуазную сущность программы Сунь Ятсена. Отмечая его благородные, субъективно социалистические устремления, В. И. Ленин указывал на историческую ограниченность этой программы. «Теория эта, если рассматривать ее с точки зрения доктрины,— писал В. И. Ленин,— есть теория мелкобуржуазного «социалиста» — реакционера... И Сунь Ятсен с неподражаемой, можно сказать, девственной наивностью сам разбивает в пух и прах свою реакционную народническую теорию, признавая то, что призвать заставляет жизнь,— именно: что «Китай стоит накануне гигантского промышленного» (т. е. капиталистического) «развития», что... «будет много Шанхаев», т. е. миллионных центров капиталистического богатства и пролетарской нужды и нищеты»¹¹.

Следует, однако, подчеркнуть, что В. И. Ленин конкретно-исторически подходил к оценке деятельности Сунь Ятсена в этот период. Вскрывая объективные причины слабости революционного движения в Китае, В. И. Ленин в то же время высоко оценивал усилия революционеров-демократов в Китае и выражал глубокую веру в их победу. «И все-таки,— писал он,— революционная демократия в Китае... сделала очень многое для пробуждения народа, для завоевания свободы и последовательно демократических учреждений»¹².

В целом же игнорирование антагонистического характера капитализма, имманентно присущего ему экспансионизма на монополистической стадии его развития приводило Сунь Ятсена к иллюзорным политическим выводам¹³. Наиболее ярко это выразилось в суньятсеновском «Воззвании ко всем дружественным нациям», в котором Сунь обратился к великим капиталистическим державам с надеждой получить материальную помощь для возрождения Китая и превращения его в передовое государство. Известен ответ империалистических государств на просьбу Китая. Империалисты преподали жестокий урок китайским идеалистам. Они унизили Китай Версальским договором и перешли в новое наступление за раздел Китая. Китайский народ должен был искать новый путь и новые средства для избавления от оков феодализма и империалистического господства, для построения демократической республики. Такой путь национального и социального освобождения указал Коммунистический Интернационал, созданный по инициативе и под руководством В. И. Ленина. Он состоял в прочном, неразрывном союзе освободительного движения в Китае с первой Страной Советов, со всем мировым коммунистическим и рабочим движением.

⁹ См.: Сунь Ятсен. Три народных принципа и будущее Китая. — Избр. произв. (пер. с кит.). М., 1964, с. 121—133.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 401.

¹¹ Там же, с. 404.

¹² Там же, т. 23, с. 140.

¹³ Подробно см.: М. И. Сладковский. Ленин и Китай. — В кн.: Ленин и проблемы современного Китая. М., 1971, с. 6—19.

Октябрьская революция осветила путь китайской революции

С победой Великой Октябрьской социалистической революции началась эпоха крушения мировой капиталистической системы, глубокого кризиса, а затем и распада колониальной системы империализма. Революция в России дала могучий толчок национальному самосознанию зависимых и колониальных стран. Она пробудила к активной политической деятельности все прогрессивные слои Китая. Пример российской пролетариата вдохновлял патриотов Китая на борьбу за национальный и социальный прогресс. В лице Страны Советов они видели своего верного союзника.

Империалистические державы тщетно пытались изолировать угнетенный Китай от Советской России. Провозглашенная правительством Советской России внешняя политика, основывавшаяся на равенстве, национальной независимости и суверенитете, разрушала колониальную политику империалистических держав и давала начало установлению отношений между народами на новых, равноправных принципах.

Особое значение для народа Китая имело «Обращение правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Северного и Южного Китая» (25 июля 1919 г.). Из этого обращения китайский народ узнал о победоносном продвижении Красной Армии через Сибирь к границам Китая, о том, что она «несет помощь не только нашим (русским. — М. С.) трудящимся классам, но и китайскому народу». Это обращение явилось первым актом морально-политической помощи Советской России Китаю¹⁴.

Под влиянием Октября получили распространение в Китае идеи научного коммунизма. Большую роль в пропагандировании революционного опыта Советской России сыграли китайцы, проживавшие на советской территории, а также Цюй Цюбо, который как корреспондент «Чэнь бао» правдиво освещал советскую действительность.

В революционно-демократических кругах Китая вызревала идея — идти по пути русских. К такому же выводу пришел и Сунь Ятсен. 28 августа 1920 г. Сунь Ятсен, руководивший революционной базой Юга, обратился к правительству РСФСР с просьбой предоставить ему возможность изучить опыт Советской России. Затем последовало обращение к советскому правительству об оказании военной и экономической помощи революционному Югу Китая.

Постепенное осознание исторической отсталости Китая, многократные провалы планов национального возрождения с помощью империалистических держав, искренняя интернационалистская заинтересованность Страны Советов в судьбах китайского народа и готовность оказывать ему всестороннюю помощь в борьбе за независимость и социальный прогресс привели к тому, что и Сунь Ятсен, и многие другие революционно настроенные патриоты Китая стали отходить от буржуазно-националистической концепции расовой солидарности стран Азии и решительно переходить на позиции революционного союза всех угнетенных народов мира с Советской Россией.

¹⁴ Подробно см.: М. С. Капица. Важный документ из истории советско-китайских отношений. — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 2.

Помощь Коминтерна в образовании КПК и разработке задач китайской революции

Революционная стратегия Коминтерна в отношении народов колоний и зависимых стран строилась на основе исторического вывода В. И. Ленина о возможности перехода отсталой страны к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, при поддержке и с помощью пролетариата передовых стран.

Основываясь на опыте революционного движения и социально-экономических преобразований отсталых, в прошлом колониальных окраин царской России, В. И. Ленин сделал вывод о том, «что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹⁵. Этот вывод сыграл громадную роль в развертывании национально-освободительного движения в странах Востока и установлении прочной связи его с мировым коммунистическим движением, в деле постепенного обретения национально-освободительным движением характера социальной революции. Раскрывая неразрывную связь борьбы за национальное освобождение с борьбой за социальное освобождение, В. И. Ленин подчеркивал, что «в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»¹⁶.

Ленинская программа союза прогрессивных сил зависимых и колониальных стран с антиимпериалистической борьбой мирового пролетариата открывала широкую историческую перспективу сотрудничеству этих сил в борьбе за социальный прогресс. «Мы постараемся, — писал В. И. Ленин, — оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь», по прекрасному выражению польских социал-демократов, т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму»¹⁷. Как известно, эта программа успешно претворяется в жизнь. В мире сложился и успешно действует мощный союз революционных сил современности в лице социалистического содружества, мирового рабочего движения и национально-освободительного движения.

Руководством для работы Коминтерна в Китае были указания В. И. Ленина о необходимости во всех колониальных и отсталых странах создавать революционные партии, готовить руководителей, которые могли бы возглавить движение трудовых масс за национальное и социальное освобождение и направлять его на создание Советов и переход этих стран на некапиталистический путь развития.

Наряду с разработкой теоретических и политических основ, имевших программное значение для китайской революции, Коминтерн оказал громадную организационную помощь. В 1920 г. при участии Коминтерна в Китае были созданы первые коммунистические группы, проведена подготовка к образованию Коммунистической партии Китая. В июле 1921 г. был созван первый съезд КПК, положивший начало организованному коммунистическому движению в Китае.

Приняв основные, программные положения Коминтерна, КПК в 1922 г. заявила о присоединении к III Интернационалу, то есть приняла обязательство осуществлять свою деятельность в содружестве с

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

¹⁶ Там же, т. 44, с. 38.

¹⁷ Там же, т. 30, с. 120.

другими партиями: Это существенно укрепило связь революционного движения в Китае с мировым коммунистическим и рабочим движением. Взаимодействие этих движений было в высшей степени эффективным прежде всего для китайской революции. Ее успехи на всех этапах борьбы за национальное освобождение и социальный прогресс неотделимы от интернационалистской деятельности Коминтерна, СССР. Установление контактов революционного Юга, возглавляемого Сунь Ятсеном, и последующая советская военная, экономическая и кадровая помощь Южному правительству укрепляли позиции КПК. Сунь Ятсен понимал, что КПК и идеологически, и политически пользуется поддержкой СССР, близка к нему. Именно это обстоятельство облегчило и ускорило создание на основе союза КПК с гоминьданом единого национально-демократического фронта. Вхождение коммунистов в гоминьдан (при сохранении собственной организации с централизованным партийным аппаратом) содействовало существенному революционизированию политического курса гоминьдана.

В манифесте I съезда гоминьдана (январь 1924 г.) отмечалось, что гоминьдан ведет борьбу против империалистов и милитаристов, против тех классов, интересы которых противостоят интересам крестьян и рабочих, то есть ведет борьбу за освобождение крестьян и рабочих. Участие в составлении манифеста таких видных коммунистов-интернационалистов, как Ли Дачжао, Цюй Цюбо и других, позволило выдвинуть задачи не только национального, но и социального освобождения рабочих и крестьян.

Международный пролетариат, представленный в государственных отношениях с Китаем Советским Союзом и в партийных делах — Коминтерном, оказал большую теоретическую и практическую помощь в создании партии рабочего класса — КПК, что способствовало развитию революционного движения в Китае.

Попытки империалистов и китайской реакции изолировать Китай от СССР и международного коммунистического движения

Антисоветизм, борьба с «красной опасностью» в послеоктябрьский период являлись главнейшим компонентом внешней политики империалистических держав. Китайскую революцию они объявляли «делом рук Москвы» и поэтому считали первостепенной задачей изоляцию Китая от Советского Союза и уничтожение «советских агентов» — китайских коммунистов.

Подготавливая контрреволюционный переворот, Чан Кайши уже в марте 1926 г. предпринял попытку устранить коммунистов из органов Южного правительства и тем самым изолировать КПК и лишить ее международных связей. Сговор Чан Кайши с американо-английским империализмом основывался, с одной стороны, на оголтелой антисоветской внешней политике, направленной на ликвидацию договорных советско-китайских отношений, а с другой — на антикоммунистической внутренней политике гоминьдановского Китая, ставившей целью террористическую расправу с китайскими коммунистами и прогрессивными общественными деятелями.

Империализм и китайская реакция изоляцией Китая от Советского Союза и международного коммунистического движения хотели приостановить исторический процесс революционизации китайского общества.

Отчуждению Китая от СССР и КПСС, от международного коммунистического движения способствовали и проявившиеся в руководстве

КПК буржуазно-националистические взгляды, сущность которых сводилась к отказу от принципа пролетарского интернационализма и утверждению в партии националистической великоханьской идеологии. Эта тенденция на первых порах вуалировалась «архиреволюционностью», приверженностью к «мировой революции». В начале 30-х годов одной из опасных разновидностей великоханьского шовинизма стала «лилсаневщина». Ли Лисань, пропагандируя тезис о «быстром нарастании революции во всем мире» и заявляя, что строительство социализма в одной стране (то есть в СССР) порождает «чистый оппортунизм», утверждал, будто только в Китае существует революционная ситуация и, следовательно, Китай должен стать центром мировой революции. В отношении Советского Союза лилсаневцы занимали подстрекательскую, провокационную позицию, стремясь подтолкнуть СССР на войну с Японией¹⁸.

Прикрываясь архиреволюционными лозунгами, Ли Лисань, которого в основных стратегических вопросах поддерживал и Мао Цзэдун, по существу, толкал КПК на разрыв связей с Коминтерном, с международным коммунистическим движением.

Ослабление связей с Коминтерном, изоляция революционных баз (советских районов — Китайской Советской Республики) от Советского Союза в определенной мере произошли из-за сектантской амбициозности Мао Цзэдуна, помешавшего Китайской Советской Республике вступить в союз с восставшей против Чан Кайши 19-й армией, руководимой генералом Цай Тинкаем, в провинции Фуцзянь. Овладение этой приморской провинцией дало бы возможность установить морские связи между Китайской Советской Республикой и СССР (1933). Противодействие Мао Цзэдуна сближению с Цай Тинкаем предопределило поражение повстанцев в провинции Фуцзянь и затруднило оборону советских районов.

Значение помощи Советского Союза Китаю в годы антияпонской борьбы

Нападение Японии на Китай показало китайскому народу истинное лицо империалистических союзников гоминьдана — США и Великобритании. Они фактически потворствовали Японии, надеясь использовать ее в качестве антикоммунистического жандарма.

В этих условиях неоценимую роль сыграл советско-китайский договор о ненападении, подписанный 27 августа 1937 г. Верный принципу пролетарского интернационализма, Советский Союз оказал Китаю не только всестороннюю пролетарскую поддержку, но и большую материальную помощь. Уже в 1937 г. СССР стал поставлять в Китай большое количество оружия, боеприпасов, горючего и других военных материалов. В 1938—1939 гг. Китаю был предоставлен кредит в сумме 250 млн. долл. для закупки военной техники. Военные грузы поставлялись по специально построенной трассе длиной более 3 тыс. км. В начале 1939 г. свыше 3,5 тыс. советских военных специалистов оказывали помощь сражающемуся Китаю. Советские летчики-добровольцы непосредственно участвовали в воздушных боях, более 200 из них пали смертью героев в борьбе за независимость Китая.

Моральная, политическая, экономическая и военная помощь Советского Союза Китаю в его борьбе с Японией способствовала установле-

¹⁸ Подробно см.: А. М. Григорьев. Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов (1928—1930). — В кн.: Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 313—349.

нию союза гоминьдана с КПК, созданию единого национального антияпонского фронта китайского народа.

КПК укрепила свои позиции в китайском обществе и постепенно смогла создать важную территориальную базу — Особые районы со столицей в городе Яньань.

На основе братского союза КПК с международным коммунистическим движением, с СССР создавались условия для укрепления позиций народно-демократического движения в Китае при руководящей роли КПК.

Наряду с объективно благоприятными условиями для борьбы против японских оккупантов, сложившихся в результате установления союзных отношений КПК с гоминьданом, в руководстве КПК нарастали националистические тенденции, наметился отход от сотрудничества с международным коммунистическим движением. Такому способствовало базирование КПК в глубинных крестьянских районах, разрыв ее связей с промышленными центрами страны, с рабочим классом. КПК утрачивала характер пролетарской партии.

Гоминьдан воспользовался ослаблением позиций КПК и перешел в политическое и военное наступление. Военные столкновения между армиями гоминьдановского правительства и войсками, руководимыми коммунистами, привели к распаду единого антияпонского фронта.

Правительство Чан Кайши, выдвигая на первый план борьбу против народно-демократического движения, против коммунистов, во внешней политике вновь искало поддержки у империалистических держав и стало проводить антисоветскую политику.

Советский Союз в этих условиях не мог продолжать поставку вооружения чунцинскому правительству, поскольку гоминьдановцы пытались использовать его в гражданской войне против коммунистов.

Антисоветская политика гоминьдановского правительства ослабила усилия китайского народа в борьбе с японскими интервентами.

Националистический, антимарксистский курс Мао Цзэдуна не отвечал требованиям борьбы против японских оккупантов

В 1940 г. Мао Цзэдун выдвинул буржуазно-националистическую теорию «новой демократии», на неопределенное время отодвигавшую переход Китая к социализму, политическому строю пролетарской диктатуры, что означало полный отход от программных положений, принятых на I съезде КПК.

После нападения фашистской Германии на СССР Мао Цзэдун и его сподвижники приступили к изменению идейно-политической основы КПК, к разрыву с научным коммунизмом. Эти изменения происходили в условиях террористической кампании «исправления стиля», провозглашенной Мао Цзэдуном в феврале 1942 г. и сопровождавшейся третированием и физическим истреблением оппозиционных Мао Цзэдуноу коммунистов, насильственным устранением от руководства коммунистов-интернационалистов (Ван Миня, Бо Гу, Ло Фу и др.).

Отход от теории марксизма-ленинизма и политической практики партий научного коммунизма нашел отражение в итоговом документе кампании «чжэпфэн» — «Решении по некоторым вопросам истории КПК», подготовленном накануне VII съезда КПК (апрель 1945 г.).

VII съезд КПК основывал свои решения на доктрине Мао Цзэдуна «О новой демократии» и провозгласил «китанизированный марксизм» — «идею» Мао Цзэдуна — идеологией партии. Съезд ориентировал КПК на особый путь развития Китая и исходил из маоцзэдуновского тезиса о невозможности строительства социализма в Китае в течение нескольких десятилетий после изгнания японских оккупантов. Маоистское ру-

ководство КПК накануне полного разгрома германского фашизма и неминуемого поражения милитаристской Японии под различными предлогами уклонялось от сотрудничества с СССР, с международным коммунистическим движением.

После разгрома Советской Армией японских войск в Маньчжурии и оказания помощи Советским Союзом в восстановлении промышленности и транспорта в руках народно-демократических властей этого богатейшего края оказались вся крупная промышленность, транспорт, связь, банки, внешняя торговля, ранее принадлежавшие японцам. Созданная в Маньчжурии крупная военно-экономическая база имела не только важное значение для оснащения народно-освободительной армии, которая под руководством КПК добилась окончательной победы над силами реакции, но и явилась основой в создании государственного сектора народного хозяйства. Народно-демократическая администрация сосредоточила в своих руках не только политическую власть, но и важнейшие экономические рычаги, с помощью которых можно было эффективно влиять на всю экономику страны.

Таким образом, в Маньчжурии была заложена прочная основа для воплощения в жизнь ленинской идеи о возможности при содействии передовых социалистических стран перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Маоцзэдуновские же «новодемократические предвидения» потерпели крах.

«Непосредственное содействие Советского Союза, — верно отмечает О. Борисов, — политическому, военному и экономическому укреплению маньчжурской революционной базы — еще один яркий пример интернационализма КПСС, Советского государства. Значение и роль этой помощи, обеспечившей всестороннюю подготовленность базы к решающим боям, хорошо понимали китайские коммунисты-интернационалисты, особенно в партийных организациях Маньчжурии. Вот почему в ходе многочисленных кампаний в Китае была репрессирована значительная часть коммунистов-интернационалистов, прошедших боевую закалку в Маньчжурии»¹⁹.

Выход КПК в промышленные центры ставил перед партией задачу активизации ее деятельности в городах. II пленум ЦК КПК седьмого созыва, состоявшийся 5—13 марта 1949 г., принял решение о переносе центра тяжести работы партии из деревни в город и призвал во всей работе в городах опираться прежде всего на рабочий класс.

II пленум можно считать вехой коренного поворота КПК в определении социальной опоры партии (рабочий класс) и в определении путей дальнейшего развития Китая (социалистического, а не «новодемократического»).

Договоры и соглашения КНР с СССР и другими социалистическими странами о дружбе и взаимной помощи — важный фактор в утверждении марксистско-ленинской идеологии и политики в КПК

Опыт сотрудничества народно-демократических властей Северо-Восточного Китая с Советским Союзом, советская помощь в оснащении современным оружием маньчжурской группировки войск КПК, которая сыграла решающую роль в разгроме гоминьдановских армий, опиравшихся на военную поддержку США, убеждали китайских коммунистов, трудовой народ Китая в важности и необходимости для революционно-

¹⁹ См.: О. Борисов. Советский Союз и маньчжурская революционная база. М., 1977, с. 208.

го Китая тесного сотрудничества с СССР — главной опорой мирового социализма, с международным коммунистическим движением.

Заключенные в Москве советско-китайские договоры и соглашения отвечали интересам китайской революции, интересам СССР, всего мирового социализма. Эти документы основывались не только на признании равенства, независимости, но и на принципах взаимной помощи, отвечающих коренным интересам народов Советского Союза и Китая²⁰.

Еще более убедительной для народов Китая была практика выполнения договорных условий, в результате чего, как констатировал VIII съезд КПК, в Китае «социалистические преобразования одержали решающую победу... положен конец системе классовой эксплуатации, существовавшей в течение нескольких тысячелетий»²¹. Высоко оценивая роль Советского Союза и других социалистических стран в создании первичной основы социализма в Китае, VIII съезд КПК, определяя курс на дальнейший период, принял решение: «Продолжать укреплять и усиливать вечную и нерушимую братскую дружбу с Советским Союзом и всеми странами народной демократии... поддерживать социалистическое движение рабочего класса и трудящихся всех стран, укреплять интернациональную солидарность пролетариата всех стран»²².

Разрыв Мао Цзэдуна и его сторонников с социалистической генеральной линией КПК и его последствия для Китая

С конца 50-х годов Мао Цзэдун и его сторонники стали толкать КПК на путь подрыва принципов пролетарского интернационализма. Открыто идя на раскол с братскими коммунистическими партиями, выступая с положениями, идущими вразрез с генеральной линией международного коммунистического движения, руководители КПК продолжали прикрываться знаменем марксизма-ленинизма. В ходе международных совещаний коммунистических и рабочих партий, в частности московских совещаний 1957 и 1960 гг., китайские руководители пытались пропагандировать свои антимарксистские авантюристические планы.

Начиная с 1960 г. в китайской печати стали публиковаться статьи, направленные против КПСС и мирового коммунистического движения. В 1962 г. в решении X пленума ЦК КПК восьмого созыва Коммунистическая партия Советского Союза — правящая партия первого в мире социалистического государства — была официально названа «ревизионистской». Антисоветская направленность политики КПК была закреплена на XI пленуме ЦК КПК, состоявшемся в 1966 г. На XI съезде КПК в 1977 г. борьба против Советского Союза была узаконена в уставе партии.

Беспрецедентное нападение Китая на социалистический Вьетнам в начале 1979 г. и последовавшая вскоре за этим односторонняя акция пекинского руководства, заявившего о прекращении действия Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи с Советским Союзом, недвусмысленно свидетельствовали о дальнейшем отходе руководства КПК от принципов пролетарского интернационализма, о прямом попрании этих принципов. Об этом же говорят попытки китайского руководства создать в настоя-

²⁰ Подробно см.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков, Советско-китайские отношения. М., 1977, с. 10—103; М. И. Сладковский, История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917—1974. М., 1977, с. 190—228.

²¹ Материалы VIII съезда КПК. М., 1956, с. 470—471.

²² Там же, с. 482—483.

шее время антисоветский «широчайший единый фронт» для подрыва единства социалистического содружества и борьбы с Советским Союзом.

Идейно-теоретической основой современной КПК, согласно ее уставу, являются «марксизм-ленинизм-маоцзэдун'идеи». Хотя после смерти Мао Цзэдуна эти «идеи» постепенно корректируются и откровенно признаются ошибки, совершенные Мао Цзэдуном, однако его реакционные «идеи» под видом «квинтэссенции коллективной мудрости всей партии» по-прежнему являются идейно-политической основой партии. Пронсходящая в последние годы корректировка маоистских установок не меняет сущности идеологической платформы послемаоцзэдуновского руководства КПК — великоханьского шовинизма, гегемонизма и антисоветизма.

Принцип демократического централизма в уставе КПК провозглашен организационным принципом партии, однако провозглашение этого принципа не подкреплено действительным проведением его в жизнь. Годами и десятилетиями маоцзэдуновская группировка игнорировала важнейшие требования внутрипартийной жизни. В КПК не соблюдались выборность, подотчетность, принцип коллективного руководства, принцип подчинения меньшинства большинству и т. п. В результате в партии царят организационная неразбериха, хаос. Из 38 миллионов членов КПК приблизительно половина была принята после «культурной революции». У них «слабое» или «недостаточное», как говорится в китайской печати, представление о партии, они «не способны играть роль образцового авангарда». Основной контингент этой многомиллионной партии по-прежнему составляют крестьяне, на долю же рабочего класса приходится крайне незначительный процент, поскольку после «культурной революции» пополнение рядов КПК шло в основном за счет непролетарских слоев молодежи.

Некоторое представление о составе нынешней КПК, низком идейно-теоретическом уровне ее членов, разложении значительной части ее кадровых работников можно получить из документа ЦК КПК «О некоторых нормах внутрипартийной политической жизни», принятого на V пленуме ЦК КПК в феврале 1980 г. и рекомендованного для обязательного изучения и претворения в жизнь во всех партийных организациях²³. Тот факт, что в дополнение к уставу КПК на 59-м году существования партии потребовалось специально разработать документ, в котором разъясняются права и обязанности членов КПК, поясняются элементарные понятия, предписывается обязательность соблюдения тех или иных принципов, сам по себе свидетельствует о кризисном состоянии кадровой политики на современном этапе.

В последние несколько лет руководство КПК неоднократно обращалось к материалам VIII съезда КПК. Напомним, что программные положения, сформулированные VIII съездом КПК в 1956 г., в основе своей были марксистско-ленинскими и что они были попорчены маоцзэдуновской группировкой. Теперь руководство КПК решило воспользоваться высоким авторитетом решений VIII съезда в партии и в стране. С этой целью привлекаются отдельные положения из документов VIII съезда КПК: например, положения о соблюдении коллективного руководства, принцип демократического централизма, борьба с культом личности и др. Однако при этом предается забвению важнейшая часть решений VIII съезда, предусматривающая безусловное следование принципам марксизма-ленинизма (а не «идеям» Мао Цзэдуна) и пролетарского интернационализма, а также всемерное укрепление дружбы с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Это не простая забывчивость отдельных руководителей, а свидетельство того, что руководство КПК продолжает оставаться на позициях реакционно-националистического маоизма.

²³ См.: «Жэньминь жибао», 1, 15, 17.III.1980.

Определенные шаги, предпринятые в последние годы руководством КПК с целью наладить партийно-организационную жизнь, усилить дисциплину внутри партии, восстановить контрольные органы в руководящем аппарате партии, направлены вовсе не на искоренение принципиальных ошибок, промахов и недостатков, допущенных по вине Мао Цзэ-дуня и его приближенных. Эти шаги продиктованы чисто прагматическими интересами нынешнего руководства, заинтересованного в усилении партии как эффективного инструмента для реализации великодержавного курса «четырёх модернизаций».

Основным пороком деятельности руководства КПК является то, что все процессы — даже, казалось бы, позитивные меры, принимаемые в последние годы, — проходят на основе маоизма, от которого руководство партии не отказывается. До тех пор пока в основе деятельности КПК будет лежать маоизм, невозможно ожидать действительного оздоровления внутривнутрипартийной жизни и возвращения КПК на марксистско-ленинский путь развития.

«Во внутренней политике Китая, — говорилось в докладе товарища Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС, — происходят изменения. Истинный смысл их еще покажет время. Оно покажет, в какой мере нынешнему китайскому руководству удастся преодолеть маоистское наследие»²⁴.

Советские коммунисты, советский народ не теряют надежды и верят в то, что Коммунистическая партия Китая сможет преодолеть тяжелое маоистское наследие и вновь встанет на путь неуклонного следования принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

²⁴ «Правда», 24.11.1981.

Исламская карта Пекина

М. Я. Сушанло,
доктор исторических наук

Действия китайской дипломатии в арабском мире свидетельствуют о попытках Пекина использовать исламские государства в качестве еще одного инструмента своей гегемонистской стратегии. Пекин ставит перед собой задачу создать в ближайшие годы целостную систему политических, военных, экономических и других связей Китая с исламскими странами и региональными организациями. С этой целью китайское руководство пытается все активнее вовлечь в эту деятельность мусульманскую общину в Китае, тщательно при этом маскируя действительное отношение маоистов к этой части населения страны в прошлом и настоящем.

...Ислам проник в Китай еще в VII в. Его носителями были арабские и персидские купцы, которые посещали приморские города юга страны. Морские торговые пути в арабские страны начинались в южных районах Китая. Приезжая в Китай, арабы и персы (китайцы их называли людьми из государства Даши) создавали в приморских городах Китая торговые колонии, строили свои мечети и могли решать все бытовые и религиозные вопросы в соответствии с установлениями ислама. Первая мусульманская мечеть в Китае («Гуантасы») была построена при Танской династии (618—907) в Гуанчжоу, позже в Ханчжоу воздвигнута вторая мечеть — «Фэнхуансы».

Проникал в Китай ислам и сухопутным путем — через Среднюю Азию, Восточный Туркестан.

Новая волна распространения ислама на северо-западе Китая была связана с завоевательными походами монголов в арабские страны (в Центральную и Персидскую Азию). После их покорения монгольские завоеватели организовали специальные отряды из мусульман для покорения Китая (период династии Сун). Эти отряды, или армии, под названием «вэйцзюнь» («охранная войска»), «цинъ цзюнь» («гвардия») и хуэйхуэйцзюнь («мусульманская армия») помогали монголам в походах против Южносунской династии в Китае.

Монголы после покорения Центральной и Передней Азии насильственно переселяли мусульманское население на Восток, в Монголию и Китай. Известно, что к агрессивной монгольской армии присоединилась местная мусульманская аристократия, помогавшая монголам в осуществлении захватнических походов. После покорения Китая многочисленные войска из представителей мусульман Центральной и Передней Азии были дислоцированы по всей стране, особенно много их было в районах северо-запада империи. Они расселялись в специальных поселениях и использовались для охраны больших городов и путей сообщения.

Монгольские ханы использовали ислам для проведения политики активного экспансионизма. Хубилай, покоря народы южных районов Китая, прибегал к помощи мусульманского мира Средней Азии. Много позже первые цинские императоры также прибегали в период покорения Китая в западных районах к услугам «хуэйхуэйцзюнь». В то же время именно Цинская династия в Китае систематически провоцировала религиозную вражду между китайцами и народами, исповедовавшими исламскую религию. В 60-е годы XIX в. разжигалась настоящая антиисламская истерия, когда в стране происходило множество антицинских восстаний мусульманских народов и когда дунгане и уйгуры свергли маньчжуро-цинскую власть в провинции Юньнань и на обширных территориях северо-запада империи. Преследование мусульман под предлогом защиты Цинской династии стало в определенных кругах синонимом защиты китайского правления вообще.

Гоминьдановские милитаристы, китайские националисты всех мастей, в том числе маоисты, осуществляли, в общем, ту же политику по отношению к мусульманским народам Китая, что и цинские императоры. Мусульманские народы Китая в 20-х и 30-х годах XX в. испытывали те же формы и методы давления и угнетения, что и при Цинской династии. А маоисты развернули политику великоханьского шовинизма по отношению к мусульманским народам Китая с целью их ассимиляции. Средства массовой информации КНР в 60-х годах стали открыто призывать к слиянию некитайских народов, в том числе и мусульманских, с китайцами. Журнал

«Синьцзян хунци» писал следующее: «Китайцы составляют 94 % населения страны, и с точки зрения политического, экономического и культурного развития они являются более передовыми. Поэтому слияние национальностей должно осуществляться на основе одной национальности. Говоря о Китае, таким образом должны быть китайцы»¹. «Кто выступает против такой ассимиляции, тот выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма», — вторила газета «Синьцзян жибао»².

В 60-х годах началось преследование национальных обычаев и традиций неханьских народов под предлогом борьбы с «феодальной культурой». Такая политика маоистов являлась, по существу, продолжением национальной дискриминации, которая усиленно проводилась при Цинской династии и в условиях гоминьдановского режима. Тогда, как известно, в районах с некитайским населением происходили сотни народных восстаний. Только в провинции Синьцзян и в районах компактного расселения дунган в последние сто лет произошло более 400 народных восстаний. В маоистском Китае в 50—70-х годах произошел также ряд серьезных народных волнений. В ходе восстания народов провинции Цинхай, направленного против невыносимого маоистского режима, погибли сотни тысяч дунган, саларов, дунсян, тибетцев, казахов и др. Бесчинства маоистских молодчиков — хунвэйбинов и цзаофаней — оставили самые черные страницы в истории неханьских народов Китая. Молодчики из отрядов хунвэйбинов и цзаофаней по призыву самого Мао физически уничтожали представителей интеллигенции неханьских народов, превращали мусульманские мечети, ламаистские монастыри в казармы для своих отрядов, в стойла для животных. Многие мусульманские мечети и ламаистские монастыри были сожжены или разрушены, а представители мусульманского духовенства подверглись преследованиям.

Маоисты глумились над культурными памятниками, жгли священные книги мусульман и труды мусульманских богословов Китая.

...И вот сегодня пекинские гегемонисты стали заигрывать с арабскими странами, используя «исламскую карту». Маоисты и их последователи усиленно рекламируют как у себя дома, так и за рубежом китайские издания Корана и других мусульманских сочинений. В пекинской мечети «Дунсы», гуанчжоуской «Гуантасы» устроены постоянно действующие выставки книг мусульманских богословов Китая. Средства массовой информации Китая стали афишировать мечеть «Гуантасы» и пекинскую мечеть на улице Ньюцзе как древние арабские памятники на территории Китая. Реклама сопровождается заверениями о бережном отношении к этим памятникам, святыням мусульман в Восточной Азии. Более того, главный имам «Дунсы» в Пекине аль-хаджи Ань Шивэй (член бюро Всекитайского комитета НПКСК и депутат ВСНП) является основным глашатаем среди верующих мусульман Китая и за рубежом идей маоистской пропаганды о том, что только Китай разделяет чаяния мусульманских народов и способствует их борьбе с «неверными», подражая прежде всего СССР и страны социалистического содружества.

В Китае спешно ликвидируют следы хунвэйбиновских погромов мусульманских мечетей и других священных мест. Преемники Мао стали шумно призывать верующих мусульман к сохранению исламского культурного наследия. Вина за все перегибы в отношении ислама свалена на «банду четырех» и Линь Бяо. В Пекине, Тяньцзине, Гуанчжоу, Сиани стала широко рекламироваться мусульманская кухня, а мечети в этих городах заметно активизировали свою деятельность. В средствах массовой информации Пекина стали появляться публикации о жизни и культуре мусульманских народов Китая. По их данным, в КНР сегодня проживает свыше 13 млн. мусульман (6 млн. дунган, 6 млн. уйгуров, 800 тыс. казахов, 170 тыс. дунсян, 100 тыс. киргизов, десятки тысяч таджиков, татар, узбеков, саларов, баоань, то есть десять народностей Китая, исповедующих или исповедовавших исламскую религию).

По сообщениям китайской печати, весной 1980 г. в Пекине проведена Всекитайская конференция представителей народов, исповедующих ислам, которая проходила в духе стратегической линии Пекина в отношении арабского мира. С докладом выступил аль-хаджи Бурхан, который признал, что в недавнем прошлом имели место надругательства над мусульманскими святынями и физическое уничтожение служителей мусульманского культа.

В Пекине даже вспомнили известное высказывание Мао Цзэдуна о пророке Мухаммеде: «Он покори мир, держа Коран в левой руке и саблю в правой». Ислам понадобился сегодня для того, чтобы использовать нестабильность в арабском мире для борьбы против авторитета СССР и идей социализма.

Пекинские лидеры стали на путь широкого покровительства и финансовой поддержки Общества исповедующих ислам, созданного в 1953 г. с центром в Пекине, во главе которого сегодня вновь номинально стоит Бурхан. Многие члены мусульманского общества в Пекине являются негласными советниками государственных деятелей Китая. Общество играет заметную роль в установлении различных кон-

¹ «Синьцзян хунци», 1960, № 3.

² «Синьцзян жибао», 21.III.1960.

тактов с исламским миром. Частыми гостями его стали послы мусульманских стран, аккредитованные в КНР. По инициативе Общества исповедующих ислам только в 1980 г. была достигнута договоренность с 19 странами об обмене «исламскими делегациями». Оно посылает делегации в страны исламского мира для установления и усиления политических связей с целью навязывания «общей линии» борьбы против социалистического содружества. Особенно показательны связи общества с Пакистаном, Египтом и Саудовской Аравией. Пекинские гегемонисты поддерживают самые реакционные религиозно-террористические организации в исламском мире, например «Джамаат-и-Ислами» («Братья-мусульмане») и др.

Эмиссары из Пекина в арабском мире занимаются подстрекательством и клеветой на СССР и страны социалистического содружества, а также созданием пропекинских подрывных экстремистских группировок. Пекинское руководство финансирует деятельность прокитайских мусульманских группировок в Пакистане, Египте, Турции, Афганистане, Иране, Бангладеш, Индонезии, Малайзии, Индии и в других странах.

Пекин поддерживает и укрепляет связи с правительствами таких арабских стран, как Оман, Бахрейн, Кувейт, Судан, Сомали, и, конечно, с египетским президентом Садатом. Пекинская политика в этом регионе полностью совпадает с политикой западных стран, и в первую очередь с политикой Вашингтонской администрации. Подход Пекина к событиям на Ближнем и Среднем Востоке показывает, что китайские лидеры идут в ногу с империалистами. Они выступают поборниками единства интересов капиталистических стран в этом богатом нефтью регионе, сожалеют о распаде блока США и бывшего шахского режима, служившего целям подавления национально-освободительного движения в исламских странах.

В отношении иранской революции пекинские лидеры занимают двучленную позицию. Они пытаются столкнуть руководство этой страны в антисоветское русло. Подыгрывая американским ультра, китайская пропаганда утверждает, будто в обострении ситуации здесь виноват Советский Союз. Пекин вкупе с Соединенными Штатами не раз пытался свалить вину за обострение напряженности в районе Среднего Востока на Советский Союз. Теперь, комментируя вооруженный конфликт между Ираном и Ираком, агентство Синьхуа не преминуло воспользоваться затасканным тезисом о «руке Москвы». Чтобы не ослаблять связи с Ираном и мусульманским миром, Пекин время от времени делает реверансы в адрес Тегерана, при этом прибегает к помощи высшего мусульманского духовенства в Китае, и прежде всего руководства вышеупомянутого Общества исповедующих ислам. В начале 1980 г. китайская пресса информировала о приемах в честь иранских религиозных деятелей в мечетях Пекина, Гуанчжоу, Сиани и других городов Китая³.

Выступая с Отчетным докладом ЦК КПСС XXVI съезду партии, товарищ Л. И. Брежнев заявил: «В некоторых странах Востока за последнее время активно выдвигаются исламские лозунги. Мы, коммунисты, с уважением относимся к религиозным убеждениям людей, исповедующих ислам, как и другие религии⁴. Главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги⁴. А китайские руководители, как известно, поддерживают прежде всего те исламские лозунги, которые отвечают их глобальной стратегии борьбы против Советского Союза и других социалистических стран, вообще против мирового революционного движения.

Весьма показательное отношение Пекина к событиям вокруг Афганистана, где имеет место, по существу, открытое военное вмешательство во внутренние дела ДРА. Маоисты стали вооружать различных отщепенцев и главарей бандитских шаек, которые под лозунгами ислама ведут борьбу против «неверных» афганцев. Сегодня на территории Китая, в Синьцзяне, создано пять опорных бандитских антиафганских баз, а средства китайской массовой информации ведут враждебную клеветническую антиафганскую кампанию в унисон с империалистической пропагандой.

Тон в антиафганской кампании задают официальные выступления маоистских руководителей, при этом они пользуются не только собственными сконструированными в Пекине антисоветскими тезисами и сюжетами, но и охотно заимствуют бредовые измышления о «советской угрозе», растущей «агрессивности Москвы» и т. п. у наиболее реакционных деятелей США и других империалистических стран. Ливанская газета «Ас-Сафир» справедливо писала 22 января 1980 г.: «Открытое вмешательство Китая в афганские дела осложняет обстановку во всем регионе и подтверждает агрессивность курса пекинского руководства, которое пытается превратить Афганистан во вторую Кампучию... Пекин полностью сомкнулся с Соединенными Штатами и сегодня выступает в едином строю с силами реакции и агрессии против социализма и демократии⁵. Выступая в Пакистане в начале 1980 г., министр иностранных дел КНР Хуан Хуа обещал «афганским освободителям» поддержку в их «борьбе» против демократического Афганистана не только от имени официального Пекина, но и даже от имени тех народностей КНР, которые исповедуют ислам.

³ См.: «Чжунго», 1980, № 1, с. 6.

⁴ «Правда», 24.II.1981.

⁵ Цит. по: Правда об Афганистане. М., 1980, с. 76.

Необъявленная война против ДРА, в которой одну из главных ролей играет Пекин, справедливо рассматривается прогрессивной общественностью как составная часть политики китайского экспансионизма в Азии. Сразу же после образования ДРА пекинские лидеры стали активно вмешиваться во внутренние дела соседнего государства. Для того чтобы вернуть утраченные позиции в этом районе Азии, они не брезговали сотрудничеством со ставленником американского империализма бывшим шахом Ирана. Так, в ходе своего официального визита в Тегеран в 1978 г. председатель КПК, тогдашний премьер Госсовета КНР Хуа Гофэн предложил иранскому шаху предпринять совместные действия с целью «помешать консолидации нового афганского режима». Высокопоставленные деятели Пекина и Вашингтона постоянно обсуждают вопросы координации антиафганских действий.

15 декабря 1980 г. в Пекине состоялась пресс-конференция заместителя министра иностранных дел Китая Хань Нянлуна для иностранных журналистов. Отвечая на вопрос, поставляет ли Пекин оружие бандитским формированиям, засылаемым в Афганистан извне, он дал утвердительный ответ, цинично заявив, что де китайское руководство считает оказание такой «помощи» своим «долгом». Тем самым представитель Пекина официально подтвердил, что Китай участвует в подрывной деятельности против ДРА.

Пекин по-прежнему делает основную ставку в этом регионе на Пакистан. Он активно использует эту страну не только для оказания помощи контрреволюционным силам в Афганистане, но и для долговременного давления на Индию. Стремление пакистанской военщины заполучить ядерное оружие также опирается на пекинскую поддержку.

Индия проявляет обоснованное беспокойство растущей активностью Пекина, Вашингтона и Исламабада в связи с афганскими событиями. Причем сегодня Пекин ради ослабления позиций Индии на субконтиненте, в азиатском регионе, в движении неприсоединения тратит громадные суммы на содержание и обучение в Тибете бандитских отрядов из представителей неханьских народов Юга Китая, этнически близких некоторым народам Индии, ведущих провокационную деятельность вдоль границы и внутри Индии.

Генеральный секретарь Национального совета Компартии Индии товарищ Раджешвара Рао на XXVI съезде КПСС заявил: «Вместе с американскими правителями китайские лидеры вооружают до зубов режим Зия-уль-Хака. Они оказывают всестороннюю поддержку мятежным сепаратистским силам на северо-востоке Индии, создавая тем самым угрозу единству нашей страны»⁶.

Политика Пекина вредна и опасна для азиатских стран и народов Азиатского континента, где проживает более половины населения земного шара, которому в наследие достались сложные экономические и социальные проблемы, где особенно нужны мирное сотрудничество и добрососедство. Поэтому Советский Союз неизменно и последовательно выступает за установление прочного мира и безопасности в Азии совместными усилиями азиатских государств. «Вся наша миролюбивая внешняя политика, завещанная нам великим Лениным, направлена на избавление человечества от угрозы войны. И это находит свое выражение в наших конкретных делах, в наших конструктивных инициативах», — подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев, выступая 30 сентября 1980 г.⁷

Трудящиеся массы в азиатских странах, в том числе и прогрессивные мусульманские круги, давно уже поняли истинные намерения Пекина в Азии и цели его заигрывания с исламом. В интервью испанской «Паис» Абдул Азиз Садек, председатель Совета мулл Афганистана, сказал: «Мусульмане должны противостоять всяческим попыткам... империализма и пекинских гегемонистов вовлечь их в эту новую «холодную войну» под маской защиты ислама»⁸.

Сама действительность опровергает маоистские концепции. Внешнеполитические идеи маоизма идут вразрез с магистральными тенденциями современного политического развития в мире. В борьбе между силами прогресса и реакции, как известно, маоисты заняли сторону империалистических стран, что предопределяет крушение их международной стратегии, несмотря на всю сложность ситуации в сегодняшнем мире.

Простым людям земли, в том числе и мусульманам, исламскому миру, нужны разрядка, мирный климат, взаимопонимание и доверие вне зависимости от социально-политических систем их стран. Этот идеал человечества подтвердили участники Международной конференции мусульманского духовенства, проходившей в Ташкенте под девизом «XV век хиджры должен стать веком мира и дружбы между народами».

Вместе с другими массовыми движениями и общественными организациями авторитетные представители мусульманских кругов, принимавших участие в работе Всемирного парламента народов за мир (София, 1980), были единодушны в своем стремлении бороться против военной опасности, за прекращение гонки вооружений, за сохранение и углубление разрядки.

⁶ «Правда», 26.II.1981.

⁷ «Правда», 1.X.1980.

⁸ Цит. по: Правда об Афганистане, с. 171.

КУЛЬТУРА И НАУКА

Достижения науки Народной Монголии

*Б. Ширендыб,
президент Академии наук МНР*

Одним из важнейших результатов Народной революции в Монголии стало интенсивное развитие научных исследований. Оно тесно связано с процессом социально-экономических преобразований и практикой экономического и культурного строительства в МНР. Сразу же после победы Народной революции, в ноябре 1921 г., в стране, до этого не имевшей науки, было создано первое научное учреждение «Судар бичгийн хурээлэн» — «Книжная палата». Его костяк составила небольшая группа образованных людей.

Народное правительство с первых дней своего существования направило усилия научных работников на овладение достижениями современного мирового научно-технического прогресса в тесном сотрудничестве с наукой братской Советской страны, а затем в сотрудничестве со странами социалистического содружества, учеными и научными учреждениями многих стран мира.

Потребности социалистического строя в научных исследованиях в области общественных, естественных и технических наук определили возникновение существующей организационной системы научных учреждений и главные направления научно-исследовательских работ. В число научных учреждений страны ныне входят академические институты и лаборатории, кафедры вузов, объединяющие квалифицированные преподавательские кадры, и институты прикладных исследований при министерствах и ведомствах. Каждая составная часть этой системы представляет собой определенное звено в общей схеме организации науки и в то же время осуществляет свои специфические функции.

Академия наук МНР осуществляет в содружестве с учеными СССР и других социалистических стран фундаментальные и прикладные исследования по важнейшим направлениям в области математики, физики, техники, химии, геологии, географии, биологии, ботаники, экономики, философии, права, истории, филологии.

Необходимость овладения теорией и современной методологией науки, недостаточная изученность богатейших ресурсов обширной территории страны и тенденции социально-экономического развития социалистического общества определяют основные направления проблематики и выбор тематики в научных исследованиях институтов АН МНР.

Так, в области теоретической и прикладной физики ведется теоретическое и экспериментальное изучение механизмов взаимодействия элементарных частиц и ядер атомов при высоких энергиях, осуществляется исследование процессов, происходящих на Солнце, идет разработка методов применения достижений современной науки в области ядерной физики для определения состава медно-молибденовых, вольфрамовых и полиметаллических руд, а также для обогащения руд цветных металлов и редких элементов, создаются научные приборы и аппаратура.

Коллектив Института математики совершенствует систему математического обеспечения, позволяющую эффективно использовать ЭВМ для проведения научных исследований и обработки различных информационных данных.

Совместные исследования советских и монгольских ученых в области органического синтеза открывают возможность создания новых типов биостимуляторов, необходимых для сельского хозяйства.

В результате творческого использования научного метода советских ученых нами получены новые сорта яровой пшеницы (М-99 и М-167), которые, как показали испытания, дают зерна больше и созревают на 7—10 дней раньше по сравнению с использовавшимися ранее сортами.

Экспериментальное изучение генетических факторов местного крупного рогатого скота, яков и монгольских овец дало нашим ученым возможность разработать методологию улучшения породных качеств сельскохозяйственных животных путем скрещивания географически отдаленной популяции с местными породами. Ими установлена также закономерная зависимость прироста маточного поголовья скота от соблюдения научно обоснованной возрастной структуры в стаде.

Разработаны пути комплексного использования полезной и дикорастущей флоры для получения из них новых видов пищевых продуктов и препаратов с высокой биологической активностью. Ботаниками разработана классификация типов лесных ресурсов МНР, выявлены закономерности их восстановительных процессов и исследована их товарная структура.

Ученые-геологи МНР в сотрудничестве с советскими учеными провели важные теоретические и экспериментальные исследования в области образования и распределения геологических структур, с которыми связаны такие важнейшие виды полезных ископаемых, как фосфориты, бокситы, железо, марганец, золото и др. Это дало возможность сформулировать структурно-формационную основу для составления металлогенической карты МНР, имеющей практическое значение для успешных поисков и прогнозирования месторождений полезных ископаемых. Обширные регионально-геологические исследования, проведенные в различных районах страны, позволяют создать тектоническую карту МНР. Геолого-геохимические исследования, проведенные в ряде рудоносных районов, дают возможность выявить геолого-структурные характеристики, состав и особенности рудных формаций таких полезных ископаемых, как медь, молибден, олово, вольфрам, флюорит, редкоземельные элементы и др.

В результате совместной работы советских и монгольских палеонтологов подтвержден вывод, что Центральная Азия в конце мезозоя становится одной из крупнейших областей формирования и развития многих групп древнейших позвоночных.

На основе исследований, проведенных при участии советских ученых-почвоведов, впервые разработана общереспубликанская классификация почв с разделением их на 35 типов, подтипы, роды и виды.

Ученые МНР ведут углубленные научные исследования по широкому диапазону проблем и вопросов, причем в центре их внимания находится связь науки с практикой, реальная ценность научных изысканий для жизни, для дальнейшего развития производства.

Изучение многих полезных видов растительного сырья химиками, ботаниками и фармакологами дает возможность изготавливать новые лечебные препараты органико-минерального происхождения. Микробиологами получены высокоактивные препараты витамина В¹², провитамина А.

Экономисты разрабатывают узловые проблемы эффективности общественного производства, использования механизмов действия эко-

номических законов социализма на нынешнем этапе развития МНР и др.

Разработанная Институтом развития и размещения производительных сил при Госплане и Академии наук МНР Генеральная схема развития и размещения производительных сил МНР на период до 1990 г. является первым крупным комплексным научным исследованием, отражающим важнейшие результаты научно-исследовательских работ как фундаментального, так и прикладного характера.

Философы и юристы исследуют проблемы совершенствования социалистических общественных отношений, социальной структуры МНР, формирования и утверждения социалистического образа жизни и правового регулирования народного хозяйства и др.

Основными результатами исторических исследований за минувшую пятилетку было завершение таких крупных фундаментальных коллективных трудов, как «История советско-монгольских отношений», третье, дополненное и переработанное, издание однотомника «История МНР», «Некапиталистический путь развития МНР и рабочий класс», «Формирование социалистического быта МНР», «Цивилизация кочевых народов Центральной Азии» и др.

Филологи изучают важнейшие вопросы монгольского языка и литературы, а также взаимосвязи литературы и искусства Монголии с литературой некоторых народов Советского Союза, Индии и Тибета.

С образованием в 1967 г. международной организации «Интеркосмос», имеющей задачу изучения и использования космического пространства в мирных целях, при Академии наук МНР был создан Национальный координационный совет. Участвуя в программе «Интеркосмос», он подготовил с помощью советских научных учреждений группу монгольских специалистов по главнейшим направлениям космической науки. Специалисты космических исследований АН МНР постоянно принимают участие в мероприятиях «Интеркосмоса» по космической физике, технике, связи, геологии, биологии и медицине. Представитель монгольского народа Жугдэрдэмидийн Гуррагча принял участие в совместном полете с советскими космонавтами по околоземной орбите на борту орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз Т-4» — «Союз-39».

В ходе этого успешного совместного полета монгольского и советских космонавтов проведены физико-технические, технологические, геологические и медико-биологические эксперименты. В том числе исследование поляризации солнечного света с использованием прибора ВПА-1м, разработанного советскими и монгольскими специалистами, эксперименты по определению мощности потока и состава ядер космических лучей за пределами атмосферы; спектрометрические исследования контрастных объектов из круга физико-технических экспериментов представляют собой продолжение исследований, ранее проведенных по этой теме. Из технологических экспериментов следует отметить выяснение оптических свойств кварца в космических условиях и некоторые другие. Ряд технологических экспериментов, в частности фотографирование геологических объектов Хубсугульской рифтовой зоны, разломов северо-западной части Монголии, рудной зоны некоторых районов, основных зональных типов пастбищ МНР, и другие, несомненно, представляют большой научно-практический интерес.

По случаю исполняющегося в 1981 г. 60-летия Народной революции и 20-летия Академии наук МНР сотрудники АН МНР выражают сердечную благодарность ученым Советского Союза в лице Академии наук СССР за плодотворное научное сотрудничество, за дружескую помощь, оказываемую в проведении научных исследований и в подготовке научных кадров.

Театр на службе «четырех модернизаций»

И. Фессен-Хеньес (ГДР)

Театральная жизнь осени 1979 г. в Пекине во многом напоминала время перед «культурной революцией»: современные оперы и балетные постановки, исторические пьесы и современная драма в пестром многообразии сосуществовали со спектаклями традиционного музыкального театра. Ставились и пьесы, появившиеся до «культурной революции» и проходившие с большим успехом: «Разжалование Хай Жуя» У Ханя или «Се Яохуань» Тянь Ханя. Однако параллелизм был только внешним. Это не было простое возвращение к периоду до «культурной революции». В театре не могли забыть то время, когда объявление вне закона пьес «Разжалование Хай Жуя» и «Се Яохуань» положило начало беспрецедентному гонению на ученых и писателей, драматургов и композиторов, актеров и певцов, деятелей культуры разного рода — и все это было цинично названо «культурной» и к тому же «революционной». В театре число жертв «культурной революции» было особенно велико, многие погибли в конце 60-х годов (Лао Шэ, Тянь Хань), многие умерли в начале семидесятых годов, а выжившие остались с тяжкими увечьями, как, например, известный кинодраматург Ся Янь, которому было отказано в медицинском лечении после того, как во время пыток ему сломили ногу.

Причина этой опустошающей катастрофы, которая обрушилась на театральную жизнь Китая, заключалась прежде всего в том, что национал-экстремисты стремились использовать театр как орудие и арену борьбы за власть. Они бесцеремонно устранили тех его деятелей, которые не поддержали сразу же их линию, а все, что было прежде, объявляли «враждебным партии и народу», прогнившим, на развалинах которого следует соорудить «образцовые пьесы» с единственной задачей восхваления линии Мао Цзэдуна и калейдоскоп его сиюминутных лозунгов. Так «победила» та тенденция, которая все больше стала выявляться в общей культурной политике, и особенно в сфере искусства театра и кино, со времени речей Мао о литературе и искусстве 1942 г. в Яньани. Искусство театра и кино, которое в Китае вследствие низкого уровня образования и массовой неграмотности приобрело особую роль в воспитании и просвещении, было поставлено на службу маонистской пропаганде и использовано для разъяснения и иллюстрации текущих политических акций, чтобы в конце концов сделать его непосредственным инструментом в борьбе за власть. Разумеется, это означало конец всякой творческой деятельности в области искусства.

Удивительно, казалось бы, как масса актеров традиционного ампула могла много лет сохранять свое искусство, не имея возможности ни репетировать, ни выступать. Между тем многие актеры и театральные коллективы, которые выжили, оказались в состоянии сравнительно быстро вернуться к прежним постановкам. Однако при более внимательном рассмотрении становится ясно, что лишь немногие действительно возродили свое искусство, что повсюду нет смены, а профессиональное мастерство на крайне невысоком уровне. Нужно очень много энтузиазма и энергии, чтобы восполнить, да и то не сразу, ту огромную брешь, которую образовало с 1966 г. в театральной жизни КНР «культурное варварство». И все же то, что на сцене идет множество старых и новых, традиционных и современных пьес с их животрепещущими проблемами, — это, конечно, прогресс по сравнению с 1976—1977 гг., прогресс еще и потому, что проблемы эти затрагивают не только вопрос о разрыве с недавним прошлым, но и вопрос о будущем, вопрос о дальнейшем пути Китая, о лучшей жизни для трудящегося человека.

Свержение так называемой «банды четырех», «разоблачение ее преступлений» были наиболее важной темой на сцене, которая вначале преподносилась привычным способом, как интерпретация текущей политической линии. Попытки более глубокого изображения «банды четырех» не могли привести к серьезному успеху, так как ответ на вопрос, как все это могло произойти, надо было искать вне поведения «банды четырех». Осенью 1979 г. в Пекине шла пьеса, поставленная одним армейским театральным коллективом из Гуанчжоу. Она вызвала особый интерес, так как «банда четырех» была представлена на сцене во плоти и в полном составе. Речь

идет о пьесе «Шэньчжоу фэньлэй»¹ («Гроза над Китаем»), в которой отражены события в штабе Гуанчжоуского военного округа в период между устранением Линь Бяо в сентябре 1971 г. и свержением «банды четырех» в октябре 1976 г., в числе которых было посещение Цзян Цин американской женщиной-историком Р. Уитке в Гуанчжоу в 1972 г. Пьеса не давала зрителям никакой новой информации, так как уже были достаточно широко известны изображенные в ней способы борьбы за власть между маонистами. Поразило меткое актерское воплощение пресловутых четверых властителей. На редкость удачно была схвачена и передана манера держаться, характерная жестуляция Цзян Цин прежде всего, а также Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня и Ван Хунвэня, причем настолько ярко, что это сделало бы честь любому артисту-имитатору. Если бы речь не шла о таких горьких и серьезных вещах, можно было бы просто наслаждаться игрой актеров, и зрителей забавляло чрезвычайное сходство с женой Мао, они смеялись над «лакеями» четверки, но ничего более. Это была одна из самых поверхностных пьес, шедших в то время. Впрочем, отсутствие глубины было свойственно и пьесам, которые представляли на сцене Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая или других «вождей». Появление этих лиц в пьесах препятствовало более глубокому изображению действительных противоречий прежде всего потому, что они по-прежнему изображались как чистые, безгрешные, стоящие выше всякой критики, неприкосновенные «сверхчеловеки», а «банда чегырей» — как воплощение всех зол. И все же, несмотря на все противоречивые суждения, эти пьесы заменили собой «образцовые спектакли».

Широкие и порой далеко идущие дискуссии о проблемах современности привели к появлению целого ряда спектаклей, непосредственно посвященных вопросам «борьбы за четыре модернизации». Это имело место в пьесах «Вэйлай цзай чжаохуань» («Будущее зовет»), «Баочуньхуа» («Вестники весны») и «Цюань юй фа» («Право и закон»). Действие «Вэйлай цзай чжаохуань» и «Баочуньхуа», так же как и очень популярного осенью 1979 г. рассказа «Директор Цяо берет за себя руководство заводом» Цзян Цзылуна², происходит на промышленном предприятии и изображает проблемы борьбы за подъем производства в поисках путей и методов достижения «модернизации». В обеих пьесах отражены и возникающие при этом противоречия между вновь назначенными, только что реабилитированными старыми кадрами, которые полностью отдают себя делу увеличения эффективности хозяйствования в духе «курса на модернизацию», и теми, кто до их прихода занимали эти посты и выступают ныне против «экономического» стиля. Поборникам «модернизации» приходится вести упорную борьбу не против так называемых заурядных «выкорышей банды четырех», но чаще против субъективно честных членов партии, которые неизменно придерживались официальной линии партии и которых нельзя было ни в коем случае обвинить ни в каких политических ошибках в отношении этой линии, но которые теперь опасались, что будут устранены «рационализацией революции» и «идеологии», новым стилем, который принимает во внимание только факты, конкретные результаты работы, качество и экономичность. В ходе дискуссии эти кадры или постепенно перевоспитываются, или отстраняются. В то же время зрителю дают понять, что это — борьба против обычаев и норм, установившихся в течение многих лет, борьба, которую нельзя выиграть штурмом. Однако у критически настроенного наблюдателя эти пьесы вызывают гораздо более серьезные вопросы. Несомненно, критическая оценка реальной действительности, ее фактических проблем и противоречий в литературе и особенно в театре являются большим прогрессом по сравнению с периодом до 1977 г. Зрителю дается понять, что авторы этих пьес обосновывают необходимость изменений прежде всего с позиций трудящихся и их жизненных интересов. В то же время эта перемена, обращенность к внутреннему положению страны, непосредственным нуждам народа и его требованиям избавить страну от экстремистских методов «культурной революции» является весьма умеренным шагом вперед. Вопрос о цели «курса на модернизацию» в плане общей политики сегодняшнего пекинского руководства либо вообще обходится, либо сопровождается туманными ссылками на необходимость «укрепления Китая». Создается впечатление, что авторы закрыли глаза на то, что руководство КНР стремится направить «модернизацию» прежде всего на цели проведения гегемонистской и великодержавной политики в мировом масштабе. И хотя поднят вопрос о будущем Китая, ответ неизменно дается только в духе официальных документов: Китай должен придерживаться «социализма, марксизма-ленинизма, идеологии Мао Цзэдуна». Осуществление «четырех модернизаций» предстает конечной целью, гипотетическим пунктом, к которому направлено все без обдумывания характера пути и принципиального содержания программы.

¹ Эта пьеса — коллективное произведение, причем среди двух названных ведущих авторов значится Цзинь Цзинмай, автор маонистского «образцового романа» «Оуян Хай чжи гэ» («Песня об Оуян Хас»), рисующего образ солдата типа Лэй Фэна (1965).

² См.: «Жэньминь вэньсюэ», 1979, № 7. Первая премия за лучший рассказ 1979 г. («Жэньминь жибао», 27.III.1980).

О чем говорится в «Вэйлай цзай чжаохуань» («Будущее зовет»)³? В одном из филиалов авиационного объединения застопорилась работа по производству военного самолета из-за низкого качества некоторых деталей, производимых в данном объединении. Секретарь парторганизации головного предприятия Лян Яньмин лично отправляется в филиал, чтобы выяснить причины. Он только недавно на этом посту, много лет провел в «стойле для скота» (как называют в Китае подобного рода заведения для «перевоспитания» физическим трудом ссыльных партийных работников). В финале он встречает своего старого друга и соратника времен войны Юй Гуаньюня, который с давних времен работает здесь партийным секретарем.

Лян с изумлением узнает, как осторожно и с проволочками работает на заводе Юй над преодолением старой установившейся традиции, как мало он прислушивается к мнению рабочих, как равнодушен к судьбе все еще не реабилитированных жертв «культурной революции», как недоверчиво относится к новой «экономической» линии. Лян требует полного включения всех имеющихся кадров в работу по выполнению заданий, по улучшению качества продукции. У Юя, напротив, много сомнений и предубежденности, в том числе и против вновь назначенного, вернувшегося из-за границы главного инженера, отличного специалиста Чэня.

Лян добивается реабилитации двух сотрудников на общем собрании завода и утверждения главным инженером Чэня, но пропасть между ним и Юем углубляется настолько, что Юй начинает сомневаться в идеологической позиции Ляна, и они не могут больше найти общего языка. Конфликт распространяется и на их детей, сын Ляна упрекает своего отца в жестокости и бесчувственности: он должен оставить в покое своего старого друга, кругом много кадровых работников, которые ведут себя так же, как Юй, и у них есть возможность спокойно работать дальше. Лян получает энергичную поддержку женщины-инженера Ли Ли, которая, хотя и состоит в родстве с Юем, поддерживает восстановление на работе главного инженера Чэня и другие меры по повышению эффективности труда и увеличению выпуска продукции. Кульминацией спора между Ляном и Юем становится вопрос о том, на каких принципах должна основываться деятельность партии, какие из идей Мао Цзэдуна еще имеют смысл и значение. Позиция Ляна такова: «Чистота идей Мао Цзэдуна должна быть восстановлена, избыточное цитирование только вредит, принимать надо только то, что оправдано практикой. Мао Цзэдун — не святой, который всегда прав, а человек, который тоже может заблуждаться». В результате вмешательства Ляна Юя отстраняют с его поста, и только в Пекине, в ЦК, решается, кто же прав.

Я смотрела эту пьесу в одном рабочем клубе южной части Пекина в постановке любительского актерского коллектива этого клуба, но пьеса пережила много постановок в Пекине и даже в Центральном экспериментальном театре. Актеры продемонстрировали достойное похвалы мастерство и старались избежать старых клише. Для меня была особенно интересна реакция публики: она восприняла пьесу в целом положительно, но в некоторых местах, которые отражали что-то давно известное, реагировала беспокойством и невниманием. Когда же в самые взрывоопасные моменты заходила речь о том, что волновало всех и до настоящего времени так открыто не обсуждалось, тишина была такая, что можно было бы услышать падение булавок. В конце спектакля произошел весьма знаменательный эпизод: в сцене спора между Ляном и Юем о поведении Мао Цзэдуна «присутствовал» бюст Мао Цзэдуна, который однако при подъеме занавеса по чьему-то недосмотру опрокинулся и разбился. Это вызвало взрыв аплодисментов, некоторые зрители громко и злорадно смеялись, один подросток вышел вперед, чтобы убедиться, что бюст действительно разбился. Такое было бы немислимо еще в недавнем прошлом.

Эта пьеса принадлежит к примерам, которые критика называет достойными подражания и приводит в доказательство того, что в театре за последние три года произошли положительные сдвиги и что проблемы современности подхвачены и решаются в духе «курса на модернизацию». С другой стороны, подобные пьесы не могут не отражать действительное положение в стране и показывают, что с проведением «новой линии» дело обстоит не столь благополучно, как можно было бы думать на основании газетных статей. В этой связи очень интересны высказывания автора пьесы Чжао Цзысюна (род. в 1940 г.), который заявил в одном интервью, что он написал эту пьесу потому, что во время путешествия по стране весной 1978 г. установил, что вопреки его оптимистическим представлениям о «восстановлении подлинных норм» еще «хватает серьезных помех». Поэтому он решил «вмешаться в жизнь» с помощью своей пьесы⁴.

Совершенно аналогичная сюжетная канва лежит и в основе пьесы «Баочуньхуа» («Посланцы весны»)⁵: директор одного крупного текстильного завода Ли Цзян, недавно вернувшийся на этот пост и в семью, решил всеми средствами бороться за улучшение производства, и прежде всего за качество тканей, производимых на

³ Пьеса опубликована в № 1 «Дандай», журнала «новой» ориентации (издательство «Жэньминь чубаньшэ»), в июле 1979 г.

⁴ Интервью с Чжао Цзысюном. — «Цзюйбэнь», 1979, № 10, с. 60.

⁵ См.: «Цзюйбэнь», 1979, № 4.

предприятия. Временно исполняющая обязанности секретаря местной партийной организации его старая сотрудница У Юйпин до этого ориентировалась исключительно на выполнение плана по количеству продукции и при этом выдвигала в передовики производства дочь Ли — Хунлань. Когда Ли Цзян узнает, что его дочь производит брак, он вычеркивает ее из списка делегатов на конгресс активистов и ищет новых передовиков на предприятии. При этом он узнает о совершенно возмутительном случае с работницей Бай Цзе, отличные результаты которой замалчиваются из-за ее «плохого с политической точки зрения происхождения» (отец — «контрреволюционер», мать — «правая»). Ли вопреки сопротивлению добивается того, что пример работницы Бай начинают пропагандировать. В этом и других пунктах обостряются отношения между Ли и У. У видит, что подрываются все привычные ей политические и идеологические нормы, в то время как для Ли это только пустые слова, раз «народ и через 30 лет после освобождения живет все еще так плохо». Личные конфликты между тремя молодыми людьми — сыном У, дочерью Ли и работницей Бай Цзе — достигают драматического накала: Сяофэн любит Бай Цзе, которая осталась верна ему в тяжелые годы его заключения. Но У всеми средствами хочет воспрепятствовать тому, чтобы ее сын, происходящий из всеми уважаемой семьи потомственного кадрового работника с безупречной «партийной» репутацией (преследование во время «культурной революции» в счет не идет), вступил в брак с женщиной, которой мешают ее родственные связи. Это было бы бесчестьем не только для нее и ее сына, но и для его будущих детей. Поэтому она оказывает нажим на Бай Цзе, чтобы та оставила Сяофэна. Директор Ли узнает об этих интригах и не отступает до тех пор, пока наконец Бай Цзе не признают лучшей работницей и она мирится с Сяофэном. Хунлань тоже перевоспитывается, а У Юйпин начинает задумываться...

Пьеса написана Цуй Дэжи и с успехом шла в постановке актерской труппы из провинции Ляонин в Пекине, была показана и по телевидению, получила большой резонанс, так как в ней затронут ряд вопросов, являвшихся табу, и изображены волнующие человеческие судьбы. Прежде всего был оценен положительно образ директора Ли, он получил отклик во всей стране: «Дайте нам такого Ли, и мы тоже пойдем вперед!»⁶ Это свидетельствует о том, что хотя пьеса и затронула несколько животрепещущих вопросов, в то же время взывая к «модернизации», однако при этом она раскрывает всю скудость действительности (сколько еще найдется таких самоотверженных кадровых работников?), показывая, что такого простого решения, как в пьесе, быть не может. В китайской критике появляются и такие голоса, которые наряду с положительной в общем оценкой, указывают на неудовлетворительность концовки пьесы, на слишком уж явный дешевый «хэппи энд». Шесть актов пьесы убедительны там, где заостряются и развиваются проблемы, но последний, седьмой, акт сглажен, приукрашен, принаряжен. Все это в духе так называемой «политики единого фронта», согласна которой можно, не вскрывая и не разрешая настоящих противоречий, отуманивать сознание людей фразами о «силном Китае» в гегемонистском смысле.

Я убедилась в том, что влияние пьесы прежде всего объясняется изображением реальных проблем, в бескомпромиссном разоблачении кошмарных последствий всей маоистской практики (хотя она и ограничена ответственностью «банды четырех»). Столь же беспощадное разоблачение дает пьеса «Цюань юй фа» («Право и закон»)⁷. В ней речь идет о злоупотреблении властью вторым секретарем комитета КПК большого города, о том, что этот деятель беззастенчиво расхищал народное достояние, ради увеличения своих привилегий не брезгуя никакими средствами. Здесь есть и противостоящий ему партийный работник, вернувшийся из заключения, которого вновь назначили на его прежнюю должность первого секретаря горкома. Положение усугубляется тем, что оба не только старые соратники, но и состоят в родстве. Второй секретарь рассчитывает на то, что родственные отношения воспрепятствуют раскрытию его злоупотреблений. Он шантажирует знавшую о его преступлениях сотрудницу городского финансового управления, угрожая объявить ее убийцей мужа, которого во времена «культурной революции» сам заклеил как «правого» и который умер от пыток. Его махинации наконец становятся известными. Некая журналистка, особа весьма практического склада ума, буквально ходит по пятам за этой женщиной, раскрывает всю эту историю и сообщает о ней своему отцу, новому первому секретарю горкома. Хотя в конце пьесы и наступают разоблачение и наказание злодея и его сподвижников, однако финал не кажется столь впечатляющим и убедительным, как сама эта история.

Автор Син Исюнь, несомненно, хотел выразить протест против злоупотребления властью: «Существует ли право только для великих, существуют ли законы только против маленького человека?» Но он наделяет функцией борца за право и закон героя, которого едва ли можно встретить в реальной жизни. Автор хочет, видимо, выразить этим определенную надежду людей, дать положительную перспективу, однако поданная им перспектива говорит преимущественно о преодолении и лишь едва — о сохранившемся положении, заслуживающем острой критики, что и соот-

⁶ «Жэньминь шицзюй», 1979, № 12, с. 38.

⁷ См.: «Цзюйбэнь», 1979, № 10.

ветствует официальной позиции. При всем том содержание пьесы по существу очень песеннистично, даже если это не было намерением автора. Еще в большей мере, чем «Посланцы весны», эта пьеса порождает вопрос о том, где в сегодняшнем Китае найти таких партийных работников, которые бы вели себя столь честно и непредвзято, были бы столь справедливыми и самоотверженными. Это должно было бы предполагать наличие глубокой уверенности и убежденности в правоте сегодняшней политики, но известно — и во многих пьесах этот вопрос возникает вновь и вновь, — насколько сильны в стране неуверенность и опасение, что сегодняшняя политика столь же недолговечна, как и все «линии» прошлого.

Если развязка пьесы и не убеждает, то она затрагивает проблемы, которые непосредственно касаются многих в Китае. Журналистка, дочь реабилитированного партсекретаря, рассказывает о своем горьком опыте в области человеческих отношений: когда ее родители были осуждены, никто не захотел ее знать, муж развелся с ней, а сегодня, когда ее отец реабилитирован и снова занял прежний пост, все домогаются ее благосклонности. Когда ставился вопрос о том, для кого власть, а для кого законы, когда произошло моральное осуждение карьериста и нарушителя законов, когда его заклеили как «накиль партии», в публике было заметно сильное волнение и сочувствие, некоторые разразились аплодисментами, которые в современном театре можно принять исключительно за счет содержания пьесы, а не как в традиционном театре — за особое сценическое мастерство актера. Это был крик души многих зрителей, что особенно бросилось в глаза.

Другая большая, почти неисчерпаемая тема для литературы Китая — это разрыв с недавним прошлым, попытка преодоления дурмана, лучше — феномена «культурной революции». Этому посвящено особенно большое количество очерков и рассказов, в которых лаконично повествуется о духовном кризисе тех, кто участвовал «в культурной революции», об ужасных судьбах этих людей, порождающих вопрос — как это могло случиться?

Пьеса «Э, Дасэнлинь!» («Ах, этот лес!») Ду Ю изображает судьбу группы молодых людей, которые были вовлечены в водоворот «культурной революции». Они участвовали в качестве хунвэйбинов в преследованиях деятелей искусства, кадровых работников и в конце концов сами стали жертвами этой политики. Для того чтобы уклониться от «борьбы», некоторые из них добровольно отправляются на распашку целины и в леса Северо-Востока, но и туда следует за ними «культурная революция», вынуждая их принимать трудные решения. Их путь, их поиски и отчаяние, их внутренняя опустошенность, их борьба и надежды ярко иллюстрируют судьбу «потерянного» поколения, которое «культурная революция» лишила не только образования и будущего, но отняла у них юность, а у некоторых и жизнь. Пьеса раскручивает нить событий прошлого одно за другим, и к этой трагической череде «привешены» короткий оптимистический пролог и такой же эпилог, чтобы убедить, будто после «ниспровержения банды четырех» и в леса пришла весна. Особенно впечатляет и остается в памяти ужасная судьба людей, которым «ниспровержение» уже не смогло помочь. Но многие вопросы и здесь без ответа. Все еще только начинается...

Пьеса во многом недостаточно продумана. Беспомощность автора в оценке событий, то есть непреодоление самого этого прошлого, еще отчетливее проступает из «вступительного слова» автора в программке спектакля, где он пытается сравнить дремучий лес, из которого вышло человечество, и культивирование леса «партией»: отдельное дерево или целые части леса могут быть уничтожены, но «великий лес из красных сосен полон неистребимой жизненной силы, он будет жить тысячи лет»².

Образ ясен, но автор не смог его объяснить, что не в упрек ему, что только показывает, как трудно на базе настоящего преодолеть маоистское прошлое. Это доказывает, что победа над прошлым не будет возможной, пока не удастся проникнуть в его глубинные истоки и действительные причины и пока объяснения всему происшедшему будут искать в отдельных симптомах, таких, как «банда четырех». Однако самое сильное ощущение из всех, которые оставляет спектакль, — ощущение кошмарного сна, а главное воздействие оказывают сцены минувшего. И никакие оптимистические привески не могут сгладить это впечатление.

Пьеса появилась в Пекинском киноинституте, и там в сотрудничестве с автором ее дорабатывали и репетировали. В процессе постановки нашли очень интересное и новое для китайского драматического театра решение, которое воссоздало удручающую атмосферу того времени: в первом акте на сцене певица, которая дает концерт, зрители — публика концерта. Вдруг из глубины зрительного зала на сцену со всех сторон врываются обезумевшие юнцы, осыпают бранью певицу и стаскивают ее со сцены... Это очень непосредственное изображение действует на зрителей, как шок, и они в течение нескольких минут не знают, «не началось ли все это снова?!».

Наряду с пьесами, которые в большей или меньшей степени посвящены проблемам собственно Китая, есть ряд спектаклей, которые служат с совершенно аналогичными целями внешнеполитическим — великодержавным и шовинистическим — устремлениям нынешнего руководства. В этой связи я прежде всего хочу назвать пьесу

² Программка спектакля Пекинского института кинематографии «Э, Дасэнлинь!», ноябрь 1979 г.

«Танжэньцзе шанды чуаньшо» («Предания улицы Танжэньцзе»), которая была показана Тяньцзиньским народным театром в Пекине. Действие происходит в китайском гетто одного из портовых городов на западном побережье США. Банальная детективная история по поводу исчезновения ценной старинной картины у китайцев, живущих в Америке, служит только предлогом для классово индифферентного и низкопробного восхваления любви китайцев в Америке к своей «коммунистической родине» и доброжелательного отношения американского общества по отношению к Китаю и по поводу «нормализации» отношений с ним.

... После освобождения она, дворянка, отпрыск императорской семьи, хочет, рискуя своей жизнью и жизнью своего младенца, передать на родину старинную картину. Китайский моряк — боцман на американском корабле — самоотверженно предлагает ей свою помощь и свои средства. Дворянку убивают, но матрос спасает картину и ребенка. Позже он открывает шикарную чайную, девочка вырастает как его дочь, а картину он хранит как зеницу ока. Когда выходит американо-китайское коммюнике 1972 г., он намеревается открыть выставку произведений китайского искусства, на которой гвоздем программы будет эта картина. Однако оказалось, что она подделка (капитан корабля, в прошлом контрабандист, торговавший произведениями искусства, подменил ее, когда боцман служил у него, но в течение многих лет считался другом семьи). Некий американский знаток китайского искусства, знакомый настоящего владельца картины, на которого в течение долгих лет падало подозрение, что он организовал охоту за картиной, выказывает себя в конце концов благородным и самоотверженным другом Народного Китая. Он и даже ФБР помогают эмигрантам из Китая выследить контрабандиста и найти оригинал. Картину передают правительству Народного Китая как законному владельцу с первой делегацией китайцев-эмигрантов, возвратившихся в Китай. Столь дешевую националистическую пропаганду вперемешку с интригующим детективом, любовной историей и прежде всего — с любовью к отечеству и столь беспринципным приукрашиванием американского общества мне редко доводилось видеть. Но приняли даже это. Конечно, по-разному, в зависимости от уровня восприятия, но следовало бы видеть, как китайские зрители, изголодавшиеся по культуре, хватают все, что им предлагают. Людям показывают немного «красивой жизни» и хотя при этом заставить поверить всех китайцев, живущих за границей, что их родиной может быть только Китай, где бы они ни жили, а в душах живущих в стране это должно укрепить веру в «сильный Китай», у которого есть друзья во всем мире. Примечательна в программке пьесы благодарность учреждениям, основанным китайцами, живущими за границей, за помощь и поддержку в постановке пьесы.

Большого внимания заслуживают исторические пьесы, которые сегодня, как и прежде, занимают в театральной жизни Пекина важное место. В 60-е годы они были своеобразным явлением культурной жизни, с их помощью была сделана попытка обсуждения проблем, которые еще или не могли, или не хотели обсуждать открыто и прямо. В начале 60-х годов это была критика определенных явлений маоистской системы господства, а также утверждение националистической тенденции или просто маскировка текущих событий в одежде истории.

Осенью 1979 г. я обратила особое внимание на три исторические пьесы, которые были поставлены с большой помпой и шли с неизменным успехом, — «Принцесса Ван Чжаоцзюнь» Цао Юя, которая вызвала большой общественный интерес (еще более приятной для глаза и слуха была ее телевизионная постановка силами Пекинского народного театра), «Дафэнгэ» («Песня Большого ветра») Чэнь Байчэня в очень интересной постановке Центрального экспериментального театра и «Цзян Чжэнь дун ду» («Переезд Цзян Чжэня на восток») в постановке того же театра.

«Ван Чжаоцзюнь» уже потому привлекла внимание, что это была первая за многие годы после свержения «банды четырех» большая работа известного писателя, принадлежавшего к старшему поколению. Цао Юй, один из известнейших китайских драматургов 30-х годов, принадлежит к тем немногим, кто пережил «культурную революцию», и вряд ли принадлежит к ее жертвам: его имя и он сам задолго до свержения «банды четырех» то исчезали на попрание искусства, то появлялись вновь.

Пьеса была опубликована в 1978 г.⁹, но, как сам автор указал в посвящении, написана еще по указанию Чжоу Эньлая. Сюжет ее восходит к истории принцессы Ван Чжаоцзюнь эпохи Хань. Она призвана «воспеть мирное сотрудничество народов и культурный обмен между национальными меньшинствами нашей страны»¹⁰.

Ван Чжаоцзюнь — известная фигура китайской истории, придворная дама ханьской эпохи, которая в 33 г. до н. э. была выдана императором замуж за правителя гуннов. В китайской литературе много произведений посвящено Ван Чжаоцзюнь, причем чаще всего она изображается как трагическая фигура, женщина, несчастная в любви и насильственно оторванная от родины. Цао Юй решил на верслю, которая лишь приблизительно отражает действительные события, он основательно переработал их, «модернизовав» прежде всего образ Чжаоцзюнь.

⁹ См.: «Жэньминь вэньсюэ», 1978, № 10.

¹⁰ Там же, с. 37; предисловие автора из программки Пекинского народного театра.

... Молодая и очень красивая Чжаоцзюнь уже три года живет во дворце, но ни разу не удостоилась быть представленной императору. Ей претит судьба старшей красавицы, которая десятилетиями тщетно ожидает аудиенции у императора и чуть ли не теряет от этого рассудок. Она ищет возможности убежать от этой обесчеченной, но бессмысленной жизни во дворце. Когда в 33 г. до н. э. гуннский правитель Хуханье Ганьюй появляется при дворе для того, чтобы взять в жены обещанную ему придворную даму, она добивается, чтобы выбор пал на нее. Делает она это также и для того, чтобы добиться мира между народами, живущими по обе стороны Великой Стены. Она еще с детства чувствует себя призванной к этой цели после того, как ее отец пал в одной из битв, постоянно происходивших на границе. Императора и Чаньюя поражают не только красота, но также ум, мужество и чувство собственного достоинства Чжаоцзюнь. Она избрана Чжаоцзюнем гуннским правителем отбывает в степи. При дворе Чаньюя не прекращаются интриги, направленные к подрыву мира, но ее ум и рассудительность, великодушие и терпение берут верх. Ей удастся разоблачить интриги и избежать нового разрыва отношений между гуннами и ханьским Китаем. В конце концов Чжаоцзюнь завоевывает глубокую любовь и доверие гуннского правителя и в течение всей своей жизни способствует укреплению союза обоих народов...

Что же действительно хотел сказать автор? Расширение Ханьского государства неразрывно было связано с подавлением других народов. Когда сегодня это представляется как образец мирного сосуществования, то независимо от намерений автора такая трактовка является восхвалением экспансионизма, попыткой представить великодержавную политику и гегемонистские устремления в качестве безобидного дружеского культурного и «сличного» обмена, некоего благословенного дара.

Китайская критика подчеркивает прежде всего один важный момент: Ван Чжаоцзюнь — это образ самоотверженного, жертвенного патриотизма, призванный воспитывать молодежь, которую посылают на границы страны с целью освоения отсталых областей. Пьеса послужила, однако, поводом к острой дискуссии, так как поставила на обсуждение идею мира и мирного сосуществования, как видно из статьи в «Вэньбао»¹¹. Здесь после основательной ссылки на источники и выяснения, что аутентично, а что фиктивно, на пьесу обрушиваются без всякого логического обоснования утверждения, что неверно противопоставлять агрессивным силам только «мирные песни и дары», вернее следовало бы подготовить и применить «наступательные действия и меры», как это было принято во времена императора Уди. Без этого отпора «агрессивным отрядам гуннов» и уничтожения их главных военных сил мирное сотрудничество якобы не было бы возможным. Обе стороны отношений — миролюбивая и агрессивная — были якобы неизбежны при разрешении противоречий между народами (национальностями) в прошлом, и этот подход следовало бы применять и сегодня. Такое толкование этих отношений вызывает параллель с агрессивней против Вьетнама. Это апология так называемого «ответного удара», «наказания» соседних народов, а также традиционной идеи гегемонии Китая (следовало бы испытывать благодарность за «весни и дары», вместо того чтобы утверждать свою самостоятельность).

Подобная полемика имеет мало общего с пьесой, но она обнаруживает прямую параллель, проводимую между Ван Чжаоцзюнь и молодежью, посылаемой в сельские районы, а также показывает, что восприятие искусства в Китае очень пострадало из-за маоистской практики злоупотребления искусством для рекламирования и иллюстрации политиканства и что художникам, как и потребителям искусства, снова предстоит научиться воспринимать произведение искусства как произведение искусства и распознавать в нем глубокие и действительные человеческие, общественные проблемы.

Историческая пьеса «Дафэнгэ» («Песня Большого ветра») также принадлежит перу старого драматурга, с творчества которого в 1977 г. был снят более чем десятилетний запрет, — Чэнь Байчэню. Автор говорит в своем «слове» столбчатым зрителям по поводу постановки «Дафэнгэ»¹², что он давно чувствовал потребность написать об апрельских событиях на площади Тяньаньмэнь в 1976 г. и по поводу свержения «банды четырех», но ему пришлось удовлетвориться собственно историческим материалом. В событиях 200 г. до н. э. он нашел «историческое зеркало», которое косвенно «представило лицо варваров и интриганов в образе их предтечи Люй Чжи». Однако Чэнь Байчэнь подчеркивает, что «история послужила для того, чтобы показать образ настоящего», что «следовало бы» использовать прошлое для настоящего, однако автор отказывается от «истории намеков», от характерных для периода господства «банды четырех» аналогий между историческими и современными деятелями. Он подчеркивает, что ценность в самой исторической правде, «без которой не может быть никакой правды в искусстве».

Пьеса отражает период борьбы за власть после смерти основателя ханьской династии Лю Бана (195 г. до н. э.): вдова — императрица Люй Чжи забрала всю власть в свои руки, рассеяла сторонников и последователей Лю Бана политически

¹¹ См.: «Вэньбао», 1979, № 9, с. 60—64.

¹² Программа спектакля Пекинского центрального экспериментального театра «Дафэнгэ» (предисловие от 5.VI.1979, Нанкин).

и уничтожила физически, чтобы облагодетельствовать своих родственников и лиц, преданных семье Люй. Поэтому Люй Чжи не только изгнала любимую жену Лю Бана, зверски искалечила ее, но и сожгла завещание императора, в котором тот объявлял своим наследником сына от первой жены Жуи, и сделала императором своего собственного сына Лю Ина (Хуэйди). После смерти Хуэйди в 188 г. до н. э. она сажает на престол приписываемого ему малолетнего сына и обеспечивает себе всю полноту власти. Сторонники Лю Бана озабочены изгнанием настоящего наследника и возражением произвола, беспокоятся за состояние государства. Они пытаются также завоевать доверие Люй Чжи для того, чтобы остаться у власти и собрать силы для борьбы. Канцлер Чэнь Пин выделяется из всех расторопностью и хитростью и не открывается даже союзникам, чтобы сохранить свое положение власти имущего в интересах борьбы против клана императрицы Люй Чжи. Только позже он слагает с себя полномочия и ищет примирения с другими сторонниками Лю Бана. В конце концов в 180 г. до н. э., после смерти Люй Чжи, ему удается отнять власть у клана Люй. Выжившие потомки из семьи настоящего наследника Лю снова приходят к власти, единство государства сохраняется.

Чэнь Байчэнь подчеркивает, что следует версии «Исторических записок» («Ши цзи») Сыма Цяня и «Истории ханьской династии» («Ханьшу») Бань Гу. Особое значение придает автор изображению жестокости и беспринципности борьбы за власть, которую, с одной стороны, вела Люй Чжи, а с другой — объединенные силы последователей Лю Бана, которые рядились в одежды конформистов, в течение долгого времени не упуская из виду своей цели и не давая знать о ней никому. Хотя автор пьесы и придерживается официальной линии, тем не менее метит он гораздо глубже.

Пьеса предлагает много материала для размышлений, который, однако, не раскрывается зрителям с первого взгляда. С языковой точки зрения она очень трудна и непонятна без знания классического китайского языка. Видимо, в этом причина того, что эта пьеса не обсуждается критикой так широко, как другие. В художественном отношении она (в постановке Экспериментального театра) являет собой пример попытки совместить элементы традиционного музыкального театра с современным драматическим театром.

Еще одну красочную постановку осуществил Центральный экспериментальный театр пьесой «Цзян Чжэнь дун ду» о буддийском монахе Танской эпохи Цзян Чжэне (VIII в.) и о его шестикратных попытках переезда в Японию, из которых лишь последняя увенчалась успехом после 12 лет невероятных усилий. И здесь в основе пьесы лежит подлинное событие, но то, что сделал из всего этого коллектив театра, — это псевдоисторическая дешевая апология «нормализации» японо-китайских отношений, восхваление преимуществ торговли и культурного обмена с Японией. Даже если бы в программке и над сценой не резала глаза надпись «К первой годовщине подписания договора о мире и дружбе между Китаем и Японией», то и тогда идея была бы совершенно ясна. Пьеса служит исключительно пропаганде пекинского внешнеполитического курса, который изображается в ней абсолютно безобидным и миролюбивым как в прошлом, так и в настоящем и направленным к благо соседних с Китаем народов. Однако достижение этой идеи средствами театра меня поразило: привыкший к манипуляциям зритель насладился пестрой и привлекательной подачей материала и вместе с упаковкой проглотил содержание. Во всяком случае, среди зрителей не было заметно недовольства.

Среди пьес, которые более или менее явно поставлены на службу великодержавной политике и преследуют соответствующие внешнеполитические цели, следует назвать также балет «Сылу хуаюй» («Шелковый путь»), который был поставлен песенно-танцевальным ансамблем провинции Ганьсу. Технически и хореографически это значительное достижение. Спектакль использует для изображения жизни в Танскую эпоху (VII — IX вв.) настенную живопись пещеры Дуньхуан, роскошные фрески которой являются неповторимым памятником культуры. Создатели этого балета пользуются оригинальной живописью не только как образцами искусства, но спектакль так или иначе весь построен вокруг Дуньхуана.

Художник, который должен заниматься росписью пещеры на краю пустыни, спасает богатого персидского купца, который ведет караван в Танское государство, но при этом в суматохе теряет дочь, которая попадает в руки проходница, заставившего ее служить в труппе фокусников. Когда же отец находит дочь, но не может ее выкупить, появляется перс и платит выкуп в благодарность за свое прошлое спасение. Местные властители захотели снова отнять у отца дочь, тот добровольно отдает ее персу, в чужую страну. Там она в довольстве живет в гареме как одна из любимых жен, но не может забыть свою родину. Когда наконец ее супруг снова отправляется с важной миссией в Танское государство, она сопровождает его на свою родину. В конце концов дочери удается помочь персу выполнить его миссию, ничто больше не стоит на пути мирной и дружественной торговли.

Все эти пьесы были посвящены празднованию 30-летия КНР, которое проходило в Пекине с октября до середины ноября 1979 г.¹³ Эти спектакли представляли собой лучшие из всех постановок подобных жанров и осуществлены на сравнительно

¹³ Как сообщила «Жэньминь жибао» от 25.II.1980, они шли с 5.I.1979 по 7.II.1980.

высоком профессиональном уровне. Пьесы современного драматического театра при этом занимали в программе основное место, они составили 61 спектакль из 137 запланированных на весь 1979 г. Следующие 30 были из репертуара традиционного театра, 17 представляли собой музыкальные и танцевальные программы, 12 — современные оперы, 7 балетов и т. д.

Интересно и то, что из 30 упомянутых пьес традиционного театра первое место заняли спектакли пекинской оперы, которые до того времени не ставились в такой форме с самого начала «культурной революции». Особенный интерес вызывали пьесы «Разжалование Хай Жуя» У Ханя и «Се Яохуань» Тянь Ханя, в свое время бывшие предметом и поводом ожесточенной полемики. В стиле театра пинцзюй провинции Хэбэй поставлена драма юаньского поэта Гуань Ханьцина «Обида Доу Э» («Доу Э юань»), которая вызвала у зрителей большой отклик — трогательная судьба невинно приговоренной к смерти Доу Э была чрезвычайно злободневна.

Народному искусству, и в особенности жанру пинцзюй, можно все же отдать пальму первенства, в то время как пекинская опера имела весьма скромный успех. Причины этого, безусловно, в том, что этот стиль нещадно эксплуатировался так называемыми образцовыми революционными спектаклями. Дело также в самой специфике пекинской оперы, где особенно много догматической стилизации и регламентации.

Среди юбилейных спектаклей были и несколько иностранных пьес, показанных в китайской постановке, среди них пьеса Бертольта Брехта «Жизнь Галилея», поставленная Пекинским молодежным художественным театром. Судя по тому, что писала пресса, это был интересный эксперимент (пьеса была поставлена известным шанхайским режиссером Хуан Цзолинем, который в 60-е годы в Шанхае уже ставил пьесу «Добрый человек из Сезуана»), поэтому постановка вызвала дискуссию о разных театральных школах. Я считаю весьма симптоматичным, что Брехт был абстрактно представлен как «великий немецкий драматург» и что на театральной выставке в связи со спектаклем забыли упомянуть о его творческой биографии и о том, что был гражданином ГДР и последовательным сторонником социализма.

В октябре — ноябре Ляонинской актерской труппой была поставлена пьеса Ф. Шиллера «Коварство и любовь», шла опера Дж. Верди «Травиата» и несколько балетов, в том числе «Лебединое озеро» П. И. Чайковского...

* * *

Данный здесь обзор ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту. Это всего лишь взгляд на театральную жизнь в столице Китайской Народной Республики осенью 1979 г., когда автор этих строк в течение шести недель находилась в Китае. Однако, поскольку здесь упомянуты все пьесы, которые шли в это время, мои впечатления и оценки позволяют сделать следующие выводы.

Китайский театр пытается отразить проблемы, которые действительно волнуют людей в сегодняшнем Китае. Он ограничен в осуществлении этих задач, но упорно стремится к этому приблизиться. Злоупотребления, которые позволяла себе маонистская концепция культуры и вообще политики в отношении театра (как и в отношении других искусств), используя его как удобное орудие, обладающее влиянием на публику и способное разьяснить, иллюстрировать и пропагандировать маонистские догмы и ту или иную текущую политику, — все это оставило глубокий след как в душах художников, так и в сознании тех, кто воспринимает искусство. Даже если сегодняшняя китайская культурная политика отказывается от этой практики на словах, она не в состоянии сорентировать театр, как и литературу и искусство в целом, на великую историческую цель, и поэтому она не может предоставить ей в рамках этой общей ориентации необходимый запас инициативы. Так как такой вдохновляющей цели нет, то предпринимаются попытки снова заставить театр служить задачам современного руководства — «четырем модернизациям», «миру и дружбе» с капиталистической заграницей (в особенности с США, Японией и ФРГ).

В определенном смысле театр весьма отчетливо отражает идеологическую неразбериху, царящую в сегодняшнем Китае. Много слов говорится о «социализме» и «марксизме-ленинизме», но действительной целью сейчас называют «модернизацию», а не социализм. И в пьесах говорится о том, что Китай должен «строить социализм», но вопрос о том, какой это социализм и как его достичь, возможно ли это вообще при наличии сегодняшних «союзников», — эти вопросы обходят. Но именно эти вопросы непосредственно возникают перед всяким мыслящим наблюдателем.

Кто готов экстраполироваться от изображаемых конфликтов осуществления «курса на модернизацию», тот не может не спросить себя, «какое будущее зовет», что это за «песня», о которой оповещается заранее, и, наконец, кто — судья прошлого? На эти вопросы пьесы не отвечают. Они и не могут решить то, что не решило еще общество в целом. Но они могут пролить яркий свет на современное общественное развитие Китая, поэтому было бы полезно и далее внимательно наблюдать за театральной сценой в Пекине.

Берлин

Песенно-повествовательная литература в КНР (1949—1979)

Н. А. Спешнев,

кандидат филологических наук

Песенно-повествовательная литература (шочан вэньсюэ)* чрезвычайно популярна в Китае. География ее распространения весьма широка и практически охватывает все районы страны. Произведения ее многочисленных жанров неразрывно связаны со сценическим воплощением. В связи с этим можно говорить о существовании в Китае песенно-сказительного искусства, которое своими истоками, как и сама литературная ее основа, уходит в глубокую древность. Для обозначения песенно-сказительного искусства, равно как и для жанров песенно-повествовательной литературы в целом, в современном Китае используется термин «цюйи»**, имевший хождение еще в освобожденных районах в период антияпонской войны. Официально же он упоминается впервые в 1949 г., в материалах I Всекитайского съезда работников литературы и искусства, после чего распространился весьма широко.

В результате большой исследовательской работы, проводившейся главным образом в 50-е годы, Обществу по изучению цюйи удалось обнаружить и описать свыше 200 вариаций основных жанров песенно-повествовательной литературы¹. Некоторые из них, такие, как пиншу или сяньшэн, являются типичными прозаическими сказками. Куайбани — своеобразные частушки — представляют собой стихотворный текст, исполняемый актером под аккомпанемент кастаньет. Однако большинство жанров цюйи требуют обязательного музыкального сопровождения и сочетают в себе прозу, стихотворный текст и пение. Некоторые жанры при своем исполнении не обходятся без сценического движения, в частности танцевальных ходов (северо-восточные «эржэнь-жуань»), что больше сближает их с театральным действием. Таким образом, песенно-повествовательная литература предполагает скорее сценическое ее восприятие (или по радио), нежели непосредственное обращение читателя к литературному источнику. Будучи столь популярной в Китае во все времена, она продолжает оказывать значительное и непосредственное влияние на развитие национального самосознания китайцев, являясь нередко чуть ли не единственным источником знаний и образов для сотен миллионов полуграмотных или вовсе неграмотных людей². Непрительная житейская философия простых людей, попытки их оценить себя и свое место в обществе — все это во многом складывалось не без влияния увиденного и услышанного из произведений цюйи. Известный китайский писатель и драматург Ян Ханьшэн как-то заметил, что первыми учителями такого народного писателя, как Чжао Шули, были произведения в жанрах цюйи³. Малограмотными были не только зрители или слушатели, но подчас и сами исполнители. Мастерство и репертуар рассказчика передавались, как правило, в устной форме от учителя к ученикам. Сами произведения, наполненные в большинстве своем местным колоритом, представляли собой эпизоды из эпических романов, историй и народных преданий, исполнявшихся нередко на мелодии и напевы народных крестьянских песен. Авторы их, как правило, были неизвестны, хотя встречались и произведения, слагавшиеся самими исполнителями и даже профессиональными писателями и самодельными сочинителями, в особенности после образования КНР.

На I Всекитайском съезде работников литературы и искусства в 1949 г. был создан оргкомитет по подготовке к всекитайскому совещанию по совершенствованию

* Существуют и другие китайские термины для обозначения песенно-повествовательной литературы. Например, «цзянчан вэньсюэ» (Чжэн Чжэньдо), «коуту вэньсюэ» (Чжун Цзинвэнь).

** Термин «цюйи» на русский язык переводят по-разному: «малые исполнительские формы», «разговорные жанры эстрады».

¹ См.: Тао Дунь. Цюйи и путунхуа. — «Юйвэнь сюэси», 1959, № 5.

² По официальным данным, в настоящее время грамотность составляет 20% населения Китая. См.: М. В. Софронов. Китайский язык и китайское общество. М., 1979, с. 18.

³ См.: «Цюйи», 1958, № 8, с. 6—7.

цюйи. Среди тех, кто вошел в состав его постоянного комитета, были такие известные писатели и деятели цюйи, как Чжао Шули, Ван Япин, Ван Цзуньсань, Лян Кожу. В своем докладе на съезде Чжоу Ян отмечал, что в годы, предшествовавшие съезду, было собрано немало стихов и песен, распространенных в сельских районах. Были отмечены такие мастера народного сказа, как Хань Цисян (район Шаньганнин) и Ван Цзуньсань (Северный Китай)⁴. Говорилось о жанрах песенно-повествовательной литературы и в выступлениях некоторых участников съезда. Однако вскоре по ряду причин организационного характера комитет почти прекратил свою деятельность. Тем не менее некоторая работа в этом направлении все же проводилась. При управлении по реформе музыкальной драмы, также созданном в 1949 г., существовал небольшой отдел, занимавшийся проблемами цюйи. В 1951 г., когда управление было преобразовано в Театральную академию, при ней образовалась самостоятельная экспериментальная рабочая группа по цюйи, сделавшая немало для исследования многообразных жанров песенно-повествовательной литературы.

В сентябре 1953 г. на II Всекитайском съезде работников литературы и искусства было создано Всекитайское общество по изучению цюйи, председателем которого был избран Ван Цзуньсань. В число 20 членов правления общества вошли Чжао Шули, Ван Япин, Хань Цисян, Лян Кожу, Бай Фэнмин, Хэ Чи, Гао Юаньцзюнь и др. В кратком уставе общества были сформулированы его задачи: собирать и обрабатывать литературное наследие цюйи, оказывать содействие в создании цюйи на современную тематику, изучать и исследовать жанры цюйи по всей стране, систематизировать имеющийся в этой области опыт, повсеместно постоянно пропагандировать лучшие произведения в жанрах цюйи⁵.

Научно-исследовательскому сектору общества, несмотря на малочисленность сотрудников, удалось за 5 последующих лет просмотреть все библиотеки и частные коллекции, собрать почти 4000 единиц литературного материала, получить около 2000 фотографий и рисунков выступлений актеров, произвести запись и обработать более 40 жанров.

Несмотря на многочисленность жанров песенно-повествовательной литературы и живейший интерес к ним со стороны китайских зрительских масс, многообразную деятельность в этой области работников цюйи, настоящего теоретического органа, который бы объединял творческие интересы профессиональных и самодеятельных авторов и исполнителей, долгое время не было. В 1950 г. стал выходить журнал «Шошо чанчан», главным редактором которого был известный писатель Лао Шэ. Журнал первое время периодически помещал на своих страницах отдельные произведения в жанрах пекинских цюйи. Лишь в феврале 1957 г. у Всекитайского общества по изучению цюйи появился свой собственный печатный орган — журнал «Цюйи», который сразу же стал играть ведущую роль в жизни песенно-повествовательной литературы Китая. Главным редактором журнала стал Чжао Шули.

В том же 1957 г. был создан отдел цюйи и цзацзи (цирк на сцене) при управлении по искусству министерства культуры КНР. Таким образом, появилась реальная возможность централизованно решать давно назревшие проблемы как организационного, так и творческого характера. А проблем этих было немало, и связаны они были прежде всего с репертуаром, актерами и их трудоустройством. К тому времени в Пекине, Шанхае и Цзинани уже существовали самостоятельные труппы цюйи. Были они организованы и при Центральном радио, и при Главном политуправлении НОАК.

Развернувшаяся в 1956—1957 гг. кампания «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» не могла не затронуть и такую массовую форму зрелищного искусства, как цюйи. На совещании работников цюйи Пекина, организованного Всекитайским обществом по изучению цюйи в мае 1957 г., вызванные на откровения маоистскими лозунгами и призывами участники затронули в своих выступлениях важные и принципиальные вопросы, связанные с подготовкой молодого поколения исполнителей, с критическим и в то же время бережным отношением к богатому и многообразному творческому наследию. Острая критика была адресована министерству культуры, которое недостаточно занималось организационными вопросами по трудоустройству и материальному обеспечению актеров, в особенности мастеров старшего поколения, которым к тому же нужно было помочь набрать учеников, а также записать и оставить для потомков их выступления, да и сам текст, передававшийся, как уже говорилось, от учителя к ученику с голоса. Многие из выступавших сетовали на то, что цюйи в некотором роде оказались в роли пасынка. В отличие от прочих видов литературы и искусства в области цюйи за 8 лет после образования республики не было ни одного смотра всекитайского масштаба, у будущих исполнителей цюйи не было даже обыкновенной школы.

Вскоре многие поплатились за свою откровенность и были подведены под рубрику «буржуазных правых элементов». Члена ВСНП, члена правления Всекитайского общества по изучению цюйи и руководителя пекинской труппы цюйи Цао Баолу обвинили в приверженности к мелкобуржуазной философии, индивидуализму и оскорбле-

⁴ Сборник материалов Всекитайского съезда работников литературы и искусства. Пекин, 1950.

⁵ Материалы II Всекитайского съезда работников литературы и искусства. Пекин, 1953, с. 164—165.

нии партии и правительства. Был заклеен и известный автор сатирических диалогов Хэ Чи, которого обвинили в извращении действительности, а такие его популярные во всей стране произведения, как «Покупка обезьяны», «Приобретение котла», «Прозаседавшиеся», в которых бичевались бюрократизм и разгильдяйство, были объявлены «ядовитыми травмами».

Произведения традиционного классического плана актер исполнял в течение всей своей творческой жизни. Годы шли на то, чтобы довести до совершенства исполняемые произведения, и вопрос обновления репертуара вообще никогда не стоял на повестке дня. Новая тематика, ломавшая в некоторой степени консервативные традиции, многим исполнителям, главным образом «единоличникам», а таких к тому времени в Китае насчитывалось до 50 тыс. человек, не сразу пришлась по душе. А власти считали, что все это происходит из-за того, что авторы и исполнители слабо ориентируются в реальной жизни. Под предлогом необходимости глубже изучать жизнь народных масс, быть ближе к работам заводских и сельских коллективов, понять образ мышления народа и учиться у него с начала 1958 г. началась кампания по отправке артистических бригад и отдельных исполнителей цюйи в деревни.

Когда по всей стране было развернуто «движение за большой скачок в экономике», по-своему откликнулись на него и деятели цюйи. В марте 1958 г. участники проходившего в Пекине совещания работников цюйи выступили с обращением ко всем деятелям цюйи страны, в котором призвали профессиональных и самодеятельных авторов и исполнителей сделать «большой скачок» в создании новых произведений. Параллельно с новой политической кампанией шла активная подготовка к всекитайскому смотру цюйи. В печати публиковались статьи, затрагивавшие нерешенные проблемы развития песенно-повествовательной литературы и сказительного искусства. Определенный интерес представляла статья Тао Дуня «Как разрешить проблему будущего поколения исполнителей цюйи»⁶. Нередки были случаи, когда со смертью старого мастера-исполнителя исчезало и целое направление, целая исполнительская школа. Как известно, в старые времена в области цюйи взаимоотношения учителя и ученика были строго регламентированы. Старый мастер набирал двух-трех учеников на три года, которые фактически кормились в семье учителя и выполняли всю необходимую работу по дому вместо платы за обучение. В дальнейшем в течение года они имели право выступать самостоятельно, однако обязаны были заработанные деньги отдавать учителю. Такая система теперь была неприемлема. Тао Дунь предложил модернизировать традиционный метод подготовки, поощрять семейные группы актеров и передачу мастерства от родителей к детям и внукам. В качестве примеров Тао Дунь приводит опыт старейшего исполнителя янчжоуских пинхуа Ван Шаотана, который обучил ремеслу свою внучку*, и курсы, организованные союзом работников цюйи Пекина, с отделениями по различным жанрам.

Любимая народом традиционная тематика устных сказов, в которых повествовалось о героях известных средневековых романов «Троецарствие», «Речные заводи», «Сон в красном тереме», средневековой городской повести, новелл Ляо Чжэя и многих других произведений классической китайской литературы занимала доминирующее положение в актерском репертуаре. В печати сообщалось, что в 1957 г. современная тематика в провинциях Хэнань и Шаньдун, а также в городах Тяньцзинь, Янчжоу и Нанкин составляла всего лишь 17%. В 1958 г. среди номеров программы по цюйи, передававшихся 22 радиостанциями в течение января — февраля месяцев, новая тематика составляла лишь 18%⁷. Справедливости ради следует сказать, что в «консерватизме» репертуара немалую роль играла и специфика жанра, далеко не всегда подходящая для отражения современной тематики. Иное дело такие жанры, как куайшу (быстрый речитатив под аккомпанемент кастаньет) и сяньшэи (сатирический диалог), которые как нельзя лучше могли отобразить злободневную тематику.

Официальные органы поставили своей целью добиться того, чтобы на предстоящем смотре цюйи современная проблематика занимала не менее трети всех номеров программы. Чтобы восполнить недостаток в новых произведениях, было предложено лучшие произведения художественной прозы тех лет переложить полностью или частично в отдельные жанры цюйи.

В годы, предшествовавшие первому смотру цюйи, несмотря на развернувшиеся политические кампании и всевозможные организационные неурядицы, было создано немало серьезных теоретических исследований различных жанров цюйи, издано немало популярных брошюр и статей. Ведущими мастерами цюйи был обобщен значительный опыт своей сценической деятельности, дан всесторонний анализ особенностей исполняемых ими жанров. Большую работу провели Ли Божуй в области сказа под большой пекинский барабан, Жун Цзяньчэн в области пекинского сказа, Чжан Шоучэн и Хоу Баолинь в области сатирических диалогов и монологов. Свою лепту внесли в исследование шаньдунского быстрого речитатива Гао Юаньцзюнь, а в ян-

⁶ «Цюйи», 1958, № 3, с. 4—5.

* Ван Шаотан умер 5 января 1968 г., не выдержав издевательств хунвэйбинов. Записи «Речных заводов» в его уникальном исполнении были уничтожены. Восстановить все тексты по памяти смогла его внучка Ван Литан.

⁷ «Цюйи», 1958, № 3, с. 28.

чжоуские сказы — Ван Шаотан. Еще в начале 50-х годов вышли сборники статей о цюйи Ли Сяоцан и Фу Сихуа и серия статей о жанре куайбань У Сяолина⁸. Достоянию внимания было уделено и таким жанрам, как сказ под большой барабан и сяньшэн. Только в 1958 г. Всекитайское общество по изучению цюйи с помощью издательства «Цзаодзя чубаньшэ» выпустило в свет 10 сборников избранных произведений, каждый из которых был посвящен только одному какому-либо жанру цюйи. В том же 1958 г. появилась первая в Китае серьезная работа по истории китайского народного сказа⁹.

Уже в первые годы народной власти особое внимание было обращено на огромные пропагандистские возможности цюйи. На совещании, организованном министерством культуры летом 1958 г. в канун смотра, всячески подчеркивалось, что партия и правительство считают цюйи таким видом искусства, которое отличается краткостью и богатой выразительностью, крайне удобной для отображения современной действительности. Отряды работников цюйи именовались «форпостом» искусства, «легкой кавалерией», которая без труда проникает в самую гущу народа. Такой жанр, как куайбань, говорил один из известных актеров Би Гэфэй, «это призыв, это боевой барабан», а произведения в этом жанре «непосредственно участвуют в пылающем огне сражений, в орудиной канонаде». Участники совещания рассказывали, что в провинции Чжэцзян 43 исполнителя обошли с концертами целый уезд, известный актер Хоу Баолинь выступал перед крестьянами прямо на меже, знаменитый Хань Цисянь, который «до освобождения использовал своим трехструнку в качестве штыка, а теперь как мотыгу», выступал перед зрителями по три раза в день¹⁰.

Первый всекитайский смотр цюйи открылся 1 августа 1958 г. На нем присутствовало 343 участника, представлявших 27 делегаций. В смотре приняли участие такие известные мастера старшего поколения, как Ван Шаотан, Се Даюй, Ли Дэцай, Хуан Лянгуан, Дэн Цзюжу. Призывы к созданию новых произведений оказались не напрасными — более 70 % номеров программы смотра составили произведения на современную тематику. В предисловии к двухтомному сборнику лучших произведений смотра указывалось, что большинство из них воспевали «генеральную линию партии в строительстве социализма», отображали «героические свершения», имевшие место в различных сферах с момента «большого скачка»¹¹. Среди 88 произведений, включенных в сборник, оказались и те, которые были отмечены как наиболее удачные. Таковы «Социализм — это хорошо», «Царь-дракон уходит в отставку», «Прислали гребешок», «Свинопас», «Опрокинем реки и моря», «Сражение героев за машиностроительный завод».

На торжественном открытии смотра заместитель министра культуры КНР Лю Чжимин подвел итог девяти лет творческой работы в области цюйи. В его выступлении отмечались успехи и были определены задачи, стоявшие перед работниками цюйи. Все они фактически были подчинены одному: реализации курса «политика — командная сила». Лю Чжимин отметил, что сплоченно актерских рядов во многом мешают их разноликость вследствие огромного числа местных жанров и все еще сильно бытующая психология «единоличника»: актеры, как правило, работали самостоятельно, редко объединяясь в труппы. Говорилось также о необходимости очистить ряды исполнителей и авторов от попутчиков, проникших в их ряды из среды помещиков, кулаков, контрреволюционеров и прочих вредных элементов. В связи с этим провозглашалась политика «насаждать красные знамена и выкорчевывать белые знамена».

Более значительными событиями явились созванная министерством культуры Всекитайская рабочая конференция авторов цюйи и съезд работников цюйи, проведенный по инициативе Федерации работников литературы и искусства, которые состоялись сразу после смотра. Съезд работников цюйи проходил в Пекине с 14 по 16 августа 1958 г. В его работе приняло участие 190 делегатов. С большой речью на съезде выступил заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК Чжоу Ян, призвавший не только воспевать «большой скачок», но и критиковать там, где это необходимо, недостатки, в особенности эгоизм и мелкобуржуазную психологию «временных попутчиков».

На съезде выступил также ответственный секретарь Всекитайского общества по изучению цюйи Тао Дунь. В его докладе отмечалась большая воспитательная роль цюйи, из которых народ черпает свои знания. Среди достижений прежде всего указывалось, что каждая новая политическая кампания оставляет после себя большое число произведений в различных жанрах цюйи и что приведено в порядок богатое

⁸ См.: Ли Сяоцан. О цюйи. Ухань, 1951; Фу Сихуа. Статьи о цюйи. Шанхай, 1953; У Сяолин. О структуре куайбань. — «Чжунго юйвэнь», 1952, № 10. О стихотворной строке куайбаней. — Там же, № 2; О рифме в куайбанях. — Там же, 1953, № 2; Бай Фэнмин, Ван Цзюэ. Как исполнять сказы под большой пекинский барабан. Шанхай, 1957; Чжао Цзиншэн. Избранные гуцы. Шанхай, 1957; Избранные традиционные произведения в жанре сяньшэн. Пекин, 1957.

⁹ См.: Чэнь Жухэн. История народного сказа. Пекин, 1958.

¹⁰ Подробно о Хань Цисяне см.: Н. Т. Федоренко. Китайские записи. М., 1958, с. 505—516.

¹¹ Сборник избранных произведений Всекитайского смотра цюйи, т. 1. Шанхай, 1959, с. 3.

наследие цюйи. В библиотеках уже собрано множество литературы, однако, как он выразился, многое еще находится в головах у исполнителей. Поэтому задача состоит в том, чтобы записать традиционные произведения в исполнении старых мастеров, отделить их от феодальных суеверий, эротики и натурализма. К достижениям Тао Дунь отнес и реформы, которые были произведены в манере исполнения и музыкальном сопровождении, главным образом за счет привлечения мелодий из современных народных песен, что позволило в большей степени исполнять произведения на современную тематику. Тао Дунь отметил, что хотя «желтая литература» и изъята в 1956 г. правительством и таким образом ограничена возможность выступать с «плохими» произведениями, однако некоторые исполнители упорно продолжают переносить отрывки из «плохих» произведений в классический репертуар. В итоге герои таких известных произведений, как «Речные заводы» и «История Восточной Хань», как и герои авантюрных романов, вдруг стали «летать над карнизами и ходить по стенам».

На съезде было организационно оформлено создание Ассоциации работников цюйи Китая, председателем которого был избран известный китайский писатель Чжао Шули.

1959 год ознаменовался также началом ряда творческих дискуссий. В июне журнал «Цюйи» опубликовал статью Янь Цзи «О реформе исполнительского искусства в жанре гуцуй», которая послужила началом дискуссии о путях дальнейшего развития цюйи. 18 ноября 1959 г. Ассоциация работников цюйи Китая организовала совещание в связи с VIII пленумом ЦК КПК (август 1959 г.). На совещании, в работе которого приняло участие около 30 авторов и исполнителей цюйи, говорилось о необходимости неуклонно следовать решениям пленума, вести борьбу против «правого уклона», в творческой деятельности ориентироваться не на готовые схемы, а писать произведения с «живыми героями». В качестве положительного примера приводилась работа Лян Сяолоу «Дочь партии Сюй Сюэхуэй», сочиненная исполнителем за 7 дней, а также такие произведения, как «Хуан Цзигуан» и «Дун Цуньжуй» — жизнеописание так называемых «сверхгероев», беспредельно преданных Мао Цзэдуну.

Не было недостатка в эти годы и во всевозможных смотрах. В начале 1960 г. министерство культуры КНР организовало смотр-отчет лучших произведений песенно-повествовательной литературы, созданных после первого смотра в августе 1958 г. Были отмечены такие произведения, как «Вчера» — рассказ велорикши о своей горькой доле в старом Китае, «В Цинхае хорошо» (куайбань) — о новом облике провинции Цинхай. Пресса отмечала, что произведение это весьма полезно для тех, кого распределяют на работу в эту отдаленную провинцию. В мае того же года был проведен Всекитайский смотр художественной самодеятельности рабочих и служащих, прошедший под лозунгом «Литература и искусство служат политике, служат производству». Все 107 номеров программы были созданы самостоятельными авторами. Именно тогда стала намечаться тенденция привлечения к творчеству самостоятельных авторов и даже целых авторских коллективов. В июле — августе 1960 г. состоялся III Всекитайский съезд работников литературы и искусства, на котором выступил Чжоу Ян. В докладе вновь подчеркивалась роль цюйи как форпоста литературы и искусства, «который внес полезный вклад в стремительное отображение нынешней революционной борьбы»¹².

Начало 60-х годов характерно появлением значительного числа теоретических работ, знакомящих читателя со спецификой отдельных жанров, в том числе и с музыкой, их сопровождающей. Многие старые мастера цюйи и театра выступали на страницах печати с воспоминаниями, рассказами о своих коллегах, условиях, в которых приходилось работать при старом режиме, делились опытом работы и секретами своего мастерства. В периодике появились рецензии на публикуемые произведения. Под эгидой Ассоциации работников цюйи Китая стала издаваться специальная серия, посвященная изучению отдельных вопросов цюйи¹³. По инициативе Ассоциации работников цюйи Китая в конце ноября 1962 г. в Пекине и Тяньцзинь были созваны конференции, на которые были приглашены исполнители и авторы сяньшэнов и кадровые работники цюйи. Речь на них шла о повышении политического и художественного уровня сяньшэнов, об их актуальности. Расхождения во взглядах возникли в вопросе о том, должны ли сяньшэны в современном китайском обществе сохранять сатирическую направленность. Одни считали, что настало время перейти к так называемым восхваляющим произведениям, в которых бы воспевались достижения и победы. Другие возражали, говоря, что специфика жанра состоит в его сатирической направленности и что задача сяньшэнов — бичевать, а не восхвалять. Участники совещания сошлись на том, что главным в сяньшэнах остается все же сатира, хотя не следует исключать и воспевающий тип произведений. На совещании выступили Лао Шэ, Чжао Шули и Тао Дунь. Известный китайский писатель Лао Шэ был неизменным участником различных совещаний и традиционных встреч с мастерами старшего поколения. Он всегда выступал ярким пропагандистом песенно-повествовательной литературы Ки-

¹² Документы III съезда работников литературы и искусства Китая. Пекин, 1960, с. 34.

¹³ См.: Ван Цзуньсан и др. Исследование жанра гуцуй. Пекин, 1960; Бай Фэнъянь и др. Исследование музыки цюйи. Пекин, 1960.

тая и сам являлся автором многочисленных произведений в различных жанрах цюйи, к которым обратился еще в конце 30-х годов.

Совещания и симпозиумы по отдельным жанрам, как это имело место с сяньшэ-нами, проходили и в последующие годы.

В печати много говорилось об очищении классического репертуара от произведений, в которых открыто проповедуется религиозный мистицизм и феодальная мораль. Вместе с тем указывалось на то, что нельзя забывать и о том, что с помощью рассказов о духах описывается жизнь людей, их стремление к свободе, мечта о счастье, борьба со злом и что подобные произведения следовало сохранить.

После X пленума ЦК КПК восьмого созыва в сентябре 1962 г., на котором, как известно, рассматривались вопросы развития сельскохозяйственного производства, все больше стали раздаваться призывы обратить свой взор к селу. Работникам цюйи рекомендовалось больше писать для крестьян, затрагивать в своих произведениях нужную и понятную для них тематику, направлять в деревни актерские бригады.

В феврале 1964 г. в Пекине состоялось Всекитайское совещание по творчеству в области цюйи, которое подвело итоги полутора лет работы после X пленума ЦК КПК. На совещании подчеркивалось, что ныне объектом отображения в песенно-повествовательной литературе стала деревня. Именно тогда началась кампания по отправке интеллигенции «в горы и деревни», что и нашло свое отражение в литературе. Было отмечено, что «в условиях борьбы двух линий» необходимо «объединиться с массами рабочих, крестьян и солдат и участвовать в классовой борьбе», быть «и красными, и специалистами».

Выступивший на совещании Чжоу Ян отметил, в частности, что начатое несколько лет назад переложение художественной прозы в жанры цюйи принесло свои плоды. Такие известные произведения, как «Партизанский отряд на железной дороге», «Песня молодости», «Деревня Санливань», «Часовой под неоновым фонарем», «Седая девушка», «Боевой пост № 51», «Ли Шуаншун», «Ван Гуй и Ли Сянсян», в новой редакции для цюйи имели большой успех у зрителя. Особенно удачным оказалось переложение фрагментов романа «Красная скала». Чжао Шули высказал ряд критических суждений по поводу того, почему до сих пор, несмотря на многочисленные разговоры, которые ведутся с 1949 г., все еще мало хороших произведений. Он говорил, что работники цюйи должны считать избранным ими путь делом всей своей жизни, как это было, например, раньше в освобожденных районах, а не думать только о гонораре и о своем престиже. Чжао Шули указывал на то, что нельзя абсолютизировать лозунг «цюйи — это форпост литературы». Важно правильно понять место цюйи в литературе в целом. Поспешность при создании новых произведений не способствует улучшению их качества, которое не всегда еще на высоте. Обращаясь к руководящим кадровым работникам цюйи, он просил их не упускать из сферы внимания проблемы идеологического воспитания, ибо среди авторов и актеров есть еще немало людей, пришедших из старого общества.

После совещания состоялся Второй всекитайский смотр цюйи, который по своим масштабам не уступал смотру 1958 г. Были отмечены лучшие произведения различных жанров. Так, в жанре куайбань высокую оценку зрителей получили «Воз гаоляна», «Старый генерал уступает повозку», в жанре сяньшэ — «Вчера», «Маленький герой — боец Восьмой армии», в жанре чанцы — «История о возрождении жизни», «Воспеваем героя Хуан Цзингуана», в жанре пинтань — «Обязательно обуздаем реку Хуайхэ», «Доменная печь» и многие другие.

В 1964 г. процесс развития китайской литературы, в том числе и цюйи, был неотрывно связан с двумя крупными политическими кампаниями, развернувшимися по всей стране. Одна из них, возникшая, по существу, еще в 1960 г., требовала теперь обязательного изучения трудов Мао Цзэдуна. Вторая тенденция, также развившаяся в дальнейшем в целом «движение», была связана с лозунгом «во всем учиться у НОАК». Воплощением этих кампаний стал Третий фестиваль литературы и искусства НОАК, который проходил в Пекине с 6 апреля по 10 мая 1964 г. Среди 388 номеров программы фестиваля 74 произведения были в жанрах цюйи, которые отражали новую действительность, «разрушая старые преграды и внося элементы новаторства». Указанные кампании отражали обострившуюся к 1964—1965 гг. борьбу за власть в китайском руководстве. Призыв учиться у армии, в том числе и работникам литературы, отвечал прежде всего интересам Мао Цзэдуна и его сторонников.

Для многих работников песенно-повествовательной литературы и для журнала «Цюйи» наступили мрачные времена. Редакция журнала стали обвинять в излишнем увлечении традиционными классическими произведениями в ущерб современной тематике, в недостаточно активной пропаганде идей Мао и слабом идеологическом перевооспитании. Со страниц журнала практически исчезли теоретические статьи. Вскоре некогда теоретический журнал «Цюйи» был закрыт, последний номер вышел в мае 1966 г., в канун «культурной революции».

С наступлением «культурной революции» литературная жизнь в Китае фактически была приостановлена. Осенью 1966 г. все творческие союзы, в том числе и Ассоциация работников цюйи Китая, были распущены, а их руководители получили ярлык «черных». Главный редактор журнала «Цюйи» известный писатель Чжао Шули, вложивший много усилий в создание Всекитайского общества по изучению цюйи, а затем и Ассоциации работников цюйи Китая, подвергся поруганию и умер 23 сентября

1970 г. в Тайюане в возрасте 64 лет¹⁴. Один из крупнейших писателей Китая Лао Шэ, чья творческая деятельность была тесно связана с созданием и пропагандой цюйи, погиб от рук хунвэйбинов в 1966 г. Многих известных деятелей цюйи постигла та же участь.

Перерыв в издании и исполнении произведений песенно-повествовательной литературы в Китае лишь в 1972 г. сменился некоторым оживлением, были изданы серии брошюр и отдельные сборники, появились концертные программы из произведений различных жанров песенно-повествовательной литературы. Формальным поводом для подобного «оживления» послужила 30-я годовщина выступления Мао Цзэдуна на Яньаньском совещании по вопросам литературы и искусства. Сборники и грамзаписи официально рекомендованных «лучших» произведений вновь появились на прилавках магазинов. Под передачу песенно-повествовательных жанров стали отводить определенное время радиовещание и телевидение. Всего с 1972 по 1974 г. было опубликовано свыше 200 произведений в 27 жанрах песенно-повествовательной литературы. Тематика произведений цюйи тех лет, за редким исключением, перекликалась с материалом ежедневных китайских газет. Так, цюйи «Десяток янц» рассказывает про необходимость заботы о народном добре, «Срочный телефон» — о том, как благодаря оперативности работников народной коммуны удается спасти ребенка от отравления, «Семейная реликвия» убеждает в необходимости быть бережливым. На темы дня были написаны такие произведения, как «Дачжай идет вперед», «Провожая дочь в вуз». Уже в феврале 1974 г. в одном из сборников был помещен цюйи под названием «Собрание по критике Конфуция в горной деревушке»¹⁵.

В эти годы осуществлялась также трансформация в различные жанры цюйи отрывков из так называемых образцовых революционных опер. Любопытна была и попытка осовременить героев и сюжеты из классических цюйи, которые исчезли вместе с началом «культурной революции». Под названием «Битва Чжа И с тигром» в подражание известному эпизоду из романа «Речные заводы» было написано цюйи, где героем является секретарь партийной организации одной из деревень в приграничном районе на юго-западе Китая, который убивает в отличие от аналогичного сюжета из романа не одного, а сразу двух тигров, «мешавших народу строить новую жизнь в горных районах».

Несмотря на бурные события и почти полное исчезновение некоторых пластов культурной жизни в стране, такие формы зрелищного искусства, как цюйи, хотя и в сильно усеченном или искаженном виде, все же продолжали существовать. Во-первых, потому, что традиции цюйи бережно сохранялись в народе, обогащались им с тем, чтобы в нужный момент дать новый толчок к их развитию. Но во-вторых, довольно широко пытались использовать в своих целях различные жанры цюйи и маоисты.

Свержение «банды четырех» послужило сигналом к значительным изменениям в литературной жизни Китая. Цюйи как малая литературная форма, гибкая и своеобразная, была сразу же использована в качестве одного из действенных средств пропаганды. Критика «злодеяний и бесчинств четверки» стала главной темой большинства произведений песенно-повествовательной литературы Китая.

1977 и 1978 годы стали для цюйи годами своеобразного восстановления. Говорить о каких-либо серьезных теоретических или творческих работах этого периода не приходится. Сказались длительный застой в деятельности работников цюйи, недостаток в кадрах специалистов и нехватка актеров. Многие актеры цюйи вынуждены были сменить профессию и перебраться на постоянное жительство в деревни. Старые мастера цюйи, получавшие грошовые субсидии, с трудом сводили концы с концами, доживая свой век в нищете. Доведенные до отчаяния, некоторые из них покончили с собой.

В 1977 г. вновь смог приступить к работе Тао Дунь, длительное время находившийся в опале. На страницах печати, в афишах стали появляться имена известных в прошлом писателей и исполнителей цюйи. В 1978 г. возобновился выход многих литературно-художественных журналов. В октябре того же года в Шаньдунской академии искусств открылось отделение цюйи, на которое было принято 30 человек. Постепенно стали восстанавливаться и творческие союзы. В марте 1979 г. снова стала функционировать Ассоциация работников цюйи провинции Чжэцзян, которая бездействовала 14 лет.

15 января 1979 г. в связи с возобновлением выхода журнала «Цюйи» газета «Жэньминь жибао» опубликовала знаменательную статью под названием «Товарищ Чэнь Юнь о работе в области сказа пинтань». В ней излагались некоторые соображения Чэнь Юня о восстановлении и развитии одного из популярнейших на юге страны цзянсийского сказа пинтань, высказанные им еще в июне 1977 г. на специальном совещании по вопросам пинтань, которое проводилось в Ханчжоу министерством культуры. 21 января 1979 г. в пекинской гостинице «Синьцяо» впервые после 10-летнего перерыва состоялась встреча деятелей песенно-сказительного искусства столицы, на которой присутствовало свыше 200 человек, главным образом активистов цюйи

¹⁴ См.: Ван Я пин. Чжао Шули — выдающийся литератор в области песенно-повествовательной литературы. — «Цюйи», 1979, № 2, с. 32.

¹⁵ Сб. Художественные выступления рабочих, крестьян и солдат. 1974, № 3, с. 5—9.

и деятелей литературы и искусства. На встрече выступили заместитель председателя Союза китайских писателей Чжоу Ян, заместитель министра культуры Чжоу Вэйцзи и драматург Цао Юй. Чжоу Ян указал задачи по пропаганде материалов III Пленума ЦК КПК и движения за «четыре модернизации», вновь отметив большую роль, которую должны играть жанры песенно-повествовательной литературы, на сей раз в разоблачении «банды четырех».

Выступление Чжоу Яна, как и установочная статья Тао Дуня «Искореним беспорядок, приумножим цюйи»¹⁶, касалось многих вопросов, возникавших еще до «культурной революции», с той лишь разницей, что теперь решения многих из них направлялись к иным целям.

Еще одним документом, вызвавшим широкий резонанс среди работников цюйи, особенно старшего поколения, явилось опубликованное 4 февраля 1979 г. в «Жэньминь жибао» выступление Чжоу Эньлая 19 июня 1961 г. на совещании по вопросам литературы и искусства. 2—3 марта 1979 г. по инициативе Ассоциации работников цюйи Китая и редакции журнала «Цюйи» было создано специальное совещание, посвященное «изучению» указанного выступления Чжоу Эньлая. Ораторы говорили о большом внимании Чжоу Эньлая к песенно-повествовательной литературе Китая, о его высказываниях по поводу общих и частных проблем развития разных жанров цюйи. На совещании было обращено внимание на более глубокое изучение теоретических проблем цюйи. За 30 лет существования КНР было опубликовано немалое число специальных статей, в которых описывались малоизвестные жанры цюйи, специфика их композиционного построения, особенности музыкального сопровождения и использования языковых средств. Однако серьезных работ, посвященных истории китайского народного сказа, было крайне мало. Примечательны в этой связи книги и статьи, вышедшие в 1979 г. Серьезное исследование по истории сунских народных сказов подготовил известный теоретик цюйи Чэнь Жухэн. Представитель старшего поколения мастеров цюйи, известный автор и исполнитель сяньшэнов, один из теоретиков этого жанра Хоу Баолиннь готовит монографию по истории жанра, глава из которой уже появилась в печати¹⁷. Вышел в свет ряд сборников избранных произведений Ли Жуньцзе, Гао Юаньцзюня и др., выпущенных издательством «Жэньминь вэньсюе чубаньшэ». 30-й годовщине МНР был посвящен специальный сборник избранных цюйи¹⁸.

Как известно, сатира и юмор не были в чести в годы «культурной революции». В связи с этим публикация многочисленных произведений в жанре сяньшэн воспринимается китайским зрителем с повышенным интересом прежде всего благодаря своей острой критической направленности против формализма, бюрократизма и пустозвонства — всего того, что было так характерно для Китая последних десятилетий. Сяньшэны «Вот так фотография», «Шляпная фабрика», «Притворство, высокопарность, пустословие» были объявлены критикой лучшими в своем жанре. Читательские отклики на них публиковались даже в центральной печати¹⁹. Появление многочисленных статей в журналах «Цюйи», «Ляонин цюньчжун вэньи» и других о жанре сяньшэн шло в русле наметившейся в последние годы тенденции создавать произведения, именуемые ныне в Китае «обличительной литературой». Нельзя не признать, что некоторые произведения этого жанра являют собой образцы подлинной сатиры. Появились на страницах литературных журналов, наконец, и произведения традиционного плана, обычно относимые к категории классических, что само по себе весьма отрадный факт.

На IV съезде работников литературы и искусства Китая, который проходил в Пекине с 30 октября по 16 ноября 1980 г., Ассоциация работников цюйи Китая была преобразована в Ассоциацию деятелей песенно-сказительного искусства Китая. Председателем Ассоциации был избран Тао Дунь, а его заместителями — Хань Цисянь, Гао Юаньцзюнь, Ло Юйшэн, Хоу Баолиннь, Ло Ян, У Цзунси, Цзян Юэцюань, Ли Дэцай.

30-летний путь развития песенно-повествовательной литературы в КНР был сложен и во многом противоречив. Много всевозможных преград было воздвигнуто перед ним, немало он несет и разнородных исторических наслоений. Преодолеть все это безболезненно и без потерь удавалось не всегда. Трудно предсказать, как будет дальше развиваться эта область художественного слова и песни в современных условиях, однако несомненным остается одно — подлинно народная литература и искусство не могут не заявить о себе в полный голос и занять подобающее им достойное место в сокровищнице китайской культуры независимо от того, как и во имя какой цели пытались или пытаются использовать их подборники своекорыстных интересов.

Ленинград

¹⁶ «Цюйи», 1979, № 1, с. 11—14.

¹⁷ См.: Чэнь Жухэн. История сунского народного сказа. Шанхай, 1979. Хоу Баолиннь, Сюе Баокунь, Ли Ваньпэн, Ван Цзиншоу. Общая теория происхождения сяньшэнов. — «Вэйцзинь дасюэ сюэбао», 1980, № 1, с. 23—35.

¹⁸ См.: Избранные цюйи (1949—1979). Сост. Чжу Гуандоу и Гун Цянькэ. Шэньян, 1979.

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 12.VI.1980.

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Агентство Синьхуа — инструмент подрывной деятельности за рубежом

*Г. С. Лонцаков,
кандидат исторических наук*

В ряду профессиональных информационных и пропагандистских учреждений КНР агентство Синьхуа является ведущим. Китайское руководство всегда уделяло этому органу пристальное внимание, рассматривая его как важнейшее звено в цепи идеологических органов маоистского режима. Особое место отводится агентству Синьхуа во внешнеполитической деятельности и пропаганде как существенному фактору, оказывающему определенное влияние на политическую ситуацию в некоторых регионах мира.

Ныне, когда маоисты под флагом яркого антисоветизма стремятся расчистить путь к реализации своих агрессивно-экспансионистских планов, появляется настоятельная необходимость более пристального внимания к деятельности этой организации, прежде всего на международной арене.

Необходимость создания специального центра для сбора информации всегда ощущалась руководителями революционного движения в Китае. Уже в январе 1932 г. в провинции Цзянси под руководством Чжу Дэ было основано информационное агентство, первоначально получившее название «Хунсэ чжунхуа шэ», а позднее, пять лет спустя, в соответствии с соглашением компартии Китая и гоминьдана переименованное в «Синь чжунхуа шэ», орган газетного агентства «Хунсэ чжунхуа баошэ». Располагая устаревшим оборудованием, агентство могло принимать только радиопередачи центрального агентства новостей гоминьдана. Однако позднее агентство «Синь чжунхуа шэ» было наделено правом редактирования материалов газет «Синьхуа жибао» и «Цзефан жибао», объединенных с этим агентством.

Как информационный орган компартии Китая агентство под названием Синьхуа (Новый Китай) было основано в 1938 г. в Яньани. Годом позже агентство выделилось в самостоятельную организацию и в 1940 г. уже располагало 20 филиалами и 57 корреспондентскими пунктами внутри страны и 8 отделениями за рубежом¹. В 1942 г. агентство Синьхуа начинает вести передачи на зарубежные страны по 3—4 часа в сутки на английском языке². Помимо открытия филиалов и корреспондентов, в районы боевых действий были направлены корреспонденты. После приобретения агентством Синьхуа пятиламповой приемной аппаратуры была установлена связь с рядом зарубежных информационных агентств.

В 1949 г. Синьхуа становится государственным информационным агентством. К этому времени по радио и с помощью проводной связи Синьхуа поддерживало связь уже с 30 зарубежными службами информации.

Агентство Синьхуа, несмотря на трудные условия работы рядовых китайских журналистов, сыграло определенную роль в борьбе за социалистические преобразования в 1949—1957 гг. Восстановление народного хозяйства, выполнение первого пятилетнего плана, политическое просвещение народных масс на основе марксистско-ленинской идеологии являлись главными задачами в деятельности агентства Синьхуа того периода. Много места в его работе отводилось осуществлению планов социалистического строительства, материалам, рассказывающим китайским трудящимся о братской помощи, об опыте Советского Союза, других социалистических стран.

Однако с конца 50-х годов такой курс деятельности агентства Синьхуа перестал отвечать интересам Мао Цзэдуна и его окружения. Разрыв правящей верхушки с марксистско-ленинским учением, стремление расколоть международное коммунистическое движение и занять в нем лидирующее положение оказали негативное влияние на всю систему массовой информации.

В мае 1967 г. агентство Синьхуа оказалось под непосредственным контролем группы по делам «культурной революции», «левые» маоисты превратили эту организацию в одно из важнейших орудий борьбы за власть.

¹ См.: «Дагун бао», 24.IV.1950.

² In: R. L. Dail. The New China News Agency and Foreign Policy in China. — "Contemporary Asian Review", 1977, vol. 1, № 1, p. 40.

Перемены в политическом курсе всегда сопровождаются в КНР идеологическими кампаниями, в ходе которых кто-то оказывается вынужденным выступать с самокритикой. После устранения в октябре 1976 г. «банды четырех» в такой ситуации оказались средства массовой информации. Смерть Мао Цзэдуна и устранение с политической арены пресловутой «банды четырех» и проведение 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. оказали определенное воздействие на всю пропаганду и средства массовой информации. Новый тур борьбы за власть положил начало и новой фазе схватки за контроль над ядром всей информационно-пропагандистской машины маоистов — агентством Синьхуа. С этого времени все неблагоприятные приемы и методы деятельности средств массовой информации и их источника списывают на «банду четырех». Вместе с тем разоблачение бытовавших прежде методов дезинформации, подтасовки фактов и других приемов в действительности означало саморазоблачение новых китайских руководителей. Продукция же, поставляемая агентством Синьхуа для всех каналов массовой информации КНР, по-прежнему остается недоброкачественной. Это признал орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао»: «Несмотря на меры, принятые в последние годы, практика публикации лживых сообщений не искоренена еще полностью ни в китайской печати, ни в самой «Жэньминь жибао». Если учесть, что агентство Синьхуа сосредоточивает всю деятельность по сбору, переработке и распространению как зарубежной, так и внутренней информации, то вполне очевидно, что прежде всего эта организация в руках маоистов является тем орудием, которое «сыграло крайне негативную роль в жизни общества, принимая участие в распространении лживых и не соответствующих действительности сообщений и неправильных политических установок»³.

О нынешней деятельности агентства Синьхуа существует далеко не полная и порой разноречивая информация. После провозглашения Китайской Народной Республики вся деятельность агентства Синьхуа была строго централизована. В провинциях и автономных районах страны насчитывалось до 30 его отделений, которые просуществовали до «культурной революции». Филиалы и отделения агентства занимают исключительно сбором информации и пересылкой ее в Пекин, где она тщательно просеивается, редактируется и вновь направляется на места для последующей публикации. Именно таким образом обеспечивается полный контроль над информацией, появляющейся во всех китайских газетах. От корреспондентов, работающих в филиалах и отделениях агентства Синьхуа, требовали присылки только таких материалов, которые бы носили общенациональный характер и могли бы использоваться газетами всей страны. Такой подход к обработке и подаче информации рассчитан на то, чтобы скрыть действительное положение дел на местах.

Во второй половине 50-х годов агентство Синьхуа располагало сетью из 2 тыс. корреспондентских пунктов, на которых работало до 70 тыс. кадровых работников. Зарубежную информацию к 1957 г. с помощью телетайпной связи и аппаратов Морзе агентство Синьхуа получало в объеме 281 часа, ежедневно принимая до 300 тыс. английских слов.

Рост числа отделений и корреспондентских пунктов за рубежом в середине и конце 50-х годов в первую очередь был связан с пересмотром пекинским руководством внешней политики в целом, а также конкретных методов и подходов к отдельным проблемам международных отношений. С 1953 по 1958 г. число отделений агентства Синьхуа за границей возросло с 6 до 21. В 1948 г. первое отделение Синьхуа было открыто в столице Чехословакии Праге. В середине 50-х годов аналогичные отделения начали свою работу в Рангуне, Дели, Джакарте, Лондоне и Женеве.

Со временем в деятельности агентства Синьхуа за рубежом стало характерным использование заграничных отделений в качестве своего рода плацдармов для дальнейшего расширения зоны присутствия китайцев в зарубежных странах. Отделения Синьхуа в Женеве и Берне явились ступенью на пути проникновения китайских журналистов в другие страны Западной Европы, а отделение, открытое в начале 60-х годов в Стокгольме, послужило плацдармом для проникновения в остальные Скандинавские страны. Китайских журналистов, аккредитованных в Австралии, постоянно можно встретить в Новой Гвинее и на острове Фиджи. Типичным примером такого проникновения китайских корреспондентов из отделения, открытого в одной стране, в соседние страны является Ближний Восток. Вслед за открытием корреспондентского пункта в Каире в 1956 г. вскоре были открыты пункты в Сирии (1957), в Иране (1958), Йемене (1959), Кувейте (1966) и НДРП (1968). Открытие зарубежных отделений нередко преследует также и цель воздействия на политическую ситуацию в том или ином районе земного шара. Именно с этой целью в 1970 г. отделение Синьхуа было открыто в Лусаке, столице Замбии.

Большое место в деятельности агентства в странах Латинской Америки отводится созданию так называемого «единого фронта» борьбы против Советского Союза и других социалистических государств. Активная деятельность агентства Синьхуа в этом регионе началась в 1959 г. после посещения в июле-августе делегацией китайских журналистов Бразилии, Уругвая, Чили и Боливии. В результате этого визита в 1960—1961 гг. были открыты отделения Синьхуа в Чили и Бразилии, а в Пе-

³ «Жэньминь жибао», 13.VI.1980.

гу, Венесуэле, Аргентине, Колумбии, Эквадоре и Доминиканской Республике — корреспондентские пункты, в которых работали местные кадры. В 1962 г. отделение было открыто в Уругвае, а уже год спустя три китайских корреспондента оказались в Мексике. В середине 60-х годов агентство Синьхуа также развило свою активность в Гайане и Коста-Рике.

В некоторых корпунктах Синьхуа работали местные журналисты. Однако Пекин скоро убедился в том, что они более уязвимы в случае репрессий со стороны властей, обычно отождествлявших их деятельность с левоэкстремистскими движениями. Корреспондентский пункт Синьхуа в Эквадоре, открытый в 1961 г., уже в 1962 г. был закрыт властями, а его заведующий Александро Рома — арестован. Такая же участь постигла корреспондентские пункты Синьхуа в Аргентине и Венесуэле⁴.

В тех странах, где агентство Синьхуа содержало на службе журналистов из числа граждан страны пребывания, они нередко использовались для расширения маоистского политического влияния, для установления так называемых «дружественных отношений» с лицами, имеющими влияние на членов правительства.

Многим китайским сотрудникам агентства, выезжающим за границу, выдаются дипломатические паспорта, в силу чего они оказываются в более выгодном положении по сравнению с представителями информационных агентств других стран, ибо статус дипломата позволяет им иметь более свободный и широкий доступ к большому числу источников информации.

Пекин постоянно добивается открытия все новых отделений агентства Синьхуа за рубежом. По оценкам иностранных наблюдателей, их число составляет сейчас от 60 до 70.

Следует особо подчеркнуть, что нынешнее пекинское руководство все шире использует агентство Синьхуа для подрывной деятельности в международном коммунистическом и рабочем движении. В странах, с которыми КНР не имеет дипломатических отношений (а порой и там, где существуют китайские дипломатические миссии), представители Синьхуа действуют подобно дипломатическим миссиям: они могут вести вопросы выдачи виз, улаживают дела по организации поездок в Китай представителей страны пребывания, разрабатывают маршруты для китайских делегаций, прибывающих в страну, рассылают поздравления, составляют протесты и т. д. Нередки случаи, когда корреспонденты агентства Синьхуа берут на себя роль дипломатов для ведения переговоров. Корреспондент агентства Синьхуа Гао Лян, работавший в странах Южной Африки, действовал в качестве посредника тогдашнего китайского посла в Танзании Хэ Ина по вопросу расширения отношений с Бурунди и другими южно-африканскими странами⁵. Двум сотрудникам агентства Цзянь Шэсе и Чан Лянпину было поручено провести переговоры с премьер-министром Конго по вопросу обмена миссиями. Более того, как отмечает зарубежная пресса, заведующий корреспондентским пунктом в Гонконге Ван Гуан фактически играет здесь роль посла, а некоторые сотрудники агентства имеют дипломатические паспорта и пользуются дипломатической неприкосновенностью. Летом 1978 г. администрация агентства Синьхуа купила в Гонконге двадцатитрехэтажный отель «Хэпни вэлли» стоимостью в 15,5 млн. долл.

Отделения агентства Синьхуа, нередко выступая в роли дипломатических миссий, добиваются предоставления их служащим свободного передвижения в странах пребывания. Это обстоятельство позволяет использовать учреждения Синьхуа за границей в качестве инструмента для создания на неправительственном уровне в этих странах так называемых «единых фронтов», через которые Пекин с помощью журналистов устанавливает более тесные связи с левоэкстремистскими элементами. Деятельность сотрудников агентства Синьхуа нередко кончается выдворением их из страны и арестами. В годы «культурной революции» представители Синьхуа высылались из Ганы и Бурунди за участие в попытках изменить государственный строй в этих странах. В кульминационные периоды идеологических кампаний в Китае китайские журналисты делали попытки вызвать беспорядки в Непале, Бирме и Сенегале⁶. За вмешательство во внутренние дела стран пребывания корреспонденты агентства Синьхуа были выдворены более чем из десяти стран.

Агентством Синьхуа, помимо снабжения тщательно отобранной и приглаженной информацией всех каналов массовой информации, также выпускается закрытый информационный бюллетень «Цанькао сяоси», которому принадлежит весьма важная роль в китайской политической машине. Это издание выходит в виде ежедневной газеты на четырех страницах в трех вариантах: первый предназначен исключительно для высшего эшелона правящей верхушки, второй — для сравнительно узкого круга руководящих работников и, наконец, третий вариант является доступным для достаточно широкого круга кадровых работников низшего звена. Для лиц и учреждений, специально занимающихся международными проблемами, агентством издается «Цанькао цзыляо» («Справочные материалы»), выходящие шесть дней в неделю по два раза в день.

⁴ In: R. L. Dail. Op. cit., p. 43.

⁵ n: B. Larkin. China and Africa 1949—1970. [Berkeley, 1971], p. 65.

⁶ Ibid., p. 46.

Для этих изданий характерна тенденциозность подбора и подачи материалов, особенно сообщений о благоприятной реакции за рубежом на события в Китае и на внешнеполитические акции КНР. Материалам, посвященным так называемому «третьему миру», свойственна демагогичность. Если в других материалах делается хотя бы попытка как-то соблюсти видимость объективности, то в сообщениях о странах социалистического содружества и о Советском Союзе маоисты от журналистики теряют всякое чувство меры, перепечатывая заведомую клевету реакционной западной печати, широко используются грязные пасквилы, которые стряпают раскольнические пропекинские группировки. Необъективность информации, клевета на народы и правительства других стран, и прежде всего на страны социализма, в целях обмана китайского народа вынуждают маоистов тщательно скрывать от иностранцев закрытые издания Синьхуа.

Подавляющее большинство материалов этих изданий — тщательно отобранные сообщения из зарубежных источников. Анализ «Цанькао сяоси» показывает, что источниками материалов, публикуемых в бюллетене, являются агентства Рейтер (Англия), Ассошиэтед Пресс (США), Франс Пресс (Франция), Сентрал Ньюс Эйдженс (Тайвань), радио вооруженных сил США, радио Австралии, Индонезии, газеты «Крисчен сайенс монитор», «Нью-Йорк таймс» и другие буржуазные издания. Материалов, исходящих собственно от агентства Синьхуа, крайне мало. Следует также отметить, что лишь 17 % содержания этого издания составляют материалы из стран социализма⁷. Среди зарубежных наблюдателей существует мнение, что «Цанькао сяоси» тщательно скрывается от постороннего глаза потому, что в Пекине опасаются раскрытия путем анализа этих публикаций истинных политических намерений китайских руководителей⁸.

В сферу деятельности агентства Синьхуа входит и специальный орган комиссии по делам зарубежных китайцев. Для распространения маоистских изданий, предназначенных для «хуацяо» — зарубежных китайцев, Пекин создал в Гонконге специальное информационное агентство «Чжунго синьвэнь», распространяющее подготовленную в Пекине информацию по всем странам, где живут китайские эмигранты.

Агентство Синьхуа имеет свои собственные средства распространения информационных материалов и пропаганды за рубежом. Уже к 1957 г. агентство ежедневно передавало от 8 до 12 тыс. слов по 9 различного рода каналам проводной связи в Лондон, Прагу, Гонконг, Токио, Карачи, страны юга Европы, Каир, Пхеньян и Ханой.

В 1972 г. по данным западных специалистов агентство Синьхуа имело свои отделения, корреспондентов или постоянных сотрудников в 40 зарубежных странах, в том числе впервые при представительстве в ООН в Нью-Йорке, где было аккредитовано пять его корреспондентов. Агентством подписаны соглашения об обмене информацией и фотоматериалами с крупнейшими информационными агентствами мира: Ассошиэтед Пресс, Юнайтед Пресс Интернешнл, Рейтер, Киодо Цусин и Франс Пресс.

В последнее время отмечаются случаи установления агентством Синьхуа так называемых «особых отношений» с рядом зарубежных газет, прежде всего в странах «третьего мира». Эти газеты бесконтрольно и безвозмездно помещают на своих страницах материалы агентства. Такие отношения, в частности, установлены с танзанийской газетой «Африкэн стандарт» и конголезской «Дипанд»⁹.

Агентство также издает свой собственный «Информационный бюллетень агентства Синьхуа», (ИБАС), предназначенный для распространения за рубежом. Агентство ежедневно передает в свои зарубежные отделения информацию, которая затем на месте размещается ротаторным способом на языке страны и продается или распространяется бесплатно. Для иностранцев, проживающих в пределах КНР, выпускаются «Новости иностранных агентств и прессы» на английском языке. Для сравнительно узкого круга партийных, административных и военных работников агентство Синьхуа издает довольно полный справочный журнал зарубежной информации, помещающий даже негативные комментарии и новости о Китае за рубежом. Здесь также сообщается о политической, экономической и культурной жизни на Тайване, в Гонконге и Макао, а также информация о положении в международном коммунистическом движении.

В общей сложности агентство Синьхуа ежедневно выпускает 32 информационных бюллетеня, которые не поступают в продажу¹⁰.

Конец 1971 и начало 1972 года были отмечены активизацией деятельности агентства Синьхуа на международной арене, и прежде всего в странах Западной Европы, где, как теперь стало очевидным, китайские руководители пытаются сколотить священный союз реакционных сил для борьбы против мира социализма, и в первую очередь против Советского Союза. С этой целью Синьхуа рассылает своих эмиссаров во все страны мира. В 1971—1972 гг. один из заместителей директора

⁷ In: H. Schwarz. The Ts'an-kaio Hsiao-hsi. How Well Informed are Chinese Officials about the Outside World. — "China Quarterly", July—September 1966, p. 55.

⁸ In: "The Washington Post", 26.V.1980, p. A-25 — A-26.

⁹ In: A. Hutchison. China's African Revolution. London, 1975, p. 99.

¹⁰ См.: «Синьвэнь тяньди», 1979, февраль, № 1350.

агентства Дэн Ган посетил Румынию, Швейцарию, Австрию, Данию, Норвегию, Финляндию и Швецию. С усилением гегемонистских, великодержавных тенденций Пекина агентство Синьхуа еще интенсивнее используется в качестве инструмента навязывания идей маоизма народам Азии, Африки и Латинской Америки. В течение 1970—1973 гг. высокопоставленные руководители Синьхуа посетили Турцию, Югославию, Конго, Заир, Сенегал и др. Тогдашний директор агентства Чжу Мучжи посетил также США и Канаду. Особая активность агентства была отмечена в странах Латинской Америки и в бассейне Карибского моря, где делегация Синьхуа во главе с Ли Яньнянем имела встречи не только с представителями журналистских кругов этих стран, но и с главами государств¹¹.

Агентство Синьхуа — это рычаг, который пускается в ход каждый раз, когда в Пекине решают предпринять очередную кампанию клеветы или провокационную акцию. Ныне весь пропагандистский аппарат маоистов во главе с агентством Синьхуа включен в кампанию необузданной клеветы на Советский Союз и социалистическое содружество. Не прекращаются злобные нападки на социалистическую Кубу. Агентство Синьхуа почти ежедневно источает также инсинуации о «несчастной участи» своих соотечественников во Вьетнаме. Неблаговидная роль, которую играло агентство Синьхуа и его представители в Ханое, разоблачена перед мировой общественностью печатью СРВ. На конкретном материале убедительно показано, что ханойское отделение Синьхуа являлось фактически одним из центров, провоцирующим вьетнамцев китайского происхождения не только покидать свою родину, но и наносить по возможности больший экономический и политический ущерб Вьетнаму¹².

О важной роли агентства Синьхуа в арсенале средств борьбы пекинских руководителей против международного коммунистического и рабочего движения, против стран реального социализма говорит тот факт, что даже в самые мрачные дни «культурной революции» китайские правители тщательно оберегали эту организацию. Она была поставлена под непосредственную опеку «группы по делам культурной революции», которая издала специальные инструкции, запрещавшие втягивание агентства в «революционную деятельность в силу важности стоящих перед ним задач»¹³, там не создавался даже так называемый «ревком», лишь с конца 1967 г. до 1 июля 1972 г. осуществляла контроль армейская группа НОАК.

В структуре агентства основными подразделениями являются: отдел международной информации, в функции которого входит сбор и обработка информации, поступающей из-за границы, иностранный отдел, подготавливающий материалы для зарубежной аудитории на иностранных языках, и отдел фотохроники. Техничко-административная служба агентства включает управление связи, справочный отдел, бюро по связям с иностранными корреспондентами, отдел переводов со штатом из 20 переводчиков, не считая журналистов, также занимающихся переводами. Численность сотрудников агентства достигает 4 тыс. человек. Из них примерно 600 человек являются корреспондентами по внутренним вопросам, 200 — специализируются на международных новостях¹⁴.

После завершения очередной кадровой перетряски в различных звеньях пропагандистского аппарата в мае 1977 г. на посту директора агентства Синьхуа был восстановлен Чжу Мучжи. Однако его вскоре заменил Цзэн Тао, занимавший в разное время посты начальника секретариата горкома партии в Шанхае, заведующего отделением агентства Синьхуа на Кубе, посла в Алжире, Югославии, Франции и заместителя директора агентства Синьхуа.

После устранения «банды четырех» в октябре 1976 г. и смены руководства Синьхуа не было каких-либо сообщений о структурной перестройке агентства или об изменениях содержания его деятельности.

Разрыв с марксизмом-ленинизмом, смыкание с силами империализма и войны, ужесточение политики антисоветизма и антисоциализма неизбежно влекут за собой соответствующие сдвиги в деятельности и структуре агентства Синьхуа как института подрывной деятельности в мировом коммунистическом и национально-освободительном движениях. Поэтому изучение этого института, который занимается идеологической обработкой сотен миллионов людей в духе шовинизма, гегемонизма и экспансионизма, должно быть важным звеном в разоблачении политики, враждебной делу мира и интересам всего человечества.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 25.I, 4.II и 5.VII.1973.

¹² См.: «Нян Зан», 17, 19.VI.1978.

¹³ Current Scene Development in Mainland China. Hong Kong, 1972, vol. 10.

N 7, p. 9.

¹⁴ In: R. A. MacFarquhar. Visit to the Chinese press. — "China Quarterly", 1973, № 53, p. 151—152.

Из китайской классической прозы

В. М. Алексеев,
академик

От редакции

Академик В. М. Алексеев (1881—1951)* в годы войны работал над антологией шедевров классической поэзии и прозы. Он перевел 463 поэтических и 402 прозаических произведения IV в. до н. э. — XVII в. Из всей этой огромной массы интереснейших художественных текстов пока опубликована лишь малая доля (66 произведений 22 авторов вошло в изданную в 1958 и переизданную в 1959 г. книгу «Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева»). В публикуемой ниже подборке, подготовленной к печати доктором филологических наук Б. Л. Рифтиным и дочерью академика В. М. Алексеева М. В. Баньковской при любезных консультациях ближайшего ученика В. М. Алексеева профессора Л. З. Эйдлина, представлены отдельные образцы переводов из древнекитайской прозы III в. до н. э.—II в. н. э. Из огромного количества переводов В. М. Алексеева были выбраны те, которые, как кажется, представляют наибольший общественный интерес и дают новый важный материал для понимания как специфики традиционного китайского мышления, так и особенностей литературного творчества древнего Китая.

Подборка открывается посланием Ли Сы (ок. 284—208 гг. до н. э.). Ли Сы был ярким представителем древнекитайского легизма, о котором столь много писалось в Китае конца 70-х годов. Он родился в царстве Чу, учился у знаменитого философа Сюнь-цзы, но, видя, что чуский князь не может оценить его таланта государственного мужа, а другие царства слишком слабы, отправился в северо-западное царство Цинь, мечтая найти применение своим способностям. Он понравился циньскому министру Люй Бувэю, и тот представил его правителю, будущему императору Цинь Ши-хуану, который назначил его на высокую должность. Прежде в Цинь никогда не допускали к княжескому двору бродячих ученых, уроженцев других царств, но Люй Бувэй как первый министр стал привечать талантливых людей из других земель, и это не могло не вызвать недовольства местной знати. Ссылаясь на случаи засылки шпионов и убийц из соседних царств, местные сановники добились от князя издания указа об изгнании пришельцев. Подлежал изгнанию и Ли Сы, но написанное им послание государю оказало свое действие, и приказ тотчас же был отменен.

Империя Цинь, основанная князем, при котором служил советником, а впоследствии и первым министром Ли Сы, просуществовала всего 40 лет. Жестокие меры подавления народа, тирания, массовые казни жителей покоренных царств, грандиозное строительство Великой стены и пышного дворца Эпан, истощение людских ресурсов — все это привело к падению первой централизованной империи, основанной Цинь Ши-хуаном, правителем, оценка личности которого вызывала многочисленные споры в современном Китае. Ошибки его правления — тема знаменитого трактата Цзя И (201—169 гг. до н. э.), видного сановника ханьского императора Вэнь-ди и, как писал В. М. Алексеев, «блестящего писателя, эссеи которого обязательно украшают каждую учебную хрестоматию».

Современник Цзя И, прославившийся своей ученостью Чо Цо (? — 154 г. до н. э.) представлен в публикуемой подборке докладом государю по поводу первостепенной значимости сельского труда и ценности зерна. Чтобы правильно понять это сочинение, следует учесть, что писалось оно во времена, когда кочевники-гунны постоянно нападали на китайские пограничные заставы, а служившие там солдаты, не получая нужного провианта, не могли должным образом отражать нападения кочевников. Поэтому-то доклад и кончается словами о том, что если государь внемлет советам Чо Цо, то на далеких заставах будет вдоволь провианта. В этом, так сказать, ближайший практический смысл доклада, в котором развернута целая программа «экономической перестройки» государства на основе традиционных конфу-

* См. статью В. Ф. Сорокина «Жизнь, отданная науке». — «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 1.

цианских представлений, согласно которым основу общества должен составлять земледельческий труд.

Сочинения Лу Вэньшу (I в. до н. э.), Бань Чао (33—103) и его сестры Бань Чжао (?—ок. 116 г. до н. э.) также посвящены проблемам сугубо общественным. Написанные около двух тысяч лет тому назад, эти человеческие документы и сегодня должны звучать в Китае удивительно современно. Например, послание Лу Вэньшу о возвышении человеческой личности и отмене суровых казней, о необходимости сделать так, чтобы деспотии жестоких тюремщиков, отправляющих на смертную казнь десятки тысяч ни в чем неповинных людей, пришел конец. Государь одобрил проект Лу Вэньшу, но достаточно прочесть любую книгу по истории Китая, чтобы увидеть, сколько раз еще тюремщики брали верх над честными людьми в этой многострадальной стране.

Выдающийся китайский дипломат Бань Чао в начале 70-х годов I в. н. э. был послан в Западный край (то есть в области современных Цинхя и Синьцзяна) с целью нейтрализовать угрозу гуннского нашествия. С ним было всего 36 человек, но ему удалось не только предотвратить очередное нашествие кочевников, но и заключить союз с правителями пятидесяти мелких тамошних царств. Почти тридцать лет пробыл он в суровом Западном крае, стал стар, немощен, обратился с петицией к государю, мечтая получить разрешение вернуться в родные края, но за три года император Хэ-ди так и не удосужился ответить на его послание, и только слезное ходатайство его сестры блестящей поэтессы Бань Чжао, также помещаемое здесь в переводе В. М. Алексеева, растрогало его, и 70-летний дипломат получил наконец разрешение вернуться,— вернуться, чтобы через месяц умереть «от грудной болезни».

Блестящие сочинения древнекитайских авторов в первоклассных переводах академика В. М. Алексеева есть тоже документ своей эпохи, свидетельство кропотливого и самоотверженного труда замечательного советского ученого.

Переводы эти делались в суровые военные годы, о чем рассказывает в публикуемой ниже вступительной статье к ним, написанной дочерью В. М. Алексеева — М.В. Баньковской.

Из архива ученого

Передача китайского художественного слова русским художественным словом — эта труднейшая задача была одной из главных в научном творчестве В. М. Алексеева, от студенческой скамьи и до конца жизни. В 1943 г., в то самое время, когда В. М. Алексеев работал над публикуемыми здесь переводами, набрасывая наметки для доклада об установках переводчика-синолога, он записал: «Я занимаюсь китайским языком уже 45 лет, но трудность (в том числе и композиционная) не уменьшается... Трудность китайского языка совсем не в иероглифическом оформлении, а именно в «ля энъ шэнь» — «глубине китайской мысли», в литературном намеке и в последовательности логической, заслоненной до неузнаваемости образностью. ...Конечно, все китайское общечеловечно, и нет такой «китайщины», которую нельзя было бы в совершенстве перевести. Но это сопряжено с большим трудом: подходами, предисловиями, послесловиями, комментариями, парафразами. Миссия переводчика оригинала на родной, да еще точный, да еще складный язык огромна — надо вводить в сознание все полностью!»

О трудностях и сомнениях, которые мучили и не отпускали от себя, щедро надеясь и терзаниями неразрешимого, и радостью содеянного, В. М. Алексеев говорил и писал много, с полной искренностью оценивая и критикуя свои достижения и пробы. Эти его оценки и установки, имеющие прямое отношение к публикуемым переводам, читатель может найти в книге В. М. Алексеева «Китайская литература». Здесь же мы хотим представить — как самые живые и непосредственные свидетельства его работы над переводами — то, что было сказано во время самой этой работы, по ходу дела, в письмах к ближайшему другу и коллеге академику И. Ю. Крачковскому из Борового (Северный Казахстан) сначала в осажденный Ленинград, затем в Москву, куда летом 1942 г. был эвакуирован тяжело больной Крачковский. Письма военных лет (январь 1942 — май 1944 г.), сообщения о новых и новых потерях учеников, друзей и весной 1943-го — сына, Михаила Алексеева. Скорбь, боль, тревога — и тут же спокойный разговор о делах, науке, работе, — разговор ученых, в самых тяжелых испытаниях оставшихся верными своему долгу и самим себе, не впавших в отчаяние, ни на миг не терявших уверенности в победе.

В. М. Алексеев был эвакуирован с семьей из блокадного Ленинграда в конце 1941 г. самолетом, лимит багажа — 10 кг на человека. Как самое жизненно необходимое им были взяты том китайской антологии и словарь. (После снятия блокады прибыли заранее упакованные В. М. Алексеевым посылки с последующими томами антологии, отправленные управдомом Ф. Е. Савченко — заслуга немалая.) В Боровом, в общежитии ученых, эвакуированных из Москвы и Ленинграда, В. М. Алексеев обрел комнату (на семью), письменный стол и даже кресло. В местном магазине была

приобретена бутылка чернил — к сожалению, красных (потом и ее не хватило, пришлось разбавлять), — но не было бумаги. С торжеством из того же магазина им было принесено несколько больших, на полукартоне, альбомов с описанием... болезней лошадиных копыт. Аккуратно нарезав стопы листиков, В. М. Алексеев тут же приступил к работе, и строки древних китайских писателей стали ложиться поверх ветеринарных текстов и рисунков. На тех же «копытах» написаны и некоторые письма Крачковскому. Разбирать их трудно, но зато как ошутима на этих странных листках интонация времени, какой обостренной откровенностью проникнуты обращения В. М. Алексеева к другу, чье мнение он ставил превыше всего.

Боровое. 11 января 1942

...Перевожу очень усердно, но до непозволительности медленно, так что закончу (без комментария, для которого нет книг) не ранее чем через 6 месяцев, но надеюсь, надеюсь, что к этому времени буду уже дома...

Боровое. 15 марта 1942

Пишу здесь свои бесконечные переводы, не имея возможности ни о чем справиться: у меня с собою только одна книга+словарь! Кстати, позвольте Вам как директору ИВ сообщить, что к тому времени, как Вы получите это письмо (а по-моему, уже через две недели, к апрелю), я закончу (в первом этапе и без комментария, для которого нет ни справочников, ни бумаги) «Мастеров китайской художественной прозы в худ (-ом!) переводе». После первого концентрического круга, в 67 произведений, я в апреле и мае прибавлю еще столько же, и далее — до 200. Весь мой план на этот год я этим выполню — если будет бумага. Иначе, forse тажеуге* буду сосать кулак и вообще неизвестно что делать.

Боровое. 3 июня 1942

...Я упорно сижу над китайскими мандарино-поэтами, изводящими меня подлою виртуозностью своих льстивых виршей, в которых слова «милость», «соизволил», «августейший» варьируются на сотни ладов, а то просто подразумеваются, и мне приходится их выдумывать для построения вообще какой-либо фразы. У меня в голове, равно в словаре, этих слов нет, и на них отзывается глухим раздражением. Работаю сильно замедленными темпами. Не думаете ли Вы, что поэзия с утра до вечера à la longue** вызывает кислую реакцию, особенно у переводчика, который обязан не только сам сосать и смаковать, что дают, но и других заставлять делать то же без их желаний, согласия и даже, увы, возможности. Вообще погибает от собственного однообразия и убожества, выход из которого, конечно, есть: «дайте» мне выбрать антологию по своему вкусу! Да, но научно ли это? Китаец говорит: «Я люблю это», — а русский ему: «Нет, шалишь! По-моему, вот это лучше!» Будет ли антология, но педагогическая, ad usum vulgarem***, ибо кто судья китайской поэзии? Не я же! Тем не менее если: 1) буду жив, 2) буду действовать, непременно дам том IV «Антология по выбору переводчика». Как Вы думаете?

Боровое. 7 марта 1943

...Я сегодня заканчиваю свою «среднюю» программу «Антологии китайской классической прозы», ч. II (II в. до н. э. — XX в.), ибо для «большой» нет материала, а для комментария по-прежнему нет бумаги, ибо та, что пришла, промокает... Кроме того, даже классиков под рукою нет, и, значит, точной справки нигде нельзя дать. Более глупого положения я не переживал: всё, всё лежит в Ленинграде, а сам я там работать не могу!

Боровое. 24 мая 1943

...Сейчас собираемся втроем: А. А. Фрейман, В. М. Аникеев и я, неизменный и еженедельный докладчик. На днях сообщал о «Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи (ум. в 303 г.) о поэтическом мастерстве». Продолжу в следующую пятницу, ибо материала слишком много для одного раза. Затем перейду к «Француз Буало и китаец Юань Хуан о том же самом». Транспорт книг меня обеспечивает работой как переводчика, полукomentатора и полуученого, профессора китайского языка, преподавателя английского и французского языков. Но... классиков под рукою нет, значит, и ничего нет точного. Наконец перестану писать на отребье и красными ужасными жидкостями.

Боровое. 24 июня 1943

...Читаю еженедельно разные доклады, составляемые, между прочим, «впрок», но в виде полуфабрикатов, ибо писать и получить обратно или угодить в корзину — мне надосло. С другой стороны, только переводить, не осмысляя переводов, невозможно.

* Непреодолимая сила (франц.).

** В конце концов (франц.).

*** На потребу обывателя (лат.).

Боровое. 17 декабря 1943

...Сейчас только что закончил (как обычно, в полуфабрикате) оольшую статью «Буддизм в китайской культуре и изящной литературе», которая обнимает с десятком переводов: из них один — подлинный *tour de force* * — «Надпись на стене в храме Тунто (483?)». Настроение во время перевода было проклятое: претенциозный, высокого штиля мудреный текст; два комментария, делающие вид, что они понимают то, что непонятно; буддийский язык в самой условной его форме и т. д. Переводил и ругался, скрежеща зубами, но доведя тем не менее до конца...

Боровое. 19 мая 1944

...Сижу над переводами самых трудных текстов и редактированием плюс комментарием к поэтической антологии. Негодующе чиркаю в том, что произвел два года тому назад, ибо в своем переводческом искусстве ушел дальше начатков своих... Однако если через каждые два года я буду все целокупно уничтожать, то где же остановка? В могиле, что ли? Сильно встревожен этим открытием — и вообще пребываю в беспокойстве ежедневном и затяжном...

Откровенные признания В. М. Алексеева в том, сколь тошно ему переводить льстивые изощрения «мандарино-поэтов», могут вызвать сомнение: а нужно ли было вообще мучиться, переводить все это? Не педантизм ли — упорное следование подобию китайца-антологиста? В. М. Алексеев не раз выслушивал подобное и возражал со всею твердостью убежденного в своей правоте ученого: «Я считаю, что иностранец вообще не имеет права отбирать в антологию то, что ему нравится» (написано тогда же в Боровом, 1 августа 1942 г., во «Временном или посмертном предисловии» к первой, только что законченной части переводов). Переводы, на которые можно сослаться (это подчеркивается В. М. Алексеевым прежде всего), должны, по его убеждению, создать базис для построения сравнительной истории китайской литературы как литературы мировой. Понятно, что любой произвольный выбор не мог бы не нарушить и полноту, и объективность. Но все-таки — об этом говорится и в письмах, и в только что цитированном предисловии — В. М. Алексеев надеялся когда-нибудь «позволить себе составление особой антологии по моему собственному вкусу в виде приложения к основной».

Главное же, чего нет и не могло быть в письмах к И. Ю. Крачковскому, которому подобные оговорки были не нужны, — под претящей подобострастной формой (обязательность которой столь очевидна, что можно и пожалеть выжимающего из себя эти льстивые фразы) не трудно увидеть вековечное стремление умов, не равнодушных к судьбам страны и людей, вразумить равнодушных правителей, побудить к справедливости и состраданию.

В прекрасном предисловии к опубликованным в «Восточном альманахе» в 1974 г. переводам В. М. Алексеева (из той же антологии, но более поздних веков) Л. З. Эйшлин емко и четко ответил сомневающимся в нужности подобных переводов: «...до самого последнего времени китайские старые писатели были в круге читательского внимания интеллигенции. Их имена, строки из их сочинений были известны широко в народе. Насильственный обрыв этой традиции произошел на наших глазах. Не исключено и то, что мы окажемся свидетелями возвращения ее к жизни: это неминуемо свершится рано или поздно. Вот почему представляемые нами переводы В. М. Алексеева и для нас не просто приобщение к старинной культуре великого народа, не только утоление любознательности, призывающей к знакомству с иными плодами человеческой мысли, не одно даже наслаждение изяществом художественного выражения этой мысли, но и встреча с размышлениями, общими для человечества любой поры его существования».

М. В. Баньковская

Ли Сы в докладе государю протестует против изгнания пришельцев

Ли Сы

Циньские родичи царского дома и крупные чиновники обратились к Циньскому государю с таким представлением: «К нам приходят сюда люди от разных удельных князей, определяясь на циньскую службу. Они в большинстве случаев имеют в виду содействовать своими беседами изоляции циньского удела в интересах их собственных повелителей. Просим изгнать их всех без исключения». Ли Сы по их приговору тоже очутился в числе изгоняемых. Тогда он подал государю рапорт, в котором писал следующее:

«Я слышал, Государь, что служащие Ваши решили всех изгнать пришельцев. Позвольте думать мне, что это — заблуждение. Когда-то было так, что князь Му-гун¹

* Ловкий трюк (франц.).

искал себе людей на службу. На западе взял он средь жунов Ю-юя, с востока, в Юань, он добыл Боли Си. Приветствовал Цзянь Шу из Сун, искал Пэй Бао, Гунсунь Чжи он в Цзинь — вот эти пять господ не родились ведь в Цинь, а князь Му-гун их взял к себе на службу; он присоединил к своим владениям еще десятка два уделов и стал сейчас же властвовать над всеми на западе владениями жунов. Князь Сяо-гун провел мероприятия, которые ему дал Шанский Ян²; они изменили народные нравы, иначе направили массовый быт. От этих законов народ стал привольнее жить, и все государиство от этого стало богатым и сильным тогда. Все сотни родов, народные массы служили царю с удовольствием, счастьем, и все государи — соседи его, сближались с ним, покорялись ему. Он захватил войска уделов Чу и Вэй, забрал себе земли на тысячу ли. И до сих пор еще там твердо управляют. Князь Хуэй — он тоже принял, в жизнь провел те планы, что Чжан И³ ему придумал: он вырвал у соседей землю «Среди Трех Рек»⁴; на западе он присоединил к себе и Ба и Шу; на севере забрал Шанцзюнь, на юге взял Ханьчжун; кольцом охватил все девять племен инородцев, себе подчинил две столицы большие, как Янь, так и Ин⁵. На востоке сумел захватить он твердыни Чэнгао, нарезал себе самых жирных земельных угодий. Затем он разнял коалицию по вертикали⁶, состоявшую из шести государств: заставил их всех повернуться на запад лицом и служить только Цинь. И доселе еще его дело живет. Князь Чжао нашел себе друга в Фань Суе; низверг он маркиза Жан-хоу, прогнал от себя Хуа Яна, свой княжеский дом укрепил и запер влиянье отдельных семейств. Он, как тутовый червь, поедая все владенья князей и дал завершиться монархии Цинь. Все эти четыре владетеля жили работою пришлых гостей. И если на дело отсюда взглянуть, то в чем провинились пришельцы пред Цинь? Ведь если бы эти четыре владетеля раньше отвергли пришельцев-гостей, к себе их совсем не приняв, и если б они отстранили ученых, на службу не взяв их к себе, это значило б только не дать государству богатств настоящих и выгод, а также лишить этим циньское царство славы большой и сильной страны.

Теперь же, о Вы, у подножья дворцового входа которого я вот сейчас стою, Вы достали себе драгоценные камни из Куньских далеких гор, а Вы обладаете редкими перлами, теми, что были до вас у маркиза Суй-хоу, а также Бянь Хэ⁷. Повисли на Вас жемчужины светлой луны; привешен на Вас меч с «Великих Холмов». В упряжке у вас рысак исключительный Сяньли. Водружено знамя лазурного феникса здесь, стоит барабан из кожи великого монстра. Среди этих всех ценностей нет ни одной, которая бы в Цинь родилась. А Ваше Величество так ведь их любит! — Так что же выходит? — Ведь если приемлемым для вас является лишь то, что родилось в Цинь, то это бы значило только, что перлы ночного сиянья дворцам украшениям не будут служить, а вещь из кости слона, носорога никто любоваться больше не станет; женщины из Чжэн и Вэй⁸ не будут служить Вам в тех дальних дворцах; не будут тогда рысак знаменитые Цзюэ и Ти в ваших конюшнях кормиться; золото или латунь из стран, что к югу от Цзяна, не будут уж в употреблении, яркие краски художников шуских не будут пред Вами сиять. И если те, кем так украшены дворцы, что позади других расположились, кто услаждает дух и мысль, пленяет слух и взоры Ваши, — и если эти все созданы приемлемы для Вас лишь с обязательным условием происхождения из Цинь, и только Цинь, то это б значило тогда, что булавки из ванских жемчужин, и серьги из лучших камней, и платья-шелка из местности Э, украшения в парче и узорном атласе... что все эти вещи не будут являться больше пред Вами, пойдут по рукам и прекрасное будет не то уж. Эти красавицы, нежные, тонкие, милые, очаровательные женщины, в Чжао рожденные девы — тоже не будут стоять возле вас. Позвольте, бить в глиняный жбан или плоску какую-нибудь, струну пощипать или звякать костями, затем бормотать «у-у-у», восхищаясь всем этим и уши и глаза, — вот подлинно циньские звуки. А чжэнские, вэйские песни о тутях; а музыка, напевы Шуня, «военных слонов»⁹ — то музыка царств уже других. Теперь Вы бросили бить в жбан и чан, отдавшись чжэнской песне и вэйской, оставили циньские струны и взялись за напевы Шуня... Как это понять? Восхищенная мысль перед нами, так принято глядеть — вот и все... А вот когда Вы принимаете людей к себе на службу, то дело уж не то. Не спросив никого, он приемлем или нет, не судя уж о том, он кривой или прямой, все, кто здесь не из Цинь, отвергаются; гонят прочь всех пришедших извне. Выходит так, что внимание все на любовных страстях, на музыке, жемчуге, яшме; в пренебрежении же — весь народ! Уж вот где похвастаться нечем пред миром! Не в этом уменье справляться с князьями!

Я слышал, Государь, «в полях обширных много злаков, а в государстве, что по больше, многолюдно. Если войско могуче, солдаты храбры. Поэтому гора Тайшань не уступает своей земли и этим держит свою громаду. Река и море не отбирают, не отвергают и мелких струй и этим могут свою наполнить всю глубину. А настоящий владыка-царь не отвергает народных масс, и этим может свою доблесть на свет явить». И вот ему земля — без всяких стран чужих и люди все без иноземцев, все годовые сезоны полны для него красоты, и духи и боги ниспосылают благость свою. Вот этим и были вне всяких сравнений пять Древних Монархов и Трое Царей. Теперь же выходит, что Вы, без вниманья оставив свой черноголовый народ, даете тем самым ресурсы соперникам-царствам. Вы гоните прочь пришельцев-гостей, чем только крепите дела всех соседних князей. Вы этим заставите всех нас, ученых Земли Поднебесной, от вас уходить и не сметь уж стремиться на запад¹⁰, связать себе ноги

и в Цинь не входить. Но это ведь, как говорят, давать врагу солдат, разбойнику слать хлеб. А знаете, есть много ведь вещей, которыми охотно дорожат, но не родятся в Цинь они. Найдется много тех ученых, что, не родившись в Цинь самой, готовы верой вам служить. Теперь же Вы прочь гоните пришельцев, чтоб подарить их вражеским уделам; вредите своему народу, обогащая лишь врагов. Внутри себя опустошив, садитесь тем злобу среди князей — и при таких делах стремиться к безопасности страны и государства! Конечно, ничего из этого не выйдет!»

Тогда князь циньский отменил указ об изгнании пришельцев и вернул Ли Сы его должность.

Вот в чем я укоряю Цинь

Цзя И

Князь циньский, титул храмовой имеющий Отцелюбивый¹¹, забрал себе твердыню-гору Сяо, а также лесовый проход Ханьгугуань, в руках своих держал страну, именовавшуюся Юн¹². Князь и его помощники-министры старались крепко их держать, чтоб из своих твердынь высматривать и караулить Чжоу, тогдашний царский дом. И он задумывал уже: словно рогожку-подстилку скатать страны под нашим небом, мир целиком захватить в свои руки, словно в мешок какой-то засунуть все земли среди четырех морей. У него на уме уже было все восемь пространств бесконечных как бы в себя проглотить; все, что среди них лежит, объединить в своих руках. В это самое время Шан¹³-господарь циньским князьям помогал, в этом владенье устроив, внутри его, строгий и твердый режим. Он требовал, чтобы народ пахал прилежно, ткал, производя меж тем оружие для обороны крепостей и для сражений в поле. В внешней же политике своей он принцип проводил соединения одних против других и в драку втравливал удельных всех князьков. И циньские князья, сложивши руки беззастенчиво на груди, забрали земли, что лежали за западной излучиной реки¹⁴. Когда закончился Сяо-гун (Отцелюбивый), князья Хуэй-вэнь, У, Чжао-сян (по титулам их храма циньских предков) преемствовали эти начинанья своих предшественников в Цинь, и, исходя из планов, что завещаны им были, они на юге захватили страну Ханьчжун, на западе присвоили себе страну Башу, а на востоке откромсали себе жирнейшие угодья из плодороднейших земель; и наконец, на севере они себе забрали также важнейшие в военном смысле пункты и области особого значенья. Князья-соседи испугались, устроили свиданье за свиданьем, за лигой лигу вслед, придумывая разные пути, которыми возможно было бы им ослабить силу Цинь.

Они не скупились на ценные вещи и редкие камни, тяжелые слитки и жирные земли, чтобы привлечь к себе ученых мировых, прославивших себя в стране под небом нашим. Они соединялись один с другим в союзы, связываясь дружбой, чтоб жить им вместе, как один. При этих обстоятельствах в уделах равных жили: в уделе Ци — Мэнчан, в уделе Чжао — Пинъюань; в Чу жил Чуньшэнь; в уделе Вэй — Синьлин¹⁵. Четыре этих господаря все были люди, одаренные сознательностью ясной и умом. При этом в их сердцах жила большая преданность и честность, им можно было доверять. Все это были и широкие натуры, глубоко искренние люди, любившие, жалевшие других. И цену знали всякому достойному они, ученого отменно уважали. Они старались включить в союз свой те государства, что шли продолжно, и разобщали между собой те, что лежали им поперек. В союз включили народ уделов: Хань, Вэй, Янь, Чжао, Сун, Вэй¹⁶, Чжуншань. В такие времена среди ученых на службе у князей шести великих государств имелись люди с именами Нин Юэ, Сюй Шан, Су Цинь, Ду Хэ¹⁷. Они им выработывали планы и схемы для своих князей. Другие же: Ци Мин, Чжоу Цзуй, Чэнь Чжэнь, Чжао Хуа, Лоу Хуань, Ди Цзин, Су Ли, Юэ И и многие другие — их мысли проводили в жизнь. У Ци, Сунь Бинь¹⁸, Дай То, Ни Лян, Ван Ляо, Тянь Цзи, Лянь По, Чжао Шэ и прочие мужи организовывали им войска, войну. И вот они с своими землями, которых было больше в десятках раз, чем было то у Цинь, и с войском численностью в сто десятков тысяч, имея пред собой высокие твердыни заставы Цинь, напали на нее. И циньские войска открыли им свою заставу и стали приглашать войти своих врагов. Тогда войска всех девяти уделов бежали опрометью прочь и не подумали о том, чтобы войти туда, куда их зазывали. И Цинь, не израсходовав стрелы, не бросив во врагов копья, увидела, что все страны Китая и все ее удельные князья уже истощены, беспомощны, бессильны. Тогда распались лиги князей, их договоры утратили силу... Они старались друг пред другом — кромсать куски своей земли, чтоб ею циньцев подкупить. А Цинь имела уж в себе избыток сил. Теперь она учла все недостатки своих врагов, помчалась вслед бегущих войск, погналась в тыл своим врагам. И лег тогда на трупе труп, десятки сотен тысяч их, и кровь текла, да так, что плавали щиты.

Цинь, пользуясь теперь удобствами и выгодой создавшихся позиций, ввела для всей страны суровейший режим, оторвала от части часть, разодрала и реки, и массивы. Сильные царства просили пощады и падали ниц; слабые царства входили уже как вассалы-чиновники к Цинь во дворец. Так дело обстояло вплоть до Сяо-вэня, Чжуань-

сяня, которые воспользовались властью лишь на немного, в общем, дней, и в государстве их на это время затишье было без событий. Когда ж появился Первый Владыка¹⁹, то он вдохновился остатком мощью шести предыдущих великих князей. Взмахнул он длинною плетью, поехал на мире Китая, как будто на дрогах. Проглотил обан Чжоу²⁰, уничтожил князей, взошел на самый великий из тронов, на все шесть стран света²¹ режим наложил. Взял в руки палку, плетень и стал бить ею по спине страны под небом нашим, в страх приведя перед собой все земли средь окраинных морей²². На юге отнял он все страны, что входили в союзы Ста Юэ, и преобразовал их государство в две области: Гуйлинь и Сян. А государь союза Ста Юэ, с опущенною головою, с веревкою, обвязанной вокруг шеи, бросал свою судьбу и жизнь последнему тюремщику-наймиту. И вот тогда он повелел Мэн Тяню: там, на севере, построить длинную стену из стен и ею охранять свою страну, как бы забором или барьером. Он отогнал сюнну²³ ли на семьсот; их варварские орды не смели двигаться на юг и там пасти своих коней, а их войска не смели уж, согнувши лук, идти отмщать свои обиды. Затем он упразднил правление людьми в завете древних государств; предал он факелам слова всей сотни древних мудрецов, чтоб этим оглупить весь свой черноволосый простой народ. Сокрушал знаменитые он города, убивал всех талантливых, славных людей. Собрал оружие со всей страны под небом нашим, скопил его в Сяньяне у себя. Пустил в огонь все острия, все наконечники у стрел, отлить велел из меди той двенадцать истуканов он, чтобы ослабить свой народ. А после этого всего он сразу же владычною стопою наступил на горы Хуа, твердыню сделав в них. Желтую Реку использовал он, словно то был ему пруд. Захватил твердыню он в десятки тысяч сажень и подошел вплотную он к неизмеримым падам — и это все считал своим, навеки нерушимым. И полководцы, наилучшие лучники, из сильных сильные, охраняли ему все самые важные пункты; верноподданные слуги и отменные войска все выстраивались в ряд, с оружием острым на плечах... Кто б мог и что тогда ему сказать?

Вот наконец страна была утверждена, закреплена в его руках, и Ши-хуан, Единодержец Первый, в душе своей уже решил, что твердыни страны среди застав, и стены, словно из металла, чуть не на тысячу с чем-то ли, и сыновья со внуками его — единодержцы, как и он, — что это будет достоянием десятков тысяч поколений. Когда же умер и исчез Единодержец Первый, остатный блеск величества его все потрясал еще далекие народы. Однако появляется Чэнь Шэ²⁴, происходивший из низов, которым чан был окном, веревка ж на дверях — их осью. Он был простейшим из простых и подневольный человек, из поселенцев-беглецов и ссыльно-каторжных людей. Его способности едва ли достигали до среднего простого человека. В нем не было достоинств, какие были у великих мудрецов Чжунни и Мо-изы²⁵, и не было таких богатств, как Таочжоу, И Дунь²⁶ имели. Он нерешительной и робкою стопой, нетвердо выступил вперед среди солдат, совсем таких же, как и он; не поднимая головы, поднялся вдруг из глубины межей в полях и средь дорог. Он за собою вел солдат, вконец усталых и больных, разбросанных то там, то тут. Встал во главе отряда он, в котором было всех солдат лишь сотен несколько всего, и все же с ними вдруг напал на циньские войска. Вместо оружия были у них лишь жерди из срубленных ими деревьев; вместо флагов и знамен в руках были просто шесты. А вся страна под ними собралась, как тучи клубом в небесах, на зов откликнувшись Чэнь Шэ, как отвечало б эхо им. Ташнили отовсюду хлеб и за войсками шли, как тень. И вот из страны к востоку от гор восстали один за другим великаны, люди отваги, люди-герои и уничтожили в корень династию, род истребив весь Цинь. А надо указать еще на то, что ведь страна была тогда не так мала, не так слаба. Юнчжоу как область и твердыни Сяо-Хань²⁷ стояли точно так же, как всегда. По положению Чэнь Шэ не был знатнее, чем князья Ци, Чу, Янь, Чжао, Хань, Вэй, Сун, Вэй и, наконец, Чжуншань. Лопаты, ручки от сохи, мотыги, кирки, топоры не были лучше и острее, чем пики с крючьями, отточенные копья с древками длинными, большими. А сброд из каторжных и ссыльных не мог идти в сравнение также с войсками регулярными всех этих девяти удельных государств. По глубине своих тактических задач, по предусмотренности планов и затей, по способам перемещения войск и применения оружия и пик повстанцы не могли сравниться с мудрецами, учеными на службе у князей в былые оны времена. И все-таки кто выиграл войну? Кто проиграл? Причудливо все это изменилось, и результат войны ее ведению вполне противоречил. Попробуем теперь мы сопоставить уделы на восток от гор с Чэнь Шэ, учтя его большой размах и устремленность, сравнить их и по власти над людьми, да и по силе войск... И выйдет так, что сравнивать нельзя нам будет их на протяжении даже года. Однако ж Цинь с небольшою горсточкой земли сосредоточила в своих руках власть государя всей страны, распорядившегося встарь десятком тысяч колесниц. Ей удалось к себе призвать все восемь древних областей и принимать в своем дворце к царю идущих на поклон, таких же точно, как сам царь, удельных рядовых князей. И это длилось сотню лет, и даже более того. Добившись этого, царь Цинь считал уж вотчиной своей весь мир, идущий в шесть сторон; своим дворцом — твердыню Сяо, высокий лесс прохода Хань. И вдруг какой-то человек все это разом погубил: на землю рухнули подряд все семь величеств храма Цинь²⁸, а царь сам умер, поражен ему невеждою рукой, и стал посмешищем для всех людей страны под небом нашим. В чем дело? Почему? — А вот: человечность и совесть не жили при Цинь... И то сказать еще: напасть или защищать — две вещи разные как будто!

Чао Цо в докладе императору рассуждает о ценности зерна

Чао Цо

Когда сверхмудрый царь сидит сверху народа, народ не зябнет и не голодает, то дело здесь не в том, что царь пахать умеет и этим кормит свой народ иль что царица тклет и одевает своей народ. Нет, дело в том, что он открывает путь верный к благосостоянию. Вот почему при Яо, Юе потоп был целых девять лет; при Тане²⁹ засуха была и тоже длилась семь годов; а между тем в стране никто не был заброшен иль болел. Происходило этого оттого, что накоплений было много, предупреждение зла шло полным ходом, и давно уж. Теперь у нас, внутри морей, страна вполне единой стала; обилие земли и жителей на ней не уступает Юю, Тану. Прибавим к этому еще, что нет ни засух, ни потопов — небесных бедствий многолетних. А между тем в своих запасах мы отстаем от древних лет. Как это так и почему? Дело в том, что земля обладает еще неиспользованными благами, народ обладает еще неиспользованной своей силой. Земля, что рождает хлеба, не распахана вся целиком, а запасы гористых и низменных мест не проявлены полною мерой, и бродячий наш в поисках пищи народ не ушел еще весь в земледельческий труд. Когда беден народ, то рождается подлость и низость. Бедность рождается в нехватках; нехватки рождаются тогда, когда люди не пахут. Когда же не пахут, то нет и зацепки в земле. А нет раз зацепки в земле, то все из деревни бегут и к дому, к семье уважения больше не знают. Народ стал что птица, что зверь. И будь то высокие стены, глубокие рвы, свирепый закон и тягчайшие кары, не могут они, все равно, стать удержем для населья.

Подумаем ведь только, что холод нас берет из-за одежды, пусть уж не будет тонкой, дорогой; что голод нас берет из-за еды, пусть уже не будет сладко и приятно. Когда же подбираются к телу и голод, и холод, то тут человек уж не смотрит на совесть и стыд. Человек так устроен, что стоит лишь в день ему раз или два не поесть, как голоден он; и если год целый не шьется одежда, то он уже зябнет. Представьте же, что чрево голодное пищи своей не имеет, что кожа изыбшая не получает одежды. Тогда даже самая нежная мать не сможет сына своего обеспечить. Как сможет тогда и владетельный князь народ свой считать своим? Разумный властитель, он знает, что это именно так. Поэтому он и старается, чтобы народ прилежал к земледелью и туту. Он снижает поборы и подати, расширяет запасы зерна. Все это для того, чтоб наполнить амбары, сараи и на случай потопов и засух. Поэтому народ ему возможно взять в свое влиянье. Народ — это то, что пасомо, как стадо, стоящим над ним. Стремится он к выгоде так же, как воды, идущие вниз, во всех направлениях, не разбираясь.

Заметим, что жемчуг, и яшма, и золото, и серебро — голодный не может их есть, а зябнувший их не наденет, а между тем люди ими все дорожат. Объяснить это надо лишь тем, что в ходу они только у высших.

Ведь какая же это вещь! Легкая и мелкая, легко ее запрятать. В ладони помещается вполне, и можно с ней вокруг Страны морей объехать и не бояться с ней ни голода, ни стужи. Сановника она легко заставит спиною повернуться к господину. Народ же легко будет прочь уходить из деревни. Воров и грабителей есть чем привлечь, бродяга-беглец получит легкий достаток. Просо и рис, холст, шелк рождаются нашей землей, растут в свое время, с земли собирает их сила людей; не могут они в один день быть готовы. Тяжесть в несколько даней-каменей³⁰ — их средний человек не одолеет; воспользоваться этим подлецу не так удобно. Но если хоть на день нельзя достать их, то голод и холод сейчас же настанут. Вот почему разумный государь на первом месте чтит все пять хлебов и ни во что не ценит золото и яшму.

Возьмем теперь крестьянскую семью в пять едоков. Из них не меньше двух в повинности идут. А можно запахать всего лишь сотню му. Сбор с этой сотни му не будет больше ста каменей. Весною пахать, а летом полоть, осенью жать, а зимой сохранять, рубить топором валежник, дрова, ходить по делам в управление уезда, давать на повинность людей. Весной ему некуда деться от ветра и пыли, а летом ему тоже некуда деться от знойной жары; ему осенью некуда деться от хмурой погоды, дождей; зимою же некуда деться от стужи, жестоких морозов. Итак, средь этих времен года нет дня, чтоб он мог отдохнуть. Да к этому еще прибавить надо свои дела: то провожает он, то он встречает; то плачет вместе с кем-нибудь, хоронит, то навещать идет больного. Или берет он сироту, или растит свой молодой, и все такое включено в его же собственную жизнь. Вот так страдает землероб. А тут прибавятся еще на голову его напасти потопов разных, засух, свирепые наскоки от властей, жестокие терзания от них; и тут же все несвоевременные подати, поборы, приказ по утру, вечером — отмена. Когда есть что ему продать, он продает за полцены; коль нечего ему продать, тогда займет под увеличенный процент. И вот тогда бывает так, что он продаст свои поля, свой дом, своих детей и внуков — все для того, чтоб уплатить свои долги. А между тем вот вам купцы: те, кто из них побольше, покрупней, те деньги копят, в рост дают под очень крупные проценты, а те, кто меньше и слабее, сидят рядком, торгуют всем. У них в руках все замечательные вещи, с которыми они по рынку бродят целый день, и пользуются тем, что в чем-нибудь есть острый недостаток, и продают втридорога тогда. Поэтому-то мужчины у них не пахут, не полют, а женщины не кормят шелкопряда, над пряжей они не сидят. Одеги они обязательно

пестро, нарядно, а в пище у них — все мясо да рис. У них никаких нет забот земледельца, но полностью все, что снимается с поля. В силу богатства, довольства они могут с князьями, графами дружить, влиянием своим превосходят все власти. Друг к другу льнут только, коль выгодно это. На тысячу ли гуляют надменно, текут нескончаемою вереницей, их шапки, зонты смотрит друг в друга. Едут в прочнейшем, стегают жирнейших, обуты в шелка, волочат атлас. Вот чем купец съедает, глотает совсем земледельца; вот почему земледелец уходит, бежит, как вода. Ныне закон презирает куша — глядь, а купец знатен, богат! Закон землероба держит в почете — глядь, землероб и беден, и нищ! Выходит, что тот, кто толпой возвеличен, — в презрении у государя; а тот, кто властями унижен, — тот у закона в чести. Верхи и низы друг другу обратны; любовь — нелюбовь совсем разошлись. ...И вдруг теперь пожелать, чтоб страна богатела, закон чтоб был тверд! Нет, это не выйдет!

В нынешних наших делах нет лучше, как нам предоставить народу уйти в земледелье — толкно! И если хотим мы, чтоб весь наш народ ушел в земледелье сплошь, то дело за тем лишь, чтоб ценным осталось зерно. А путь к возвышенью зерна заключается в том, чтоб народу оставлено было зерном получать поощренье, зерном же и штрафы платить. И вот призываем китайский наш мир вносить все зерном губернаторам мест, чтоб этим себе чины добывать и этим свои погашать преступления. Мы будем иметь положение тогда, в котором богач получает чины, а бедный мужик получит деньги: зерно обретает тогда большую подвижность-текучесть. И право, все те, кто смогут вносить все зерном, чтобы чины получить, — все эти имеют, конечно, избыток. Если же брать у того, кто в достатке, чтоб дать содержанье дворцу, то подати с бедных людей можно сильно скостить. Все это будет значить, что мы отнимаем лишь там, где избыток, и тем отдаем, у кого недостаток. С каждым указом народу вольготней. То, что идет за народною волей, то, что полезно бывает народу, трояким я мыслю: во-первых, чтоб царь-государь имел все в полном достатке; второе, чтоб подать с народа снижалась; а третье, чтоб был поощряем его земледельческий труд. Теперь же велют, чтобы те, у кого в упряжке есть лошадь иль лошадь под верхом, избавлены были до трех рекрутов. А конь верховой, боевая телега — военное то снаряжение, известное миру всему. Поэтому-то и снимаются с них три рекрута разом. Поученье бога-пахаря Шэнь-чуня нам говорит: «Пусть будет из камня стена в десять сажень, бурлящие рвы на сотню шагов и сотни десятков тысяч носящих кольчугу солдат, но, если не будет зерна, удержаться не смогут они». Если так нам смотреть, то зерно — это важная царская вещь, основная забота правительств. Велите народу вносить все зерном, чтобы чины получать до пяти степеней больших магнатов и выше; и этим же рекруту дать одному свободу.

Титул есть то, что во власти монарха: выходит из уст его, длится весь век. Ну, а зерно — это то, что посеет народ: родится в земле и без всяких ущербов.

Меж тем получение титулов знатных, а также уход от заслуженной кары — вот то, чего люди отчаянно жаждут. Вам стоит велеть лишь людям всего нашего мира, чтоб подать зерном вносили они на границу — для чина иль для искупленья вины. Пройдет года три и не больше того, как зерна на заставах будет, конечно, много.

Лу Вэньшу пишет, что надо: высоко поставить влияние личности, с казнями ж надо помедлить

Лу Вэньшу

Светлейший Чжао-император обрушился горой великой³¹, и Хэ, чаньинский князь, был свергнут прочь³². Монарх Всесветный, Сюань-ди, тогда взшел на царский трон. Лу Вэньшу подал рапорт ему, говоря, что, мол, нужно бы было высоко взнести свою светлую личность, замедлив уклад наказаний и казней. И рапорт гласил:

«Я слышал, Государь, что в Ци произошло злодейство от Учжи, и вот князь Хуань возвысился чрез это³³. В уделе Цзинь был случай с дамой Ли, и князь Вэнь-гун стал лидером князей³⁴. А в наше время Чжао-князь не кончил жизни сам собой³⁵. Семейство Люй там подняло мятеж — и Образцовый Сын, Монарх Всепросветленный Вэнь стал величайшим Предком в храме. И если стать на эту точку зренья, то бедствия страны и беспорядки, пожалуй, открывают путь всеумудрому владыке. Вот почему Хуань и Вэнь поддержку оказали слабым и вознесли страну из разрушенья. Они возвеличили дело князей и Вэня и У³⁶, своей благодатью покрыли народные толщи всей сотни фамилий. Заслуги их прямо всоцились в заслуги тогдашних князей. Хотя им и было далеко до трех древних, лучших царей³⁷, но весь наш тогдашний мир поднебесный притек к добродетелям их.

Вэнь, Государь Препросветленный, был долгод, как вечность, в мысли своей и в области духа был высшим: он этим преемствовал даже ту самую, тайную душу небес. Он возвеличил человечность, честь; снизил казни и пеня. Он соединял проходы и мосты, дальнее с близким он сделал единым. Почитал он достойных ученых людей, словно важных гостей. И народ он любил, словно красного тельцем ребенка. То, чем

то наш тюремщик особенно как-то глубоко жесток: он губит людей, как разбойник огьявленный, грубый без всяких границ. Коварно и подло дела все они ведут. Они и не смотрят на то, что страна в беде. Великий злодей в них живет для нашего мира! Поэтому пословица гласит: «Черчу на земле тюрьму я, но сам же решаю в свой круг не входить; из дерева режу тюремщика я, но сам же решаю с ним не разговаривать». Здесь мы видим народную ненависть к делу тюремщика ясно; слова эти — скорбь и боль. Поэтому из всех тревог и беспокойств, что знает мир под небом нашим, нет более глубоких, чем тюрьма. Разрушать все законы страны, внести беспорядок в прямое, святое, отрывать родных от родных, преграждая истинный жизненный путь, не может никто страшней тех, кто правит делами тюрьмы. Вот это и есть недостаток, что еще остается у нас.

Я слышал, Государь, что сначала нетронуты будут яйца вороны, сыча и потом лишь на дерево сядут фениксы, фэн и хуан. Когда преступление клеветника не наказано смертью еще, вот тогда должны честные речи предстать перед тронном. Поэтому древние люди имели такое суждение: «В горных зарослях скрыты болезни. В реках и болотах вмещается грязь. Красивейший камень скрывает порок, а царь-государь проглатывает поношенья». Но думаю я, Вы, Ваше Величество, упраздните совсем клевету, к себе призывая лишь честные речи. Вы откроете рты всему нашему миру. Вы расширите путь к наставленьям, протестам. Вы сметете ошибки, Цинь погубившие, возвеличите доблесть и Вэня, и У. Вы уменьшите строгость законов. Вы ослабите казни и кары, упразднив вообще всех тюремщиков разом. И тогда может взвиться над жизнью ветер великого мира. Мы вступим в спокойную радость великой симфонии мира, и с небом пребудем в ней — века веков. Наш мир Поднебесной от этого станет счастливейшим миром».

Государь эти слова одобрил.

Петиция о позволенье мне из отдаленных стран вернуться

Бань Чао

Я, Ваш слуга, о Государь, слышал, что Величайший Граф пожалован землей был в Ци и пять его нисшедших поколений захоронение свое имели в Чжоу⁴³ — что называется, «лиса умирает к холму головой⁴⁴, дайские кони к ветру встают»⁴⁵. А между тем и Ци и Чжоу находятся в земле Срединной, на протяжении тысячи лишь ли! Что же говорить о малом человечке, который, Государь, живет отдаленно в стране, совершенно не нашей! Как ему можно теперь не настрониться так же, как те, что под ветром стоять норовят, головою к холму умирают?

В обычае у здешних дикарей — и мань, и и — бояться лишь людей здоровых и издеваться над больными стариками.

Я, Государь, покорнейший слуга Ваш, Чао, служа, как пес иль лошадь, Вам, уже все зубы потерял. И все-то боюсь я дряхлости, немощи здесь: помутнеет мой взор и сознание, закоченею-растянусь, душа отлетит, отброшена и одинока.

В свое время Су У пребывал среди гуннов, и едва ль не девятнадцать лет⁴⁶. Сейчас я, Государь, имею счастье, получив от Вас знамена представительства и власти и с серебром и золотом в руках, хранить под Вашей властью этот Запад⁴⁷. И если я закончу жизнь свою естественною смертью в лагерях⁴⁸, то, надо полагать, досадовать тут не на что совсем. Однако я боюсь, что в этом случае потомство, пожалуй, назовет меня погнбшим просто так на Западных землях.

Я, Государь, не смею и мечтать добраться до Источника Вина, а лишь хочу живым войти в Заставу Яшмового Камня, Юймэньгуань⁴⁹.

Я, Государь, и немощен, и стар, и дряхл, и силы уже нет. Рискуя жизнью и вслепую вот так осмелнваюсь молвить. В усердин своем теперь я посылаю сынишку Юна своего, в сопровождении несущих в дар вещички; пускай его войдет в пределы наши и пусть, пока еще я жив, мой Юн увидит нашу Землю своими собственными глазами.

Петиция Государю за старшего брата

Бань Чжао

Единоутробный и старший мой брат, служанки рабыни Вашей, наместник главный Западных земель, маркиз «Утвердивший за нами Далекие Страны», Чао, по счастью своему, сумел в свой жребий получить за маловажные заслуги весьма большое награждение и титулом своим стоит в ряду с маркизами, что признаются равными князьям. По положению и месту своему он получает риса две тысячи даней. Щедрость божественная к нему исключительна и чрезвычайна. Откровенно говоря, он, маленький чиновник, не должен был бы стать предметом этой благодетности.

Когда Чао только что начал служить, стремлением его было жизни своей не жалеть, для того чтобы подвиг свой скромный свершить, чтобы ему самому показать и себя. Как раз в это время случилось несчастье с Чэнь Му. Дороги вдруг стали отрезанными, недоступными вовсе, и Чао метался один в отдаленных краях. Он там обращался с речами и вразумлениями к различным царям, их орды военные сам направляя. И всякий раз когда до боя доходило, то он сейчас же лез вперед и, весь покрытый ранами от твердого металла, не уходил от гибели и смерти. Теперь, благодаря тому, что выпала на счастье и на долю ему от Вашего Величества божественная благодать, ему доселе удалось продлить свое существование в песчаном Море дун и тянет так до этих пор, лет тридцать, в общем, или больше. Он разлучен с родными по костям и мясу, его они теперь уж не узнают, а те, кто шли за ним тогда, солдаты, воины его, уже успели, так сказать, с природой прочей былью стать.

Сейчас мой Чао имеет летá уж длинные — ему под семьдесят уж есть. Он стар и разрушается, подвержен болезням разным он. На голове уж не чернеет ни волоска. Не слушаются руки у него. Не видит глаз, не слышит ухо. Идти он может, лишь на палку опираясь. При всем своем желании исчерпать все силы и энергию свою на то, чтоб отблагодарить как следует и полностью за все благодеяния Небеса, он слишком сдвинут к вечерующим годам, и зубы у него, служившего, как пес и конь, совсем пришли к концу.

Народцы мани, и обычаем, природою своей дики, строптивы очень, а стариков они не терпят вовсе. Меж тем мой Чао, брат, не утром, так под вечер уйдет во глубь земли, и долго уж мы больше не увидим достойного преемника ему. Боюсь, боюсь, что этим может быть открыт источник измен подлейших и восстаний, родятся вдруг стремленья к мятежу, к противоборству нам. Меж тем сановники и разные высокие чины, все принимая близко к сердцу, никоим образом не соглашаются подумать о тех, кто далеки от них, и если вдруг возникнет что-нибудь, то силы, дух изменят Чао моему, и он не сможет сделать то, что ум его повелевает. Тогда получится, что он похерит все свои заслуги, и личные, и ряда поколений, презрев при этом службу, которой преданность и силы души им отданы всецело. Ужасно и подумать, право!

Вот почему мой Чао обратил за десять тысяч ли свое моление искреннее к Вам, сам изложив все трудности и беды. Вытягивая шею в нетерпенье, все ждет и смотрит вдаль с надеждою сюда, уже вот третий год. Но не имел еще он чести получить для дела своего вниманья и рескрипта.

Прислуга и раба, я слышала как будто, Государь, что в древности нашей китайской пятнадцати лет человеку вручали оружие, а шестидесяти возвращали домой: так что в общем закон был тогда увольнять на покой и больше не пользоваться человеком на службе.

Зная теперь, что Ваше Величество, Вы управляете всей Поднебесной страной на высших началах и чувствах к родителям Вашим, чем радость возбуждаете у всех в бесчисленных владеньях Ваших; что Вы без внимания даже оставить не можете подданных самых ничтожных из них; тем более, значит, и Чао, который добился поста, приравненного к маркизам, баронам; зная все это, и я, хоть и жизнью своею рискуя, осмеливаюсь за Чао просить, умоляя ему подарить остатние годы. Чтобы мог он живым возвратиться домой и снова увидеть ворота дворца и дворец сам; чтоб Ваше правительство больше не знало забот управления дальней землею, а Западный край не знал никаких нападений внезапных и резких, могущих возникнуть хлопот. Мой Чао тогда наконец получил от Вас, Государь, благодетельный жест, что напомним древнейшего князя Вэнь-вана, посмертным прозванием имевшего Князь Просвещенный, который велел хоронить валявшися костяки⁵⁰, иль жест милосердный Цзыфана⁵¹ из жалости к старым людям. Классический стих говорит: «Народ уж понес все труды — он может немножко вздохнуть. Он добр к этим людям Срединной Страны, и так успокоил весь мир он»⁵².

Чао мне пишет сейчас: заживо он уж простился со мною, боится, что больше я с ним не увижусь. А мне, Государь, усердной Вашей рабе, — мне искренне жаль, что Чао, который в зрелом возрасте своем в Песчаном Море Пустырей (или Шамо) исполнил до конца свой долг пред государем и отцом, а как состарился и стал хиреть, то тут же брошен умирать в бескрайней тамошней степи. Мне в самом деле его жаль, и жалости заслуживает он. А если он не будет иметь честь увидеть мощь и защиту, то, ежели впоследствии в один прекрасный день случится, так сказать, большая перемена, то разрешите мне надеяться на милость и прощенье для дома Чао и семьи от Вас, мой Государь, как это было в старину, когда мать Чжао и в другой раз конкубина Вэй заранее просили князя и господина своего⁵³.

Комментарии

¹ Имеется в виду циньский князь Му-гун, правивший в VII в. до н. э., один из пяти тогдашних гегемонов.

² Подразумеваются реформы, способствовавшие развитию экономики, которые были проведены в Цинь в IV в. до н. э. по инициативе сановника Шан Яна.

³ В 311 г. до н. э. политик и дипломат Чжан И склонил все шесть основных тогдашних царств «обратиться на Запад» и поддерживать все усиливающееся царство Цинь.

⁴ То есть землю между реками Цзинхэ, Вэйхэ и Лошуй.

⁵ Янь — название одного из Чжоуских царств, впоследствии область в царстве Чжэн; Ин — древняя столица царства Чу.

⁶ В IV в. до н. э. некоторые политики, разъезжавшие по древнекитайским царствам, ратовали за объединение всех царств «по вертикали» (то есть вдоль всей страны, с юга на север), чтобы противостоять Цинь, а другие, как Чжан И, — «по горизонтали» (с востока на запад), чтобы поддерживать Цинь.

⁷ Согласно легенде, князь Суй-хоу некогда пожалел змею и помог ей залечить раны, в благодарность змея достала ему со дна реки огромную жемчужину. Чиновник VIII в. до н. э. Бянь Хэ однажды нашел на горе драгоценный нефрит и поднес его князю Ли-вану, тот не распознал в куске необработанной породы драгоценность, обвинил Бянь Хэ в мошенничестве и велел отрубить ему ногу. Когда на престол взошел У-ван, Бянь Хэ попытался вновь поднести ему камень, но правитель повелел отрубить ему вторую ногу. И только преемник У-вана, князь Вэнь-ван, принял камень, приказал оградить его, и тогда выяснилось, что Бянь Хэ отыскал истинное сокровище.

⁸ Царства Чжэн и Вэй, где долго сохранялись архаические традиции свободного общения юношей и девушек, со времен Конфуция считались местностями, где царит разврат.

⁹ Имются в виду: песни из древнекитайского поэтического свода «Шицзин» (XI—VII вв. до н. э.) о свиданиях в тутах на берегу реки; музыка, именуемая шао, создание которой приписывается идеальному мифическому государю древности Шуню. Музыка «военных слонов» — одна из разновидностей музыки при чжоуском дворе.

¹⁰ То есть в царство Цинь, находившееся на западе тогдашнего Китая.

¹¹ То есть циньский князь Сяо-гун, правивший в середине III в. до н. э.

¹² То есть основные стратегически важные пункты Северо-Западного Китая.

¹³ То есть упоминавшийся выше Шан Ян.

¹⁴ Имется в виду река Сихэ, протекавшая в царстве Вэй.

¹⁵ То есть славившийся своим гостеприимством в отношении ученого люда сановник царства Ци (III в. до н. э.) Тянь Вэнь по прозвищу Мэнчан-цзюнь (Мэнчанский господарь); также известный своим гостеприимством младший брат князя Хуэйвэнь-вана из царства Чжао, который ратовал за союз Чжао и Чу против Цинь (III в. до н. э.) и стал прозываться Пинъюаньский господарь — по области Пинъюань, которую получил в надел; знаменитый оратор Хуан Се, более 20 лет пребывавший на службе у чуского князя и тоже прославившийся своим гостеприимством, получивший — видимо, по названию местности — прозвание Чуньшэньский господарь; и наконец, знаменитый полководец У Цзи — Синьлиньский господарь из царства Вэй, связанный через жену родством с Пинъюаньским господарем и успешно воевавший с войсками царства Цинь.

¹⁶ В эпоху Борющихся царств существовало два царства Вэй: одно на территории нынешней провинции Шанси, а другое — провинции Хэнань.

¹⁷ Из перечисляемых Цзя И именитых мужей наибольший след в истории Китая оставил Су Цинь, прославившийся как искусный дипломат (ум. в 317 г. до н. э.).

¹⁸ У Ци и Сунь Бинь — знаменитейшие стратеги Древнего Китая.

¹⁹ То есть Цинь Ши-хуан.

²⁰ Имется в виду династия Чжоу, с 1122 по 770 г. до н. э. именовавшаяся Восточной Чжоу, а с 770 по 249 г. до н. э. — Западной.

²¹ Образное выражение, объединяющее небо, землю и четыре стороны света.

²² Согласно древнекитайским космогоническим представлениям, Китай считался сушию среди четырех морей.

²³ Кочевые племена, известные в Европе под именем гуннов.

²⁴ В 209 г. до н. э. в Китае вспыхнуло мощное крестьянское восстание под водительством Чэнь Шэ.

²⁵ Чжунни — одно из имен Конфуция (VI в. до н. э.); Мо-цзы (V в. до н. э.) — другой знаменитый философ древности, основатель особого направления в китайской философии.

²⁶ Таочжу (или Таочжу-гун) — прозвание знаменитого богача китайской древности (V в. до н. э.) Фань Ли, имя которого стало нарицательным; его современник И Дунь явился к Фань Ли, расспросил его о методах обретения богатства и впоследствии сам разбогател.

²⁷ То есть упоминавшиеся в самом начале рассуждения Цзя И гора Сяо (или Сяошань) и лессовый проход Ханьгугуань.

²⁸ Имеется в виду величественный храм императорских предков, состоявший из семи малых храмов и символизирующий собой могущество государства.

²⁹ Яо, Юй и Тан — идеальные легендарные правители глубокой древности. Юй считался основателем династии Ся, а Тан — династии Шан-Инь.

³⁰ Переводчик использует здесь образ, заложенный в самой китайской графемно-ероглифе, который в чтении «ши» означает «камень», а в чтении «дань» — меру сыпучих тел (в настоящее время — 103 литра).

³¹ В старом Китае про императора нельзя было сказать просто «умер», для этого существовали особые эвфемизмы, по одному из которых смерть государя уподоблялась обрушившейся горе.

³² После кончины ханьского императора Чжао-ди (правил с 87 по 74 г. до н. э.), у которого не было прямого наследника, на престол был возведен чаньский князь Хэ, сразу же погрязший в разврате. Тогда знаменитый полководец Хо Гуан вместе с другими сановниками низложил его и возвел на престол правнука знаменитого императора У-ди, который известен в истории под именем Сюань-ди (правил с 74 по 49 г. до н. э.).

³³ В VII в. до н. э. Сяобай — сын Сян-гуна, правителя царства Ци, видя, что отец его проводит негуманную политику, бежал в царство Цзюй и с помощью некоего Гунсунь Учжи убил своего отца и сам стал править под именем Хуань-гуна.

³⁴ В 672 г. до н. э. цзиньский князь Сянь-гун захватил в плен дочь предводителя племени сижунгов Ли Цзи и взял ее в жены. Ли Цзи стала его фавориткой и родила ему сына, который в юном возрасте наследовал престол, но был тут же убит. После многих трагических событий при дворе царства Ци на троне наконец в 635 г. до н. э. оказался мудрый князь Вэнь-гун, который встал во главе союза пяти гегемонов, претендовавших на управление чжоуским Китаем.

³⁵ Любимая наложница ханьского императора Гао-цзу (правил с 206 по 195 г. до н. э.) родила ему сына, которому был пожалован титул Чжао-вана, князя Чжао. Потом он был отравлен вдовой Гао-цзу коварной императрицей Люй-хоу, посадившей на трон императора Сяовэнь-ди.

³⁶ То есть основателей династии Чжоу (XI в. до н. э.) — Вэнь-вана и его сына У-вана.

³⁷ Имеются в виду легендарные основатели древнейших династий Ся, Шан и Чжоу — упоминавшиеся выше Юй, Тан и Вэнь-ван.

³⁸ То есть умер.

³⁹ Как свидетельствуют китайские комментаторы, речь идет о полководце Хо Гуане.

⁴⁰ То есть чаньского князя Хэ, после свержения которого на трон был посажен Сюань-ди.

⁴¹ То есть «Шуцзин» — один из древнейших памятников конфуцианского канона.

⁴² В древних преданиях рассказывается о мудром судье Гаояо, который безошибочно находил виновного и определял наказание.

⁴³ В древней «Книге обрядов» («Ли цзи») говорится, что чжоуский министр-тайгун получил во владение земли удела Ци, но пять поколений его семья все-таки продолжала хоронить своих умерших родичей в Чжоу. Это значит, что благородный муж должен всегда помнить о своих родных местах, где ему надлежит быть захороненным.

⁴⁴ То есть оборотясь к своей норе.

⁴⁵ То есть к северному ветру, долетающему из родных краев.

⁴⁶ В 100 г. до н. э. сановник Су У был послан китайским императором У-ди послом к сюнну (гуннам), но был захвачен ими и сослан в далекие северные земли, где девятнадцать лет пас баранов, так как не соглашался служить гуннскому князю.

⁴⁷ Имеются в виду западные окраинные земли тогдашнего Китая, правителем которых был назначен Бань Чао.

⁴⁸ Речь идет о китайских военных поселениях, созданных в далеких окраинных районах.

⁴⁹ Источник Вина (Цзюцюань) и Застава яшмового камня (Юймэньгуань) — окраинные земли собственно Китая, удаленные от тогдашней столицы Чанъань соответственно на 3600 и 2700 ли, но населенные уже не тюрко-монгольскими племенами, а китайцами.

⁵⁰ В трактате «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.) сказано, что Вэнь-ван хоронил кости людей (проявляя милосердие), и все 9 жертвенных сосудов в храме предков (то есть вся Поднебесная) отошли к нему.

⁵¹ Цзыфан, или полностью Тянь Цзыфан — военачальник вэйского князя Вэнь-хоу, увидев, как его патрон бросил старого коня, сказал: «Был молод, и вы истощали его силы, стал стар — и бросаете его, разве это гуманно?» Он подобрал коня и стал кормить его.

⁵² Слова из «Книги песен» («Шицзин»), раздел «Большие оды», песнь «Народ страждет».

⁵³ Согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, мать сановника Чжао Ко (III в. до н. э.), боясь, что ее сын, назначенный командующим войсками царства Чжао во время войны с царством Цзинь, не сможет одержать победу, подала князю прошение, в котором писала о неспособности сына исполнить возложенное на него поручение и просила о снисхождении.

В «Жизнеописаниях знаменитых женщин» Лю Сяна (I в. до н. э.) рассказывается, что когда циский князь Хуань-гун задумал напасть на царство Вэй, его наложница, дочь вэйского князя, заранее обратилась к князю с просьбой простить и пощадить ее родное царство.

*Составил Б. Л. Рифтин,
доктор филологических наук*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Фундаментальное исследование советско-китайских отношений

Советско-китайские отношения на современном этапе проявляются как сложный комплекс позиций в международных делах, который охватывает двусторонние дипломатические и экономические связи Советского Союза и Китая, политические проблемы на региональном уровне и в мировом масштабе, взаимодействие обонх государств в области глобальных проблем. В противоположность последовательному курсу СССР, направленному на нормализацию советско-китайских отношений, китайские лидеры, осуществляя политику создания широкого антисоветского фронта на международной арене, пытаются навязать СССР политическую конфронтацию во всех сферах международной жизни. Они превращают КНР в прямого пособника империализма, стремятся нанести ущерб мировой социалистической системе, национально-освободительному движению, выступают противниками разрядки международной напряженности и подстрекателями мировой военной катастрофы.

Глубокий анализ этих явлений содержится в третьем, значительно дополненном издании книги О. Б. Борисова и Б. Т. Колоскова «Советско-китайские отношения»^{*}. Эта монография давно уже стала наиболее авторитетным в мировом Китаеведении исследованием современной истории советско-китайских отношений. Еще в 1973 г. она вышла в свет на немецком и чешском языках¹, а в 1975 г. издана в Соединенных Штатах и Великобритании². Учитывая огромный интерес широкой мировой общественности к освещаемым в книге проблемам, издательство «Прогресс» также выпустило на английском языке ее дополненное издание³.

* О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения. 1945—1980. Изд. 3-е, дополи. М., «Мысль», 1980, 638 с.

¹ О. В. Borisov, B. T. Koloskov. Sowjetisch-Chinesische Beziehungen 1945—1970. Berlin, 1973; O. V. Borisov, B. T. Koloskov. Sovietsko-činske vztahy 1945—1970. Bratislava, 1973.

² О. В. Borisov, B. T. Koloskov. Soviet-Chinese relations 1945—1970. Bloomington, Indiana University Press, 1975; idem, London, Indiana University Press, 1975.

³ О. В. Borisov, B. T. Koloskov. Sino-Soviet relations 1945—1973. Moskva, Progress, 1975.

По сравнению с первым выпуском книги на русском языке, появившимся в 1971 г., хронологические рамки второго издания (1977) были расширены на семь лет, а в нынешнем — до августа—сентября 1980 г. Несомненный многолетний успех этой книги складывается из целого ряда компонентов, ядром которых являются партийность, научность в самом высоком ленинском значении их терминов.

Авторы неукоснительно следуют марксистско-ленинскому требованию конкретного исторического подхода к анализу явлений общественной жизни, учета расстановки классовых сил как внутри страны, так и на международной арене. Такая методология исключает субъективизм при оценке событий, деятельности партий, группировок, отдельных лиц. Книга отражает неразрывную связь теоретической и практической деятельности КПСС и других братских партий по китайской проблеме и основывается на решениях съездов нашей партии и пленумов ЦК КПСС, решениях международных совещаний коммунистических и рабочих партий, выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева и ряда других руководителей КПСС и Советского государства.

Рецензируемая монография показывает, что принципиальные оценки деятельности пекинского руководства в минувшее двадцатилетие, которые давались нашей партией, подтверждаются исторической практикой. Так, еще в начале 60-х годов, когда маоизм маскировал свою деятельность левацкой фразой, состоявшийся в феврале 1964 г. Пленум ЦК КПСС, заслушавший и обсудивший доклад М. А. Суслова «О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения», отметил, что левацкие устремления пекинских лидеров на деле могут завести их вправо, в лагерь империализма. В постановлении Пленума было подчеркнуто, что взятый китайским руководством курс на ухудшение советско-китайских межгосударственных отношений, вызываемый им раскол международного коммунистического движения отталкивают «силы и внимание коммунистических и рабочих партий от решения насущных задач социалистического строительства, затрудняют борьбу против империализма, наносят ущерб всему антиимпериалистическому фронту»⁴.

⁴ «Правда», 3.IV.1964.

Авторы монографии постоянно акцентируют внимание на том, что внешнеполитические метаморфозы маоистского курса, дипломатическая эквилибристика пекинских лидеров — это безответственная игра судьбы китайского народа и народов всего мира. Как подчеркнул в своем выступлении в Алма-Ате 29 августа 1980 г. Л. И. Брежнев, «идет дальнейшее сближение Пекина с наиболее агрессивными кругами США и других империалистических государств, акцентизация его попыток столкнуть эти государства с Советским Союзом — в то время, как империалистические круги стремятся по-прежнему втянуть Китай в антисоветские акции»⁵.

О. Б. Борисов и Б. Т. Колосков показывают, как, ведя принципиальную, непримиримую борьбу с маонизмом, Советский Союз последовательно и неуклонно осуществляет курс на нормализацию отношений с Китаем. С уходом с политической арены Мао Цзэдуна и его ближайшего окружения в КНР появились дополнительные возможности, чтобы сделать ответные шаги навстречу политике добрососедства, предлагаемой Советским Союзом. Однако новое пекинское руководство пренебрегло созданными возможностями, оказалось неспособным даже на проведение в жизнь принципов мирного сосуществования между двумя странами и, продолжая реализацию маоистского стратегического курса на международном уровне, перешло к параллельным с империализмом действиям на антисоветской основе.

Авторы вскрывают связь внешнеполитического курса Пекина с экономической и политической ситуацией в Китае. Непрерывающаяся внутривнутриполитическая борьба в КНР, ориентация экономического развития страны на первоочередное создание военно-промышленного комплекса путем опоры на развитые капиталистические государства, всемерное культивирование антисоветизма в политической и идеологической жизни КНР — все это оказывает отрицательное влияние на советско-китайские межгосударственные отношения.

В монографии на огромном фактическом материале доказано, что принципиальная борьба КПСС и Советского государства за нормализацию советско-китайских отношений отвечает коренным интересам народов наших стран. Это положение полностью разрушает надуманные схемы буржуазного китайцеведения, которое стремится «обосновать» нынешнее состояние советско-китайских отношений влиянием «исторических трендов» между русским и китайским народами, наличием межгосударственных проблем, берущих свои истоки якобы еще в Перчинской договор 1689 г., неразрешенностью межпартийных и межправительственных разногласий⁶. С незначительными модифика-

циями эта схема стала основополагающей и для маоистской историографии. Работа О. Б. Борисова и Б. Т. Колоскова опровергает подобные исторические фальсификации, привлекая к научному анализу громадное количество уникальных документов, как правило не использованных в произведениях зарубежных авторов.

Когда авторы говорят о коренных интересах советского и китайского народов, то они четко демонстрируют читателю, что это вопрос не просто политической или научной риторики, а проблема исторических судеб и перспектив развития в первую очередь китайского народа. Отказ от восстановления действительно полноценных отношений с СССР и как альтернатива — сближение с ведущими империалистическими державами — это попытка игнорировать характер современной эпохи как эпохи перехода от капитализма к социализму, попытка решить национальные проблемы с помощью империализма. Нельзя не считаться с историей вообще и недавней историей Китая в частности. Сунь Ятсен длительное время связывал надежду переустроить Китай с помощью империалистов, но империалисты развеяли эти иллюзии. Великое историческое значение деятельности Сунь Ятсена состоит в том, что в освобожденной Советской России он увидел действительно искреннего друга, способного помочь Китаю покончить с империалистической зависимостью и встать на путь национального и социального возрождения⁷. Нынешний курс пекинских лидеров, направленный на смыкание с империализмом, как отметил в докладе XXVI съезду КПСС товарищ Л. И. Брежнев, «конечно, не вернет Китай на здоровый путь развития. Империалисты друзьями социализма не будут»⁸.

Восстановление дипломатических отношений КНР с США на базе сотрудничества на международной арене в антисоветских целях, подписание договора о дружбе с Японией, заключение экономических соглашений с главными капиталистическими государствами, гарантированное в законодательном порядке допущение иностранного капитала к деятельности в самой КНР — все это упрочило связи пекинских лидеров с империалистическим лагерем.

Но империализм отнюдь не бескорыстно идет на сближение с КНР. «За готовностью США, Японии, ряда стран НАТО расширять военно-политические связи с Китаем, — подчеркнул в докладе XXVI съезду КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — кроется простой расчет — использовать его враждебность к Советскому Союзу, к социалистическому содружеству в своих собственных, империалистических интересах»⁹. Великоханьский шовинизм, гегемонизм, оголтелый антисо-

Yonosuke Nagai, Akira Kric (eds), The Origins of the Cold War in Asia, Univ. of Tokyo Press, 1977, p. 203—204.

⁷ См.: С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М., 1976, с. 207—238.

⁸ «Правда», 24.11.1981.

⁹ Там же.

⁵ «Правда», 30.VIII.1980.

⁶ Такова «структура конфронтации», которую конструирует, например, видный японский Китаевед Накадзима Минэо. См.: Naaka jima Mineo. The Sino-Soviet Confrontation in Historical Perspective. —

ветизм, ставшие отличительными чертами внешнеполитического курса КНР, импонируют империализму, который особо оценивает конкретные антисоциалистические акции Пекина на международной арене. Развязывание 17 февраля 1979 г. вооруженной агрессии против Социалистической Республики Вьетнам, заявление 3 апреля 1979 г. о непродлении Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой от 14 февраля 1950 г., совместное с империализмом вмешательство в дела суверенного Афганистана — эта серия шагов свидетельствует о нарастании проимпериалистических тенденций во внешнеполитическом курсе нынешнего пекинского руководства.

Вместе с тем такой курс Пекина со всей очевидностью показал мировой общественности, что китайские лидеры стремятся использовать империализм в качестве своего союзника в борьбе против мирового социализма, нарушить сложившееся равновесие сил на мировой арене, подтолкнуть мир к войне во имя собственных гегемонистских целей. Основным препятствием для Пекина на этом пути была и остается политика разрядки международной напряженности, политика мира, проводимая СССР.

Что касается утверждения Пекина о том, будто договор с СССР «устарел», то авторы монографии верно пишут: «Правда, однако, заключается в том, что не договор устарел, а переродилась политика Китая. От дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, в вечной преданности которым заверяли Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и другие китайские лидеры, от слов признательности в адрес советского народа, КПСС и Советского государства за огромную помощь Китаю на всех этапах китайской революции пекиньские руководители скатились на позиции антисоветизма, великодержавного гегемонизма и экспансионизма, сомкнулись с империализмом, антикоммунизмом» (с. 607).

Всяческое противодействие политике разрядки являлось и является одной из стратегических задач маятской дипломатии. Это подтвердили и прошедшие в Москве в конце 1979 г. переговоры между СССР и КНР о нормализации отношений. Китайская сторона пошла на эти переговоры после многократного отклонения советских инициатив, направленных на нормализацию отношений и вносившихся в 1969, 1970, 1973, 1978 гг. Авторы убедительно доказывают (с. 608—612), что китайская сторона согласилась на проведение переговоров для внутри- и внешнеполитического маневрирования, намереваясь усилить враждебность к СССР, а не урегулировать отношения между двумя странами. В своем выступлении 1 июня 1979 г. по венгерскому телевидению Л. И. Брежнев подчеркнул: «Не очень-то это вяжется — отказ от договора и слова о желании улучшить отношения.

Тем не менее мы готовы серьезно и позитивно подойти к организации советско-китайских переговоров. Мы не раз предлагали китайской стороне договориться о нормализации наших отношений, ввести их в добро-

соседское русло. Мы и сейчас готовы к этому, но, разумеется, не за счет интересов третьих стран. Словом, если с китайской стороны будет проявлена действительно добрая воля, то за нами дело не станет»¹⁰.

Советская сторона предложила поставить в центр переговоров обсуждение проекта декларации, которая регулировала бы принципы взаимоотношений между СССР и КНР на основе мирного сосуществования, включая равноправие, взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела друг друга, неприменение силы. Советский Союз предложил также, чтобы обе стороны договорились не признавать чьих бы то ни было притязаний на особые права или гегемонию в мировых делах. Советские предложения полностью соответствуют принципам Организации Объединенных Наций и современному международному праву. Они не содержат каких-либо предварительных условий или требований, не направлены против третьих государств, их полное осуществление призвано содействовать обеспечению мира и международной безопасности в Азии и во всем мире.

Однако китайская сторона уже на стадии подготовки к переговорам стремилась подчеркнуть, что «переговоры могут тянуться долго без всякого успеха»¹¹; наращивание антисоветской пропаганды в Китае по-прежнему продолжалось. В ходе первого раунда переговоров о нормализации межгосударственных отношений (с 23 сентября по 10 декабря 1979 г.) стороны договорились в принципе о проведении второго тура переговоров в Пекине в согласованные по дипломатическим каналам сроки. Но вопреки договоренности китайская сторона встала на путь уклонения от продолжения переговоров. Авторы монографии отмечают, что китайская дипломатия сплошь и рядом не считается с взятыми на себя обязательствами, что «не служит интересам нормализации советско-китайских отношений и не пойдет на пользу самому Китаю» (с. 612).

Монография О. Б. Борисова и Б. Т. Колоскова многопланова, но основной, стержневой ее линией является борьба за социалистическую перспективу Китая, за решение на основе научного социализма многочисленных и очень непростых проблем, стоящих перед китайским народом. Известные изменения, происходящие во внутренней жизни КНР, пока что не повлияли на характер его внешней политики. «Она по-прежнему нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма», — отметил в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС товарищ Л. И. Брежнев¹². Причем, продолжая антисоветский курс Мао Цзэдуна, нынешние китайские руководители пытаются увязать его с программами военного, экономического и социального развития Китая, отдавая приоритет развитию связей с капиталистической системой. При этом китайские лидеры демонстри-

¹⁰ «Правда», 2.VI.1979.

¹¹ Там же, 27.IX.1979.

¹² Там же, 24.II.1981.

ругот нежеланне пообще восстанавливать нормальные отношения между двумя странами. Здравый смысл подсказывает, — откровенно заявил Дэн Сяопин в интервью редактору американской газеты «Кристен Сэйднес монитор» Фозеллоу, — что если Китай осмеливается противостоять Советскому Союзу даже тогда, когда он так беден и всегда у него такое отсталое вооружение, то зачем же нам стремиться к примирению с Советским Союзом после того, как мы стали богатой страной»¹³.

Делая советско-китайские отношения чем-то вроде объекта торга с империалистическими странами, китайские лидеры должны отдавать себе отчет в том, что создаваемые ими завалы на пути нормализации отношений КНР с СССР придется ликвидировать не в последнюю очередь самой же китайской стороне. Отношения Китая с миром социализма не могут бесконечно долго зависеть от тех, кто делает ставку на партнерство с империализмом. Опасность такого курса с предельной четкостью определена в Постановлении Пленума ЦК КПСС от 23 июня 1980 г. «О международном положении и внешней политике Советского Союза». «На антисоветской враждебной делу мира основе происходит сближение агрессивных кругов Запада, в первую очередь Союзнических Штатов, с китайским руководством, — говорится в этом постановлении. — Партнерство империализма и пекинского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе для американского и китайского народов»¹⁴.

Диалектика развития такова, что сегодня внешняя политика КНР, по существу, стала синонимом политики антисоветизма в его крайних формах. Однако, проследив историю развития советско-китайских отношений за три с половиной десятилетия, воссоздавшую на страницах рецензируемой монографии, нельзя не согласиться с главным выводом, сделанным О. Б. Борисовым и Б. Т. Колосковым: «Дружба и сотрудничество между СССР и Китаем отвечают коренным интересам народов обеих стран, а также интересам мира, демократии и социализма во всем мире. На всех этапах исторического развития Китая в новейшее время помощь и поддержка Советского Союза неизменно играли важную роль в национально-

освободительной и революционной борьбе китайских трудящихся... Ослабление связей Китая с Советским Союзом крайне отрицательно сказывалось на политическом климате в стране, вело к снижению революционного накала, облегчало рост националистических тенденций, открывало внутренней реакции путь к сговору с империализмом» (с. 631).

XXVI съезд КПСС четко определил пути преодоления международной напряженности, внес на рассмотрение всех заинтересованных государств систему конкретных мероприятий, которые будут способствовать оздоровлению обстановки в наиболее взрывоопасных районах. Выражая готовность к диалогу с каждой отдельной страной, Советский Союз предложил в интересах укрепления всеобщего мира разработать и применить на Дальнем Востоке меры доверия, провести по ним соответствующие переговоры. Исходя из глубокого убеждения, что подлинным интересам китайского народа отвечала бы политика мира и нормальных отношений с другими народами, товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС, что «Советский Союз не ищет и не ищет конфронтации с Китайской Народной Республикой. Мы следуем курсу, определенному XXIV и XXV съездами КПСС, и хотели бы строить связи с ней на добрососедской основе. Остаются в силе наши предложения, направленные на нормализацию отношений с Китаем, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу»¹⁵.

Причины нынешнего замороженного состояния советско-китайских отношений кроются отнюдь не в позиции СССР. Последовательное и принципиальное преодоление маоистского наследия в области китайско-советских отношений является одной из насущнейших задач, стоящих перед китайским народом. Решение этой задачи неотделимо ни от коренных изменений во внутренней политике и идеологической жизни, ни от той позитивной роли, которую Китай, как подлинно великая страна, должен играть на международной арене.

В. С. Мясников,
доктор исторических наук

¹³ «Christian science monitor», 3.XII.1980.

¹⁴ «Коммунист», 1980, № 10, с. 9.

¹⁵ «Правда», 24.II.1981.

Опыт исследования стратегической дипломатии

Дипломатическая служба Пекина является в наши дни одной из наиболее активных. Китайская дипломатия представлена почти во всех столицах мира, она использует трибуну ООН и других международных организаций, специальные делегации КНР совершают вояжи в различные регионы, китайские руководители принимают у себя высокопоставленных представителей зарубежных государств. Одним словом, китайская дипломатия стала повседневным явлением современной международной жизни. Характерными чертами всей ее многообразной деятельности являются антисоциалистическая, антисоветская направленность, гегемонистские устремления, опасный для дела мира авантюризм. Чтобы полностью раскрыть сущность названного явления, необходимо не только знание его сегодняшних черт, но и выявление исторических связей. «Самое надежное в вопросе общественной науки, — подчеркивал В. И. Ленин, — и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Монография В. С. Мясникова «Империя Цин и Русское государство в XVII веке»² посвящена одному из основных этапов истории развития китайской дипломатии — периоду создания маньчжуро-китайской Цинской империи, проведения ею экспансионистской политики против соседних государств, в том числе и против Русского государства в Приамурье. Следует отметить, что содержание книги многопланово и, на наш взгляд, гораздо шире, чем оно обозначено в нескольких суховатом академическом заглавии. Но при этом на первом плане постоянно вырисовывается дипломатия государства, созданного маньчжурскими и китайскими феодалами.

Специальная глава монографии посвящена генезису китайской феодальной дипломатии. Китайская дипломатия как элемент политической надстройки зародилась еще в

глубокой древности. Ее «инкубационный период» относится к эпохе, предшествовавшей созданию первой китайской централизованной империи; в китайской традиционной историографии эта эпоха носит название Чуньцю («Весна и осень», VIII—V вв. до н. э.) — Чжаньго («Борющиеся царства», V—III вв. до н. э.). Именно тогда во взаимоотношениях между царствами Чу, Цинь, Чжао, Ци, Вэй, Янь и Хань, население которых составляло примерно 20 млн. человек, складывались нормы, методы и формы дипломатических отношений, формировались такие понятия, как гегемон (ба), стратегическое нападение, союзы по вертикали и горизонтали.

В. С. Мясников выделяет три основных компонента, определивших специфику китайской дипломатии. Древнекитайские философские школы, в первую очередь конфуцианство и легизм, заложили идеологические основы дипломатии. Китацентризм как основной мировоззренческий постулат, отношение к войне как элементу внешней политики, образ дипломата как верного слуги государя — все это было предметом внимания философов, советников царей. Древнекитайская военная наука оснастила дипломатию богатым арсеналом тактических методов. Здесь в первую очередь необходимо выделить военного теоретика Суньцзы. И наконец, конфуцианское учение о ритуале, нацеленное на утверждение верховенства китайских царей над всеми владыками древнего и феодального мира, явилось источником формирования китайского дипломатического протокола.

Следует отметить, что автору рецензируемой монографии впервые удалось воссоздать теоретическую модель древней китайской дипломатии. Механизм традиции донес все основные компоненты этой модели вплоть до периода позднего феодализма. За тысячелетия лишь отшлифовывались методы и накапливались прецеденты. Для европейцев, вступивших в контакты с Китаем в XVI — начале XVII в., в первую очередь был непримлем церемониал приема послов при дворе, так как он был жестко связан со схемой «сюзерен (китайский император) — вассалы» (все остальные главы государств феодального мира). На эту сторону китайской дипломатии обычно и обращалось главное внимание в имеющейся литературе. В. С. Мясников сумел проанализировать совсем иные и более существенные стороны китайской дипломатической школы. В качестве ее главной особенности он выделил стратегическую сущность. Сам по себе термин стратегема означает военную хитрость, действие, которое вводит в заблуждение противника. В дипломатической сфере стратегема (по-китайски моулюе или фаюлюе) — «это нацеленный на решение крупной внешнеполитической задачи план, рассчитанный на длительный период и отвечающий государственным или национальным интересам так, как они интерпретируются господствующим классом» (с. 51). В этом смысле стратегическая сущность — «сумма целенаправленных дипломатических и военных мероприятий, рассчитанных на реализацию долгосрочного стратегического плана, обеспечивающего ре-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

² В. С. Мясников. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980, 312 с.

шение кардинальных задач внешней политики государства» (там же), а стратегическая дипломатия — «дипломатия, обеспечивающая реализацию стратегемы и черпающая средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства» (там же).

В книге удачно сравнивается этот феномен китайской дипломатии со средневековой итальянской дипломатией, особенно с наставлениями Макнавелли, но, как справедливо отмечает автор, китайская школа была на тысячу лет старше. Действительно, оценив обстановку и основываясь на выработанных теорией специфических приемах, китайский политический деятель как бы применял дипломатические карате — умело используя слабость противника и нанося удары по его уязвимым местам, он, даже располагая меньшими силами, имел шансы обеспечить себе победу. Между тем Цинская империя была могущественным государством, по многим параметрам превосходившим своих соседей на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.

Маньчжурские правители Китая, захватив власть над огромной страной, восприняли методы традиционной китайской дипломатии. Поэтому Русское государство, вступив в контакты с Цинской империей, столкнулось в первую очередь со стремлением Цинов навязать русской стороне статус «вассала» империи. Русская дипломатия к этому времени уже накопила значительный опыт в сношениях с великими государствами Востока — Индией, Турцией — на равных основаниях. Русская дипломатическая школа во многом опиралась на традиции византийской дипломатии³, хотя некоторые авторы и относили зарождение русской дипломатии лишь ко второй половине XV века⁴. Московские дипломаты категорически отвергли идею неравенства, заложенную в китаецентристской внешнеполитической доктрине Цинов. Но неудачи первых русских посольств в Пекине (Ф. И. Байкова 1654—1657 гг., Н. Г. Спафария 1675 г.) связаны не только с этим.

В. С. Мясников, прежде чем приступить к подготовке рецензируемой монографии, в течение длительного времени занимался разработкой и публикацией источников по русско-китайским отношениям⁵. В указанных публикациях позиция русского правительства по отношению к Цинскому Китаю выражена предельно полно. Теперь же исследователь взглянул на события как бы с точ-

ки зрения цинских дипломатов. Это и позволило ему сделать исключительно важный вывод о том, что процедурные моменты были лишь конкретной формой выражения определенной политики, в данном случае направленной на решение поставленной маньчжурским правительством задачи удаления русских с берегов Амура военным путем. Цины понимали, что дипломатическим путем, да тем более при соблюдении равносильных отношений, как того добивалась русская сторона, осуществить захват части русской территории в Приамурье невозможно. Император Сюань Е (правил под девизом Канси) принял решение военной силой «усмирить» русских.

Вот здесь и вступила в действие стратегическая как своего рода секретное оружие имперской политики. В течение длительного времени выработывался план, в котором дипломатическим и военным мероприятиям отводилось примерно равное место. Первый этап подготовки плана — визиты цинских разведчиков в русские города Нерчинск и Албазин. На основании собранных ими данных о численности русского населения в Приамурье, укреплении острогов, коммуникациях началась подготовка армии: выдвинжение форпостов за рубежи империи, в обширную зону, простиравшуюся между Амуром и Ивовым палисадом и осваивавшуюся как русскими казачьими партиями, так и маньчжурскими воинскими командами. Строительство флота на Сунгари, создание провизантских складов, привлечение иезуитов-миссионеров для отливки пушек — все это элементы военной части стратегемы Сюань Е, главное в которой заключалось в выборе русской крепости Албазин в качестве объекта основного удара. Это позволяло маньчжурам расчленив русские владения в Приамурье, нарушить систему коммуникаций по Амуру.

Дипломатии отводилось не менее важное место. Во-первых, она должна была оправдать начало военных действий против государства, дипломатические представители которого в течение трех десятилетий прибывали в столицу империи с предложениями установить мирные дружественные отношения. На то, что деятельность русских в Приамурье и Забайкалье носила мирный хозяйственный характер и не создавала угрозы интересам империи, указывали секретные доклады цинской разведки, следившей за ситуацией на рубежах Русского государства (с. 175—176). В этих условиях император Сюань Е выдвигает свою, диаметрально противоположную фактам, версию событий, обвиняя русских в «нарушении спокойствия пограничных племен», «вторжениях на территорию империи». В. С. Мясников подробно прослеживает модификации версии Сюань Е, убедительно доказывает ее полную несостоятельность и произвольный характер, нацеленность на оправдание вторжения цинской армии в русские пределы.

Во-вторых, дипломатия должна была мобилизовать силы союзников Цинов, в первую очередь халхаских феодалов, не допустить сближения с русскими джунгар-

³ См.: В. Лешков. Речь о древней русской дипломатии. М., 1847.

⁴ См.: М. Капустин. Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII века. М., 1852, с. 11; В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866, с. 1.

⁵ См.: Русско-китайские отношения в XVII в., т. 1. М., 1969; т. 2. М., 1972; Русско-китайские отношения в XVIII в., т. 1. М., 1978.

ского хана Галдана. Взаимосвязь и взаимозависимость русского и монгольского направлений деятельности цинской дипломатии постоянно прослеживаются автором. И в-третьих, дипломатия должна была обеспечить закрепление международно-правовым актом успехов цинского оружия.

В рассматриваемый период цинские дипломаты свыше десяти раз вели переговоры с русскими представителями. В книге, на наш взгляд, удачно раскрывается тактика цинской стороны на переговорах: крайне жесткое отстаивание своей великодержавной позиции при навязывании Русскому государству статуса «вассала», выдвижение ультиматумов, в которых закладывалась собственная, выгодная Цинам интерпретация событий, а затем использование этих ультиматумов как основы для выдвижения территориальных притязаний, провоцирование русских дипломатов на переговоры с целью предварительного раскрытия позиции русской стороны и многие другие приемы. Но, безусловно, главным дипломатическим событием была Нерчинская конференция 1689 г.

Автор монографии стремится анализировать не дипломатию вообще, а действия конкретных лиц, облеченных дипломатическими полномочиями. В этом плане большой интерес представляют характеристики цинских дипломатов, позволяющие понять, например, принцип комплектования цинской делегации, направлявшейся сначала в Селенгинск, а затем появившейся близ стен Нерчинска. Интересно сделанное в книге наблюдение, что Сюань Е в период Нерчинской конференции покинул столицу империи и со своей свитой находился на западе Маньчжурии, что позволяло ему фактически руководить деятельностью своих послов.

В дипломатической подготовке цинским правительством Нерчинской конференции обращают на себя внимание два главных момента: искусная изоляция джунгарского хана Галдана и обеспечение военного превосходства для маньчжурской стороны как на самих переговорах, так и в Приамурье в целом. Первая из этих целей была достигнута отправлением к Галдану исключительно пышного посольства во главе с фактическим министром иностранных дел — руководителем Лифаньюаня Арани. Ожидание прибытия посольства и последовавшие затем переговоры сковали активность Галдана, не дали ему возможности покинуть пределы Джунгарии и вмешаться в цинско-русские отношения. Военное же превосходство было достигнуто путем фактической оккупации цинскими войсками территории Албазинского уезда и внезапным появлением у Нерчинска — места встречи послов — многотысячной маньчжурской армии.

Нерчинская конференция была кульминационным моментом цинско-русских отношений в XVII веке. Уже в наказах послам можно четко проследить, что одна из дипломатий «действовала исключительно в целях реализации своей стратегии, а другая пыталась основаться на международных обычаях своего времени» (с. 216).

Ход конференции и ее результаты свидетельствуют о том, что для русской стороны переговоры являлись тем, чем они, собственно, и теперь являются для любой дипломатии, — «поиском решений посредством мирных и взаимоприемлемых соглашений»⁶. В противоположность этому «имперская дипломатия не признавала компромиссов и отступлений, отдавая предпочтение позиции силы» (с. 239). Цинские делегаты выдвигали совершенно произвольные территориальные притязания и всячески оказывали давление на русскую сторону, чтобы заставить ее принять маньчжурский вариант размежевания. В ход были пущены и запугивание путем угрозы развернуть боевые действия, и обвинения русского посла в «несговорчивости» с добавлением, что на него последует донос в Москву, и предложения прервать переговоры, и угон в цинские пределы русских подданных. Когда же все это не возымело действия, Нерчинск был блокирован и последовала прямая демонстрация военной силы. В таких условиях русской делегации все же удалось, пойдя на существенные уступки, не позволить втянуть Русское государство в войну с Цинской империей.

Нерчинский договор 1689 г. — это один из сложнейших памятников истории дипломатии. Его изучению посвящена огромная литература, в которой высказывались порой диаметрально противоположные точки зрения. Не случайно почти два с половиной столетия спустя после подписания Нерчинского договора английский юридический журнал пришел к выводу, что «Нерчинское соглашение по форме являлось не «договором», а вообще мандатом китайского императора, который всех королей в мире считал своими подданными или вассалами»⁷. Рассмотрение договора как результата действий стратегической дипломатии позволяет не только уяснить его насильственный для Русского государства характер, но и раскрыть методы его фальсификации маньчжуро-китайской дипломатией и историографией.

В. С. Мясников убедительно доказал, что среди этих методов главное место занимают не прямые выбрасывания из текста договора положений, мешавших цинской стороне, или толкования статей с использованием произвольно выбираемых географических ориентиров, а обширная фальсификация дипломатических документов цинской стороны, связанных с подготовкой и осуществлением маньчжурской экспансии в Приамурье, произведенная императором Сюань Е в ходе реализации его стратегии. Искращения реального хода исторического процесса, став благодаря императорскому утверждению официальной цинской версий событий, были некритически восприняты китайской феодальной и буржуазно-националистической историографией, а ныне пере-

⁶ Д. Вуд, Ж. Серре. Дипломатический церемониал и протокол. Принципы, процедура и практика. М., 1976, с. 183.

⁷ "Law Quarterly Review", 1928, № 44, p. 150—151.

кочевали и на страницы публикаций, издаваемых в КНР. Обширная глава, в которой рассматриваются основные особенности источников и литературы, и прилагаемая к книге библиография проблемы, включающая свыше 700 названий, на наш взгляд, не только имеют большое познавательное значение, но и предоставляют возможность в дальнейшем исследовать новые фазы развития маньчжуро-китайской дипломатии.

Хотя русская дипломатия и не смогла реализовать свои предложения на Нерчинской конференции, успех маньчжурских стратегов также был временным. Их просчет заключался в том, что они механически перенесли «опыт действий империи против ее сравнительно слабых соседей, для которых взаимоотношения с Цинской империей были главным звеном в системе их международных связей, на отношения с государством, по своим параметрам не уступавшим империи и не замыкавшим свою внешнюю политику лишь на проблеме отношений с Цинами» (с. 264). Крушение стратегического плана Сюань Е произошло в иную историческую эпоху, однако относительная длительность разрешения Россией «амурской проблемы» «определялась отнюдь не неспособностью России восстановить свои права на утраченные земли, а стремлением совершить это исключительно мирными, дипломатическими средствами» (там же).

Автор приходит к выводу, что стратегическая дипломатия, ставившая субъективные стремления выше объективных тенденций развития реального мира, отдававшая приоритет политике диктата и произвола и противопоставлявшая их обоюдоприемлемым компромиссам, с вовлечением Китая в современную систему международных отношений утрачивает свой универсальный характер. «Оставаясь опасным средством в отношениях с каждым конкретным государством или даже группой стран, она не может обеспечивать абсолютного превосходства, так как сама идея государства-гегемона, диктующего свою волю в международных делах, постоянно приходит в противоречие с интересами остальных государств, с основными положениями международного права, вызывает все более активное противодействие ее осуществлению» (с. 264—265).

Хотя во многих внешнеполитических декларациях пекинские лидеры пытаются уверять, что «Китай никогда не будет сверхдержавой и он выступает против гегемонизма и любой политики силы», однако зарубежные исследователи отмечают, что внешняя политика КНР в настоящее время является не просто «возобновлением с новыми актерами в новых костюмах тщетных усилий пришедшей в упадок Цинской династии»⁸. Факты свидетельствуют, что многие конфликтные ситуации в дальневосточном, индокитайском, центральноазиатском

регионах в последние десятилетия связаны с реализацией руководством КНР экспансионистской политики в отношении сопредельных государств. Идеологической основой этой политики является великоханьский шовинизм, ее корни уходят в политические концепции императорского феодального Китая. Территориальные притязания и пограничные конфликты — это конкретная форма выражения этой политики. Конфликты и вооруженные столкновения практически по всему периметру границ Китая, провоцируемые китайским руководством, заставляют соседние государства рассматривать китайскую политику в регионе как дестабилизирующий фактор, крайне опасный для дела мира и безопасности.

Китайская дипломатия в духе присущих ей традиций маскирует экспансионистскую сущность внешней политики Пекина ссылками на так называемый «гегемонизм» соседей Китая, на «угрозу» Китаю то с одной, то с другой стороны. Особенно излюбленным приемом китайских руководителей являются рассуждения о наличии советских вооруженных сил в районе советско-китайской границы. Китайским политикам мало того, что они выдвигают притязания на часть советской территории, объявляют ряд ее участков «спорными», они еще хотели бы, чтобы эти советские земли были бы оставлены без защиты. То, что советские вооруженные силы на Дальнем Востоке выполняют именно эту защитную функцию и никому не угрожают, признают даже зарубежные эксперты. В отчете японского Института по изучению проблем мира и обеспечению безопасности, возглавляемого проф. Масамити Иноки, отмечено, что укрепление советских вооруженных сил на Дальнем Востоке имеет целью «обеспечить безопасность государственных границ, предотвратить попытки Китая изменить нынешнюю линию советско-китайской границы путем использования вооруженной силы...»⁹. Вряд ли эта оценка нуждается в дополнительных комментариях.

Осознание серьезной угрозы, которую несет делу мира и безопасности китайская политика, сохраняющая отпечаток традиционной стратегической, требует и принятия соответствующих мер. Последовательная и принципиальная позиция КПСС, Советского правительства направлена на нормализацию советско-китайских отношений. Эта позиция неоднократно выражалась в заявлениях руководителей нашей партии и государства, в официальных документах, адресованных китайской стороне. Принципы полного равноправия сторон, уважения независимости и суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы и угрозы силой, взаимной выгоды — вот основа подхода советской стороны к нормализации советско-китайских отношений. Если эти принципы, полностью соответствующие уставу ООН и нормам современного международного права, будут приняты в качестве

⁸ A. Feuerwerker. Chinese History and the Foreign Relations of Contemporary China. — "The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences". Philadelphia, vol. 402 (July 1972), p. 3.

⁹ «Экономист» (Токио), 16.X.1979, с. 32.

нормы взаимоотношений между всеми странами региона, то они явятся надежной гарантией мира и безопасности народов стран Дальнего Востока. Согласованность действий обществественности и правительств этих стран в борьбе за реализацию указанных принципов — это путь к оздо-

ровлению международного климата не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире в целом.

*М. С. Каница,
профессор*

Объективное свидетельство японского историка

Автор рецензируемой книги* — в прошлом сотрудник исследовательского отдела ЮМЖД и преподаватель истории; в 1955 г. получил магистерскую степень по специальности история Японии в университете Риссё в Токио. В его труде содержится в основном объективный анализ истории отношений между Россией и Японией в рассматриваемый период. С. Манабэ критикует тех исследователей и политиков, кто заявлял, будто в отношениях с Японией Россия выступала с «экспансионистских» позиций. Он пишет, что после того, как цинский Китай вынудил Россию временно уступить в конце XVII в. Приморье и Приморье, цель русских заключалась в том, чтобы, развивая торговлю с Японией, получать необходимые продукты питания и другие предметы повседневного спроса для населения русского Дальнего Востока и островов северо-восточной части Тихого океана. «Если опираться на исторические факты, — констатирует С. Манабэ, — будет совершенно очевидно, что политика России в отношении Японии всегда носила мирный характер и не опиралась на силу как средство претворения этой политики в жизнь» (с. 2).

Японский историк считает, что такая политика объяснялась слабостью позиций царской России на Дальнем Востоке и что ее продвижение в район Курильских островов и Сахалина не было главным направлением ее внешнеполитического курса, а лишь средством установления с Японией торговых отношений. Это положение обосновывается широким введением в научный оборот как японских, так и зарубежных, в особенности русских, материалов.

С. Манабэ пишет, что о русских японцы впервые узнали довольно поздно — лишь в конце XVII в. В 1695 г. ученый из Нагасаки Дзёкэн Нисикава издал кни-

гу «Размышления о торговле с Китаем и Эдзо», в которой говорится, что «Московия — это теплая страна, расположенная в 4100 рю¹ за морем». Само название «Московия» было известно в Японии несколько раньше, от голландцев, которые привозили московскую кожу, высоко ценящуюся, так как ее использовали для изготовления кошельков и украшения эфесов мечей.

Но в Японии, пишет японский историк, до середины XVIII в. не знали, что русские землепроходцы и мореплаватели вышли на берега Тихого океана и, дойдя до Камчатки, начали осваивать Курильские острова, хотя первые прямые контакты с русскими моряками, которые обследовали Курильские острова и плавали у берегов Северо-Восточной Японии, у японцев завязались еще в 1739 г.

Непосредственный интерес к России возник у японцев после того, как в 1759 г. айнский старейшина с о. Итуруп Кацукуро сообщил купцу К. Минато из клана Мацумаэ в Аккэси (северо-восточная часть Хоккайдо) о появлении на Курильских островах русских, подаривших ему красный кафтан и копье и начавших создавать здесь свои поселения и сторожевые посты. С. Манабэ указывает, что пребывание русских в 1778—1779 гг. в местечке Ноккамаппу и в Аккэси на Хоккайдо с целью завязать торговые отношения с кланом Мацумаэ, осуществившиеся до этого через айнов нелегально, и общение с ними значительно углубило представления японцев о России. С. Манабэ пишет в связи с этим, что «предостережение» бежавшего с Камчатки венгерского авантюриста М. Бенёвского о том, что русские хотят захватить Японию, оказалось ложным. Именно этим объясняется тот факт, что в 1781 г. врач Хэйскэ Кудо написал книгу «Изучение сообщений о рыжих варварах», в которой предлагал начать разработку природных ресурсов Северной Японии и установить с Россией торговые отношения. Позиция Х. Кудо была противоречивой — с одной стороны, он считал «предостережения» М. Бенёвского неправдоподобными, а с другой — предлагал принять меры предосторожности против возможного проникновения русских путем установления взаимовыгодных торговых связей с ними, а также путем экономического освоения Эдзо (ныне Хоккайдо) после направления туда правительственных экспедиций, которые выполнили бы как

* Сигэтада Манабэ. Нитиро канкэйси, 1697—1875 (История японо-русских отношений). Токио, изд-во «Нисикава кобункан», 1978, 350 с.

экономические, так и военно-политические задачи.

В 1784 г. эти рекомендации были приняты Окицугу Танума, временщиком, который в 70—80-е годы XVIII в. фактически возглавлял японское правительство. Поэтому, как пишет японский историк, в 1785 г. на остров Эдзо, Курильские острова и Сахалин была послана первая японская официальная экспедиция. В 1786 г. отряд во главе с Т. Ямагучи и С. Аосима переправился на острова южной части Курилов, изгнав с острова Итуруп проживавших там русских С. Ежова и его товарищей. Другой отряд под руководством И. Оси высадился на Сахалине в районе мыса Крильон. С. Манабэ констатирует, что после отставки О. Танума и прихода к власти С. Мацудайра в отношениях Японии к русским произошел резкий сдвиг в худшую сторону, и это особенно усилилось после визита в Японию в 1792—1793 гг. первого русского посольства во главе с А. Лаксманом. Правящие круги Японии взяли курс на отказ от установления торговых отношений с Россией и насильственное вытеснение русских из южной части Курил. В 1799—1800 гг. на островах Амурашир и Итуруп были вместо спесивых русских крестов воздвигнуты столбы с японскими надписями. Однако такой противоправный акт не означал перехода этих островов во владение Японии.

В книге японского историка приводятся многие факты, свидетельствующие о традиционно миролюбивом характере русской дипломатии в отношении Японии.

«Обе стороны были заинтересованы в развитии взаимовыгодных торговых отношений. Со второй половины XVIII в. русские купцы и жители японского полуавтономного княжества Мацумаэ (на острове Хоккайдо), пишет С. Манабэ, вели между собой неофициальную торговлю. Политика же правительства России на Дальнем Востоке, занятого европейскими делами, характеризовалась сдержанностью, и оно «как проявляло активности в расширении своих владений на Тихом океане» (с. 341). Более того, отмечается в книге, в 1779 г.

Екатерина II в своем указе, направленном иркутскому губернатору, запретила собирать подати с жителей Курильских островов, хотя они находились в русском подданстве, так как Россия за дальностью расстояния не имела в этот период возможности обеспечивать их защиту от возможного покушения на их безопасность и имущество со стороны других государств.

С. Манабэ указывает также на отклонение русским правительством в 1788 г. просьбы основателя Северо-Восточной Американо-азиатской компании купца Г. И. Шелихова о направлении на острова Тихого океана правительственных войск. В подтверждение положения о том, что Россия «не стремилась к территориальным захватам на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана» (с. 341) и ее «интерес к Японии заключался в получении посредством торговли с этой страной товаров, необходимых для русского населения Дальнего Востока и островов Тихого океана» (там же), автор ссылается на документ, подписанный Екатериной II, в котором говорилось, что в отличие от торговли приобретение новых территорий в этом районе не принесет России никаких выгод.

Позднее, после учреждения своего консульства в Хакодате, указывает С. Манабэ, Россия в отличие от других держав «не вмешивалась во внутренние дела» Японии и не прибегла к силе оружия даже тогда, когда в 1859 г. японцы убили нескольких моряков из состава миссии генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, прибывшего для переговоров в Токио.

Несмотря на тенденциозный характер некоторых содержащихся в ней положений, монография японского ученого вносит определенный вклад в разоблачение мифа о традиционной «военной угрозе» со стороны России и подрывает основную тезис японской буржуазной историографии, которым она пользуется в раздувании кампании территориальных притязаний к СССР.

К. Е. Черевко,
кандидат филологических наук

Книга по стилистике китайского языка

Работа В. И. Горелова* является первым не только в советском, но и мировом издании трудом о стилистических проблемах современного китайского языка.

* В. И. Горелов. *Стилистика современного китайского языка*. М., «Просвещение», 1979, 192 с.

Эти проблемы, решению которых В. И. Горелов посвятил много лет, относятся к числу наиболее трудных и наименее изученных проблем в китайском языкознании, по поводу которых высказано немало противоречивых суждений. Большая заслуга В. И. Горелова состоит в том, что он взял за это трудное исследование, точно определил его границы и дал оригинальную трактовку основных проблем китайской стилистики.

Автор определяет стилистику как лингвистическую дисциплину, дающую систематическое описание выразительных средств языка и его функциональных стилей, и согласно этому определению последовательно рассматривает соответствующие

явления современного китайского языка.

Выразительные средства языка подразделяются на собственно выразительные и изобразительные средства, причем собственно выразительные стилистические средства используются в своем прямом значении, а изобразительные — в составе поэтических тропов. Это деление дает возможность провести границу между стилистикой и поэтикой. Однако раздел об изобразительных средствах китайского языка отнюдь не выглядит лишним: в книге изложены важные сведения о самих этих средствах, о взглядах китайских исследователей на эту проблему и некоторые важные примеры, вводящие читателя в необычный мир китайских поэтических тропов. В их основе лежит структура ассоциаций, присущая китайской культуре, система ценностей которой не всегда совпадает с европейской. Классик современной китайской литературы Мао Дунь в нейтральном контексте может сравнить покрасневшее от стыда лицо женщины со свиной печеню, отнюдь не имея в виду вызвать у своего читателя отвращение к своей героине.

Исследуя выразительные возможности лексики китайского языка, автор начинает со смысловой структуры слова, которая складывается из предметно-логического, эмоционально-оценочного, экспрессивного и стилистического значений. В пособии по стилистике современного китайского языка невозможно детально рассмотреть стилистические особенности отдельных слов, поэтому В. И. Горелов избрал путь тонкого анализа некоторых словообразовательных моделей, с помощью которых образуются существительные, принадлежащие различным стилистическим уровням. Так, например, с помощью словообразующего элемента жэнь (человек) можно образовывать лексически нейтральные имена деятеля типа энжэнь (благодетель), но имена деятеля с отрицательной эмоциональной оценкой образуются с помощью словообразующего элемента хань (человек, мужчина): цзуй-хань (пропойца) или с помощью морфем чун (червь) и дань (яйцо) в бранной лексике: хуньдань (негодяй), цзишэн чун (дармоед) и т. п.

Внимание автора уделено не только словообразующим элементам с короткой парадигмой, но также и широко распространенным суффиксам -цзы и -эр. Говоря об этой части работы, нельзя не пожалеть о том, что автор не воспользовался детальным исследованием этих суффиксов, которое провел А. А. Драгунов в 40-х годах¹.

Переходя к изобразительным возможностям фразеологии китайского языка, В. И. Горелов рассматривает различные типы фразеологических единиц китайского

языка — чэньюй, пословицы, недоговорки, изречения, парадоксальные высказывания. Этот раздел несколько отличается по структуре от предыдущего. Автор главное внимание уделяет вопросам строения фразеологических единиц, что несколько отстывает на задний план описание их стилистических функций.

Совокупность выразительных средств китайского синтаксиса В. И. Горелов называет стилистическим синтаксисом. В состав стилистического синтаксиса входит эмфаза компонентов синтаксических структур и синтаксические структуры с эмоционально-оценочным значением. В китайском языке порядок слов является одним из основных средств формирования грамматических отношений как между отдельными словами, так и между более крупными образованиями. В. И. Горелов совершенно справедливо пишет, что «...развитые и совершенные средства и приемы китайского синтаксиса допускают инверсию, различного рода перестановки компонентов, обуславливающие иной порядок слов в предложении» (с. 58). Это положение можно было бы развить более подробно.

Грамматические средства выделения отдельных слов или синтагм китайского предложения состоят из усилительных, ограничительных и фразовых частиц. Усилительными и ограничительными частицами В. И. Горелов называет служебные наречия цэю, бянь, цай (тогда), чжи, гуан (только), которые часто выступают в сочетании со связкой ши. Выделительное и усилительное значение связки ши в современном китайском языке известно достаточно хорошо, поэтому представляется, что в основе выделительной функции указанных наречий находится именно связка.

Фразовые частицы китайского языка являются одним из наиболее трудных для стилистической интерпретации разделов синтаксиса китайского языка. Достижение В. И. Горелова в этой части состоит в том, что он поставил фразовые частицы китайского языка в ряд его стилистических средств.

Наиболее важная и наиболее тщательно разработанная часть книги В. И. Горелова посвящена грамматическому выделению отдельных членов предложений: подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства и т. д. Эта часть представляет собой последовательное и полное описание экспрессивного синтаксиса китайского языка.

Грамматические средства экспрессивного синтаксиса китайского языка подробно описаны в этой части пособия. Такими средствами являются инверсия (при которой инвертированный член предложения выделяется специальной паузой), сегментация (при которой выделяемый член предложения повторяется в предложении два раза: первый раз в виде полнозначного имени, во второй — в виде местоимения) использование связки ши в качестве средства выделения. В последнем случае глагольное предложение превращается в предложное связочное. Цепным достижением

¹ А. А. Драгунов. Категории зависимой и независимой предметности в современном китайском разговорном языке (суффиксы -[э]р и -цзы). «Советское востоковедение», т. VI, 1949, с. 102—119; А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952, с. 75—91.

работы В. И. Горелова является стилистическая интерпретация этого важного грамматического явления.

Переходя к композиционным приемам организации синтаксических структур, В. И. Горелов рассматривает традиционный для китайского литературного стиля параллельное построение синтаксически связанных фраз. Этот стилистический прием встречается уже в древнейших поэтических памятниках китайской литературы, а в эпоху «Шести династий» этот параллелизм был введен в норму литературного языка. В настоящее время параллельное построение чаще всего встречается в кратких словах и изречениях, относящихся к далекому прошлому китайского языка. Однако при создании современных афоризмов также широко применяется метод параллельного построения: «Высокие горы должны склонить голову, воды рек должны уступить дорогу».

Важной стилистической характеристикой китайского языка является его ритмическая структура. В основе ритмической организации китайской речи лежит слог, который является основной единицей измерения ритма. Такая роль слога объясняется не только его фонетическими особенностями, но также и тем, что каждый слог китайского языка содержательно представляет собой морфему — знаменательную или служебную. Ритм речи создается чередованием устойчивых ритмических единиц. Обычно такая устойчивая ритмическая единица содержит два, три или четыре слога. При художественном чтении прозаического текста исполнители явно членят текст на ритмические единицы такого объема.

Указанная размерность устойчивых ритмических единиц зависит не только от их фонетических характеристик, она имеет также и содержательную интерпретацию. Особенности грамматической структуры китайского языка состоят в том, что в основе его структуры лежат не качественные единицы — морфема, слово, словосочетание, а количественные синтагматические единицы, состоящие из одного или двух слогов, которые А. А. Драгунов называет соответственно однослог и двуслог. Качественные единицы китайского языка — морфемы, слова, словосочетания — реализуются количественно в форме однослогов, двуслогов, а также сочетаний однослогов с двуслогами или сочетания пары двуслогов². Двуслог — это тот минимальный контекст, в котором могут реализоваться грамматические отношения китайского языка. Соответственно трехслоги и четырехслоги представляют собой минимальные контексты, в которых реализуются грамматические отношения двусложных единиц между собой и односложных единиц с двусложными.

Эта тенденция к созданию устойчивых ритмических синтагм находит свое выра-

жение в том, что некоторые распространенные двусложные глаголы типа цзиньсин (проводить), цзяи (производить) требуют чтобы дополнение к ним также было двусложным: цзиньсин дяоча (проводить проверку), цзяи чжэньдунь (произвести упорядочение), и т. п. Аналогичными свойствами обладают и некоторые двусложные прилагательные. Так, двусложные прилагательные типа вэйда (великий), баогуй (драгоценный), сяньцзинь (передовой) чаще всего сочетаются с двусложными существительными без определенной суффикса-ды. Ритмические проблемы стиля китайского языка очень сложны. Их исследование только начинается. Большим достоинством книги В. И. Горелова является то, что в ней эти проблемы рассматриваются с той наибольшей полнотой, которая возможна при современном состоянии исследований в области ритмики китайской речи.

Книга В. И. Горелова завершается исследованием системы функциональных стилей современного китайского языка. Выделено пять функциональных стилей: публицистический, научно-технический, официально-деловой, разговорный и литературно-художественная речь. Каждый из этих стилей охарактеризован подробно с точки зрения лексико-фразеологических и грамматических особенностей, а публицистический стиль и литературно-художественная речь охарактеризованы также еще и с точки зрения изобразительных и выразительных средств, свойственных этим стилям. Описание стилей китайского языка, проведенное В. И. Гореловым, является самым полным в синологической литературе. Однако представляется, что роль средневекового письменного языка вэньянь у него освещена недостаточно. Письменный язык вэньянь, основой которого послужил древнекитайский язык III в. до н. э. — III в. н. э., был языком китайской культуры вплоть до движения «4 мая». Престиж этого языка был исключительно высок, а владение им было признаком высокой культуры и образованности. В Китае вплоть до начала XX в. параллельно существовала высокая литература на вэньяне и простонародная литература на разговорном языке, представленная жанрами романа, повести и рассказа. В наше время публицистика, наука, официальная переписка широко пользуются лексикой, фразеологией, а иногда и грамматикой вэньяня для создания «высокой прозы», между тем как в разговорном стиле и литературно-художественной речи элементы вэньяня неощутимы. Наоборот, там можно часто найти диалектизмы и аргоизмы, являющиеся важными элементами разговорного языка. В этом противопоставлении публицистического, научно-технического и делового стиля разговорному и литературно-художественной речи можно увидеть отражение былого противопоставления высокого стиля на вэньяне низкому стилю на разговорном языке.

М. В. Софронов,
доктор филологических наук

² А. А. Драгунов. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962, с. 44.

Американо-китайские противоречия на Дальнем Востоке

Сближение Соединенных Штатов с КНР происходит на все более откровенной анти-советской, враждебной делу мира основе. Разобраться в причинах и сущности партнерства империализма и пекинского гегемонизма, создающего угрозу для всего человечества, безусловно, одна из наиболее актуальных задач советской исторической науки.

Задача эта комплексная, требующая тщательного анализа не только различных «точек соприкосновения» и «параллельных интересов» Пекина и Вашингтона, но и выявления противоречий и разногласий, которые препятствуют или могут воспрепятствовать в будущем совместным американо-китайским маневрам в мировой политике.

Один из районов, где интересы Китая и США традиционно сталкиваются, — Дальний Восток. Обе державы, движимые экспансионистскими агрессивными мотивами, стремятся добиться на Дальнем Востоке доминирующих позиций и в результате выступают там по отношению друг к другу в качестве соперников.

Рассчитывая сохранить свое присутствие в этом районе земного шара, Соединенные Штаты Америки предпринимают усилия для поддержания и модернизации разветвленной военно-договорной системы, которая была создана ими еще в первые послевоенные годы и по настоящий день нацелена своим острием против сил социализма, демократии и национального освобождения в Азии. Ключевая роль в военной стратегии американского империализма на Дальнем Востоке была с самого начала отведена двум реакционным режимам, искусственно созданным и взращенным Вашингтоном на Тайване и в Южной Корее. Тайбэй и Сеул являлись, в частности, главными инструментами «сдерживания» Китая, осуществлявшегося Соединенными Штатами на протяжении двух десятилетий.

Естественно, что сближение Пекина с Вашингтоном весьма остро поставило вопрос о дальнейшей судьбе Тайваня и Южной Кореи. С одной стороны, Белый дом, руководствуясь глобальными интересами, проявил готовность приглушить антикитайские аспекты своей политики на Дальнем Востоке, с другой — американцы не хотят отказываться от своих военно-политических плацдармов в регионе.

На данном этапе Пекин, также считая делом первостепенной важности развитие и укрепление партнерства с США, демонстрирует определенную гибкость в отношении сохранения американского военно-политического влияния на Дальнем Востоке.

Однако американо-китайские противоречия из-за Тайваня, а также Южной Кореи не сняты полностью, а лишь отодвинуты на задний план.

Вспыхнут ли они вновь и если да, то как, при каких обстоятельствах и с какого рода последствиями для всего комплекса взаимоотношений Пекина и Вашингтона — это вопрос, заслуживающий серьезного внимания.

В советской научной литературе имеется ряд работ, затрагивающих данную проблематику. Однако систематизированный, детальный анализ эволюции роли Тайваня и Южной Кореи в политике КНР и США в 70-х годах предпринимается в рецензируемой книге* впервые. Монография Д. Т. Капустина, посвященная острой, политически актуальной проблеме, обстоятельно документированная и выражающая глубоко аргументированную концепцию, несомненно, будет с большим интересом встречена всеми интересующимися вопросами международного положения на Дальнем Востоке.

Д. Т. Капустин начинает свою работу с изучения процесса выработки «нового подхода» США к Китаю в 1969—1971 гг., Вашингтон, указывает автор, пришел к выводу о целесообразности уменьшения своего «участия в сдерживании Китая» с тем, чтобы извлечь для США выгоды из углубления раскола между КНР и социалистическими странами.

Курс на сближение с Пекином не означал свертывания других направлений внешнеполитической активности США на Дальнем Востоке — в рамках «доктрины Никсона» продолжались, в частности, усилия, направленные на наращивание военного потенциала дальневосточных союзников Вашингтона, соседей КНР — Японии, Южной Кореи, Тайваня. Вместе с тем, справедливо считает автор, поиски сближения с Китаем не могли не создать серьезных трудностей в отношениях между США и их дальневосточными партнерами, не могли не усилить центробежных тенденций внутри лагеря американских союзников в Азии (с. 30).

Уже первые, «малые» шаги Вашингтона в направлении Пекина в 1969—1970 гг. (например, отмена некоторых ограничений на поездки американских граждан в Китай, торговлю с КНР и пр.) были расценены гоминьдановцами как «унижение Соединенных Штатов», «плохая услуга США». Столь же негативной была реакция на действия США по отношению к Пекину и в Южной Корее. Сеул особенно беспокоили сообщения о планах Вашингтона относительно вывода из Южной Кореи части американских войск.

Переход Соединенных Штатов к реализации на практике «доктрины Никсона» оказал весьма заметное влияние на политическую линию «малых» дальневосточных партнеров США. С одной стороны, они стали проявлять повышенную активность в

* Д. Т. Капустин. Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях, 1969—1979. М., «Наука», 1980, 197 с.

«разделении «коллективной безопасности региона», в создании на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии военного союза «вспомогательных азиатцев». С другой стороны, Южная Корея и Тайвань вынуждены были приступить к переосмыслению своей внешнеполитической линии с учетом изменившейся ситуации в регионе. Так, во внешней политике Сеула в 1969—1970 гг., отмечает автор, появились признаки гибкости: отказ от претензий на представительство «всего корейского народа», разрешение на выдачу виз для въезда в Южную Корею представителям социалистических стран на международные форумы и т. п. Признаки изменений затронули и отношение правящих кругов Южной Кореи к вопросу объединения страны» (с. 57).

В книге глубоко и детально характеризуется позиция в отношении Тайваня, завязавшая Соединенными Штатами в ходе переговоров Р. Никсона с пекинскими лидерами в 1972 г., и ее влияние на политику Тайбэя и Южной Кореи.

Еще до визита американского президента в Пекин были восстановлены права КНР в ООН, а чанкайшистский представитель изгнан из этой международной организации. Д. Т. Капустин подчеркивает, что тайваньский режим, таким образом, потерпел первое серьезное поражение в своей истории. Вместе с тем, как свидетельствуют итоги американско-китайских переговоров 1972 г., Соединенные Штаты на том этапе были намерены сохранить связи с чанкайшистами и продолжать использовать Тайвань в своих политических целях. Представители администрации Р. Никсона заверили тайбэйских лидеров в верности Вашингтона американско-тайваньскому договору о «взаимной обороне» и в неизменности позиции правительства США на поощрение капиталовложений американских бизнесменов в «образцовую тайваньскую экономику» (с. 76). Влиятельные защитники и друзья оставались у Тайваня в Соединенных Штатах и среди конгрессменов, высшего военного командования, бизнесменов. В этой связи Тайбэй, осудив действия американского президента, считал необходимым продолжить модификацию своей внешней и внутренней политики для сохранения режима и его главной опоры — американско-тайваньского военного союза.

Среди последствий контактов на высшем уровне между Вашингтоном и Пекином на политику Сеула автор исследования справедливо выделяет решение южнокорейских правителей пойти на переговоры с КНДР. «Готовность Южной Кореи к переговорам с КНДР означала серьезный сдвиг в позиции сеульских властей, которые раньше не только вообще отвергали такую идею, но и преследовали ее сторонников» (с. 85). Анализируя подход Сеула к этим переговорам, автор приходит, однако, к выводу о том, что Пак Чжон Хи и его группа вовсе не стремились к действительному объединению родины, а лишь пытались «ослабить давление Соединенных Штатов и (косвенное) Китая на южнокорейский режим, а также предупредить

недовольство народных масс Южной Кореи, связанное с разделением страны» (с. 90).

Следующий раздел книги повествует о дальнейшем приспособлении Тайбэя и Сеула к политическим переменам на Дальнем Востоке, имевшим место в 1972—1975 гг. Автор показывает, как Тайбэй в условиях растущей политической изоляции режима на мировой арене стал проводить все более прагматическую линию в международных отношениях.

Вашингтон, как убедительно показано в исследовании, в эти годы не только продолжал сохранять с Тайбэем дипломатические и военные связи, но и предпринимал значительные усилия, направленные на укрепление экономического потенциала острова, его хозяйственных связей с американским бизнесом, деловыми кругами Японии и других капиталистических стран. В 1972—1975 гг. значительно возросли частные иностранные капиталовложения на Тайване, увеличился и объем торговли Тайбэя с США, Японией и западноевропейскими государствами.

Краеугольным камнем политики Сеула в 1972—1975 г. также оставалось укрепление военно-политических и экономических связей с США, необходимых для выживания режима Пак Чжон Хи. Этот курс, говорится в книге, разделялся и Вашингтоном, который всеми средствами, в том числе дипломатическими (в ООН или на многосторонней основе), стремился закрепить Южную Корею в качестве самостоятельной государственной единицы и плацдарма американского империализма в Азии. Параллельно упомянутый период характеризовался попытками Сеула и Вашингтона использовать в своих интересах двуличную позицию КНР по корейской проблеме.

Сеул, при поощрении США, упорно выступал различными инициативами, направленными на развитие южнокорейско-китайских контактов, и, хотя Пекин отвергал эти инициативы, китайское руководство демонстрировало благожелательное отношение ко многим аспектам внешней политики режима Пак Чжон Хи и, в частности, к сохранению военного союза Южной Кореи с Соединенными Штатами. Д. Т. Капустин приводит доказательства того, что в Белом доме знали о поддержке Пекином военного присутствия США на юге Корейского полуострова и учитывали такую позицию КНР в политике на Дальнем Востоке (с. 121—122).

Заключительная глава книги повествует о месте Тайваня и Южной Кореи в стратегии Вашингтона и Пекина на последнем этапе, начиная от поражения США в Индокитае в 1975 г. и вплоть до середины 1980 г. Автор монографии подчеркивает, что Вашингтон ради создания на Дальнем Востоке антисоветского альянса с участием Пекина отбросил в сторону союзническое соглашение 1954 г. и прежние гарантии тайваньскому режиму. Вместе с тем Соединенные Штаты упорно цепляются за Южную Корею, рассматривая ее как стратегический форпост и исходя из того, что американское военное присутствие на Ко-

рейском полуострове не только не мешает сближению США с КНР, но, напротив, на данном этапе одобряется китайским руководством.

Борьба между Вашингтоном и Пекином, однако, как справедливо подчеркивает автор, еще не закончена. «Пекин,— говорится в исследовании Д. Т. Капустина,— проявляет пока стремление отложить окончательное решение острых проблем (Корен, острова Сенкаку, отчасти Тайваня), сохранить статус-кво, с тем чтобы предъявить свой «реестр по этому счету» позже, когда, как надеются в Пекине, Китай станет сильной милитаристской державой» (с. 183).

Точная оценка обстановки и перспектив развития международных отношений в столь политически сложном регионе, каким является Дальний Восток,— задача весьма не легкая, но в то же время исключительно актуальная. Книга Д. Т. Капустина относится к исследованиям, которые помогают пролить свет на эволюцию ситуации в этой части земного шара, а также комплекса взаимоотношений двух держав, угрожающих миру в Азии,— США и КНР.

Е. П. Бажанов,
кандидат исторических наук

Ежегодники по КНР — издание интересное и необходимое

С интервалом немногим более полугода Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» выпустила в свет ежегодники КНР-77 и КНР-78*. Последний из них является шестым по счету выпуском (первый — в 1973 г.), поэтому есть основания подвести некоторые итоги всей серии, взяв за основу два последних выпуска.

Научным работникам хорошо известно, что издание любого ежегодника является делом трудоемким, тем более когда речь идет о такой стране, как КНР, где весьма непросто даже в течение года уследить за всеми зигзагами внутренней и внешней политики, за непрерывной чехардой статистики. Именно поэтому следовало бы прежде всего отметить успех Института Дальнего Востока, большого коллектива авторов и редколлегии (почти 70 человек), наладившего регулярный выпуск ценного в научном и политическом отношении справочника по Китаю, сделавшего его популярным изданием как для специалистов-китаеведов, так и для широкого круга читателей. Ежегодник имеет свое лицо и выделяется в потоке литературы по различным проблемам стран Востока. Видимо, можно уже говорить, что трудности его становления позади и ежегодник вышел на дорогу всесоюзного признания.

В основу ежегодника положен «сквозной», «энциклопедический» принцип построения, когда разделы и рубрики жестко фиксированы, в основном ежегодно повторяются и ограничены только освещаемым

годом. И он является более сложным, чем «постатейный» принцип, когда один-два автора целиком освещают крупный раздел, часто даже не ставя для себя четких временных рамок. Думается, что выбор для ежегодника по Китаю первого принципа полностью оправдан, ибо он позволяет историку в ретроспективе анализировать ту или иную проблему, позволяет с предельной четкостью и наглядностью показать развитие страны и изменения, происходящие в Китае.

Особо хотелось бы сказать о трех разделах ежегодника, характеризующих внутривнутриполитическую жизнь страны. Стабильный состав авторов этих разделов, их высокая квалификация как специалистов-китаеведов (ряд из них известен широкому кругу читателей по своим монографическим работам) является основой того, что большинство помещенных здесь статей отличаются в целом точностью политических оценок, глубоко научной аргументированностью, скрупулезностью в «прорисовке» важнейших деталей. Их авторы дают впечатляющую картину всей остроты и сложности внутривнутриполитической обстановки в КНР, подчеркивая, что политическая нестабильность в Китае и непрекращающаяся борьба за власть в пекинской правящей верхушке накладывают существенный и пагубный отпечаток на все стороны жизни страны. Материалы разделов о внутривнутриполитической ситуации убедительно показывают, что вопреки многоплановым попыткам китайских лидеров приукрасить фасад маоистского военно-бюрократического режима, громко декларировать некую «демократизацию» общественно-политической жизни КНР в прошедшие годы им не удалось добиться реальной «стабильности и сплоченности» в стране. И как подчеркивают авторы, они «объективно не в состоянии» это сделать, поскольку пекинские власти пытаются не только сохранить маоизм в целом как одну из важных опор режима, но и усилить его наиболее реакционные шовинистические, милитаристские и гегемонистские черты (КНР-78, с. 76).

Принципиальная правильность этих выводов подтверждается и сегодня, когда грызня за власть и сведение счетов ли-

* Китайская Народная Республика в 1977 году: политика, экономика, идеология. М., 1979, 326 с.; Китайская Народная Республика в 1978 году: политика, экономика, идеология. М., 1980, 368 с.

стигли таких прямо-таки гротескных форм, как суд над «четверкой» и «группой Линь Бяо».

Отмечая лучшие, на наш взгляд, статьи этих разделов — анализ внутривластного положения (выпуск 1977 г.), статьи о конституции 1978 г. и социальной структуре КНР и социальной политике (выпуск 1978 г.), следует сказать и об описательности некоторых материалов, в частности статей о деятельности женских и отчасти профсоюзных организаций. Думается также, что столь важной проблеме, как национальная политика в КНР, должно быть уделено больше места в ежегоднике. И вероятно, уже назрел вопрос о том, чтобы проанализировать в этом плане (а может быть, и шире) религиозную сторону этой проблемы.

Хорошее впечатление оставляет раздел экономики. И это тем более необходимо подчеркнуть, что последние два десятилетия (до середины 1979 г.) официальная статистика в КНР практически отсутствовала, да и нынешняя внушает немалые сомнения.

Вывод авторов данного раздела единодушен: экономическая политика КНР, конкретизированная в курсе «четырех модернизаций», подчинена целям «мирового величия» Китая. Она направлена не на удовлетворение материальных потребностей трудящихся, а на усиление военно-промышленного потенциала Китая. И этот курс на милитаризацию страны, осуществляемый в условиях относительной ограниченности материальных ресурсов, только усугубляет существующие кардинальные противоречия и трудности китайской экономики. В свою очередь это неизбежно ведет к сдерживанию прогресса во многих отраслях, к новым материальным невзгодам для народных масс.

Сильная сторона данного раздела состоит в том, что большинство его авторов трезво подошли к оценке состояния экономики КНР, особенно в 1978 г., когда пекинская пропаганда поспешила объявить миру о «наведении порядка» в экономике и «блестящих успехах» в ряде отраслей. Авторы наглядно показали, что рост производства в отдельных отраслях промышленности имел временный, переходный характер и о действительном оздоровлении экономики не могло быть и речи. Особенно наглядно это показано в аналитической статье о сельском хозяйстве: ее авторы привели расчеты, из которых явствовало, что радужная картина положения дел в сельском хозяйстве КНР, которое, кстати говоря, дает более половины бюджетных поступлений и где занято $\frac{2}{3}$ населения страны, нарисованная пекинской пропагандой в 1978 г., не соответствовала действительности (с. 119—121).

Следует подчеркнуть, что подобные выводы специалистов подтвердились в 1979—1980 гг., когда началась новая «пробуксовка» в китайской экономике и речь пошла об очередной корректировке содержания амбициозного лозунга «четырех модернизаций».

Отмечая хорошую «детализацию» раздела экономики по отраслям, его в целом высокое качество, необходимо сделать некоторые замечания, касающиеся раздела экономики как по его структуре, так и по существу.

Непонятно, почему некоторые рубрики, появившись, затем исчезают, а другие помещаются нерегулярно («Финансы»).

Слабее на общем фоне выглядят статьи о внутренней торговле и водохозяйственном строительстве. Видимо, следовало бы изменить название рубрики «Реорганизация системы управления народным хозяйством», поскольку статьи обоих выпусков посвящены почти исключительно промышленности. В целом же эти статьи своевременны и интересны, особенно в ежегоднике за 1978 год, и вместе со статьями о сельском хозяйстве (КНР-78), а также о материальном положении трудящихся (КНР-77) являются, на наш взгляд, лучшими в разделе.

Замечание по существу касается того факта, что авторы статей о промышленности, географической характеристике (оценка численности населения) и некоторых других заменили прежние оценочные данные за ряд предыдущих лет, приняв за основу появившиеся в июне 1979 г. цифры официальной статистики Китая. Думается, что в таком случае следовало бы дать развернутое объяснение этому и соответствующие примечания к таблицам, тем более если авторы отмечают, что новые данные «во многих случаях не согласуются с ранее публиковавшимися китайской печатью цифрами абсолютного и относительного прироста за отдельные годы и являются завышенными» (КНР-78, с. 104).

Раздел «Внешняя политика и международные отношения» занимает в ежегоднике, пожалуй, центральное место. Это и понятно: перерождение политики китайского руководства зашло довольно далеко, идейная деградация наследников и последователей Мао беспрецедентна в истории, политический курс Пекина несет очевидную угрозу миру. «Китай, — подчеркивают авторы ежегодника КНР-79, — является единственной страной, которая возвела в ранг официальной партийной и государственной политики провоцирование новой мировой войны. Курс на срыв разрядки, на обострение международной напряженности, на всеобщую милитаризацию и подготовку к войне стал краеугольным камнем внешней политики Пекина» (с. 167).

Подчеркивая высокий в целом уровень статей раздела, необходимо отметить, что до этого уровня не «дотягивают» материалы обоих выпусков «КНР и ООН» и «Политика Пекина в отношении Австралии и Новой Зеландии». Страдает некоторым схематизмом и поверхностным описанием и раздел «КНР и страны Юго-Восточной Азии» (КНР-78).

Значительное место в ежегодниках — и по праву — занимают разделы, анализирующие идеологическую, культурную и научную жизнь КНР.

В разделе «Идеология», на наш взгляд, убедительно показана исключительная на-

пряженность идеологической ситуации в стране в конце 70-х годов, являющейся следствием разногласий в пекинской верхушке в связи с отношением к «идеям Мао Цзэдуна». Эти оценки и сегодня не потеряли своей остроты и актуальности, будучи подтвержденными дальнейшим развитием событий в Китае. Столь же принципиально важным и злободневным остается вывод авторов и о кризисе идеологии маонизма. Они пишут: «Лихорадочные попытки пекинского руководства подправить, «модернизировать» маонизм, создать новую его версию, базирующуюся на социал-шовинистской его сути, лишь обнажили теоретическое банкротство маонизма, его принципиальную враждебность научному социализму» (КНР-78, с. 254).

Авторы, анализирующие проблемы культуры в ежегоднике КНР-78, подчеркивают: «...При всех зигзагах политики в области культуры есть общий стержень: стремление полностью подчинить литературу, искусство и образование маонистскому политическому курсу внутри и вне страны. На данном этапе речь идет о служении китайской культуры курсу «четырех модернизаций» (с. 268). В статьях раздела хорошо показано, что новая позитивная оценка Пекина роли интеллигенции, реабилитация ряда видных деятелей культуры Китая (далеко не всех), отдельных произведений различных жанров (также не всех), попытки восстановления нормальной системы образования — это необходимость для нынешних руководителей КНР, без которой невозможно и думать о выходе «в ряд великих держав». При этом верно подчеркнуто, что пекинская верхушка прибегла к очередной подтасовке, свалив всю вину за систематические гонения на интеллигенцию, за вопиющее пренебрежение к культурным и общеобразовательным потребностям масс — на «четверку», стараясь убрать из-под огня критики Мао Цзэдуна — истинного вдохновителя и организатора этих бесчинств и гонений (с. 268—269). Хотелось бы только, чтобы эта важная оценка более четко просматривалась в статьях, анализирующих состояние дел в области литературы, кино и изобразительного искусства.

Что касается нового раздела «Наука» (КНР-78), то надо сказать о его актуальности и достаточно интересной постановке освещаемых проблем. Авторам следовало бы уделять больше внимания реальному выполнению в КНР задач по развитию науки и техники, а не прожектам Пекина. Целесообразно, на наш взгляд, ввести в данный раздел и общую вступительную статью по образцу других разделов.

Значительный интерес представляют приложения к ежегодникам, которые следует рассматривать как большой и важный раздел. Интересная рубрика персоналий, подробная хроника событий за год, тщательно составленные, весьма нужные и удобные для повседневной работы географический и именной указатели — все это несомненный актив ежегодников по КНР, которые по праву стали настольной книгой научных и практических работников-китаеведов, необходимым справочником всех специалистов-международников.

И в заключение необходимо отметить еще две важные черты ежегодников по Китаю. Во-первых, это их строгая научная документированность, опора прежде всего на первоисточники, в том числе китайские (хотя желателен их более тщательный отбор). Во-вторых, — уважительное отношение к великому китайскому народу. Через все материалы ежегодника проходит как бы сквозная мысль, что советские люди, советские ученые никогда не отождествляли замыслы прежних и нынешних пекинских правителей с интересами трудового народа Китая.

Ежегодники по Китаю стали заметным явлением советской востоковедческой науки. От выпуска к выпуску улучшается их содержание, растет научная ценность. Авторы и редколлегии устраняют имеющиеся недостатки, совершенствуют каждый выпуск, улучшают его структуру. А это является лучшим свидетельством того, что ежегодник «Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология» — на правильном пути.

В. А. Владимиров

Шовинизм в национальной политике Пекина

Одной из важнейших задач, стоящих ныне перед востоковедением Советского Союза и других социалистических стран, является дальнейшее изучение и активное разоблачение шовинистической политики руко-

водства КНР в отношении неханьских народов, раскрытие пагубных последствий этой политики в национальных районах Китая.

В решение этой задачи востоковеды социалистических стран внесли весомый вклад. Вышли в свет глубоко аргументированные, основанные на тщательном марксистско-ленинском анализе и подкрепленные фундаментальным фактическим материалом работы. Среди них — опубликованные в последнее время сборник материалов международного научного симпозиума, состоявшегося в столице МНР в мае — июне 1979 г. и включившего доклады и выступления представителей ученого мира братских социалистических стран по националь-

ному вопросу в Китае, а также монографии, в которых рассматриваются национальная политика китайского руководства в трех крупных автономных районах КНР — Гуанси-Чжуанском, Нинся-Хуэйском и Автономном районе Внутренняя Монголия¹.

В сборник «Маоизм и национальный вопрос» вошли наиболее актуальные материалы, которые явились предметом обсуждения на симпозиуме. Во вступительном слове на симпозиуме президента Академии наук МНР академика Б. Ширендыба разоблачается реакционная политика маоизма в национальном вопросе, подчеркивается значение ее анализа с позиций марксизма-ленинизма. Интерес представляют доклады вице-президента АН МНР, директора Института востоковедения академика Ш. Биры на тему «Маоизм и национальный вопрос в Китае», директора Института Дальнего Востока, члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского — «Великоханьская доктрина единой китайской нации», заместителя директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ, доктора М. Матуша — «Великоханьский шовинизм — враг мирового прогресса», заведующего кафедрой философии ВПШ при ЦК КПВ Нго Тхань Зыонга — «Экспансионистский великодержавно-гегемонистский национализм пекинских реакционных кругов в отношении Вьетнама» и др.

Правящие круги Пекина продолжают проводить в отношении неханьских народов КНР шовинистическую политику насильственной ассимиляции. «Обоснованием» для них служит «теория» о том, что в Китае существует единая китайская нация, ядро которой составляют ханьцы. Извращая историю, возвеличивая китайскую нацию как якобы объединяющую не только народы, населяющие современную территорию Китая, но и территории соседних стран, китайские идеологи нагнетают военный психоз и разжигают великоханьский фанатизм. Они намеренно игнорируют общественно-исторические условия существования народов, классовое расслоение общества, выдвигают в качестве главного, определяющего критерия образования нации этногенез. Правда, и здесь не обходится без фальсификаций, поскольку ими отнесены к одной этнической группе народы различных рас (с. 38—39).

¹ Маоизм и национальный вопрос (Материалы международного научного симпозиума, состоявшегося в Улан-Баторе 30 мая — 2 июня 1979 г.). Улан-Батор, Институт востоковедения АН МНР, 1980, 388 с.; А. А. Москалев. Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы КНР: Вопросы политики районной национальной автономии. (Под общей редакцией чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковского. Отв. ред. Т. Р. Рахимов.) М., «Наука», 1979, 152 с.; Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. (Под общей редакцией акад. Б. Ширендыба, чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковского.) М., «Наука», 1980, 160 с.

Неханьские народы в КНР лишены права на самоопределение. В докладах и выступлениях, вошедших в сборник, подчеркивается, что «формально провозглашенная система районной национальной автономии превращена правящей верхушкой Китая в фикцию... Экономическая политика в национальных районах Китая консервирует хозяйственную отсталость этих районов, препятствует их развитию» (с. 4). Факты последнего времени свидетельствуют, что, например, в сфере кадровой политики, и в особенности в вопросах расстановки кадров, Пекин придерживается прежнего курса на всемерное усиление роли ханьцев в районах национальной автономии, призывает неханьское население «приветствовать помощь» ханьских переселенцев, помогать им «укорениться на границе» («Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы КНР», с. 17). В сборнике широко представлены различные аспекты реакционной сущности великоханьского шовинизма. Убедительно они вскрыты в докладах М. И. Сладковского — «Великоханьская доктрина единой китайской нации», Л. М. Гудошниковой — «Великодержавный шовинизм китайского руководства в вопросах национально-государственного строительства и политике национальной автономии», В. И. Потапова — «Экономическая политика руководства КНР в национальных районах» (СССР), А. Халкимарского — «Некоторые проблемы политики ассимиляции и китаизации национальных меньшинств в Китае» (МНР), Р. В. Неронова — «Социально-классовая политика китайского руководства и некоторые ее особенности в национальных районах. 1971—1976 гг.» (СССР), Ч. Дала и М. Зэнэ — «Маоистская политика ассимиляции коренного населения Внутренней Монголии», Э. Пунцага и М. Хурметхана — «К изучению современного положения неханьских народов Синьцзян-Уйгурского автономного района» (МНР), А. Дамдинсурэна — «Пагубные последствия «культурной революции» во Внутренней Монголии» (МНР).

Академик Б. Ширендыб, говоря о национальной политике в Китае, отметил, что речь идет о национально-шовинистической политике пекинского руководства, диаметрально противоположной марксистско-ленинскому учению по национальному вопросу и его подлинному воплощению в СССР и странах социалистического содружества («Маоизм и национальный вопрос», с. 8). После образования КНР ни одна нация Китая не получила права на создание самостоятельных республик, хотя бы автономных. Территории автономных районов за годы существования КНР неоднократно перекраивались и заселялись представителями ханьской национальности.

Б. Ширендыб изложил характерные черты этой национально-шовинистической политики китайского руководства, заключающиеся в следующем. Во-первых, в национальных районах КНР всячески вытравляются из сознания коренных жителей понятия о равноправии наций, широко проповедуются концепция об исключительности

ханьской нации. Во-вторых, проводится китаизация национальных меньшинств путем демографической ассимиляции. В-третьих, беспощадно подавляются силой оружия малейшие проявления недовольства народов Тибета, Синьцзяна, Внутренней Монголии и других национальных районов. В-четвертых, пограничные районы, такие, как Синьцзян, Тибет и Внутренняя Монголия, превращены в военно-стратегические базы против соседних стран — СССР, Индии и МНР, что еще более ухудшает условия жизни национальностей. В-пятых, пекинские лидеры, маскируя свою шовинистическую политику в национальных районах фразеологией о давнем родстве китайских императоров, монгольских ханов, тибетских царей и феодалов национальных районов, ведут разнузданную клеветническую кампанию против СССР и других социалистических стран, где впервые в истории человечества получило свое подлинное воплощение марксистско-ленинское учение о национальном вопросе.

Отмечая успехи национальной политики Советского Союза, Генеральный секретарь ЦК КПСС Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду подчеркнул, что «с первых лет Советской власти наша экономическая и социальная политика строилась так, чтобы как можно быстрее поднять бывшие национальные окраины России до уровня развития ее центра. И эта задача была успешно решена».

Пути разрешения национального вопроса всегда привлекали внимание китайских революционеров. Как известно, еще Сунь Ятсен высказывался за самоопределение населяющих Китай национальностей. С момента возникновения Коммунистической партии Китая к национальному вопросу было привлечено внимание коммунистов. Не случайно на I съезде КПК в 1921 г. в качестве основной была выдвинута задача борьбы за социальное и национальное освобождение народов, населяющих Китай, а в решениях II съезда КПК поставлен вопрос о будущем национальном устройстве страны. Характерно, что один из пунктов Программы действий VI съезда КПК (1928) включал признание права на национальное самоопределение. Еще в документах освобожденных районов содержались положения, предусматривавшие после победы революции в Китае федеративное устройство и самоопределение наций (с. 68). В ряде материалов сборника исследуются вопросы насильственной китаизации материальной и духовной культуры национальных меньшинств, особенно в периоды массовых кампаний (с. 76—77, 191—203, 334—335).

Разъяснение с позиций марксизма-ленинизма сущности шовинистической политики китайской верхушки, изложенное в материалах сборника, делает его ценным источником и отправной базой для продолжения работы по разоблачению великоханьской шовинистической политики китайского руководства, проводимой как в национальных

районах КНР, так и в международном плане.

Синологами Советского Союза и других социалистических стран в последние годы сделаны шаги к расширению изучения вопросов национальной политики в КНР, к исследованию конкретных аспектов этой политики в отдельных национальных районах, изучению практических методов, используемых китайскими властями в отношении к различным неханьским народам в КНР.

В связи с этим представляет значительный интерес монография А. А. Москалева «Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы КНР». Книга состоит из двух разделов, соответственно освещающих проблемы указанных автономных районов. В ней подробно изложены все этапы, которые прошли эти автономные районы от момента создания до последнего времени, включая национальное строительство в первые годы после образования КНР, период усиления шовинистических тенденций в политике маонстов, «большой скачок», «урегулирование», «культурную революцию» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На примере рассматриваемых в монографии районов можно понять особенности политической практики китайского руководства в национальных районах, уяснить их современное положение, наконец, проследить процесс деформации китайской политики районной автономии. В книге подчеркивается, что выбор для исследования именно этих автономных районов не был случайным и по другой причине. Образованные в одном и том же 1958 г., оба района в практике осуществления политики районной национальной автономии испытали на себе воздействие так называемого опыта Внутренней Монголии. Известно, что в середине 50-х годов территория Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) в порядке оказания «помощи» монголам и в целях «усиления сплоченности» национальностей была значительно расширена за счет соседних областей, густо заселенных ханьцами, и процент монголов в автономном районе сильно сократился. В годы «культурной революции» отношение монгольского населения к китайскому в АРВМ составляло 1:38, что значительно меньше, чем в любом другом автономном районе КНР. Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы (ГЧАР и НХАР) также приобрели определенную «типологическую» общность — большинство их населения составляют ханьцы.

Автор проделал значительную работу, собрав и проанализировав имеющийся фактический материал, который почерпнут почти исключительно из монографий, журнальных статей на китайском языке, а также из местных и центральных китайских газет. В частности, были использованы материалы, выходявшие в 50—60-х годах в Гуанси-Чжуанском автономном районе на языке чжуан, например газета «Пау Сяшун» и др.

Социально-экономические и политические преобразования в ГЧАР и НХАР в первые годы после образования КНР содействовали постепенному изживанию наследия прошлого — национального гнета, дискриминации, вражды и отчужденности, характеризовавших прежде всего взаимоотношения между ханьцами и неханьскими национальностями.

Эти положительные процессы и становление районной национальной автономии с самого начала проходили в острой борьбе между пролетарско-интернационалистскими и мелкобуржуазно-националистическими силами в КПК. До VIII съезда КПК (1956) в национальном строительстве преобладали позитивные моменты, в чем была непосредственная заслуга китайских коммунистов-интернационалистов, ориентировавшихся на научный социализм (с. 132).

Однако навязанный Китаю Мао Цзэдуном и его сторонниками политический курс прервал ход позитивного развития системы районной национальной автономии. Несмотря на то что два указанных автономных района были образованы в 1958 г., в разгар «большого скачка» в КНР, именно с этого времени в национальном строительстве начинает наблюдаться явный регресс, а районная национальная автономия все больше приобретает номинальный характер. Факты свидетельствуют о том, что со времени «большого скачка» институт районной национальной автономии в КНР не только не совершенствовался, а наоборот, из года в год деградировал.

Итоги более чем 20-летнего существования ГЧАР и НХАР подтверждают, что национальное строительство в КНР развивалось успешно лишь в те годы, когда Китай вместе с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества шел по пути строительства социализма, использовал их богатый опыт. Очевидно, что позитивное развитие национального строительства в КНР возможно лишь на основе проведения в жизнь марксистско-ленинских принципов национальной политики, что, конечно, зависит от общего политического курса китайского руководства (с. 135).

В монографии «Автономный район Внутренняя Монголия», подготовленной коллективом ученых Института Востоковедения Академии наук МНР при участии сотрудников ИДВ АН СССР, монгольские авторы выступают по национальному вопросу с четких марксистско-ленинских позиций.

Созданный в результате национально-освободительной борьбы монгольского народа в 1947 г., еще до победы народной революции в Китае и образования КНР, этот автономный район выделяется своими специфическими особенностями.

Авторы книги посвятили немало страниц истории национально-освободительного движения народа Внутренней Монголии, социальным преобразованиям в автономном районе. Они раскрыли пагубность для судеб неханьских народов КНР великодержавной политики китайского руководства.

Система районной автономии, предусмотренная законодательными актами КНР, значительно сократила территорию расселения коренного монгольского населения. Руководство КПК стремилось всеми способами ограничить права органов самоуправления монгольского населения КНР, снизить его до провинциального уровня (с. 3).

Монгольский народ вел длительную борьбу за свою независимость.

Революция 1911 г. в Китае способствовала мощному подъему национально-освободительной борьбы монгольского народа. Под руководством Народно-революционной партии Монголии и при поддержке Советской России народ Внешней Монголии сумел осуществить народную революцию и создать МНР. В силу ряда причин народным массам Внутренней Монголии не удалось добиться успеха в своей борьбе за свободу. Внутренняя Монголия стала объектом великоханьской политики правительства Юань Шикая, китайских милитаристов, реакционных гоминьдановских сил, а в начале 30-х годов — жертвой японской агрессии (АРВМ, с. 140).

Но и в этих тяжелейших условиях монгольский народ с оружием в руках не прекращал самоотверженной борьбы за свободу.

В книге ярко показано значение разгрома японских захватчиков и освобождения Внутренней Монголии советско-монгольскими войсками (1945) в создании благоприятных условий для успешного завершения национально-освободительной борьбы народов Внутренней Монголии, для социального прогресса и строительства новой жизни (с. 39).

Конкретные результаты национально-освободительной борьбы нашли отражение в решениях ряда съездов народных представителей Внутренней Монголии в 1945—1946 гг., в создании автономной Внутренней Монголии в мае 1947 г., в демократических преобразованиях в конце 40-х годов (с. 141).

На ход политических, социальных, экономических и культурных преобразований района отрицательное воздействие оказали великодержавные тенденции в политике руководства КПК. После победы народной революции в Китае и образования КНР Мао Цзэдун лишил неханьские народы, в том числе и народы Внутренней Монголии, права на самоопределение, предоставив им лишь районную автономию. Все же в первые годы существования КНР во Внутренней Монголии были проведены коренные преобразования в политической, социальной и культурной областях. Внутренняя Монголия, как и другие районы КНР, вступила на путь социалистического строительства (с. 141).

Однако в конце 50-х годов Мао Цзэдуну удалось навязать КПК и народам КНР свой «особый» курс: национальная политика руководства КПК приобретает открыто шовинистический характер. Особенно наглядно это проявилось в период «культурной революции», когда были разогнаны

конституционные органы самоуправления и созданы «ревкомы» во главе с ханьцами. Национальная культура, обычаи и привычки коренного населения оказались под запретом. Резко усилилась милитаризация.

В последние годы китайское руководство прибегает к различным тактическим ухищрениям, пытается скрыть великоханьскую сущность своей национальной политики, скорректировать наиболее однозвучные, скомпрометировавшие себя установки маоистского курса.

Летом 1979 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли решение о восстановлении Автономного района Внутренняя Монголия в прежних административных границах, существовавших до июня 1969 г. В соответствии с этим решением в состав АРВМ вновь включены некоторые аймаки и хошуны, которые в годы «культурной революции» были отторгнуты и переданы соседним провинциям, заселенным преимущественно ханьцами (с. 142).

Перекрыжка карты АРВМ продиктована отнюдь не заботой об участии монгольского национального меньшинства в Китае. Восстанавливая раздробленные, размолотые

в великоханьских жерновах части Внутренней Монголии, китайские лидеры фактически пытаются превратить этот национальный район в одну из китайских провинций. Недаром на первом расширенном заседании Госсовета КНР, состоявшемся в мае — июне 1979 г. в Тяньцзине, подчеркивалась необходимость «соединения многочисленного населения ханьской нации и ее технического преимущества с обширной территорией национальных меньшинств и ее природными богатствами» (с. 142).

Как показывают факты, реальная обстановка в автономных районах КНР, характер нынешней политики Пекина в этих районах, по сути дела, остаются прежними и являются продолжением пресловутой «национальной политики Мао Цзэдуна», неханьские народы подвергаются дискриминации во многих отношениях.

Рецензируемые книги подтверждают, что такая политика обрекает неханьские народы на бесправное положение и низкий жизненный уровень.

Б. К. Отраднов

Стратегия победы

В 1975 г. многолетняя борьба вьетнамского народа против агрессии американского империализма за воссоединение Родины завершилась полным триумфом: 30 апреля был полностью освобожден Южный Вьетнам. 2 июля 1976 г. было провозглашено создание Социалистической Республики Вьетнам — единого социалистического государства на вьетнамской земле. Это событие имело исключительно большое международное значение. Товарищ Л. И. Брежнев говорил по этому поводу: «Вьетнам с его большим опытом героической борьбы против империалистической агрессии, за свободу и независимость, с его высоким революционным авторитетом стал ныне важным фактором мира и прогресса в Юго-Восточной Азии, да и в Азии в целом»¹. Победа вьетнамского народа в отражении агрессии США имела и то значение, что, как отмечал Л. И. Брежнев, империалистам «теперь не просто решиться на прямое вооруженное вмешательство в дела освободившихся государств. Последняя крупная акция такого рода — война США против народа Вьетнама — закончилась слишком сокрушительным и позорным провалом, чтобы вызывать охоту к повторению таких авантур»². Опыт вьетнамского народа, нанесшего жестокое поражение мощной

военной машине американского империализма, безусловно, заслуживает самого пристального изучения.

В этой связи привлекает к себе особое внимание недавно изданная на русском языке книга члена Политбюро Коммунистической партии Вьетнама³, министра национальной обороны СРВ Ван Тиен Зунга, посвященная заключительному этапу многолетней героической борьбы вьетнамского народа против сил империализма и внутренней реакции*. Автор был активным участником описываемых событий, одним из руководителей операции по освобождению Сайгона, что придает книге дополнительный интерес.

27 января 1973 г. было подписано Парижское соглашение по Вьетнаму. В соответствии с ним США должны были прекратить агрессивную войну во Вьетнаме и вывести все свои войска и войска стран-союзников из Южного Вьетнама. Парижское соглашение по Вьетнаму явилось большой победой вьетнамского народа и серьезным поражением американских империалистов. Соглашение ознаменовало собой поворотный пункт в революционной борьбе вьетнамского народа, открыло новый этап в истории южновьетнамской революции, — этап завершения национальной народно-демократической революции и воссоединения Родины. Однако США и их сайгонские марионетки всечески стремились сорвать достигнутую договоренность, пытались уничтожить воору-

³ До декабря 1976 г. — Партия трудящихся Вьетнама (ПТВ).

* Ван Тиен Зунг. Великая победа весной семидесят пятого. Мемуары. Пер. с вьет. М., Воениздат, 1980, 247 с., с илл. и схемами.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М., 1978, с. 159.

² Там же, с. 591.

женные силы и революционные организации в Южном Вьетнаме. В этих условиях XXI пленум ПТВ (октябрь 1973 г.) принял решения, суть которых сводилась к следующему: противник не выполняет Парижское соглашение, осуществляет политику «вьетнамизации» войны. Вьетнамскому народу ничего не остается, как вести революционную войну, с тем чтобы уничтожить врага и освободить Южный Вьетнам (с. 13).

Автор подробно рассказывает о серии политических и военных мероприятий, предшествовавших заключительному этапу борьбы вьетнамского народа. Особый интерес представляет описание важного совещания в Политбюро ЦК ПТВ, проходившего 18 декабря 1974 г. — 8 января 1975 г. Кроме членов Политбюро ПТВ (все они выступили на заседаниях), на совещании присутствовали командующие и комиссары фронтов, члены Военного комитета при ЦК ПТВ, заместители начальника Генерального штаба. Проанализировав внутривнутриполитическое и международное положение Вьетнама, Политбюро ЦК ПТВ приняло стратегический план на 1975—1976 гг. Согласно плану в 1975 г. необходимо было развернуть повсеместное наступление и одновременно готовить условия для организации в 1976 г. генерального наступления и всеобщего восстания с целью полного освобождения Южного Вьетнама. Одновременно Политбюро ЦК ПТВ разработало запасной план, суть которого была в том, что в случае благоприятного развития событий необходимо освободить Южный Вьетнам еще в 1975 г. (с. 28). Политическое руководство Вьетнама правильно оценило возможную реакцию США в случае военного поражения Сайгона: оно исходило из убеждения, впоследствии подтвердившегося ходом событий, что Вашингтон не сможет вновь ввести свои войска в Южный Вьетнам (с. 22).

При подготовке к заключительному этапу войны вьетнамскому политическому и военному руководству пришлось решить, помимо чисто оперативных, массу сложнейших проблем. Например, в связи с отдаленностью стратегического тыла — социалистического Севера Вьетнама — от театра военных действий необходимо было создать мощную систему коммуникаций, иметь современные транспортные средства, обеспечивающие бесперебойную доставку войск, продовольствия, оружия и боеприпасов на фронт. Необходимо было построить в сжатые сроки систему дорог с большой пропускной способностью. А всего, сообщает автор, за годы войны на Юге в труднейших условиях боевых действий было проложено более 20 тыс. км военных дорог стратегического и оперативного назначения, что потребовало настоящие героических усилий (с. 17). Достаточно сказать, что вдоль созданной к весне 1975 г. линии снабжения на 5 тыс. км протянулся с севера на юг нефтепровод, позволявший безотказно снабжать войска горючим.

Ранней весной 1975 г. по позициям марionеточных войск в районе Тайнгусен был нанесен сильнейший удар, резко изменивший всю политическую и военную ситуацию в

Южном Вьетнаме. Марionеточные войска потерпели в этом районе сокрушительное поражение и оставили свои позиции. Поражение на фронте повлекло за собой политический хаос в Сайгоне. Уже в марте 1975 г. Политбюро ЦК ПТВ констатировало резкое изменение обстановки в Южном Вьетнаме и нацелило военное командование на скорейшее освобождение Сайгона. 25 марта 1975 г. Политбюро ЦК ПТВ приняло решение реализовать стратегический план освобождения Южного Вьетнама уже в ближайшие месяцы. При этом политическому руководству Вьетнама постоянно приходилось держать в поле зрения возможные контрмеры со стороны Вашингтона. И хотя вьетнамские руководители были уверены в том, что возможность нового вступления в войну потерпевших во Вьетнаме серьезнейшее военное и политическое поражение США исключена, они знали, что даже вмешательство Вашингтона, если оно и произойдет, уже не сможет изменить ход событий (с. 149).

Начало генерального наступления на Сайгон было твердо ограничено последней декадой апреля 1975 г. Этот срок был продиктован не только военно-политической ситуацией в Южном Вьетнаме, но и близостью наступавшего сезона дождей, во время которого проведение крупной наступательной операции с применением тяжелого оружия крайне затруднительно. 14 апреля 1975 г. Политбюро ЦК ПТВ приняло решение присвоить Сайгонской операции наименование операция «Хо Ши Мин».

Автор подробно описывает подготовку операции «Хо Ши Мин», в ходе которой было необходимо в кратчайшие сроки решить множество оперативных, политических, экономических проблем — от переброски в район Сайгона больших масс войск и военной техники до организации взаимодействия с сайгонскими подпольщиками. При этом необходимо было планировать военные действия таким образом, чтобы не нанести ущерба многомиллионному населению города. 26 апреля 1975 г. операция «Хо Ши Мин» началась ударом с пяти направлений по позициям марionеточных войск. Характерно, что даже в этот момент продолжалась борьба за власть в сайгонской верхушке: 28 апреля пришел к власти Зыонг Ван Минь, очередной и на этот раз последний «президент» сайгонской марionеточной республики. 29 апреля началось всеобщее наступление на Сайгон, а уже через сутки, утром 30 апреля, флаг революции был поднят над «Дворцом независимости», полная победа была достигнута.

Этой победы вьетнамскому народу удалось добиться в результате долгой и кровопролитной войны. Тридцать лет он вел борьбу за осуществление своих национальных чаяний. В ее ходе он поочередно нанес сокрушительные военные поражения французским колонизаторам и американским империалистам. А силы их, брошенные против Вьетнама, были велики. Достаточно сказать, что в кульминационный момент агрессии против Вьетнама США использовали 60 % своей пехоты, 58 % морской пехоты, 32 % так-

тической и 50 % стратегической авиации, сотни тысяч солдат, более миллиона солдат маршевой армии (с. 220). Несмотря на всю эту брошенную против него военную мощь, вьетнамский народ, его славные вооруженные силы смогли отстоять свободу и независимость своей Родины, добиться ее воссоединения. Они доказали, что способны нанести сокрушительное поражение любому агрессору.

Полезный сборник документов

Советское корееведение добилось значительного прогресса в исследовании различных проблем корейской истории и современности. Одним из основных направлений исторических исследований советских ученых является изучение вопросов развития Кореи после ее освобождения от длительного колониального ига Японии. Важное место в трудах советских корееведов занимают исследования процесса возникновения и упрочения новой социалистической формации в северной части страны — коренных революционных преобразований в политической, социально-экономической и культурной сферах еще в недалеком прошлом бесправной, угнетенной колонии, которую японские империалистические «цивилизаторы» грабили варварски, «с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских»¹. В работах советских авторов раскрывается значение пролетарского интернационализма для успешного строительства социализма в Корейской Народно-Демократической Республике — позитивная роль интернациональной помощи социалистических стран в деле национального возрождения Кореи и превращения некогда отсталой колонии в политически независимое, индустриально развитое социалистическое государство.

Иной подход у буржуазных социологов к оценке бескорыстного, товарищеского содействия социалистических стран народной Кореи. Преследуя известные политические цели, они вопреки историческим фактам грубо извращают действительное положение вещей, пытаются скомпрометировать прогрессивный характер политической, дипломатической и материальной помощи КНДР со стороны Советского Союза. Буржуазные ученые преднамеренно искажают ту очевидную истину, что национальные права и достоинство корейского народа не могут ущемляться интернациональной дружбой и помощью социалистических государств: будучи органически присущи их социальной природе, они всемерно спо-

собствуют подъему его национального самосознания и независимому прогрессивному развитию, росту международного авторитета КНДР.

Ю. М. Рякин

собствуют подъему его национального самосознания и независимому прогрессивному развитию, росту международного авторитета КНДР.

В этой связи весьма актуальным явилось издание сборника документов «Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980»^{*}, подготовленного Институтом востоковедения АН СССР, Главным архивным управлением при Совете Министров СССР и Историко-дипломатическим управлением МИД СССР.

В сборник, являющийся первым столь полным собранием материалов по данной тематике, вошли наиболее важные документы (некоторые из них ранее не публиковались), охватывающие отношения Советского Союза с народной Кореей за три с половиной десятилетия и показывающие, как формировался их договорно-правовой фундамент — основа развития равноправного советско-корейского сотрудничества в различных областях. Это договоры, соглашения и другие договорные акты; совместные заявления, коммюнике и сообщения о переговорах партийно-правительственных и иных делегаций; речи советских и корейских партийных и государственных деятелей; послания, обращения, телеграммы руководителей двух стран; документы общественных организаций и другие материалы.

Многочисленные документальные материалы сборника, несомненно, будут способствовать правильному пониманию событий, связанных с освободительной миссией Советской Армии в Корею; характера интернациональной помощи СССР в деле отражения империалистической агрессии 1950—1953 гг., восстановления и укрепления экономического потенциала и строительства социализма в КНДР, существа равноправного союза двух братских народов и стран; позиции Советского Союза в вопросах урегулирования корейской проблемы и мирного объединения разделенной страны.

Материалы сборника убедительно свидетельствуют о том, что многогранное сотрудничество между СССР и КНДР представляет собой образец равноправных и взаимовыгодных отношений, основанных на принципах пролетарского интернационализма. Они охватывают все стороны жизнедеятельности народов и партий обеих стран. Документы сборника позволяют составить ясную картину того, что Совет-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 61.

^{*} Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980. Документы и материалы. М., «Наука», 1981, 424 с.

ский Союз всегда выступал в отношении с КНДР с позиций полного равноправия, что советско-корейские связи в политической и иных областях порождались обоюдной волей и заинтересованностью народов и партий двух государств.

В этом есть своя закономерность. Корейский народ, находившийся в течение 40 лет под игом японского империализма, в условиях жестокого гнета и репрессий мужественно боролся за свободу и национальную независимость. Документы сборника показывают, что эта борьба увенчалась успехом благодаря интернациональной помощи Страны Советов в августе 1945 г. Советская Армия, начав одновременное наступление против японских войск в Северо-Восточном Китае и Корее, в короткие сроки разгромила Квантунскую армию — главную сухопутную силу империалистической Японии. В боевых операциях по освобождению Кореи, как свидетельствуют документы и комментарии сборника, участвовали соединения 25-й армии под командованием И. М. Чистякова и части Тихоокеанского флота под командованием адмирала И. С. Юмашева, которые, проявляя самоотверженность и массовый героизм, к концу августа 1945 г. завершили разгром японских войск в Северной Корее. В течение августа и сентября 1945 г. Советской Армией были разрушены и взяты в плен все японские войска, жандармерия и полиция, упразднен аппарат японского колониального господства в северной части страны. Таким образом Корея перестала быть колонией Японии, и корейский народ стал хозяином своей собственной судьбы. День 15 августа 1945 г., когда японские войска в Корее капитулировали, стал праздником корейского народа — Днем Освобождения. Чтя память погибших советских воинов, корейский народ воздвиг во многих городах Северной Кореи памятники своим освободителям; в КНДР была учреждена медаль «За освобождение Кореи», которой награждались воины Советской Армии, участвовавшие в освобождении Кореи. «Героическая Красная Армия Советского Союза, — отмечал в декабре 1945 г. товарищ Ким Ир Сен, — изгнав с территории нашей родины японских империалистов, принесла корейскому народу свободу и независимость. Перед освобожденным корейским народом открылся путь к светлому будущему»².

С первых дней освобождения Кореи Советское правительство последовательно проводило курс на восстановление Кореи как единого, демократического, независимого государства, что полностью соответствовало чаяниям корейского народа. Эта принципиальная позиция Советского Союза убедительно подтверждается вошедшими в сборник документами Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании по Корее (декабрь 1945 г.), материалами о деятельности делегации СССР в Совместной советско-американской комиссии по Корее (1946—1947 гг.), заявлениями правитель-

ства СССР, представителей СССР в ООН и других международных организациях этого периода.

После образования Корейской Народно-Демократической Республики (сентябрь 1948 г.) Советский Союз продолжал оказывать ей всемерную помощь и поддержку. Верный ленинским принципам интернационализма, СССР первым признал молодое государство рабочих и крестьян на корейской земле и установил с ним дипломатические отношения (октябрь 1948 г.). В письме Председателя Совета Министров СССР Председателю Кабинета Министров КНДР по этому поводу подчеркивалось, что «Советское правительство, неизменно отстаивающее право корейского народа на создание своего единого, независимого государства, приветствует образование корейского правительства и желает ему успехов в его деятельности на пользу национального возрождения и демократического развития Кореи» (док. 30). Эта акция СССР положила начало международному признанию КНДР, упрочила внешнеполитическое положение республики как суверенного государства и явилась историческим событием, которое подняло на новую ступень традиционную дружбу советского и корейского народов. Открылись новые возможности для широкого политического, экономического и культурного сотрудничества двух стран.

Обоюдное стремление СССР и КНДР к активизации контактов и связей по всем направлениям было вскоре реализовано в первом в истории Кореи равноправном соглашении об экономическом и культурном сотрудничестве от 17 марта 1949 г. (док. 34) и в ряде последующих двусторонних договоров и соглашений. Принципиально новый характер взаимоотношений СССР и КНДР нашел отражение в советско-корейском Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 июля 1961 г., фундаментом которого являются принципы полного равенства, взаимного уважения, товарищеской помощи и поддержки (док. 87).

В заявлении правительства КНДР при подписании договора отмечалось, что последний «имеет добрые намерения обеспечить мир и безопасность на Дальнем Востоке и во всем мире и еще более укреплять нерушимую дружбу и сплоченность народов Кореи и Советского Союза, основанные на принципах социалистического интернационализма» (док. 88). Советско-корейский договор 1961 г. отвечает коренным интересам народов обоих государств, делу укрепления мира и безопасности в Корее и на Дальнем Востоке, задачам совместной борьбы против агрессивных происков империализма. Таким образом, как свидетельствуют документы сборника, был заложен прочный договорно-правовой фундамент дружественных отношений наших стран. Все эти базирующиеся на принципах пролетарского интернационализма соглашения всемерно способствовали и способствуют развитию связей СССР и КНДР в различных областях политики, экономики и культуры.

² Ким Ир Сен. Избр. произв., т. 1. Пхеньян, 1970, с. 11.

Прошедшие годы наглядно показали плодотворность тесного взаимодействия наших государств и во время суровых испытаний, и в период мирного созидательного труда. Верный интернациональному долгу, Советский Союз оказал КНДР большую политическую, дипломатическую и материальную поддержку в деле отражения вооруженной империалистической агрессии 1950—1953 гг. «Огромная бескорыстная помощь и поддержка советского народа корейскому народу, — отмечал товарищ Ким Ир Сен по случаю подписания Соглашения о перемирии в Корее, — служит одним из главных факторов нашей победы в трехлетней тяжелой войне в защиту свободы и независимости своей родины, против американских агрессоров» (док. 49).

Солидарность наших народов проявилась и в мирное время — в период восстановления разрушенного народного хозяйства демократической Кореи. СССР помог народной Корее в реконструкции и развитии ее экономики. Только в 1953 г. правительство СССР предоставило КНДР безвозмездную помощь в размере 1 млрд. руб. (в старом исчислении) для нужд народного хозяйства республики (док. 50). Всего в 1953—1980 гг. при экономическом и техническом содействии СССР в КНДР было реконструировано и сооружено около 60 важных для республики промышленных и других объектов. Эти предприятия заложили основу национальной экономики республики, обеспечили быстрые темпы развития промышленности, сельского хозяйства, повышения благосостояния населения. Материалы сборника подтверждают, что и сегодня советско-корейские связи в сфере экономики и культуры, науки и техники, здравоохранения и спорта продолжают совершенствоваться и углубляться на благо народов обоих государств, содействуя решению задач социалистического и коммунистического строительства в наших странах.

Документы сборника широко освещают также деловые контакты по партийной линии, обмен опытом работы КПСС и ТПК в различных областях, связи между парламентами и общественными организациями наших стран.

Особую роль в динамике советско-корейских отношений, как это хорошо видно из материалов сборника, играют контакты и встречи между партийными и государственными руководителями СССР и КНДР. Прошедшие десятилетия отмечены взаимными визитами на высоком уровне. Новый импульс упрочению отношений между нашими двумя странами и партиями дала состоявшаяся в мае 1980 г. встреча товарищей Л. И. Брежнева и Ким Ир Сена, на которой были рассмотрены вопросы советско-корейского сотрудничества (док. 185). Пути дальнейшего совершенствования связей между СССР и КНДР в конкретных областях сотрудничества были обсуждены на встрече члена Политбюро ЦК КПСС,

Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с участвовавшей в работе XXVI съезда КПСС делегацией ТПК во главе с членом Президиума Политбюро ЦК ТПК, премьером Административного совета КНДР Ли Ден Окком³.

Важным моментом внешнеполитического взаимодействия советского и корейского народов является постоянная солидарность Советского Союза со справедливой борьбой КНДР за мирное решение корейского вопроса. Многочисленные документы сборника показывают, что на всех этапах этой борьбы СССР последовательно поддерживал и ныне поддерживает многолетние усилия КНДР, направленные на мирное объединение Кореи. Эта принципиальная позиция Советского Союза определяется интернационалистской политикой КПСС, всей классовой сущностью отношений между советским и корейским народами. Товарищ Л. И. Брежнев отметил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, что «Советский Союз солидарен с борьбой Корейской Народно-Демократической Республики за мирное демократическое объединение родины без вмешательства извне и стремится углублять и обогащать связи с ней»⁴.

Документы сборника свидетельствуют о том, что солидарность и дружба народов наших стран прошли хорошую проверку временем. Они основаны на общности интересов советского и корейского народов, идущих по пути строительства социализма и коммунизма. Эта общность остается главным фактором дальнейшего развития сотрудничества между СССР и КНДР, фактором обеспечения мира и безопасности в Корее и на Дальнем Востоке. «Традиционные отношения дружбы и сотрудничества между нашими партиями, государствами и народами, — отмечалось в приветствии советских руководителей по случаю 35-й годовщины освобождения Кореи, — будут неуклонно развиваться на основе идей марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма на благо народов наших стран, в интересах совместной борьбы против империализма и реакции, за торжество великого дела социализма и коммунизма» (док. 188).

Представляется, что сборник «Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980» будет полезным источником для ученых, специалистов-международников и широкого круга читателей, интересующихся вопросами советско-корейских отношений.

П. И. Ольгин

³ См.: «Правда», 5.III.1981.

⁴ «Правда», 24.II.1981.

На XXVII Европейском конгрессе китаеведения

Очередной, XXVII Европейский конгресс китаеведения проходил с 31 августа по 5 сентября 1980 г. в швейцарском городе Цюрихе. По поручению Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК) он был организован сотрудниками восточноазиатского семинара при Цюрихском университете под руководством профессора Р. Крамера.

В работе конгресса приняло участие около 130 делегатов из стран Европы и свыше 10 наблюдателей с других континентов (окончательный список участников не был опубликован). Наибольшее число делегатов, по 20—30 человек, прибыло из Франции, ФРГ и Италии. Англия на этот раз была представлена лишь 4 участниками, немногочисленными были и группы китаеведов из остальных стран Западной Европы. КНР на этот раз представляли два историка, сотрудники Академии общественных наук в Пекине (согласно уставу ЕАК, представители КНР пользуются особым статусом — не будучи членами ассоциации, они могут выступать с докладами и участвовать в прениях).

Из социалистических стран Европы на конгрессе были представлены Болгария,

Венгрия, ГДР, Польша и Чехословакия. Советская делегация состояла из пяти ученых: члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского, доктора исторических наук В. А. Кривцова, доктора филологических наук В. М. Солнцева, доктора филологических наук В. Ф. Сорокина и доктора экономических наук В. И. Шабалина. Намечавшаяся поездка группы советских китаеведов для участия в конгрессе в качестве наблюдателей не состоялась по независящим от советской стороны причинам.

Общая тема конгресса была определена достаточно широко: «Преемственность и изменения в Китае». По сложившейся традиции допускались доклады и на темы, непосредственно с главной не связанные. Поэтому в ходе секционных и пленарных заседаний, длившихся три с половиной дня, было заслушано и обсуждено 30 научных сообщений по обширному кругу проблем, 11 сообщений и тезисов были розданы участникам в письменном виде.

Конгресс открыл Р. Крамер, выступивший с «Предварительными замечаниями по общей теме». Другой цюрихский ученый, Н. Майнбергер, прочитал доклад «Большая трансформация Китая: от Средней империи к нации среди наций». Как показали его ответы на заданные делегатам вопросы, докладчик не считает эту трансформацию завершённой. На пленарном заседании выступил также Цюй Тунцзу (Пекин) с выдержанным в академическом духе докладом «Анализ преемственности и изменений в цинском законодательстве».

Предполагалось выступление и другого представителя КНР, Хуан Ле, однако его доклад «О слиянии национальностей в истории Китая», в котором излагалась современная официальная версия об иконном многонациональном характере китайского государства, был роздан в письменном виде. В выступлении Х. Шютте (Гамбург) на тему «Формирование и демонтаж историографической ортодоксии» было указано на политические аспекты проходивших среди историков КНР дискуссий по вопросам периодизации истории Китая.

Пленарное заседание почтило память недавно скончавшихся маститых китаеведов П. Демьевиля (Франция), Б. Карлгрена (Швеция) и Я. Прушека (ЧССР).

В дальнейшем работа конгресса проходила как на общих заседаниях, так и в трех секциях (истории и социальных наук, литературы, лингвистики). Вопросам древней истории были посвящены доклады М. Лёве (Кембридж) о манускриптах, найденных в гробнице Маваньдуй, и С. Кучеры (ИВ АН СССР) о некоторых проблемах археологического прошлого Тайваня. Идеология и социальная история средневекового Китая стали предметом анализа в докладах Э. Цюрхера (Лейден) о ранних следах взаимодействия буддизма и даосизма, Э. Глан (Орхус) на тему «Государство и ремесленники в Сунском Китае» и др. Экономическим и социально-политическим аспектам современной китайской действительности были посвящены выступления С. ван дер Спренкел (Лидс) о нынешнем отношении к законам в КНР, Х. Бёкмманна (Осло) об «изменениях способа производства» в Тайском национальном районе провинции Юньнань и некоторые другие.

Современная тема доминировала и на секции литературоведения. В докладах А. Долежаловой (Братислава), И. Шумахера (Цюрих), Гуань Юйцзяня (Гамбург), И. фон Зенгера (Цюрих) были проанализированы различные стороны литературного процесса последних лет в связи

с политической ситуацией в Китае. Вопросам классической культуры посвятили свои выступления польский синолог Р. Славинский (анализ и перевод стихотворения Ван Вэя о живописи) и голландский ученый В. Идема, говоривший о творчестве драматурга XV в. Чжу Юдуня.

На секции лингвистики с докладами по отдельным вопросам грамматики китайского классического и современного языка выступили Г. Мальмквист (Стокгольм), А. Пейроб (Париж), Р. Гассманн (Цюрих) и другие исследователи.

Советские китаеведы выступили на конгрессе с четырьмя докладами. Большой интерес участников вызвал доклад М. И. Сладковского «Некоторые аспекты социально-экономического развития Китая», в котором было указано на тяжелое экономическое положение страны и на использование программы «модернизации» для увеличения военного потенциала вместо решения главных проблем китайского общества — незанятости миллионов людей, отсталости сельскохозяйственного производства и т. д. В докладе В. А. Кривцова «Стратегемы в политике Китая: традиция и современность» было показано, что стратегемы были присущи политике Китая на протяжении двух с половиной тысяч лет и продолжает использоваться пекинским руководством в его действиях внутри страны и на международной арене. Доклад В. М. Солнцева был посвящен проблемам факультативности грамматических показателей в китайском языке. В выступлении В. Ф. Сорокина, связанном с приближающимся столетним юбилеем Лу Синя, обращалось внимание на особенности подхода писателя к оценке исторических и культурных традиций в их диалектической связи с злободневными проблемами. Кроме того, доклады В. И. Шабалина («К вопросу о создании «новой экономической системы» в КНР») и Л. М. Гудошникова («Современное китайское законодательство: нормы и реальность») были распространены в виде тезисов.

Большинство докладов вызвали оживленный обмен мнениями, как правило проходивший в спокойной и деловой атмосфере.

В ходе работы конгресса состоялись рабочие совещания по трем осуществляемым ЕАК научным проектам. Было констатировано, что сравнительно успешно продвигается работа по двум из них — составлению индекса к даосскому религиозному своду «Даоцзан» (руководитель — К. Шиппер) и написанию пятитомного аналитического справочника произведений китайской литературы первой половины нашего века (координатор — Г. Мальмквист), в котором принимают участие и советские китаеведы. Состоялась также первая конференция по проекту «Государство в Китае» (председатель оргкомитета — С. Шрамм). Было отмечено, однако, что в работе над проектом до сих пор практически не имели возможности принять участие синологи социалистических стран.

В соответствии с уставом состоялась Генеральная ассамблея Европейской ассо-

циации китаеведения, на которой были проведены выборы нового состава Правления ассоциации в количестве 24 членов. Новым президентом Ассоциации был избран Г. Мальмквист (Швеция), вице-президентами — И. Эрвует (Франция) и В. Ф. Сорокин, генеральным секретарем — К. Шиппер (Франция). В состав Бюро правления вошли также Л. Ланчотти (Италия), Р. Фельбер (ГДР) и Б. Штайгер (ФРГ).

Единогласно были избраны три почетных члена Ассоциации — член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский, профессор А. Хулсве (Голландия) и профессор В. Саймон (Англия).

Вновь избранное правление обсудило ряд организационных и финансовых вопросов. Принято решение о том, что следующий конгресс ЕАК состоится в 1982 г. в английском университетском городе Кембридже.

*В. Ф. Сорокин,
доктор филологических наук*

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

К 60-летию В. А. Кривцова

18

апреля 1981 г. известному советскому китаеведу доктору исторических наук, профессору Владимиру Алексеевичу Кривцову исполнилось 60 лет. Он родился в Москве в семье рабочего. На китайском отделении Московского института востоковедения В. А. Кривцов изучал язык, историю, культуру Китая. Он закончил институт в 1949 г., в год создания Китайской Народной Республики. Это и определило дальнейшее поле деятельности молодого китаеведа: начиналось строительство нового типа государственных отношений между нашей страной и Китаем, для этого требовались высококвалифицированные дипломаты. В. А. Кривцов начинает работу в Министерстве иностранных дел СССР и через год, в 1951 г., становится сотрудником Посольства СССР в КНР.

В 1958 г. В. А. Кривцов успешно заканчивает Высшую дипломатическую школу МИД СССР и возвращается на дипломатическую работу. В 1958—1960 гг. он — первый секретарь Посольства СССР в Японии, а в 1960—1962 гг. — генеральный консул в Шанхае, в 1963—1966 гг. — советник Посольства СССР в КНР. В течение долгих лет работы в Китае и Японии В. А. Кривцов внимательно изучает один из главнейших компонентов китайской культуры — эстетическую мысль древнего и средневекового Китая. Это и явилось темой кандидатской диссертации, которую он защитил в 1963 г.

Ныне, когда список научных трудов доктора исторических наук, профессора В. А. Кривцова включает около 90 работ, когда его имя пользуется заслуженным авторитетом в кругах научной общественности в нашей стране и за рубежом, мы можем с уверенностью выделить ряд главных направлений, характеризующих его вклад в развитие советского китаеведения.

В. А. Кривцов является одним из ведущих специалистов в области истории общественной мысли Китая. Он принимает самое активное участие в идейной борьбе против маоизма, создал цикл работ, вскрывающих генетические особенности маоизма, его связь с традиционной китайской философией, с националистической идеологией китайской буржуазии. Характеристика маоизма как политического и общественного явления дана В. А. Кривцовым в подготовленных им разделах таких признанных трудов, как «Критика теоретических концепций Мао Цзэдуна» (М., 1970), «Идейно-политическая сущность маоизма» (М., 1977), «Маоизм: проблема идейных истоков» (М., 1977), «Маоизм после Мао» (М., 1980).

Глубокое знание китайской политической культуры, традиционных политических концепций и методов управления отличает исследования В. А. Кривцова в области современной китайской политики. Изучая внутриполитическую жизнь современного китайского общества в различных ее проявлениях, взаимосвязь внутренней и внешней политики Китая, В. А. Кривцов особое внимание уделяет стратегии пекинских лидеров на международной арене.

Диапазон научных интересов В. А. Кривцова необычайно широк. Его по-прежнему привлекают проблемы культуры Китая, китайской эстетики, истории китайской живописи, литературы, классической философии. Он участвует в подготовке хрестоматии по древней китайской философии («Древнекитайская философия. Собрание текстов». М., 1972), где опубликован его перевод конфуцианского канона «Лунь юй», выступает со статьями о средневековых китайских художниках и с монографией о выдающемся китайском коммунисте-интернационалисте Ли Дачжао.

Наконец, под руководством и при непосредственном участии В. А. Кривцова создается цикл работ, исследующих проблемы социальной и этнической психологии китайцев. В этой области широко раскрывается стремление ученого к поискам нового, его умение ставить и разрабатывать задачи, находящиеся на стыке отраслей знания, использовать в китаеведении методики других общественных дисциплин.

Начав свою преподавательскую деятельность на курсах стажеров при Посольстве СССР в КНР в 1951—1952 гг., В. А. Кривцов неустанно продолжает подготов-

ку дипломатических и научных кадров высшей квалификации. Он руководит аспирантами, готовящими диссертации по внешней и внутренней политике современного Китая, читает лекции слушателям Дипломатической академии СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Много сил В. А. Кривцов отдает научно-организационной и общественной работе. Он является заместителем директора Института Дальнего Востока АН СССР и членом редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока». В качестве заместителя председателя правления Общества советско-китайской дружбы В. А. Кривцов постоянно руководит деятельностью общества, направленной на воспитание уважения к китайскому народу, его истории, культуре, революционным традициям. Немаловажен его вклад и в деятельность Общества советско-японской дружбы, членом правления которого он является. В. А. Кривцов — активный участник советско-японских конференций «Круглого стола». Делу укрепления мира и международной солидарности ученых в борьбе за мир посвящена и его деятельность в Пагуошском движении.

Идеи интернационализма, необходимости мира и разрядки международной напряженности В. А. Кривцов последовательно отстаивает на международных форумах китаеведов, а также в своей работе в качестве члена Бюро Европейской ассоциации китаеведения.

В. А. Кривцов отдает много сил и энергии укреплению дружественных связей между советским и китайским народами. Его плодотворные усилия в этих областях неоднократно отмечались правительственными наградами.

За успехи в развитии общественных наук и подготовке научных кадров и в связи с шестидесятилетием со дня рождения 24 апреля 1981 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР В. А. Кривцов был награжден орденом Дружбы народов.

Научная общественность желает Владимиру Алексеевичу Кривцову многих лет дальнейшей исследовательской, научно-организаторской, педагогической и общественной деятельности на благо нашей социалистической Родины.

К 75-летию А. М. Дубинского

В этом году научная общественность отметила 75-летие доктора исторических наук, профессора, высококвалифицированного исследователя истории международных отношений на Дальнем Востоке Александра Марковича Дубинского.

А. М. Дубинский родился 11 февраля 1906 г. Свою педагогическую и научную деятельность начал в 1938 г. в Саратовском университете после завершения учебы в Московском институте истории, философии и литературы. В 1939—1942 гг. выхоят его первые печатные работы.

Период 1944—1967 гг. в жизни А. М. Дубинского связан с педагогической и научной деятельностью в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

В послевоенные годы вышел из печати ряд его монографий, в том числе «Война на Тихом океане», «Китай. 1918—1949», «Народная антинимпериалистическая и антифеодалная революция в Китае», «Развитие капитализма в Индии во второй половине XIX в.» и др. В капитальном труде «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)», появившемся в свет в 1951 г., его перу принадлежит глава «Международные отношения на Дальнем Востоке в период войны на Тихом океане (1941—1945)».

В 50—60-х годах А. М. Дубинский участвовал в написании глав и разделов для коллективных изданий — «Всемирной истории», «Новейшей истории», «Истории международного рабочего и национально-освободительного движения», он автор монографии «Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке».

В 1980 г. вышла книга А. М. Дубинского «Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937—1945 гг.», в которой ярко показана помощь Советского Союза Китаю в годы борьбы против японской агрессии.

С 1967 г. А. М. Дубинский — старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР. Он один из авторов редколлегии книги «Внешняя политика КНР. О сущности внешнеполитического курса современного китайского руководства» (1971). В течение длительного времени А. М. Дубинский является членом Ученых советов Высшей партийной школы при ЦК КПСС и Института Дальнего Востока АН СССР, Научного совета Отделения истории АН СССР по проблеме «Международные отношения и внешняя политика СССР», Национального Тихоокеанского комитета (Академия наук СССР), редколлегии ежегодника «Китайская Народная Республика», авторского коллектива ряда томов «Истории второй мировой войны 1939—1945», редколлегии ее XI тома, редакционных советов издательств «Мысль» и «Прогресс».

Коллектив ученых Института Дальнего Востока АН СССР и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» желают Александру Марковичу крепкого здоровья и дальнейших успехов в его научно-исследовательской деятельности.

ЧИТАЙТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА ЖУРНАЛ

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА»

Основная задача журнала — освещать политику Советского Союза на Дальнем Востоке, направленную на укрепление мира и безопасности в этом районе.

На страницах журнала находят отражение вопросы экономики, политики, идеологии, истории, культуры стран и народов Дальнего Востока.

Значительное место в журнале отводится социалистическим странам Дальнего Востока, их экономическим достижениям и росту их международного авторитета, борьбе СССР и этих стран против политики империалистических государств в данном районе.

Широко освещаются в журнале проблемы Китая, переживающего сейчас трудный период.

Издание журнала, который выходит на русском, английском, японском и испанском языках, вызвано растущим интересом советской и зарубежной общественности к проблемам Дальнего Востока.

Вы можете подписаться на журнал в любое время и получить его с очередного номера.

Периодичность журнала — 4 номера в год.

Подписная цена на год — 2 руб.

Индекс 70758.

Сдано в набор 8.IV.1981 г. Подписано в печать 26.V.1981 г. А-11316
Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 6,25. Печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 20,55
Изд. № 33878 Заказ 894. Цена 50 коп. Тираж 19 162 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов, Московской области